

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

П. Новгородцевъ. Памяти Куно-Фишера.	В. Чижъ. Императоръ Павелъ I.
Г. Челпановъ. Обь отношеніи психологіи къ философіи.	Вл. Перцевъ. Теорія эволюціи и философія исторіи Гердера.
Л. Лопатинъ. Физикъ-идеалистъ. (Памяти Н. И. Шишкина).	Д. Викторовъ. Законъ жизненнаго ряда.
П. Новгородцевъ. Кризисъ современнаго правосознанія.	Критика и библиографія.
	I. Обзоръ книгъ.
	II. Библиографическій листокъ.
	III. Обзоръ журналовъ.
	Полемика.

МОСКВА.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. Пименовская ул., соб. д.
1907.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВИИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XVIII.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

Книга IV (89).

СЕНТЯБРЬ-ОКТАБРЬ—1907 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и №.
Цименовская ул., соб. дѣль.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Памяти Куно-Фишера. П. Новгородцева	V
<hr/>	
✓ Обь отношеніи психологіи къ философіи. Г. Челпанова .	309
Физикъ-идеалистъ. (Памяти Н. И. Шишкина.) Л. Лопатина.	324
Кризисъ современнаго правосознанія. (Продолженіе.) П. Нов- городцева	367
<hr/>	
Императоръ Павелъ I. (Продолженіе.) В. Чижа	391
Теорія эволюціи и философія исторіи Гердера. Вл. Перцева.	469
Законъ жизненнаго ряда. Д. Викторова	504
<hr/>	
Критика и библиографія.	
I. Обзоръ книгъ.	
Э. Васманнъ. S. I. Итоги сравнительной психологіи. Ч. I.	
Инстинктъ и разумность въ царствѣ животныхъ.	
Ч. II. Сравнительныя изслѣдованія душевной жи- зни муравьевъ и высшихъ животныхъ. Переводъ съ нѣм. В. А. Караваева съ дополненіемъ переводчика «Зоопсихологическіе взгляды В. Вагнера». Кіевъ. Ст. 524.	
Ц. 3 р. 50 к. В. Зѣньковскаго	534
А. Д. Гуляевъ. Этическое ученіе въ „Мысляхъ“ Паска- ля. Л. Лопатина	545
II. Библиографическій листокъ.	
III. Обзоръ журналовъ.	
Archiv für Geschichte der Philosophie. Neunzehnter Band.	
Neue Folge. XII Band V. 1905—1906 г.	555
Jahresbericht über sämtliche Ercheinungen auf dem Gebiete der Geschichte der Philosophie	563
Jahresbericht über Neuerscheinungen aus dem Bereiche der arabischen Philosophie von M. Horten. Н. Ани- кіева	576
Полемика. Письмо въ редакцію. П. Новгородцева	581
Объявленія.	

Памяти Куно Фишера.

† 22 іюня 1907 года.

Вѣсть о кончинѣ знаменитаго историка философіи, глубоко-опечалившая его многочисленныхъ почитателей и учениковъ, не была неожиданной для тѣхъ, кто слѣдилъ за его дѣятельностью. Съ тѣхъ поръ, какъ изъ Гейдельберга пришло извѣстіе, что Куно Фишеръ не читаетъ болѣе, всѣ знавшіе его должны были сказать себѣ: Куно Фишеръ близокъ къ смерти. Жить и читать въ университетѣ, жить и учить философіи это было для него одно. Для каждаго, кто слушалъ его, образъ философа-педагога столь неразрывно связывался съ представленіемъ о его личности, что, казалось, для него невозможно было перестать учить ранѣе, чѣмъ онъ перестанетъ жить. „Пока не наступитъ тьма“,—какъ говорилъ своимъ слушателямъ Куно Фишеръ—онъ хотѣлъ „творить“, хотѣлъ читать и учить, и только смерть могла вырвать у него знамя изъ рукъ: „man muss schaffen, solange es licht ist“.

Этой мечтѣ, которую вмѣстѣ съ нимъ раздѣляли и окружающіе, не суждено было осуществиться: прославленный ветеранъ философіи умеръ не на каедрѣ, а въ отставкѣ, къ которой вынудилъ его полный упадокъ силъ. Онъ долженъ былъ принять этотъ покой вынужденнаго бездѣйствія, бывшій для него началомъ конца. Когда лѣтомъ 1903 года, проѣздомъ черезъ Гейдельбергъ, мнѣ пришлось посѣтить заключительную лекцію Куно Фишера, которая оказалась и послѣдней его лекціей, уже былъ замѣтенъ этотъ упа-

докъ силъ. Моментами попережнему вспыхиваль огонь ораторскаго воодушевленія, который такъ отличаль его чтенія, но въ общемъ чувствовались усталость и слабость, неудивительныя, конечно, въ 79 лѣтъ. Онъ читаль одинъ изъ своихъ самыхъ любимыхъ курсовъ—о Фаустѣ Гёте—и закончилъ свои чтенія выраженіемъ надежды, что ему удастся читать объ этомъ „еще разъ подробно“. *Nochmals ausführlich*—эти слова невольно припоминаются мнѣ, какъ свидѣтельство неутомимой энергіи профессора, который не хотѣлъ оставить надежды, что онъ будетъ читать еще и еще, „пока не наступитъ тьма“.

И понятно, что при вѣсти о его кончинѣ у всѣхъ прежде всего возсталъ въ памяти Куно Фишеръ-профессоръ. Его сочиненія, конечно, заслуживаютъ самой высокой оцѣнки; но какъ профессоръ, какъ прирожденный учитель философіи и ораторъ каѳедры, онъ былъ выше своихъ сочиненій. Въ лѣтописяхъ нѣмецкихъ университетовъ слава его преподавательской дѣятельности составитъ одну изъ самыхъ яркихъ страницъ и можетъ быть переживетъ его заслуги, какъ ученаго и писателя. Его сочиненія, и прежде всего восьмитомная „Исторія новой философіи“, во многихъ отношеніяхъ замѣчательны и блестящи. Однако, уже и теперь разработка отдѣльныхъ моментовъ этой исторіи ушла далѣе Куно Фишера и иногда прошла мимо него. Но не скоро появится среди нѣмецкихъ профессоровъ философіи другой Куно Фишеръ, способный превзойти его или хотя бы только сравняться съ нимъ по силѣ чарующаго вліянія на слушателей, по силѣ захватывающаго и дѣющагося воздѣйствія на всѣхъ, кто подчинялся этому очарованію прекрасной мысли, облеченной въ прекрасную форму. Въ концѣ концовъ и самыя особенности его историко-философскихъ изслѣдованій объясняются педагогическими свойствами его таланта. Читателя удивляетъ въ нихъ прежде всего умѣніе сглаживать противорѣчія, разъяснять въ простыхъ терминахъ запутанныя проблемы, дѣлать понятными труднѣйшія философскія построенія. Это плодъ долговременной дѣятельно-

сти прирожденного профессора-педагога: его труды выросли изъ его преподаванія.

И снова вспоминается мнѣ Куно Фишеръ на кафедрѣ. Мнѣ довелось слышать его въ 1890 году и затѣмъ позднѣе въ 1894. Въ то время онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Наступавшая старость не отразилась еще на увлекательномъ краснорѣчии его лекцій. Чисто юношеская свѣжесть голоса, музыкальная ритмичность рѣчи, блестящая ораторская форма прекрасно гармонировали съ значительностью содержанія. И надъ всей этой то спокойно льющейся, то вдохновенно поднимающейся рѣчью господствовала та особая философская мудрость, та углубленность мысли, которая дается проникновеніемъ въ тайны философскаго познанія. Профессоръ говорилъ, и передъ слушателями раскрывалась картина послѣдовательнаго роста философской мысли, ея стройное и какъ бы безпрепятственное и неудержимое стремленіе впередъ, на пути къ раскрытію истины. Безъ скачковъ и перерывовъ, но съ логической неизбѣжностью и строгой послѣдовательностью, такъ какъ это только и могло быть по закону разума, изображалось у него историческое движеніе философіи. Это не была трагедія человѣческихъ исканій съ постоянной неудовлетворенностью вѣчнаго стремленія; это было торжественное шествіе побѣдоноснаго разума, передъ которымъ постепенно раскрываются тайны міра. Паѳосъ гегелевскаго панлогизма, своеобразно преломленный въ мягкой и артистической натурѣ профессора, отражался въ его изложеніи еще бѣльшей послѣдовательностью и какъ бы художественной красотой и законченностью философской эволюціи. Съ особенной силой это проявлялось въ его изложеніи нѣмецкой философіи, которую онъ такъ зналъ и любилъ. На помощь его вдохновенному изложенію приходила въ этомъ случаѣ и нѣмецкая поэзія, изъ которой онъ часто и мастерски декламировалъ философскіе отрывки. И тогда въ особенности его аудиторія переживала тѣ моменты подъема и увлеченія, когда казалось, что надъ нами проносится вѣяніе

великаго духа, раскрывающагося въ исторіи философскаго познанія.

So Sybillen, so Propheten...

произносилъ торжественно профессоръ, и въ общемъ контекстѣ его лекцій казалось, что сивиллы и пророки предвозвѣстили человѣчеству неуклонный путь къ истинѣ и несомнѣнную побѣду разума.

Проходили годы, смѣнялись поколѣнія, а Куно Фишеръ оставался какъ бы предохраненнымъ отъ вліянія времени. Онъ выступилъ впервые на кафедрѣ въ 1850 г., его слушали учителя нашихъ учителей, вслѣдъ за ними и нами слушали его и наши ученики, а Куно Фишеръ оставался все тотъ же, юношески свѣжій, вдохновенный, блестящій. Но „тьма наступила“, и онъ долженъ былъ перестать „творить“...

Въ лицѣ его не только гейдельбергскій университетъ, но всѣ, кто любить и цѣнить философію, понесли невознаградимую утрату.

П. Новгородцевъ.

Объ отношеніи психологіи къ философіи ¹⁾.

На мою долю выпало преподаваніе съ той каѳедры, съ которой преподавалъ покойный князь Сергѣй Николаевичъ Трубецкой. Заслуги его передъ отечественной философіей такъ велики, что исторія уже теперь можетъ указать ему вполне опредѣленное мѣсто. На мой взглядъ, его важнѣйшая заслуга передъ философіей заключается въ томъ, что онъ выступилъ въ защиту законности философскихъ и метафизическихъ построеній въ такой моментъ, когда отрицательное отношеніе къ философіи грозило привести эту послѣднюю къ полному паденію. Онъ самъ далъ совершенно законченный очеркъ метафизической системы „конкретнаго идеализма“, въ которой философія приходитъ въ такое близкое соприкосновеніе съ религіей. Князю Сергѣю Николаевичу Трубецкому принадлежитъ та заслуга, что онъ оригинально построенной метафизической системой показалъ, что еще не миновала пора философскихъ и метафизическихъ построеній.

Заступаю его мѣсто съ пріятнымъ сознаніемъ, что, будучи сторонникомъ того же философскаго направленія, я являюсь продолжателемъ его работы. Я воспользуюсь сегодняшней лекціей, которая по университетскимъ традиціямъ должна носить программный характеръ, для того, чтобы показать, что въ очень существенномъ пунктѣ я являюсь единомышленникомъ моего предшественника и именно въ томъ, что

---

¹⁾ Вступительная лекція, читанная въ Московскомъ университетѣ 19 сентября 1907 года.

я также являюсь защитникомъ законности философскихъ построений и важности этихъ послѣднихъ для развитія самой науки. Для этой цѣли я разсмотрю вопросъ, правильное разрѣшеніе котораго имѣетъ существенное значеніе для судьбы психологіи: я разумѣю вопросъ объ отношеніи психологіи къ философіи, и именно вопросъ о томъ, находится ли психологія въ какой-либо зависимости отъ философіи или нѣтъ.

Какъ извѣстно, психологія составляла нѣкогда неотъемлемую часть философіи или метафизики. Это происходило оттого, что психологія считалась наукой о природѣ души. Задача психологіи заключалась въ изученіи природы души. Типичнымъ представителемъ такой психологіи въ новѣйшей философіи является Герbartъ.

Въ основу своихъ психологическихъ изслѣдованій онъ кладетъ метафизическое опредѣленіе души. По его мнѣнію, душа представляетъ собою абсолютно простое существо, которое изъ самосохраненія вступаетъ въ борьбу съ другими простыми существами, съ такъ называемыми *реаліями*. Изъ этой борьбы возникаютъ представленія, взаимодействіе которыхъ даетъ различныя душевныя состоянія, напримѣръ, чувства, волю и т. п. Исходя изъ этихъ предположеній о свойствахъ души, предположеній, какъ это легко видѣть, имѣющихъ *спекулятивный* характеръ, Герbartъ старался вывести *дедуктивно* законы душевныхъ явленій. У него, напримѣръ, объясненіе ассоціаціи идей, воспріятія пространства и т. п. находится въ зависимости отъ взгляда на природу души.

Въ психологіи такого типа объясненіе законовъ душевныхъ явленій находилось въ зависимости отъ взглядовъ на природу души. Въ ней философскія теоріи являлись необходимымъ предположеніемъ психологическихъ построений. Безъ философскаго ученія о душѣ нельзя было приступать къ объясненію законовъ душевныхъ явленій. Законы же душевныхъ явленій выводились дедуктивно изъ принциповъ, которые лежали въ основѣ ученій о душѣ.

Отрицательное отношеніе къ зависимости психологіи отъ философскихъ теорій мы находимъ уже въ нѣмецкой философіи 18-го вѣка, но въ послѣднее время признаніе зависимости психологіи отъ философіи встрѣчаетъ особенно сильное противодѣйствіе.

Въ настоящее время очень многіе утверждаютъ, что, какихъ бы взглядовъ на природу души мы ни держались, это не можетъ имѣть опредѣляющаго значенія на наше объясненіе законовъ душевныхъ явленій. Будемъ ли мы стоять на материалистической, спиритуалистической или иной какой-нибудь точкѣ зрѣнія, мы все равно должны будемъ разсматривать душевныя явленія только лишь какъ душевныя явленія. Наши чувства, мысли, волевые процессы могутъ быть изучаемы сами по себѣ, но не какъ *проявленія* какой-либо души. Философское разсмотрѣніе души, поэтому, для психологіи, какъ науки о душевныхъ явленіяхъ, оказывается совершенно излишнимъ. Мало того, природу психическихъ явленій можно изучать и въ томъ случаѣ, если мы совсѣмъ не признаемъ существованія души. Такимъ образомъ возникаетъ пресловутая *психологія безъ души*, т.-е. психологія безъ допущенія гипотезы души.

Въ близкомъ родствѣ съ этимъ стремленіемъ устранить душу изъ психологіи находится тенденція современной научной мысли по мѣрѣ возможности устранять всевозможныя *ипотезы*. Разъ гипотеза души не допускается, то ясно, что изученіе психологіи сводится къ изученію только психическихъ явленій, задача психологіи сводится къ простому *описанію* психическихъ явленій. Психологія должна только описывать психическія явленія въ томъ видѣ, какъ они совершаются въ дѣйствительности, не пользуясь никакими гипотезами. Вообще, философскія теоріи не должны быть допускаемы въ психологіи, такъ какъ онѣ созидаютъ презумпцію, которая оказываетъ вредное вліяніе на чисто эмпирическое изученіе душевныхъ явленій, а потому для успѣшной разработки психологіи *совершенное отдѣленіе ея отъ философіи является необходимымъ требованіемъ*.

Вотъ два противоположныхъ взгляда на отношеніе между философией и психологией.

Но можетъ ли психологія обойтись безъ философіи, или же философскія теоріи являются необходимымъ предположеніемъ психологіи? Вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ вопросомъ: „кому разрабатывать психологію“? Почти 40 лѣтъ тому назадъ Сѣменовъ поставилъ вопросъ: „кому разрабатывать психологію“? Самъ онъ далъ на него очень рѣшительный отвѣтъ, который совершенно отстранялъ философовъ отъ психологическихъ изслѣдованій. Но жизнь отвѣтила на его рѣшеніе отрицательно. Философы все еще остаются причастными къ психологическимъ изслѣдованіямъ.

Итакъ, должна ли оставаться прежняя связь психологіи съ философией, или же психологія, подобно другимъ наукамъ, должна порвать связь съ нею? Какъ извѣстно, первоначально всѣ науки находились въ связи съ философией, но постепенно онѣ отдѣлились отъ нея и стали развиваться самостоятельно. Отъ философіи отдѣлилась сначала математика, затѣмъ физика и физиологія, и только психологія почему-то остается въ связи съ ней, только она почему-то до сихъ поръ считается *философской* наукой. Поэтому вполне естественнымъ является вопросъ, не должна ли традиціонная связь психологіи съ философией быть порвана, быть признана неестественной и даже вредной?

Спорность вопроса о связи между психологией и философией въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ того, что терминъ *философія* употреблялся въ неопредѣленномъ смыслѣ, и самая связь эта понималась очень различно. Поэтому намъ слѣдуетъ расчленивъ вопросъ и рассмотреть, что слѣдуетъ понимать подъ философией и что слѣдуетъ понимать подъ связью психологіи съ философией.

Подъ философией можно понимать прежде всего *метафизику*. Тогда подъ связью психологіи съ философией можно будетъ понимать требованіе, что для построения законовъ душевной жизни необходимо предварительно построить метафизическую теорію о природѣ души, т.-е. предваритель-

но рѣшить вопросъ, существуетъ ли душа, есть ли она что-либо матеріальное, есть ли она субстанція и т. п.

Подъ философией можно понимать *теорію познанія*. Въ задачи теоріи познанія, какъ извѣстно, входитъ изслѣдованіе основныхъ понятій науки. При отождествленіи философіи съ теоріей познанія связь между философией и теоріей познанія можетъ пониматься такимъ образомъ, что для построения законовъ психологіи необходимымъ предположеніемъ является изслѣдованіе нѣкоторыхъ понятій, лежащихъ въ основѣ психологіи, напримѣръ, понятій субстанціи, причины, воздѣйствія, понятія различія между физическими и психическими явленіями и т. п.

Наконецъ, связь между психологіей и философией можетъ быть понимаема такимъ образомъ, что *философія служитъ для завершения построеній психологіи*, г.-е. что результаты обобщеній психологіи могутъ быть положены въ основу *науки о духѣ*, которая подобно натурфилософіи не есть наука эмпирическая, а есть наука философская. Въ этомъ смыслѣ психологія доставляетъ матеріаль для построеній философіи; она является вспомогательной наукой по отношенію къ философіи.

Разсмотримъ сначала утвержденіе, что философскія предпосылки могутъ быть совершенно устранены изъ изученія законовъ душевной жизни, что психологія, какъ наука, должна совершенно игнорировать понятіе души, что ея задача должна сводиться къ простому *описанію* и *классификаціи* душевныхъ явленій. При такомъ пониманіи психологія превращается въ чисто эмпирическую науку; она не пользуется никакими философскими понятіями. Съ такимъ пониманіемъ задачъ психологіи нельзя согласиться. Многимъ кажется, что нѣтъ ничего проще, чѣмъ установленіе факта, чѣмъ *описание* того или иного явленія, что описаніе можетъ осуществляться, если только мы пожелаемъ изобразить то, что является предметомъ непосредственнаго воспріятія. Но это неправильно. *Описание или классификація душевныхъ явленій не можетъ осуществляться безъ какихъ-либо теорій или*

вообще какихъ-либо руководящихъ идей. Въ самомъ дѣлѣ, описаніе не можетъ никогда представлять простого изображенія явленій. Для того, чтобы произвести описаніе какого либо явленія, мы въ большей или меньшей мѣрѣ измѣняемъ его. Мы *упрощаемъ* его, *разлагаемъ* на составныя части, мы *анализируемъ* его. Для того, чтобы произвести описаніе, мы должны обратить вниманіе на какую-нибудь существенную сторону явленія. Чтобы отличить, что въ явленіи существенно, для этого нужна какая-либо теорія или какая-нибудь руководящая идея. Въ еще большей мѣрѣ это справедливо относительно классификацій. Для того, чтобы расположить предметы въ какомъ-либо порядкѣ, для этого нужно, чтобы мы руководились какимъ-либо соображеніемъ, отличая тотъ признакъ, который мы кладемъ въ основу классификаціи. Это показываетъ, что простое описаніе и классификація психологическихъ фактовъ невозможны.

Всякое описаніе предполагаетъ необходимо *объясненіе*. Для объясненія необходимо выходить за предѣлы того, что дано въ непосредственномъ воспріятіи, т.-е. при изученіи психическихъ явленій мы должны выходить за предѣлы непосредственно воспринимаемыхъ психическихъ процессовъ, а это, какъ мы увидимъ ниже, предполагаетъ употребленіе какихъ-либо понятій философски обработанныхъ.

Возможно ли вообще устранить понятіе души? Можно ли считать выраженіе „психологія безъ души“ правильнымъ? Это выраженіе при тщательномъ анализѣ приходится считать просто ложнымъ. Понятіе души есть такое понятіе, которое мы необходимо примышляемъ, когда мы думаемъ о тѣхъ или иныхъ психическихъ явленіяхъ. Въ большинствѣ случаевъ мы не можемъ описывать какія бы то ни было психическія явленія, не примышляя понятія души, субъекта. Даже описаніе такого процесса, какъ напримѣръ сужденіе, уже предполагаетъ допущеніе какого-либо субъекта, который является активнымъ въ собственномъ смыслѣ слова.

Душа нами мыслится какъ какое-то *единство*, въ которомъ представленія находятся, которое содержитъ въ себѣ

представленія, которое комбинируетъ и связываетъ. Она мыслится нами какъ *среда*, въ которой находятся духовныя явленія.

Кажется, что понятіе души можетъ быть совершенно устраниено по той причинѣ, что оно есть *коллективное* понятіе, понятіе о существѣ, состоящемъ изъ ряда элементовъ или душевныхъ атомовъ. Но это несправедливо. Душа не состоитъ изъ душевныхъ атомовъ, потому что душевные атомы не имѣютъ реального существованія. Душевные атомы суть просто абстракціи. Мы о нихъ самихъ не можемъ думать безъ того, чтобы не думать о душѣ, о личности, которой присущи эти атомы. Представленіе о душѣ, о личности всегда *предваряетъ* представленіе о различныхъ элементахъ, которые служатъ для созиданія представленія о нашемъ „я“. Если понятіе души есть понятіе необходимое для мышленія отдѣльныхъ элементовъ, то нельзя сказать, чтобы оно *складывалось* изъ какихъ-либо элементовъ.

Если же понятіе души неустранимо, если это понятіе по необходимости предваряетъ изученіе душевныхъ явленій, то ясно, что психологія является также ученіемъ о *душѣ*, въ которой совершаются душевныя явленія, а не только о *явленіяхъ*, которыя осуществляются безъ души. Конечно, такое понятіе души не предполагаетъ непременно, что она есть нѣчто *трансцендентное*; она можетъ быть имманентна духовнымъ явленіямъ, но все же это есть понятіе души.

Изъ этого можно видѣть, что выраженіе *психологія безъ души* есть выраженіе, которое способно ввести въ заблужденіе. Психологія, какъ наука о душевныхъ явленіяхъ, всегда есть въ то же время наука о душѣ.

Еще яснѣе связь психологіи съ *теоріей познанія*.

Утвержденіе, что психологи-эмпирики при изслѣдованіи психическихъ явленій только описываютъ психическіе процессы, неправильно, потому что въ большинствѣ случаевъ они всегда дѣлаютъ попытки *объяснить* ихъ, и это объясненіе часто можетъ быть осуществлено только лишь при

помощи гносеологически обработанныхъ понятій. Возьмемъ для примѣра понятіе *пространственной проекціи*. Если это чисто психологическое понятіе подвергнется изслѣдованію безъ предварительнаго гносеологическаго анализа, то проекція будетъ мыслиться какъ физическое перенесеніе во внѣ, т.-е. будетъ мыслиться аналогичной физическому процессу, и даже изслѣдователи будутъ искать нервы, по которымъ ощущенія идутъ отъ мозга къ периферіи и т. п.

Положимъ далѣе, что нужно рѣшить вопросъ о томъ, *закономѣрны* ли психическія явленія въ томъ смыслѣ, въ какомъ *закономѣрными* являются физическіе процессы. Это, какъ извѣстно, необходимо для рѣшенія вопроса о свободѣ воли. Его нельзя рѣшить простымъ наблюденіемъ смѣны психическихъ явленій. Его можно рѣшить только въ томъ случаѣ, если мы предварительно рѣшимъ вопросъ объ отношеніи психическихъ явленій къ физическимъ, а этотъ послѣдній является предметомъ теоріи познанія. Тотъ, кто не разсмотрѣлъ съ гносеологической точки зрѣнія вопроса объ отношеніи между психическими и физическими явленіями, говоря о *локализации представленій*, будетъ употреблять такой ложный способъ выраженія, какъ „представленія складываются въ клѣткахъ головного мозга“ и т. п.

Можно ли при такихъ условіяхъ говорить, что существуетъ какое-то чистое описаніе безъ предварительнаго гносеологическаго анализа тѣхъ основныхъ понятій, которыя служатъ для объясненія психическихъ явленій.

Что философскія понятія при изслѣдованіи душевныхъ явленій неустранимы—это можно показать на слѣдующихъ примѣрахъ: для Вундта, напр., психологія есть наука только о душевныхъ явленіяхъ. Но такъ какъ духу онъ приписываетъ свойство активности, то при объясненіи душевныхъ явленій онъ постоянно пользуется именно этимъ понятіемъ. Объясненіе апперцепціи, вниманія, воли основывается у него на признаніи активности духа. Рибо, который сильнѣе всѣхъ отстаивалъ независимость психологіи

отъ философіи, въ своей критикѣ теоріи эмоцій Джемса-Ланге становится на монистическую точку зрѣнія, ибо только благодаря ей онъ можетъ показать, что тѣлесное выраженіе аффектовъ не есть причина самихъ аффектовъ. „По моему мнѣнію, — говоритъ онъ, — было бы весьма важно устранить изъ этого вопроса всякое понятіе о причинѣ и дѣйствіи и замѣнить это дуалистическое положеніе представленіемъ *монистическимъ*“. По мнѣнію Рибо, психическое и физическое есть одно и то же явленіе, выраженное на двухъ языкахъ. Эмпирическая теорія у Рибо опровергается при помощи положенія, имѣющаго несомнѣнно философскій характеръ, ибо какъ можно иначе назвать положеніе, по которому и духовное и матеріальное явленіе суть двѣ стороны одной и той же вещи. Вѣдь въ непосредственномъ опытѣ мы не можемъ усмотрѣть этого тождества. Изъ этого ясно, что философскія понятія являются необходимымъ предположеніемъ изученія законовъ душевной жизни.

Если нѣкоторые говорятъ, что въ основѣ психологіи должны лежать *чистый опытъ*, то на первый взглядъ кажется, что этимъ требованіемъ устраняется необходимость въ какой бы то ни было философіи. Но это несправедливо. Для того, чтобы признать, что въ основу психологіи долженъ быть положенъ чистый опытъ, необходима философская рефлексія, необходима теорія познанія, чтобы выяснить, почему чистый опытъ называется чистымъ. Вѣдь понятіе чистаго опыта нуждается въ философскомъ оправданіи, оно не есть продуктъ непосредственнаго воспріятія. Это понятіе должно пройти горнило философской рефлексіи, прежде чѣмъ мы можемъ положить его въ основу изученія психологіи. Отрицатели значенія философіи для психологіи допускаютъ *устероу прѳтероу*. Они пользуются терминами и понятіями, которые получились вслѣдствіе гносеологическаго анализа, т.-е. послѣ того, какъ почва расчищена посредствомъ философіи, а затѣмъ начинаютъ утверждать, что философія не нужна для психологіи.

Итакъ, при изслѣдованіи психическихъ явленій нельзя

ограничиваться только тѣмъ изученіемъ, которое можетъ доставлять непосредственный опытъ, необходимо употребленіе *понятій*, которыя являются предметомъ философскаго изученія. Въ этомъ смыслѣ *философски обработанныя понятія* являются *необходимой основой психологіи*.

Наконецъ, связь философіи съ психологіей является необходимой еще и въ томъ отношеніи, что *психологія должна являться основой философіи* именно она должна способствовать построенію науки о духѣ.

Подобно тому, какъ физика, химія и механика служатъ для выясненія основныхъ свойствъ *матеріи*, такимъ же образомъ и психологія способствуетъ выясненію основныхъ свойствъ *духа*. Съ точки зрѣнія философской весьма важнымъ представляется вопросъ, есть ли духъ что-либо инертное, бездѣятельное, пассивное или, наоборотъ, онъ есть что-либо дѣятельное, оказываетъ дѣйствіе на матерію; отличается ли его дѣйствіе въ какомъ-либо отношеніи отъ дѣйствія физической энергіи и т. п. Наконецъ, огромную важность представляетъ вопросъ о томъ, какова роль духа въ процессѣ мірового развитія. Это есть предметъ философіи духа.

Но всѣ эти вопросы объ основныхъ свойствахъ духа не могутъ быть рѣшены на чисто эмпирической почвѣ; они могутъ быть рѣшены только лишь при помощи *сведенія въ одно цѣлое* эмпирически добытаго матеріала, при чемъ это сведеніе не можетъ быть осуществлено безъ помощи философски обработанныхъ понятій. Для того, чтобы рѣшить вопросъ, есть ли духъ субстанція, или онъ есть простая совокупность духовныхъ явленій, нужно подвергнуть анализу понятія: сознанія, самосознанія, личности, отношенія духовныхъ явленій къ духовной субстанціи. Такимъ образомъ эмпирическое разсмотрѣніе природы душевныхъ явленій способствуетъ разрѣшенію философскаго вопроса о природѣ духа.

Мы къ этимъ вопросамъ приходимъ необходимо потому, что психологія, какъ наука, не можетъ довольствоваться

только описаніемъ и объясненіемъ душевныхъ явленій, совсѣмъ не ставля вопроса о природѣ духа. Психологія, которая только описываетъ, воздерживаясь отъ всякихъ объясненій, представляетъ собою обрывки знаній, не сведенныхъ въ одно цѣлое. Такая психологія едва ли можетъ кого-либо удовлетворить. Умъ человѣческой по самой своей природѣ стремится къ философскому познанію дѣйствительности. Поэтому всякій психологъ стремится быть въ концѣ-концовъ философомъ. Ни одинъ психологъ, дававшій обѣтъ воздержанія отъ объясненій, до сихъ поръ еще не сдерживалъ своего обѣщанія. Посредствомъ примѣра можно показать, что простымъ описаніемъ или даже объясненіемъ какого-либо ряда психическихъ явленій нельзя считать психологическое изслѣдованіе законченнымъ. Возьмемъ, напр., „измѣреніе“ психическихъ явленій или „описаніе“ зависимости психическихъ явленій отъ физическихъ. Можно ли сказать, что на этихъ описаніяхъ или этихъ измѣреніяхъ умъ человѣческой можетъ успокоиться? Рѣшительно нѣтъ. Произведя эти описанія или измѣренія, мы ставимъ вопросъ, отчего же психическія явленія могутъ быть измѣряемы? и на этотъ вопросъ отвѣчаемъ: „оттого, что психическія явленія имѣютъ физическую природу“ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Такимъ образомъ попытка *объяснить* приводитъ къ примѣненію гипотезъ относительно природы душевныхъ явленій въ сравненіи съ природой матеріальныхъ явленій, а это вопросъ, само собою разумѣется, философскій. Если мы попытаемся объяснить причину постоянной связи между процессами психическими и физическими, то мы придемъ или къ монизму, или къ матеріализму. Вообще, всякая попытка давать окончательныя объясненія душевныхъ явленій приводитъ къ постановкѣ вопроса о душѣ, о природѣ ея. При окончательномъ объясненіи мы наталкиваемся на вопросъ о матеріальности и нематеріальности духовныхъ явленій и т. п.

Такимъ образомъ эмпирическая психологія, какъ наука о душевныхъ явленіяхъ, необходимо приводитъ къ философскому ученію о душѣ или къ философіи духа.

Но если, съ одной стороны, философія духа есть конечная цѣль психологіи, то, съ другой стороны, тѣ или другія философскія теоріи о душѣ необходимо оказываютъ воздѣйствіе на объясненіе тѣхъ или иныхъ психическихъ явленій. Такъ, напр., если психологъ признаетъ существованіе нематеріальной души, то онъ не будетъ думать, что воспоминанія хранятся въ формѣ какихъ-либо матеріальныхъ слѣдовъ. Если психологъ признаетъ, что душа есть нѣчто активное, то процессы воспроизведенія и ассоціаціи будутъ для него являться выраженіемъ активности духа. Наоборотъ, если психологъ отрицаетъ законность самого понятія души, какъ активного принципа, то онъ всѣ психическія явленія будетъ объяснять посредствомъ простой ассоціаціи душевныхъ элементовъ, которые пассивно соединяются другъ съ другомъ и т. п. Если кто-либо стоитъ на волюнтаристической точкѣ зрѣнія, то это происходитъ не только изъ соображеній эмпирическаго характера, но и потому, что волюнтаристическое объясненіе психическихъ явленій служитъ подтвержденіемъ различныхъ метафизическихъ теорій (напр., у Паульсена и Вундта).

Указанное только что воздѣйствіе философскихъ теорій оказывается не какою-нибудь случайностью, а имѣетъ характеръ чего-то необходимаго.

Если я говорю о психологіи, которая дѣлается философіей, то изъ этого не слѣдуетъ, что я отрицаю чисто эмпирическую психологію. Можно признать право отдѣльнаго существованія экспериментальной психологіи, криминальной психологіи, психологіи народовъ, психологіи животныхъ и т. п. Пусть представители этихъ видовъ психологіи описываютъ и объясняютъ психическія явленія въ своей области. Они соберутъ очень цѣнный матеріалъ, который можетъ представить огромную практическую важность. Но этого мало. Нужно этотъ матеріалъ *систематизировать, свести къ единству*. Нужно указать *положеніе* тѣхъ или иныхъ данныхъ въ общей системѣ психологическихъ знаній. Это уже есть задача той психологіи, которую

мы назовемъ *общей, теоретической или философской* психологіей.

Необходимость такого различенія между частно-психологическими изслѣдованіями и общей психологіей ясно изъ предыдущаго, но его можно сдѣлать еще болѣе яснымъ при помощи слѣдующаго примѣра. Пусть кто-нибудь вполне хорошо опишетъ явленія, связанныя съ глазомѣромъ, или пусть онъ объяснитъ какую-либо группу зрительныхъ иллюзій. Но этого для психологii еще мало. Нужно показать мѣсто, которое эти описанные и объясненные факты занимаютъ въ проблемѣ воспріятія пространства, а затѣмъ нужно въ свою очередь указать, какое мѣсто занимаетъ сама эта проблема воспріятія пространства въ объясненіи основныхъ законовъ духовной жизни: есть ли это воспріятіе что-либо врожденное, осуществляется ли оно при помощи ассоціаціи или при помощи такъ называемой психической химіи и т. п. Это уже есть философская проблема.

Такимъ образомъ слѣдуетъ отличать частныя психологическія изслѣдованія, которыя производятся въ физиологii, психіатріи, въ зоологii и т. п. отъ психологii, приводящей въ систему эти отрывочныя знанія. Эту послѣднюю психологію слѣдуетъ считать психологіей въ собственномъ смыслѣ. Это именно и есть психологія теоретическая, общая или философская. Она изслѣдуетъ основные законы духа. Ее слѣдуетъ называть философской потому, что ея предметъ можетъ быть изслѣдуемъ только лишь при помощи философски обработанныхъ понятій.

Теперь я могу отвѣтить на вопросъ, кому разрабатывать психологію. Вы, можетъ быть, подумаете, что я вопреки Сѣченову скажу: „психологію должны разрабатывать философы.“ Я очень далека отъ такого утвержденія. Пусть психологію разрабатываютъ всѣ, кто въ своей спеціальной области соприкасается съ проявленіями душевной жизни: натуралистъ, зоологъ, психіатръ, историкъ, лингвистъ. Но я думаю, что весь тотъ матеріалъ, который они собираютъ, нужно при-

вести въ концѣ-концовъ въ связь съ общими законами духовной дѣятельности, т.-е., другими словами, съ философiей. Пусть даже, какъ это принято въ нѣкоторыхъ университетахъ, учреждаются кафедры психологiи на естественныхъ факультетахъ. Это можетъ только способствовать успѣхамъ психологiи вслѣдствiе примѣненiя раздѣленiя труда и специализации, но тѣмъ не менѣе и эта естественно-научная психологiя будетъ имѣть свои жизненные корни только въ теоретической психологiи. Инициатива въ постановкѣ наиболѣе важныхъ проблемъ будетъ исходить отъ теоретической психологiи.

Если, поэтому, собиратели психологическихъ фактовъ склонны относиться съ презрѣнiемъ къ философскимъ обобщенiямъ, то они находятся приблизительно въ такомъ же положенiи, въ какомъ находятся каменотесы, плотники и т. п., которые думаютъ, что первенствующая роль въ построенiи зданiя принадлежитъ имъ, а что невидимая рука архитектора, творца плана ихъ работы, имѣетъ второстепенное значенiе. Собиратели психологическихъ фактовъ не знали бы, на что обратить вниманiе, если бы философiя не поставляла проблемъ, на разрѣшенiе которыхъ они въ концѣ концовъ направляютъ свои усилiя.

Такимъ образомъ и для философовъ находится работа въ современной психологiи. Изслѣдованiе отдѣльныхъ областей психическихъ явленiй можетъ находиться въ рукахъ кого угодно, но *система* психологiи должна находиться въ рукахъ психологовъ-философовъ; конечныя нити психологiи должны оставаться въ рукахъ психологовъ-философовъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что психологiя не должна отрѣшаться отъ философiи; напротивъ, она должна стать въ болѣе тѣсную связь съ ней. Другими словами, психологiя должна оставаться философской наукой, ибо ея связь съ философiей естественна и необходима.

Я позволилъ себѣ занять ваше вниманіе вопросомъ о связи между психологіей и философіей, потому что я убѣжденъ, что если бы моя мысль о необходимой связи между философіей и психологіей была признана, то между философіей и естественно-научной психологіей установился бы тотъ миръ, который является необходимымъ условіемъ правильной организациі научной работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и условіемъ правильного хода развитія научной психологіи.

Г. Челпановъ.

Физикъ-идеалистъ.

(Памяти Н. И. Шишкина.)

I.

Я хочу обратить вниманіе читателей на мнѣнія и взгляды человѣка, вся научно-философская дѣятельность котораго, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается ея публичныхъ проявленій, тѣсно связана съ Московскимъ Психологическимъ Обществомъ и съ журналомъ „Вопросы Философіи и Психологіи“. Я разумѣю умершаго въ прошломъ году члена Психологическаго Общества и сотрудника нашего журнала—Николая Ивановича Шишкина. По отношенію къ покойному я чувствую себя особенно много обязаннымъ. Въ годы моей юности это былъ мой учитель, съ которымъ у меня соединены самыя свѣтлыя воспоминанія. А потомъ во все остальное время его жизни насъ связывала самая тѣсная, сердечная дружба, которая только росла съ годами и въ которой мы дѣйствительно дѣлили радость и горе. Смерть его была для меня очень тяжелымъ ударомъ, и мысль невольно обращается къ нему, когда его нѣтъ больше. Но не только эти личныя чувства заставляютъ меня говорить о немъ. Николай Ивановичъ Шишкинъ былъ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ людей и по своей натурѣ, и по всему своему духовному складу, и по міросозерцанію, и по направленію своихъ умственныхъ интересовъ. Его своеобразную наружность вѣроятно помнятъ всѣ мои товарищи по Психологическому Обществу, которые состоятъ членами Общества

давно и посѣщали его засѣданія въ прежніе годы. Величавая фигура, длинные сѣдые волосы, библейская бѣлая борода, высоко поднятая голова, серьезное задумчивое лицо, пронизательный взглядъ нѣсколько прищуренныхъ глазъ; и какъ живой контрастъ этому, изысканная, нѣсколько старомодная любезность, благодушная мягкость и внимательность ко всѣмъ, кто къ нему обращался, ясная добрая улыбка и заразительный смѣхъ, буквально до слезъ, когда онъ слышалъ что-нибудь очень забавное. Въ производимомъ имъ внѣшнемъ впечатлѣніи прихотливо соединялись черты разсѣянаго, погруженнаго въ свои мысли ученаго и стариннаго хорошаго и добраго барина.

Николай Ивановичъ Шишкинъ родился 21 мая 1840 года въ старозавѣтной семьѣ пензенскихъ дворянъ. Отецъ его, Иванъ Тимофеевичъ, очень любимый и уважаемый мѣстнымъ населеніемъ, служилъ по выборнымъ должностямъ и долго былъ предводителемъ дворянства Наровчатскаго уѣзда Пензенской губернии. Мать его, Анна Васильевна, урожденная Лачинова, была женщина замѣчательная. Хорошо образованная по своему времени, умная, чрезвычайно религіозная, она оставила послѣ себя обширныя записки, отчасти въ формѣ связнаго повѣствованія, отчасти въ видѣ дневника, которыя даютъ подробную, интересную, типичную картину ея собственной жизни и жизни окружающаго общества. Эти записки можно было бы назвать „исповѣдью прекрасной русской души“. Въ нихъ живой юморъ и тонкая наблюдательность удивительно сочетались съ своеобразною глубиною мистическаго настроенія и аскетически строгаго нравственнаго міросозерцанія, которое диктуется суровою чуткостью ея совѣсти и неотступно владѣетъ ея душой.

У Ивана Тимофеевича было шестеро дѣтей, изъ которыхъ Николай Ивановичъ былъ младшимъ. Родился Николай Ивановичъ при довольно необычныхъ условіяхъ: по пути изъ Петербурга въ Москву, въ Новгородской губернии, на почтовой станціи въ деревнѣ Дорожна. Тамъ его и крестилъ священникъ Фортунать, при чемъ въ крестныя

матери, за отсутствіемъ кого-нибудь другого, была приглашена прохожая нищенка. Въ виду этихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ его рожденія Николая Ивановича въ семьѣ называли „подорожничкомъ“.

Гимназическій курсъ Николай Ивановичъ прошелъ въ Пензенскомъ дворянскомъ институтѣ, гдѣ раньше учились его братья и оставили послѣ себя репутацію блестящихъ учениковъ. Онъ тоже учился отлично и во все время былъ первымъ ученикомъ въ классѣ. Среди товарищей онъ пользовался любовью и уваженіемъ за свой добрый, прямой нравъ и за физическую силу. Окончивъ институтъ, онъ былъ отправленъ родителями въ Петербургъ въ университетъ, гдѣ поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета. Здѣсь онъ и окончилъ курсъ кандидатомъ въ 1862 году.

Года, проведенные въ Петербургѣ, оставили въ Николаѣ Ивановичѣ очень живыя воспоминанія и имѣли могущественное вліяніе на его духовное и умственное развитіе. Онъ сразу попалъ въ кружокъ образованныхъ и талантливыхъ людей, игравшихъ видную роль въ умственномъ движеніи 60-хъ годовъ. Студентомъ онъ жилъ у своихъ братьевъ, Іакинфа Ивановича и Тимофея Ивановича Шишкиныхъ; изъ нихъ Іакинфъ Ивановичъ былъ многообщавшій и уже обратившій на себя вниманіе молодой историкъ и поэтъ, который однако скоро погибъ странно и трагически: онъ пропалъ безъ вѣсти. Благодаря братьямъ, Николай Ивановичъ близко сошелся съ кружкомъ Семевского, въ которомъ собирались молодые писатели того времени; нѣкоторые изъ нихъ уже блистали въ литературѣ. Между прочимъ онъ тамъ хорошо познакомился съ знаменитымъ критикомъ Д. И. Писаревымъ и много потомъ рассказывалъ о бурныхъ и разнообразныхъ перипетіяхъ его жизни. Чрезвычайно скромный, мягкій, вовсе не склонный къ рѣзкимъ публичнымъ выступленіямъ, Николай Ивановичъ тѣмъ не менѣе попалъ въ студенческую исторію; онъ принадлежалъ къ пострадавшей оппозиціи противъ устава 63 года, принятаго студенчествомъ вовсе не

дружелюбно, хотя впоследствии этотъ уставъ въ теченіе длинныхъ десятилѣтій являлся неизмѣннымъ знаменемъ самыхъ радикальныхъ студенческихъ стремленій. Участіе въ студенческой исторіи довольно долго отражалось въ дальнѣйшей жизни Николая Ивановича нѣкоторыми затрудненіями при получении заграничныхъ паспортовъ.

По окончаніи университетскаго курса Николай Ивановичъ хотѣлъ специально посвятить себя астрономіи и для этого думалъ поступить на Пулковскую обсерваторію. Но доступъ къ ней въ то время былъ очень затрудненъ; Николай Ивановичъ зналъ, что туда открываетъ путь для русскаго только командировка отъ военнаго вѣдомства, а для этого надо было сдѣлаться служащимъ офицеромъ. И вотъ, наперекоръ всѣмъ склонностямъ своей души и всему складу своей мирной и кроткой натуры, онъ рѣшается вступить въ военную службу. Онъ поступаетъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ. Но этотъ шагъ скоро оказался для него источникомъ очень труднаго положенія. Вспыхнуло польское возстаніе, и Павловскій полкъ былъ двинутъ на усмиреніе. Между тѣмъ Николай Ивановичъ былъ совсѣмъ неподготовленнымъ воиномъ, и военное начальство долго переводило его изъ однихъ резервныхъ частей въ другія, пока ему не удалось освободиться и выйти въ отставку. Такъ окончился крушеніемъ его планъ стать специалистомъ-астрономомъ.

Тогда передъ Николаемъ Ивановичемъ съ настоятельною опредѣленностью сталъ вопросъ о дальнѣйшемъ устройствѣ своей судьбы. Его экономическое положеніе было тяжелое. Благосостояніе семьи его родителей, какъ и многихъ другихъ дворянскихъ семей того времени, было очень подорвано послѣ освобожденія крестьянъ. Родителей Николая Ивановича погубила ихъ непрактичность и безграничная щедрость; ихъ домъ всегда былъ переполненъ, притомъ по большей части ихъ же слугами или безпріютными бѣдняками, которые всецѣло поступали на ихъ иждивеніе. Достаточно сказать, что послѣ освобожденія вся дворян

стариковъ Шишкиныхъ осталась при нихъ. Поэтому они хотя постепенно, но очевидно разорялись. Николаю Ивановичу пришлось искать службы, и понятно, что онъ, при его исключительной склонности къ наукѣ, педагогическое поприще предпочелъ всякому другому. Въ 1864 году онъ былъ назначенъ старшимъ учителемъ математики и физики въ одну изъ лучшихъ провинціальныхъ гимназій того времени, въ которой только что былъ обновленъ педагогическій составъ свѣжими, молодыми силами—въ тульскую. Его появленіе въ Тульѣ ознаменовалось забавнымъ недоразумѣніемъ, о которомъ потомъ часто рассказывали его бывшіе сослуживцы, ставшіе его друзьями. Руководство первымъ выступленіемъ Николая Ивановича на государственную службу взяла на себя одна его тетушка, очень его любившая, но совершенно не довѣрявшая его практичности и знанію свѣта. Она надавала ему самыхъ подробныхъ и настойчивыхъ инструкцій относительно костюма, манеры держать себя и т. д., а Николай Ивановичъ по своей уступчивости и дѣйствительной житейской неопытности не рѣшился съ ней спорить. Въ виду этого первое впечатлѣніе, произведенное Николаемъ Ивановичемъ на товарищей и начальство было далеко не изъ благопріятныхъ. Онъ поѣхалъ къ нимъ съ визитами, одѣтый во фракъ, въ палевыхъ перчаткахъ и съ цилиндромъ въ рукахъ. Времена тогда были строгія и новые сослуживцы Николая Ивановича сразу рѣшили, что имѣютъ дѣло съ матушкинымъ сынкомъ, фатомъ и пустымъ петербургскимъ чиновникомъ. Однако это впечатлѣніе разсѣялось столь же быстро, какъ и составилось. Николай Ивановичъ былъ поселенъ въ зданіи гимназіи и окружающимъ его сразу бросился въ глаза странный образъ его жизни и поразительная простота его обстановки, очень мало говорившая о его наклонности къ франтовству. Въ его комнатѣ не оказывалось ничего, кромѣ кровати, стула, маленькаго стола и огромной классной доски, на которой онъ неумоимо и съ величайшимъ увлеченіемъ, весь покрытый мѣломъ, рѣшалъ самыя хитрыя математическія задачи. Его поняли, оцѣнили и горячо полю-

били. Фракъ Николая Ивановича еще разъ появился на сцену при обстоятельствахъ совсѣмъ неожиданныхъ. Въ слѣдующее за поступленіемъ Николая Ивановича на службу лѣто онъ на ваканціи отправился вмѣстѣ съ молодымъ учителемъ исторіи В. А. Фуксомъ ¹⁾ въ Москву. Ъхали совсѣмъ запросто, на перекладныхъ, въ телѣгѣ, наполненной сѣномъ. И вотъ спутникъ Николая Ивановича сталъ замѣчать, что ему мѣшаетъ протянуть ноги въ сѣнѣ какой-то комокъ и высказалъ по этому поводу нѣсколько нетерпѣливыхъ замѣчаній. Николай Ивановичъ почему-то конфузился, но молчалъ. Наконецъ, В. А. Фуксъ рѣшился устранить препятствіе и къ немалому своему изумленію извлекъ изъ сѣна знаменитый фракъ Николая Ивановича, даже не завернутый въ бумагу, а только энергично связанный въ крѣпкій узелъ. Что было съ этимъ фраккомъ послѣ, не знаю.

Въ 1866 году Николай Ивановичъ покинулъ службу въ Тулѣ и переселился въ Москву, гдѣ и протекла вся его дальнѣйшая педагогическая дѣятельность до самаго конца его жизни. Въ Москвѣ онъ нѣкоторое время служилъ преподавателемъ юнкерскаго училища (теперь Алексѣевского); но скоро его дѣятельность всецѣло сосредоточилась на частныхъ учебныхъ заведеніяхъ: въ 1868 г. онъ былъ однимъ изъ основателей гимназіи Л. И. Поливанова, въ 1873 г.—гимназіи С. А. Арсеньевой, и въ жизни этихъ двухъ учебныхъ заведеній онъ до конца дней всегда принималъ горячее участіе не только какъ преподаватель, но и какъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ руководителей всего педагогическаго дѣла. Наконецъ, въ 1876 году онъ вступилъ преподавателемъ математики въ гимназію Эвеніусъ (съ 1883 г. гимназія М. Б. Пуссель) и училъ въ ней непрерывно до 1902 года, когда ослабѣвшее здоровье заставило его покинуть это учебное заведеніе, съ которымъ онъ такъ же, какъ и съ двумя первыми, сроднился душой, и въ которомъ его очень цѣнили

---

¹⁾ Также извѣстный педагогъ и близкій другъ Н. И. Онъ умеръ нѣсколько лѣтъ назадъ директоромъ бѣлгородской гимназіи.

и любили. Какъ преподаватель, Николай Ивановичъ несомнѣнно принадлежалъ къ числу лучшихъ педагоговъ Москвы. Къ своимъ урокамъ онъ относился очень серьезно,—можно сказать, съ научною строгостью. Его объясненія были оригинальны, кратки и въ то же время поразительно ясны. Онъ какъ-то умѣлъ сразу освѣтить во всѣхъ существенныхъ чертахъ какой-нибудь сложный математическій вопросъ или какую-нибудь новую область физическихъ явленій. Онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ фальшивыхъ упрощеній науки ради ея мнимой популярности, — онъ, напр., убѣжденно осуждалъ довольно распространенныя въ наши дни попытки свести въ средней школѣ преподаваніе физики къ показыванію забавныхъ опытовъ,—въ каждой научной проблемѣ, которой онъ касался, онъ старался выдвинуть ея принципиальную важность и соединенныя съ нею трудности, но въ то же время онъ обладалъ удивительнымъ искусствомъ облекать самые отвлеченные выводы въ простую, наглядную, легко усвояемую форму. Это у него дѣлалось какъ-будто само собой, безъ всякихъ видимыхъ усилий. Я лично очень много обязанъ урокамъ покойнаго Николая Ивановича. Могу сказать, что я и раньше имѣлъ хорошихъ учителей, и тѣмъ не менѣе только у него, вступивъ въ пятый классъ Поливановской гимназіи, я понялъ и алгебру, и геометрію, и всѣ математическія науки вообще, какъ связанную систему важныхъ другъ друга обосновывающихъ истинъ, имѣющихъ самое широкое и совершенно жизненное значеніе. Впервые тогда я полюбилъ математику,—раньше того она мнѣ казалась самымъ скучнымъ и угнетающимъ предметомъ, основаннымъ на придуманныхъ условностяхъ и внутренно мнѣ совсѣмъ ненужнымъ. Въ старшихъ классахъ онъ сдѣлалъ для насъ еще больше. Въ частныхъ бесѣдахъ онъ уяснялъ намъ многообразное соприкосновеніе математики съ важнѣйшими вопросами философіи и человѣческаго міросозерцанія вообще и указывалъ на возможность такихъ обобщеній и преобразованій математическихъ выводовъ, которыя будутъ имѣть самыя рѣшительныя послѣдствія для

всѣхъ нашихъ сужденій о существующемъ. Онъ разсказывалъ намъ о геометріи Лобачевскаго и Римана, о многомѣрныхъ пространствахъ, о разныхъ видахъ бесконечности, о вновь развивающихся отдѣлахъ математической науки, о новыхъ открытіяхъ въ физикѣ и геометріи, и все это съ увлеченіемъ, которое ясно показывало намъ, до какой степени онъ жилъ этими мыслями и вопросами. Вообще, у насъ, учениковъ его, особенно въ послѣдніе годы нашего пребыванія въ гимназій, было къ нему довольно своеобразное отношеніе. Мы очень уважали его, не позволяли себѣ никакихъ фамиллярностей съ нимъ, но относились къ нему скорѣе какъ къ старшему другу, нежели какъ къ учителю; съ нимъ совѣтовались, спорили, шутили, ему жаловались на разныя мелкія школьныя невзгоды. Правда все это не на урокахъ, на которыхъ онъ всегда держалъ себя съ строгою серьезностью, а во внѣ-классные часы. Николай Ивановичъ никогда не относился къ своимъ ученикамъ и ученицамъ только формально, съ точки зрѣнія исполненія или неисполненія тѣхъ или иныхъ работъ; онъ внимательно въ нихъ всматривался, зналъ ихъ характеръ, ихъ умственныя и нравственныя свойства и относился ко всему хорошему въ нихъ съ горячимъ сочувствіемъ и одобреніемъ, а на дурное и легкомысленное добродушно негодовалъ. Они были для него живыми душами, которыя онъ оцѣнивалъ по существу, съ тонкой справедливостью и терпѣливой снисходительностью, строго осуждая въ нихъ только то, что дѣйствительно было достойно осужденія. Оттого его такъ любили, хотя иногда побаивались, оттого теплое чувство къ нему не уничтожалось даже и годами долгой разлуки, и много сердець тоскливо сжалось, когда разнеслась печальная вѣсть о его смерти.

Николай Ивановичъ долго жилъ въ Москвѣ холостякомъ въ номерахъ Кокоревской гостиницы. Думаю, что эти годы безпріютнаго одиночества оказали тяжелое вліяніе на его очень крѣпкое отъ природы здоровье. Чрезвычайно разсѣянный, гораздо болѣе думающій объ отвлеченныхъ во-

просахъ науки и философіи, чѣмъ объ удовлетвореніи своихъ насущныхъ нуждъ, онъ едва ли былъ способенъ себѣ устроить правильную жизнь. Лѣто онъ обыкновенно проводилъ въ путешествіяхъ за границей, которыя очень любилъ до конца дней и въ которыхъ былъ весьма предприимчивъ и подвиженъ. Онъ былъ тонкимъ и воспримчивымъ цѣнителемъ красотъ природы, особенно любилъ море и горы. На море онъ не уставалъ смотрѣть цѣлыми часами. Не менѣе любилъ онъ горныя страны, много о нихъ читалъ, отлично ихъ зналъ и даже самое послѣднее время жизни состоялъ членомъ „Русскаго Горнаго Общества“.

Въ 1884 году Николая Ивановича постигло самое большое горе въ его жизни: онъ потерялъ свою любимую сестру Варвару Ивановну Плотникову, съ которой его соединяли узы многолѣтней сердечной дружбы. А въ 1885 году произошло событіе, имѣвшее рѣшительное вліяніе на всю его дальнѣйшую судьбу: онъ женился на своей ученицѣ по Арсеньевской гимназіи, Ольгѣ Ивановнѣ Москвиной. Съ этихъ поръ для него наступили свѣтлые годы безмятежнаго счастья. Окруженный теплой, любящей заботой, онъ всецѣло отдался своимъ любимымъ интересамъ и занятіямъ: конецъ 80-хъ и первая половина 90-хъ годовъ были самымъ продуктивнымъ временемъ его умственного творчества. Онъ особенно много читалъ, въ его головѣ роились смѣлыя, оригинальныя мысли, онъ составлялъ планы и наброски чрезвычайно интересныхъ статей и рефератовъ. Онъ какъ бы купался въ сродной ему стихіи самыхъ возвышенныхъ и трудныхъ вопросовъ знанія. Именно въ это время онъ прочиталъ въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ свои рефераты, обратившіе общее вниманіе своей оригинальностью и многократно служившіе предметомъ живого обмѣна мыслей,—тогда же онъ напечаталъ въ журналѣ „Вопросы Философіи и Психологіи“ свои глубоко интересныя статьи, въ которыхъ съ разныхъ сторонъ освѣщалось его чрезвычайно своеобразное міросозерцаніе. Можно сказать, что

эпоха между 1885 и 1895 годами была самымъ счастливымъ временемъ его жизни.

Зимою 1895 года Николай Ивановичъ тяжело заболѣлъ. У него сдѣлалось воспаленіе легкихъ настолько сильное, что жизнь его подвергалась большой опасности. Его крѣпкая натура побѣдила болѣзнь, но здоровье его было потрясено навсегда. Вскорѣ послѣ его выздоровленія у него стали проявляться признаки хронической слабости сердца. Болѣзнь росла очень медленно, долгими годами и сначала выражалась въ мало замѣтныхъ симптомахъ, но въ послѣднее время его жизни она приобрѣтала все болѣе опредѣленную физиономію: у Николая Ивановича все чаще возвращались одышка, бессоница, мучительные припадки полуобморочнаго состоянія. По видимости жизнь Николая Ивановича текла попрежнему: попрежнему онъ былъ окруженъ многочисленными друзьями и знакомыми, попрежнему онъ много читалъ и всѣмъ интересовался. Голова его до самыхъ послѣднихъ дней была необыкновенно ясна, и у него ярко слагались планы новыхъ статей и рефератовъ. Ему казалось, что новыя огромныя преобразования и открытія въ наукѣ идутъ навстрѣчу его излюбленнымъ предположеніямъ и выводамъ, и онъ мечталъ ясно это раскрыть и показать въ своихъ будущихъ статьяхъ. Особенно важное значеніе въ этомъ случаѣ онъ приписывалъ основамъ новой механики Герца. Въ его тетрадяхъ осталось много набросковъ, изъ которыхъ нѣкоторые почти закончены. Но слабость физическихъ силъ не позволила ему довершить задуманныя работы. Онъ рѣдко чувствовалъ себя вполне здоровымъ, очень скоро уставалъ и долженъ былъ беречь всю свою энергію для ежедневной педагогической дѣятельности. Въ самые послѣдніе годы его жизни борьба съ надвигающимся грознымъ недугомъ приобрѣла особенно упорный характеръ. Сильный организмъ, нѣжный заботливый уходъ, усилія врачей, которые по большей части были въ то же время его друзьями и любящими учениками, дѣлали многое. Болѣзнь подолгу останавливалась на одной точкѣ, но потомъ она опять начинала про-

грессировать. Все-таки можно было надѣяться, что при благопріятныхъ условіяхъ Николай Ивановичъ проживетъ еще нѣсколько лѣтъ, но 3-го декабря 1906 г. въ его здоровьи произошла грозная перемѣна: съ нимъ опять повторилось воспаленіе, чрезвычайно сильное, сразу захватившее оба легкихъ. Съ перваго дня болѣзни стало понятнымъ, что надежды на его спасеніе очень мало. Тѣмъ не менѣе героическія старанія врачей, не покидавшихъ его ни на одну минуту и пустившихъ въ ходъ всѣ средства, привели болѣзнь къ благополучному кризису. Но дальше его сердце не выдержало и 8 декабря въ половинѣ перваго онъ тихо скончался.

Всѣмъ было извѣстно, что Николай Ивановичъ боленъ неизлѣчимою болѣзнію, что онъ недолговѣченъ, и тѣмъ не менѣе вѣсть о его кончинѣ горько и глубоко поразила всѣхъ его знавшихъ. Рѣдко мнѣ приходилось видѣть столько серьезно опечаленныхъ, какъ бы растерявшихся отъ неожиданнаго удара лицъ, сколько я ихъ встрѣтилъ на паннихидахъ въ его небольшой квартирѣ и въ приходской церкви Неопалимой Купины, когда его отпѣвали. А вѣдь тутъ присутствовали далеко не одни друзья и родственники покойнаго. Народу перебивало очень много: тутъ были и ученики бывшіе и настоящіе, и ученицы, и простые знакомые, и даже только встрѣчавшіеся съ нимъ люди или давно потерявшіе его изъ виду. Было замѣтно, что у всѣхъ точно что оторвалось отъ души и жизнь стала сѣрѣе и безотраднѣе, чѣмъ прежде. Николая Ивановича похоронили въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Среди учениковъ и почитателей покойнаго возникла мысль увѣковѣчить его память учрежденіемъ при Московскомъ Университетѣ преміи за научныя работы, написанныя на темы особенно дорогія его уму. Эта мысль встрѣтила живое сочувствіе, и уже тогда были положены основы необходимой для того суммы. Подписка на премію и до сихъ поръ продолжается.

И. Л. Поливановъ въ своей прекрасной, душевной за-мѣткѣ, посвященной памяти Н. И. Шишкина, говоритъ: „много друзей, много „своихъ“ людей окружало его въ

жизни, и врядъ ли былъ у него хотя бы одинъ недоброжелатель“. Въ этихъ словахъ замѣчательно хорошо выражено впечатлѣніе отъ мирнаго теченія его ежедневной жизни. Удивительно добрый и внимательный ко всѣмъ, тонко воспримчивый къ чужому горю и нуждѣ, изысканно деликатный, необыкновенно обязательный ¹⁾, полный непосредственнаго благородства и честной прямоты, къ которымъ ни съ какой стороны не могли пристать какія-нибудь мелкія, нечистыя, своекорыстныя побужденія, онъ неотразимо привлекалъ къ себѣ. Его вполне можно было назвать „человѣкомъ не отъ міра сего“, но это вовсе не значить, чтобы онъ былъ равнодушенъ къ реальной жизни и реальнымъ людямъ,—онъ только видѣлъ и цѣнилъ въ нихъ не то, что видятъ и цѣнятъ обыкновенно. Онъ всматривался въ несущійся кругомъ него житейскій потокъ съ сосредоточеннымъ интересомъ благожелательнаго созерцателя и тонко схватывалъ многое такое, что оставалось невидимымъ и скрытымъ для озлобленныхъ и усталыхъ участниковъ окружающей сутолки. Оттого бесѣда его была такъ оригинальна и интересна и оттого одинаково охотно шли къ нему люди самыхъ разнообразныхъ характеровъ и самыхъ противоположныхъ воззрѣній. Скромные „понедѣльники“ Николая Ивановича (послѣдній состоялся за полторы недѣли до его кончины), на которыхъ при самой простой обстановкѣ собиралось такъ много, что иногда гостей некуда было посадить, являлись однимъ изъ послѣднихъ пережитковъ тѣхъ хорошихъ старинныхъ кружковъ, которыми когда-то такъ славилась Москва. Вопросы научные, философскіе, художественные, общественные, политическіе подвергались здѣсь живому, всестороннему обсужденію, съ самыхъ различныхъ

---

¹⁾ Любопытная черта: Н. И. былъ крайне разсѣянъ, забывчивъ и непрактиченъ. Тѣмъ не менѣе, когда нужно было ни за что не забыть какую-нибудь практическую подробность въ какомъ-нибудь дѣлѣ или какой-нибудь важный срокъ, стоило попросить Н. И. напомнить. Онъ напоминалъ съ точностью хронометра. Эту особенность знали за нимъ всѣ близкіе и часто ею пользовались.

точекъ зрѣнія, поднимались жаркіе споры, но они не переходили въ ссору и вражду, потому что всегда терпимый, мирно настроенный и авторитетный хозяинъ умѣлъ во-время остановить расходившіяся страсти. Для тѣхъ, кто часто бывалъ на этихъ понедѣльникахъ и привыкъ къ нимъ, они всегда останутся очень дорогимъ воспоминаніемъ.

Въ Николаѣ Ивановичѣ болѣе всего поражала необыкновенная широта его умственныхъ и духовныхъ интересовъ. Трудно, напр., съ увѣренностью сказать, въ какомъ отдѣлѣ физико-математическихъ наукъ онъ былъ болѣе специалистомъ. Въ юности онъ хотѣлъ сдѣлаться астрономомъ и до конца дней живо интересовался новыми открытіями въ этой области и превосходно ее зналъ. Потомъ онъ серьезно и сосредоточенно готовился къ магистерскому экзамену по физикѣ и во всю свою долгую жизнь неутомимо слѣдилъ за всѣми сколько-нибудь выдающимися явленіями въ развитіи этой науки, сдѣлавшей за послѣднія 50—60 лѣтъ такіе невѣроятные успѣхи. Можетъ поэтому показаться, что именно физика была его излюбленною специальностью. Однако и это будетъ не совсѣмъ вѣрно; не менѣе того онъ увлекался математикой и чувствовалъ себя въ своей сферѣ, погружаясь въ ея самые трудныя и спорныя, головоломныя, иногда—только намѣчающіеся отдѣлы. Одну общую черту всегда можно было отмѣтить въ его научныхъ занятіяхъ: въ нихъ сказывался умъ философа. Онъ сосредоточивался главнымъ образомъ на тѣхъ вопросахъ (а ихъ много выдвинула исторія науки за послѣднее время), которые имѣютъ рѣшающее значеніе для самыхъ основъ научнаго міросозерцанія: истинная природа вещества, отношеніе матеріи и силы, отношеніе потенциальной и кинетической энергіи, роль невѣсомой среды въ процессахъ міровой жизни, значеніе и предѣлы механическаго объясненія физическихъ явленій, отношеніе детерминизма къ математической закономерности феноменовъ природы, истинная сущность пространства, — вотъ проблемы, къ которымъ неудержимо влеклась его настойчиво-пытливая мысль. Кто станетъ спорить, что отъ того

или другого рѣшенія каждой изъ нихъ всѣ наши представленія о вещахъ очень измѣнятся? И онъ не только надъ этими проблемами думаль, онъ ихъ по-своему рѣшалъ, и я попытаюсь въ моей статьѣ ознакомить читателя съ существеннымъ смысломъ этого рѣшенія.

При такомъ философскомъ складѣ ума, понятно, что Николай Ивановичъ долженъ былъ интересоваться философией. И дѣйствительно, онъ хорошо ее зналъ, глубоко вдумывался въ исторію философскихъ идей и былъ тонкимъ критикомъ философскихъ произведеній. Въ особенности подробно изучаль онъ психологію въ ея новомъ физиологическомъ и экспериментальномъ направленіи и въ нѣкоторыхъ ея отрасляхъ былъ настоящимъ специалистомъ. Между прочимъ нельзя не отмѣтить: онъ былъ отличнымъ знаткомъ европейской литературы по гипнотизму еще въ то время, когда явленія гипноза впервые получили доступъ въ русскихъ медицинскихъ кругахъ, когда о самой реальности этихъ явленій еще спорили и когда въ широкой публикѣ о нихъ имѣли самое смутное представленіе. Укажу еще на то, что, не будучи вовсе мистикомъ, Николай Ивановичъ съ интересомъ изучаль литературу по животному магнетизму,—хорошо ее зналъ, и въ его библиотекѣ можно было найти классическія произведенія изъ этой области.

Вообще, начитанность Николая Ивановича была чрезвычайно разнообразна. Онъ хорошо зналъ исторію, много по ней читаль и имѣлъ детальныя свѣдѣнія, относящіяся къ самымъ различнымъ эпохамъ прошлаго. Онъ очень интересовался и богословскими науками, въ которыхъ имѣлъ весьма солидныя знанія. Онъ внимательно вчитывался и въ произведенія представителей рационалистической критики христіанства, какъ Сальвадоръ, Д. Штрауссъ, Ренанъ, и въ историко-богословскіе труды положительнаго направленія. Изъ сочиненій послѣдней категории онъ особенно высоко ставиль произведенія Фаррара. Онъ также очень цѣнилъ религіозную философію Вл. С. Соловьева. Между Учителями Церкви его болѣе всего привлекаль къ себѣ Оригенъ съ его широкимъ,

гуманнымъ, чисто спиритуалистическимъ міросозерцаніемъ, и онъ читаль о немъ все, что только могъ достать. Ему представлялось, что защищаемое Оригеномъ предсуществованіе души болѣе сообразуется съ ея безсмертіемъ, нежели возникновеніе ея во времени въ зависимости отъ чисто физиологическихъ условій, и, съ другой стороны, ученіе о всеобщемъ спасеніи всякой духовной твари и о полномъ торжествѣ добра надъ всѣми враждебными силами въ концѣ временъ и отрицаніе вѣчныхъ адскихъ мукъ и вѣчной неистребимости зла и ада казались ему единственною почвою, на которой могутъ возродиться живыя церковныя вѣрованія въ наше время. Николай Ивановичъ воспитанный въ благочестивой семьѣ экстатически религіозною матерью, былъ глубоко вѣрующимъ человѣкомъ, хотя и не въ церковно-обрядовомъ смыслѣ. Формы религіознаго культа влекли его къ себѣ скорѣе своей эстетической красотой. Онъ, напр., очень любилъ католическую службу въ старинныхъ готическихъ храмахъ и часто подолгу въ нихъ оставался при своихъ заграничныхъ путешествіяхъ, всматриваясь въ происходящія церемоніи и прислушиваясь къ торжественнымъ звукамъ органа.

Вообще, Николай Ивановичъ обладалъ тонкимъ художественнымъ чутьемъ, любилъ и понималъ искусство и былъ отличнымъ знатокомъ художественной литературы. Его самыми любимыми европейскими писателями были Шекспиръ и Диккенсъ, изъ русскихъ писателей онъ болѣе всего любилъ Льва Толстого. Повидимому, въ нихъ онъ находилъ наибольшее соотвѣтствіе своему ясному, созерцательному строю духа; онъ цѣнилъ въ нихъ тонкость психологическаго анализа и широкое, гуманное, объективное изображеніе жизни. Насколько онъ хорошо зналъ Шекспира, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Небезызвѣстный въ прежніе года въ Москвѣ Шекспировскій кружокъ задумалъ ставить Генриха IV, объединивъ обѣ части этой исторической хроники въ одно цѣлое. Съ такимъ объединеніемъ приходилось очень спѣшить, чтобы возможно скорѣе предъявить экземпляръ на разрѣшеніе театральной цензуры. И вотъ

Николай Ивановичъ, стоявшій близко къ кружку, взялся сдѣлать въ оставшійся короткій срокъ нужную выборку сценъ и произвелъ ее такъ хорошо, что потомъ при самомъ внимательномъ обсужденіи не нашли возможнымъ въ ней что-нибудь измѣнить. Можно сказать, что Генрихъ IV Шекспира только въ передѣлкѣ Николая Ивановича былъ разрѣшенъ къ постановкѣ на русскую сцену и неоднократно исполнялся, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, Генрихъ IV, кромѣ шекспировскаго кружка, не шелъ нигдѣ.

Искренній идеалистъ и въ высшей степени гуманный человѣкъ, Николай Ивановичъ всегда отличался широкими либеральными взглядами. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ, употребляя современную терминологию, могъ бы быть названъ „правымъ кадетомъ“. Однако у него не было того радужнаго оптимизма, который отмѣчалъ кадетскую партію въ его время. Внутренно пережитой опытъ шестидесятихъ годовъ и трезвое историческое чутье не позволяли ему глядѣть съ радостнымъ торжествомъ на происходившее вокругъ него общественное броженіе. Онъ ясно видѣлъ его темныя и отталкивающія стороны, и ему казалось, что это броженіе протянется долго и принесетъ мало положительныхъ плодовъ. Особенно въ послѣдній годъ жизни онъ смотрѣлъ на разливавшееся по Россіи безобразное кровопролитіе съ все возрастающимъ горемъ и отвращеніемъ.

Когда окинешь однимъ взглядомъ скромную и незамѣтную жизнь покойнаго Н. И. Шишкина, невольно поражаешься ея внутренней цѣльностью, гармоническимъ единствомъ ея тона, единствомъ настроенія воплотившейся въ ней доброй и высокой души. Ознакомиться съ теоретическими воззрѣніями такихъ искреннихъ, послѣдовательныхъ и цѣльныхъ людей бываетъ особенно интересно: у нихъ нѣтъ разрыва между мыслью и жизнью, они относятся къ выражаемымъ ими мнѣніямъ съ строгою и щепетильною серьезностью, они говорятъ только то, что въ самомъ дѣлѣ думаютъ, а думаютъ они то, что имъ подсказалъ внутренній міръ ихъ чувства и опыта.

Николай Ивановичъ всегда интересовался научною жизнью Москвы и былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ ¹⁾, засѣданія которыхъ усердно посѣщалъ, когда былъ здоровъ. Но печаталъ въ своей жизни онъ очень мало: нѣсколько рецензій въ „Учебно-Воспитательной библіотекѣ“ 1876 г., „Сборникъ геометрическихъ задачъ“ и три статьи въ журналѣ „Вопросы Философіи и Психологіи“,—вотъ все, что отъ него осталось. Намъ, конечно, болѣе всего должны интересоваться эти послѣднія статьи. Люди, много думающіе, но мало пишущіе, когда рѣшатся что-нибудь написать, обыкновенно даютъ нѣчто выдѣляющееся по своей содержательности; они какъ бы инстинктивно стараются сказать какъ можно больше. Именно такое впечатлѣніе производятъ статьи Н. И. Шишкина. Объемъ ихъ невеликъ, но онѣ чрезвычайно богаты мыслями, оригинальными, законченно продуманными, ясно и просто выраженными. Въ нихъ нѣтъ недомолвокъ и двусмысленностей, если авторъ чего-нибудь не договариваетъ, то только потому, что считаетъ это рискованнымъ въ виду суровыхъ требованій своей научной совѣсти. Оттого его статьи обратили общее вниманіе читателей нашего журнала, объ нихъ много говорили и спорили, онѣ оказали несомнѣнное вліяніе на воззрѣнія такихъ философовъ и ученыхъ, какъ покойные профессора Н. Я. Гротъ и Н. В. Бугаевъ. Все это заставляетъ желать, чтобы изложенные въ нихъ выводы не были забыты.

II.

Какое же міросозерцаніе было у Н. И. Шишкина? Онъ воспитался въ 60-хъ годахъ и сохранилъ въ себѣ лучшія стороны духа этой эпохи. По его убѣжденіямъ его можно назвать *реалистомъ* въ томъ смыслѣ, что онъ всегда видѣлъ

---

¹⁾ Онъ былъ членомъ Математическаго общества, Физическаго отдѣла Общества Любителей Естествознанія, Психологическаго общества, членомъ-учредителемъ Астрономическаго кружка и т. д.

источникъ достовѣрнаго знанія въ прямомъ и точномъ изученіи природы, какъ она дана намъ въ опытѣ. Далѣе, онъ былъ сторонникомъ *механическаго міропониманія*, т.-е. считалъ возможнымъ и въ высокой степени желательнымъ растолковать всѣ явленія дѣйствительности по схемѣ, или въ терминахъ строго механическихъ отношеній. Все это позволяетъ назвать его *позитивистомъ*: онъ искалъ объективнаго міровоззрѣнія, обоснованнаго на положительныхъ научныхъ данныхъ. Но его можно назвать позитивистомъ и въ другомъ, болѣе тонкомъ смыслѣ слова, который далеко не всегда примѣнимъ къ представителямъ этого направленія не только у насъ, но и въ Западной Европѣ. Онъ былъ настоящимъ позитивистомъ въ своемъ неустанномъ стремленіи къ самой широкой критикѣ пріемовъ изслѣдованія, предположеній и фактовъ науки по ихъ пригодности въ качествѣ средствъ и матеріала для построенія цѣльнаго, законченнаго міросозерцанія. Въ этомъ отношеніи Н. И. Шишкинъ былъ совершеннымъ антиподомъ очень многихъ своихъ современниковъ. Въ напечатанныхъ въ этомъ журналѣ раньше моихъ статьяxъ я уже неоднократно старался выяснитъ, изъ какихъ разнородныхъ и часто шаткихъ матеріаловъ слагается такъ называемое научное міросозерцаніе: сюда входятъ и доказанные факты, и болѣе или менѣе смѣлыя обобщенія, и удобныя въ данный моментъ для той или другой научной области гипотезы, и даже вспомогательныя научныя фикціи, и все это возводится въ достоинство непререкаемыхъ объективныхъ истинъ, съ точки зрѣнія которыхъ слѣдуетъ судить всякія другія идеи и вѣрованія философскаго и религіознаго порядка, отвергая въ нихъ все, что въ этихъ истинахъ не указано. Нашъ высоко талантливый мыслитель-натуралистъ проф. Вл. И. Вернадскій съ образцовой ясностью показалъ, какъ пусты и неумѣстны подобныя претензіи превращать научныя взгляды данной исторической эпохи въ неподвижную, общеобязательную догматическую систему. А между тѣмъ въ такомъ превращеніи повинны не только широкіе круги читающей

публики ¹⁾ и не только отдѣльные ученые по специальнымъ отраслямъ естествознанія; что гораздо страннѣе, имъ нерѣдко грѣшатъ официальные философы, всѣ усилія которыхъ иногда только къ тому и направляются, чтобы доказать, что *они ничего не говорятъ*, кромѣ того, что раньше ихъ сказано представителями отдѣльныхъ специальныхъ наукъ, только говорятъ своимъ особымъ языкомъ.

У Н. И. Шишкина совсѣмъ не было такого предвзятаго догматизма. Онъ—убѣжденный поборникъ механическаго объясненія явленій природы, но для него оно только методъ изслѣдованія. Онъ вовсе не думалъ, что механическая теорія раскрываетъ самую сущность изучаемыхъ феноменовъ, онъ видѣлъ въ ней только наиболѣе удобный и плодотворный способъ ихъ объединенія и обоснованія въ цѣляхъ науки. Поэтому для него механическое пониманіе природы и матеріалистическое воззрѣніе на нее далеко не совпадаютъ между собою. Совсѣмъ наоборотъ, ему казалось, что въ вопросахъ высшаго порядка механическая теорія должна занять строго критическую, даже примирительную позицію. Вопросы о первомъ началѣ и послѣднемъ концѣ вещей, о внутреннемъ существѣ нашего духа, о свободѣ воли, о бессмертіи души и т. д. не могутъ въ дѣйствительной широтѣ своего смысла подлежать ея компетенціи потому уже, что она, какъ методъ изслѣдованія, заключена въ естественныя границы своей примѣнимости лишь къ фактамъ физическаго опыта. Но это не значитъ, что она можетъ отрицать эти вопросы или пренебрежительно игнорировать ихъ. Напротивъ, въ своемъ неизбѣжномъ примѣненіи къ физическому міру въ его цѣломъ она невольно на нихъ наталкивается и оцѣниваетъ ихъ вѣковѣчную принципиальную важность, хотя и бессильна ихъ разрѣшить своими средствами. Вѣчные вопросы мысли не уничтожаются положительной наукой,

---

¹⁾ Для этихъ круговъ написанъ цѣлый рядъ популярныхъ книгъ, назначеніе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы убѣдить въ существованіи такого рѣшающаго всѣ вопросы научнаго катехизиса. Типичскія произведенія въ этомъ родѣ „Сила и матерія“ Бюхнера или „Мировыя загадки“ Геккеля.

но и не рѣшаются ею, они только встаютъ въ новомъ освѣщеніи и новой формулировкѣ.

Эти общіе взгляды Н. И. Шишкинъ высказалъ съ наибольшей полнотою въ своей первой статьѣ: „О психофизическихъ явленіяхъ съ точки зрѣнія механической теоріи“ ¹⁾. Я изложу ея содержаніе возможно ближе къ изложенію самого автора, опуская въ ней только то, что не имѣетъ особенно существеннаго значенія. Ходъ мысли въ ней такой.

Всѣ физическія явленія такъ тѣсно между собою связаны, что для насъ всегда открыта возможность говорить о рядѣ однихъ явленій, выражаясь въ терминахъ другихъ; въ сущности въ этомъ и коренится объясненіе какихъ-либо явленій на основаніи той или другой гипотезы. Такъ свѣтъ можно разсматривать какъ вещество, какъ движеніе, какъ электричество, какъ ощущеніе. Въ свою очередь электричество опять можно разсматривать какъ вещество, какъ движеніе, какъ свѣтъ, какъ теплоту и т. д. Въ настоящее время въ физическихъ наукахъ господствуетъ стремленіе объяснять все движеніемъ. Отъ чего это зависитъ? Не отъ того, чтобы движеніе составляло всю сущность изучаемыхъ явленій, и даже не отъ того, что оно легко и наглядно объясняетъ ихъ; главная причина здѣсь въ томъ, что объясненія этого рода болѣе другихъ способны получить характеръ *пророческій*: движеніе легко можетъ быть выражено въ строгихъ математическихъ формулахъ, и это позволяетъ со всею опредѣленностью предвидѣть будущія явленія изъ данныхъ обстоятельствъ. Почему, напр., для объясненія свѣта предпочитается гипотеза о колебаніяхъ ээира Ньютоновой гипотезѣ о свѣтовомъ веществѣ? Вѣдь ни та, ни другая непосредственнымъ опытомъ не доказываются: первая гипотеза принимается въ наукѣ только потому, что съ ея помощью сдѣланы такого рода изслѣдованія и открытія, которыя вполне могли бы соперничать съ кабинетнымъ открытіемъ Леверье планеты Нептуна ²⁾.

¹⁾ «Вопросы Фил. и Псих.», кн. I, II, III.

²⁾ «Вопросы Фил. и Псих.», кн. I, стр. 127—128.

Методъ объясненія явленій природы черезъ движеніе составляетъ такъ называемую механическую теорію. Она имѣетъ своимъ принципомъ такое положеніе: все существующее должно нами познаваться чрезъ свойства энергіи, т.-е. того, что производитъ или способно производить движеніе. „Этимъ основнымъ принципомъ механическая теорія строго отдѣляется съ одной стороны отъ теоріи матеріалистической, которая признаетъ, что все существующее можетъ познаваться нами, какъ свойство матеріи, съ другой стороны—отъ теоріи спиритуалистической, которая источникомъ познаній ставитъ духъ и его свойства.“ Еще недавно механическая теорія безразлично смѣшивалась и отождествлялась съ матеріализмомъ, но быстрые успѣхи и развитіе ученія объ энергіи заставили отчетливо понять существенную разницу между этими двумя углами зрѣнія на міръ. Это различіе подчеркивается у нѣкоторыхъ физиковъ въ очень рѣзкихъ и нетерпимыхъ формахъ. Нельзя одобрить такого сектаторскаго тона въ наукѣ, но все же нужно согласиться, что механическая теорія въ вопросахъ высшаго порядка должна принимать направленіе по преимуществу критическое и даже примирительное, занимая какъ бы средину между крайними тенденціями чистаго матеріализма и отвлеченнаго спиритуализма. Оставаясь на почвѣ положительнаго метода, она внушаетъ сомнѣніе въ догматическихъ выводахъ матеріалистической теоріи, усматривая въ нихъ лишь послѣдствія и одностороннія обобщенія, и имѣетъ на то очень серьезныя основанія ¹⁾.

Въ поясненіе своей мысли Н. И. Шишкинъ обращается къ двумъ примѣрамъ, которые представляютъ два принципиальные вопроса огромной важности для всего нашего міросозерцанія. Одинъ изъ нихъ соприкасается съ областью метафизики, другой съ психологіей. „Первый вопросъ таковъ: существуетъ ли вселенная самостоятельно, сама по себѣ, находя въ себѣ самой источникъ существованія, а

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 129.

потому не имѣя ни начала, ни конца?" Материалистическое ученіе рѣшаетъ его утвердительно, спиритуалистическое въ большинствѣ случаевъ отрицательно. Разсмотримъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія ученія объ энергіи. Въ какую картину облекается исторія вселенной для механическаго взгляда на вещи? Извѣстно, къ чему сводятся наиболѣе правдоподобныя предположенія въ этой области. Наша солнечная система, какъ и весь міръ, возникла изъ неравномѣрно и неправильно разбросанной матеріи,—какъ, зачѣмъ и почему, мы этого не знаемъ. Въ этомъ первобытномъ хаосѣ, въ мѣстахъ, гдѣ матерія была наиболѣе скучена, образуются центры, около которыхъ она потомъ сгущается уже съ большей правильностью. Стремясь къ этимъ центрамъ матерія начинаетъ нагрѣваться, съ другой стороны она пріобрѣтаетъ вращательное движеніе. Изъ такой вращающейся массы образовались солнце, планеты, спутники. Въ частности исторія земли предопредѣляется этимъ ея общимъ происхожденіемъ. Важнѣйшіе моменты этой исторіи: огненно-жидкое состояніе, смѣняющееся всеобщимъ океаномъ, изъ подъ поверхности котораго мало-по-малу выдвигалась твердая земля, далѣе, появленіе растений и животныхъ, сначала въ микроскопическихъ формахъ, потомъ въ формѣ безобразныхъ и неуклюжихъ гигантовъ, по большей части исчезнувшихъ, чтобы дать мѣсто болѣе прочнымъ и болѣе приспособленнымъ къ средѣ организмамъ. Является наконецъ человѣкъ. Много лѣтъ протекло до тѣхъ поръ, пока человѣчество изъ дикаго состоянія, мало отличимаго отъ состоянія животныхъ, переступило, и то сравнительно небольшою своею частью, черезъ вѣка каменный, бронзовый и желѣзный въ періодъ культуры и гуманности. Этотъ процессъ совершенствованія человѣческаго рода еще далеко не кончился, а уже чувствуются зачатки будущаго упадка, и не въ какомъ-нибудь высшемъ нравственномъ, а въ чисто-физическомъ смыслѣ. То же самое охлажденіе на нашей планетѣ, отъ какихъ бы причинъ оно ни зависѣло,—которое дало возможность появиться живымъ

существамъ и жить все привольнѣе и привольнѣе, по наиболѣе вѣроятнымъ предположеніямъ, готовить для нихъ и предѣль: оно создало ихъ развитіе и движеніе впередъ, оно впослѣдствіи заставитъ ихъ двигаться назадъ по безотрадному пути къ постепенному умиранію. Леденящее пространство низко спустилось къ поверхности земли, и если высоко еще поднимается надъ экваторомъ, то уже прикоснулось къ обоимъ полюсамъ, вымораживая отсюда жизнь. И оно будетъ неудержимо распространяться, сгоня эту жизнь и съ боковъ и сверху въ пространство все болѣе суживающееся, пока она совсѣмъ не исчезнетъ. Уже этого одного достаточно, чтобы увидѣть неизбѣжность конца всякой жизни. Охлажденіе можетъ зайти такъ далеко, что планета, повидимому совершенно сохранившаяся, станетъ безжизненнымъ трупомъ, который уже не согрѣютъ солнечные лучи и въ которомъ они не породятъ никакой работы, потому что вся энергія, получаемая отъ солнца, сейчасъ же будетъ расходоваться на разсѣяніе въ пространство. Но охлажденіе можетъ итти и еще дальше, и привести къ распаденію планеты на части, чѣмъ всего скорѣе слѣдуетъ объяснить напр. происхожденіе астероидовъ ¹⁾.

Неизбѣжность такого конца окружающаго насъ міра признается и многими матеріалистами. Но при этомъ они дѣлаютъ одну поправку, съ которой уже никакъ не можетъ согласиться строго-последовательное ученіе объ энергіи. Они думаютъ, что всякій подобный конецъ можетъ быть только временнымъ, и что съ нимъ всегда должно совпадать начало новаго развитія и новой жизни, источникомъ которыхъ будетъ столкновеніе обломковъ разрушенныхъ массъ: старая исторія на новый ладъ будетъ разыгрываться во вселенной вѣчныя времена. Матерія, по такому возрѣнію, есть источникъ жизни, потому что ея основное свойство есть вѣчное превращеніе движенія изъ одной формы въ другую. Въ этомъ и состоитъ коренная ошибка матеріалистовъ: такого свойства матеріи не наблюдается ни въ одной изъ матеріальныхъ системъ, образующихъ вселенную,

¹⁾ Тамъ же, стр. 130—132.

его нельзя приписать и вселенной въ ея цѣломъ. Совсѣмъ безпрепятственное превращеніе формъ движенія происходитъ лишь въ одномъ направленіи: массовое движеніе разрѣшается въ частичныя движенія и главнымъ образомъ въ то изъ нихъ, которое производитъ теплоту. Но обратное превращеніе частичныхъ движеній или теплоты въ движеніе массъ совершается только частью, — въ нихъ всегда остается непревратимый остатокъ. Въ этомъ состоитъ такъ называемое *разсѣяніе* энергіи, и оно столь ясно выражено въ природѣ, что хотя мы и можемъ смотрѣть на вселенную, какъ на систему консервативную, но должны помнить при этомъ, что такое названіе обозначаетъ сохраненіе энергіи лишь со стороны количественной. Что касается качества энергіи въ смыслѣ ея превратимости, то оно несомнѣнно понижается съ каждымъ новымъ ея видоизмѣненіемъ. А изъ этого вытекаютъ чрезвычайно важныя послѣдствія. Вѣдь разсѣяніе энергіи начинается уже въ самый первый моментъ возникновенія міра, такъ что, съ чисто механической точки зрѣнія, міровой процессъ съ своимъ видимымъ прогрессомъ есть отъ начала до конца постоянное и неизмѣнное склоненіе къ упадку. Его неизбѣжный и неустрашимый предѣлъ будетъ заключаться въ установленіи такой однообразной формы движенія, при которой уже невозможны никакая жизнь и никакое различіе въ вещахъ, и отъ которой въ то же время нѣтъ никакого возврата къ другимъ формамъ движенія. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что разрушенные міры столкновеніемъ своихъ обломковъ или какимъ-либо инымъ взаимодействіемъ, еще не вполне потерявшихъ свою энергію частицъ, могутъ произвести новый процессъ, подобный предыдущему, т.-е. кажущееся созиданіе міровъ, ихъ развитіе и паденіе, и что такіе процессы будутъ повторяться не одинъ и не два, а можетъ быть великое множество разъ, но въ каждомъ изъ нихъ энергія будетъ разсѣиваться все болѣе и въ результатъ все же должно получиться полное ея разсѣяніе ¹⁾).

1) Тамъ же, стр. 132—134.

Значить ли это, что конечное слѣдствіе такого разсѣянія будетъ выражаться въ неподвижности какой-то громадной массы, сложившейся изъ обломковъ вселенной среди безконечно великаго пустого пространства? Но мы не имѣемъ никакого права считать энергію сцѣпленія за нѣчто неизмѣнно прочное и неподчиненное разрушительному дѣйствию охлаждения. Болѣе правдоподобно мнѣніе Секки, что всѣ состоянія тѣлъ суть формы позднѣйшаго образованія и что теплота разсѣетъ и ихъ, какъ все, что существуетъ, „въ то вещество, которое называется нами невѣсомымъ эи-ромъ“. Когда разсѣяніе энергіи завершится окончательно, какая форма движенія замѣнитъ въ матеріи всѣ другія? Выразится ли она въ какомъ-нибудь колебаніи? Но, казалось бы, колебанія около какой-нибудь точки равновѣсія предполагаютъ постоянное дѣйствіе какой-либо энергіи, которая также не должна избѣжать общей участи. Наиболѣе допустимое проявленіе разсѣявшейся энергіи—это поступательное движеніе каждой частицы по одному и тому направленію и съ одной и той же скоростью. Изъ этого выходитъ интересное слѣдствіе. Свойство инерціи получаетъ вполнѣ безпрепятственное осуществленіе только въ одномъ случаѣ, при равномерномъ распредѣленіи всей энергіи между всѣми частицами. Всякое другое движеніе, а также и покой—неестественны съ точки зрѣнія этого коренного свойства вещества: при нихъ должна быть какая-нибудь причина, ихъ сдерживающая или ихъ ускоряющая. „Можно поэтому сказать, что весь физическій міръ стремится къ безусловному торжеству закона инерціи надъ всѣми другими формами матеріальнаго бытія“ ¹⁾.

Дальше этихъ соображеній механическая теорія идти не можетъ. Какъ вступила во вселенную одушевляющая ее энергія,—вдругъ ли разомъ, или въ продолженіе такого же количества вѣковъ, въ какое происходитъ ея разсѣяніе? На эти вопросы, пользуясь механическими методами изслѣдо-

---

¹⁾ Стр. 134—135.

ванія, нельзя дать никакого категорическаго отвѣта. Свойства агентовъ, дѣйствовавшихъ въ тѣ времена, и которые, быть можетъ, будутъ дѣйствовать снова, чтобы возстановить жизнь въ той или другой формѣ, также остаются для насъ непонятными. Одно можно сказать съ увѣренностью, оставаясь на почвѣ механическаго взгляда на вещи: эти агенты не могутъ быть матеріальными въ нашемъ смыслѣ слова, потому что все матеріальное, какъ уже было показано, характеризуется признаками, ведущими къ разсѣянію энергии, а они напротивъ должны характеризоваться ея собираніемъ. Но „это все, что можетъ утверждать механическая теорія, и здѣсь она должна остановиться, чтобы не выйти изъ предѣловъ, установленныхъ ея методами“ ¹⁾.

Въ этихъ сдержанныхъ выраженіяхъ Н. И. Шишкинъ опредѣляетъ отношеніе, въ которое должна стать къ великому вопросу о началѣ и концѣ вселенной научная механическая теорія, понимающая свою истинную сущность и естественныя границы приложенія своихъ методовъ. Я нарочно изложилъ эту часть его разсужденій особенно подробно и близко къ оригиналу: мнѣ хотѣлось показать, какъ просто, непритязательно и въ то же время убѣдительно высказывалъ онъ свои соображенія даже по поводу наиболѣе отвѣтственныхъ проблемъ. Какая же общая мысль легла въ основу его осторожныхъ заключеній?

Онъ къ ней возвращался не разъ и въ своихъ устныхъ бесѣдахъ и въ многочисленныхъ черновыхъ наброскахъ, оставшихся въ его тетрадяхъ. Сводится она къ слѣдующему. Для строго механическаго пониманія міровой процессъ не можетъ представлять чего-нибудь вѣчнаго; какіе бы образы онъ ни принималъ и уже съ самаго перваго своего начала, онъ является неуклоннымъ движеніемъ къ взаимному выравниванію формъ энергии, или къ ихъ совершенному однообразію, которое въ окончательномъ результатѣ есть неограниченное господство чистой инерціи. Такое

---

¹⁾ Тамъ же.

однообразіе формъ, или такое абсолютное разсѣяніе энергіи составляетъ неотвратимый предѣлъ, къ которому рано или поздно должна прійти вся вселенная во всѣхъ своихъ реальныхъ частяхъ; и отъ него нѣтъ никакого возврата къ прежнему разнообразію природной жизни. Однажды достигнутое, это царство инерціи уже никогда не кончится, если только въ законахъ механики дѣйствительно заключается единственный двигатель эволюціи вещей. Если для обычнаго возрѣнія такое состояніе всеобщаго разсѣянія энергіи есть всемірная смерть, для механическаго взгляда оно естественная норма, къ которой неудержимо стремится всякая механическая система, предоставленная сама себѣ. Поэтому, съ механической точки зрѣнія, загадкой является не смерть вселенной, а скорѣе жизнь ея. Ясно усвоивъ предпосылки механическаго міросозерцанія, мы безъ труда поймемъ, почему природа должна постепенно и непрерывно умирать, разъ въ ней возникло разнообразіе формъ. Но далеко не въ такой мѣрѣ понятно, откуда въ ней получилось такое разнообразіе. Мы отчетливо видимъ, что пружина міровой жизни должна раскручиваться, но какъ и почему она закрутилась, это остается для насъ неразгаданной тайной: вѣдь казалось бы, если она и закрутилась когда-то въ прошломъ, въ самомъ началѣ вещей, по непостижимой случайности, то все же въ безпредѣльности протекшихъ временъ лежитъ слишкомъ достаточный срокъ, чтобы она уже давно окончила свое раскручиваніе. Почему же этого не произошло? Почему она не раскрутилась до сихъ поръ и почему она вообще закрутилась когда бы то ни было? На эти вполнѣ естественные и совершенно неизбѣжные вопросы нѣтъ никакого отвѣта въ порядкѣ механическихъ понятій. Природа, какъ механизмъ, объясняетъ постепенное разсѣяніе энергіи, но не собираніе ея, — это значить, она хорошо обосновываетъ необходимый конецъ всякой жизни, но не ея начало и не ея безпредѣльное продолженіе. Между тѣмъ нашему наблюденію дана не смерть міра, которая еще когда-то наступитъ, да и неизвѣстно, наступитъ ли когда-

нибудь, а его бесконечно богатая и устойчивая жизнь. И вотъ этого-то основного и безспорно наличнаго факта никакъ нельзя объяснить изъ однихъ механическихъ предположеній.

Міровая пружина закрутилась и, повидимому, не одинъ разъ или по крайней мѣрѣ не въ одинъ приемъ; энергія не только разсѣивалась въ природѣ, она въ ней и собиралась и, быть можетъ, собирается до сихъ поръ, потому что иначе какъ объяснить существованіе вселенной черезъ неограниченное долгое время? Но агенты, ее собирающіе и концентрирующіе въ разнообразныхъ формахъ, не могутъ быть матеріальными въ механическомъ смыслѣ этого понятія, они не допускаютъ исчерпывающаго механическаго объясненія, потому что всякая механическая дѣятельность, въ какія бы формы она ни облекалась, всегда по существу своему есть разсѣяніе энергіи и, стало быть, предполагаетъ ея собираніе, какъ происшедшее раньше, а не производитъ его сама. И такъ, природа въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ, предполагаетъ дѣйствіе силъ немеханическаго, нематеріальнаго порядка. Какія это силы, мы этого, оставаясь на почвѣ механической теоріи, конечно не знаемъ. Но онѣ *должны быть*, если только окружающій насъ физическій міръ не иллюзія: безъ нихъ онъ не могъ бы ни возникнуть, ни продолжаться. Механическій методъ безукоризнень, поскольку мы пытаемся имъ объяснить отдѣльныя группы наблюдаемыхъ нами явленій, но все же его одного недостаточно, чтобы обосновать и растолковать существованіе вселенной въ ея цѣломъ.

Какъ я понимаю, противъ всякихъ подобныхъ выводовъ можно сдѣлать только одно принципиальное возраженіе, безспорно очень сильное, хотя въ то-же время и нѣсколько двусмысленное: оно состоитъ въ апелляціи къ понятію о бесконечности міра. Въ наиболѣе простомъ видѣ его можно было бы изложить слѣдующимъ образомъ. Если міръ представляетъ изъ себя ограниченную и совершенно определенную по своей величинѣ систему, тогда при господствѣ чисто механическихъ законовъ въ немъ и, стало быть, при постепенномъ разсѣяніи энергіи во всѣхъ его точкахъ, онъ

долженъ былъ бы кончиться и даже по всѣмъ соображеніямъ вѣроятности давно бы уже кончился. Но міръ есть система безконечная по своей величинѣ и это радикально измѣняетъ положеніе вопроса. Будь любая ограниченная часть вселенной изолирована отъ всѣхъ другихъ, она непремѣнно въ концѣ-концовъ замерла бы и вся одушевляющая ее энергія разсѣялась бы. Но подобной взаимной изоляціи отдѣльныхъ областей вселенной въ природѣ вовсе не дано; а это значитъ, что всякая замирающая ограниченная система въ мірѣ въ каждый данный моментъ будетъ получать возбужденіе къ жизни или новые запасы неразсѣявшейся еще энергіи извнѣ, отъ системъ менѣе замершихъ, и для такого процесса нельзя положить никакого предѣла во времени, потому что подобныя возбужденія могутъ идти изъ неограниченно отдаленныхъ пространствъ. Итакъ, допустимъ, что вселенная въ силу закона роста энтропіи постепенно умираетъ; если она безконечна, это ея умираніе будетъ продолжаться вѣчно, т. - е. никогда не наступитъ. Другими словами, агенты, собирающіе энергію, нужны только для ограниченного міра; напротивъ, безконечный міръ въ нихъ не нуждается,—для него достаточно одного разсѣянія энергіи, чтобы онъ вѣчно жилъ.

Повторяю, я считаю этотъ аргументъ чрезвычайно сильнымъ. Но не слѣдуетъ все-таки забывать, что его убѣдительность главнымъ образомъ коренится въ неизбѣжной темнотѣ нашихъ понятій о безконечномъ, когда мы имъ начинаемъ придавать реальное значеніе. Мы, можетъ быть, слишкомъ часто злоупотребляемъ понятіемъ безконечности въ тѣхъ случаяхъ, когда проблема не допускаетъ рѣшенія изъ данныхъ предположеній въ конечномъ масштабѣ, и черзчуръ охотѣо говоримъ о безконечной эволюціи, о безконечно нарастающихъ малыхъ измѣненіяхъ въ безконечно длинные сроки, о безконечно тонкихъ и неуловимыхъ вліяніяхъ и т. д. ¹⁾ На подобныя ссылки наша мысль обыкно-

¹⁾ Я этимъ ничего не хочу сказать противъ несомнѣнной плодотворности призмѣненія понятія о безконечно малыхъ къ высшему математическому ана-

венно довольно быстро сдается, но не потому, чтобы для нея что нибудь уяснялось, а скорѣе только оттого, что для нея становится все неяснымъ: мы не убѣждаемся, а только теряемся. Понятіе безконечнаго въ своемъ конкретномъ употребленіи окружено чрезвычайными трудностями, и это заставляетъ нѣсколько осторожно относиться ко всякой попыткѣ сдѣлать изъ него положительный принципъ объясненій фактовъ опыта.

Вопросъ о будущемъ окружающаго насъ міра, мнѣ кажется, въ этомъ случаѣ не представляетъ исключенія. Ссылка на безконечность вселенной въ оправданіе господства надъ нею однихъ механическихъ законовъ, не смотря на вытекающую изъ нихъ неизбежность разсѣянія энергии, скорѣе только одурманиваетъ мысль, чѣмъ удовлетворяетъ ее. Что въ системѣ, каждая малѣйшая часть которой неуклонно стремится къ выравниванію всѣхъ различій, рано или поздно должно наступить безразличное инертное состояніе, это для насъ очевидно. Но когда намъ возражаютъ, что эта система безконечна по своимъ размѣрамъ и поэтому для нея такой выводъ необязателенъ, мы не знаемъ хорошенько, что на это отвѣтить,—весь вопросъ для насъ затягивается непроницаемой дымкой. Недоумѣнія поднимаются очень серьезныя, но мы не увѣрены въ ихъ умѣстности. Вопросы встаютъ одинъ за другимъ. Если *каждая* часть безконечнаго міра, предоставленная самой себѣ, въ опредѣленный срокъ должна придти къ роковому концу, хотя эти сроки для нихъ и неодинаковы,—какимъ образомъ онѣ отодвинуть такой исходъ на безконечное время только оттого, что будутъ дѣлиться между собою заключенною въ нихъ энергіей? Пускай этихъ частей безчисленное количество, какъ онѣ дадутъ другъ другу то, чего ни въ одной изъ нихъ нѣтъ, что, другими словами, безчисленное множество разъ въ нихъ отсутствуетъ? Казалось бы, со-

---

лизу. Въ нихъ мы имѣемъ опредѣленный методологическій принципъ точныхъ и конечныхъ рѣшеній.

всѣмъ наоборотъ: еслибъ какая нибудь часть вселенной по какимъ нибудь особымъ причинамъ и имѣла сама по себѣ тенденцію продолжаться вѣчно, эта тенденція должна была бы парализоваться идущими со всѣхъ сторонъ изъ безконечности окружающихъ пространствъ вліяніями происходящихъ тамъ разрушительныхъ процессовъ. Далѣе не ясно ли, что части, находящіяся другъ отъ друга на дѣйствительно безконечномъ разстояніи, никакого механическаго вліянія одна на другую оказать не могутъ, потому что оно никогда до нихъ не дойдетъ, и, стало быть, рѣчь можетъ быть только о взаимномъ вліяніи міровыхъ системъ неопредѣленно далекихъ другъ отъ друга? И съ другой стороны, что касается такой неопредѣленной отдаленности, не представляется ли вѣроятнымъ что при общемъ стремленіи всѣхъ областей вселенной къ постепенному умиранію, совершенно опредѣленный запасъ энергіи, идущей отъ какой-нибудь еще жизненной міровой системы, будетъ тѣмъ болѣе поглощенъ неограниченно громадными промежуточными пространствами, чѣмъ болѣе въ нихъ продвинулся впередъ процессъ разсѣянія и чѣмъ сама она дальше? Если бъ, напр., вся область млечнаго пути была уже разрушена процессомъ взаимнаго выравниванія формъ энергіи, что принесли бы для возбужденія новой жизни, положимъ, въ сферѣ солнечной системы, свѣтовые лучи, исходящіе отъ небснаго тѣла за предѣлами этой области? Чему тутъ поможетъ безконечность міра? Наконецъ, какъ устранить слѣдующее простое соображеніе: вѣдь когда намъ приходится объяснять какое нибудь явленіе, происходящее передъ нами теперь, мы не прибѣгаемъ къ идеѣ о неизвѣстныхъ таинственныхъ вліяніяхъ, идущихъ изъ безконечности; такая идея показалась бы намъ даже отреченіемъ отъ всякихъ объясненій. Мы ограничиваемся точно измѣримыми силами, дѣйствующими въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, и все таки получаемъ результаты настолько хорошіе, что нерѣдко можемъ съ полною достовѣрностью предсказывать явленія. Мы считаемъ себя вправѣ не думать о безконечныхъ вліяніяхъ

остального міра въ виду того весьма правдоподобнаго предположенія, что эти вліянія, различныя и даже противоположныя по своему направленію и характеру, должны взаимно нейтрализоваться въ каждой данной точкѣ. Но тогда зачѣмъ же мы будемъ дѣлать исключеніе для явленій энтропіи и разсѣянія энергіи вообще? Казалось бы и для этого процесса идущія изъ безконечно далекихъ міровъ вліянія, содѣйствующія ему и препятствующія ему, должны взаимно парализовать другъ друга, и онъ долженъ произойти такъ, какъ будто бы ихъ совсѣмъ не было. Если же предполагать, что это равновѣсіе противоположныхъ вліяній должно современемъ нарушиться, то, болѣе правдоподобно, что это должно произойти въ пользу *ускоряющихъ* разсѣяніе энергіи вліяній: разсѣяніе энергіи во всѣхъміровыхъ системахъ возрастаетъ съ каждымъ часомъ, хотя, можетъ быть, и не съ одинаковой скоростью, и соотвѣтственно этому вездѣ постепенно уменьшается сила факторовъ, могущихъ съ нимъ бороться. А тогда не выйдетъ ли, что въ безконечномъ мірѣ разсѣяніе энергіи должно произойти скорѣе, чѣмъ въ конечномъ, можетъ быть даже безконечно скорѣе?

Какъ отнестись ко всѣмъ этимъ недоумѣніямъ? Мнѣ кажется изъ нихъ съ убѣдительною вытекаетъ одно заключеніе: апелляція къ безконечности есть орудіе двусмысленное и обоюдоострое и лучше къ ней не прибѣгать. Предметы опыта надо брать въ ихъ конкретной опредѣленности и эмпирической законмѣрности, и если до сихъ поръ установленная механическая законмѣрность не объясняетъ очень важныхъ сторонъ въ ихъ наличномъ бытіи, это надо констатировать, а не умалчивать и не прикрывать бесплодной схоластической игрой въ темные парадоксы. Объ этомъ тѣмъ болѣе надо помнить въ разсматриваемомъ вопросѣ: дѣло, въ сущности, вовсе не въ томъ, долженъ ли міръ, предоставленный чисто механическому ходу, когда-нибудь кончиться или, напротивъ, вѣчно пребывать въ постепенно нарастающей агоніи, а въ томъ, почему вообще міровой процессъ данъ. Почему въ самомъ началѣ

вещей энергія оказалась собранною въ разнообразныя формы, или, говоря совсѣмъ просто, почему матерія, при возникновеніи міра, была распредѣлена въ пространствѣ неравномѣрно и неправильно? Механическая эволюція этого не объясняетъ, потому что она ведетъ не къ собиранію, а къ разсѣянію энергіи и, слѣдовательно, не къ многообразію, а совершенному однообразію формъ. Скажемъ ли мы, что это разнообразіе формъ міровой энергіи дано уже въ безконечномъ прошломъ, и на этомъ успокоимся? Но развѣ это значитъ рѣшить вопросъ? Вѣдь тѣмъ не менѣе такое разнообразіе есть нѣчто безспорно наличное во всѣхъ порядкахъ явленій, на всемъ протяженіи вселенной, и если источникъ его теряется въ безконечности прошлаго, это тѣмъ болѣе выдвигаетъ его изначальный характеръ, который надо какъ нибудь обосновать и оправдать. Остановимся ли на предположеніи, что разнообразіе міровой энергіи представляетъ голый фактъ, изначальную непостижимую случайность, ни на что далѣе не сводимую? Но можно ли случайность считать объясненіемъ,—особенно такую случайность, повторенную безконечное множество разъ въ безконечномъ пространствѣ безконечнаго міра? Одна и та же случайность, притомъ идущая наперекоръ основнымъ тенденціямъ міровой механики, безконечно повторяемая, есть нѣчто въ такой мѣрѣ внутренне невѣроятное, что она для серьезной мысли переходитъ въ явную нелѣпость. Итакъ, разсѣяніе энергіи, возьмемъ ли мы его въ конечномъ или безконечномъ масштабѣ, не можетъ служить окончательнымъ терминомъ при пониманіи извѣстной намъ природы. Міровая пружина не только раскручивается, она прежде всего закручена; и мы вынуждены предположить міровые факторы, обосновывающіе, какъ одно, такъ и другое явленіе, иначе наша концепція вселенной въ ея цѣломъ будетъ страдать неисправимыми логическими противорѣчіями.

Какъ относился самъ Н. И. Шишкинъ къ тому возможному возраженію на его выводы, которое опирается на безконечность міра? Проблема безконечности всегда очень

занимала его и онъ много размышлялъ надъ различными видами безконечнаго въ математикѣ и геометріи. Тѣмъ не менѣ въ излагаемой нами теперь статьѣ его онъ ничего не говоритъ объ этомъ возраженіи и его не обсуждаетъ. Это отчасти объясняется тѣмъ, что вопросъ о началѣ и концѣ вселенной составляетъ только вводную часть статьи и центръ тяжести ея лежитъ не въ немъ. Но были, мнѣ кажется, и болѣе существенные мотивы такого умолчанія, которые уяснились изъ устныхъ бесѣдъ съ нимъ. Во-первыхъ, онъ указывалъ, что необходимость признать немеханическую основу механическихъ процессовъ природы нисколько не мѣняется отъ того, возьмемъ ли мы ихъ въ конечномъ или безконечномъ масштабѣ ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія, изображеніе механической эволюціи какъ процесса конечнаго во всякомъ случаѣ имѣетъ преимущество большей наглядности. Съ другой стороны, вполнѣ признавая принципиальную силу разсмотрѣннаго нами выше аргумента, онъ одновременно ясно видѣлъ шаткость и двусмысленность діалектическихъ примѣненій понятія о безконечномъ къ реальнымъ процессамъ міра. Если я не ошибаюсь, высказанныя мною на предшествующихъ страницахъ соображенія отвѣчаютъ по существу его собственнымъ взглядамъ на предметъ, хотя самъ онъ, вѣроятно, облекъ бы ихъ въ болѣе точныя физическія и математическія формы. Но въ интересахъ цѣльности изложенія я все-таки не считалъ возможнымъ пройти ихъ со всѣмъ молчаніемъ.

III.

Взглядъ Н. И. Шишкина на неизбежность конца міровой эволюціи, если только надъ вселенной господствуютъ одни механическіе законы и силы, не былъ высказанъ имъ первымъ и не составляетъ его единоличнаго достоянія: его раздѣляютъ съ нимъ очень многіе и весьма знаменитые

---

¹⁾ Въ одной изъ своихъ черновыхъ тетрадей онъ говоритъ, что въ безконечномъ мірѣ существуетъ асимптотическое стремленіе къ стационарному состоянію.

физики. То, что есть своеобразнаго въ изложенной выше аргументаціи, заключается въ ея необыкновенной простотѣ и въ ея строго принципіальной постановкѣ; будущая космическая смерть разсматривается имъ не въ качествѣ непреложнаго реального факта, она, въ его глазахъ, есть только невольное слѣдствіе изъ посылокъ односторонней и потому недостаточной теоріи. Н. И. Шишкинъ вовсе не былъ безнадежнымъ пессимистомъ, основной тонъ его міросозерцанію давала глубокая вѣра въ идеальный смыслъ существованія. Онъ совершенно не думалъ, что вся жизнь природы есть въ самомъ дѣлѣ сплошная агонія, неуклонно ведущая къ роковому исходу, совсѣмъ наоборотъ, именно въ неизбѣжности такъ думать, если стоять на чисто механической точкѣ зрѣнія, заключался для него величайшій судъ надъ механическимъ міропониманіемъ, вѣрнѣйшее доказательство его ограниченности и неполноты. Всеобщая смерть всего живущаго въ результатъ мірового процесса имѣетъ для него не догматическое значеніе метафизической истины, а только критическое по отношенію къ той теоріи, изъ которой она съ необходимостью вытекаетъ: въ неизбѣжности вѣрить въ эту смерть, какъ единственную сущность міровой эволюціи, лежитъ *reductio ad absurdum* механическаго догматизма.

Разсмотрѣвъ вопросъ о началѣ и концѣ вещей, Н. И. Шишкинъ обращается къ другому уже психологическаго порядка. Это вопросъ о свободѣ воли, надъ которымъ онъ много размышлялъ и при рѣшеніи котораго высказалъ взгляды настолько своеобразные, что они по полному праву должны соединяться съ его именемъ. Впрочемъ, въ излагаемой теперь статьѣ онъ освѣщаетъ вопросъ о свободѣ только съ одной опредѣленной стороны и дѣлаетъ лишь такія предположенія, которыя выражались и раньше его. Онъ говорить объ отношеніи проблемы о свободѣ воли къ предпосылкамъ механической теоріи. Мыслима ли и допустима ли свобода какихъ бы то ни было дѣйствій съ механической точки зрѣнія? Казалось бы, здѣсь не можетъ быть никакого

спора: механическая теорія, по самой сущности своей стремящаяся къ тому, чтобы *предсказывать явленія*, въ этомъ пунктѣ должна поддерживать матеріализмъ, представлять всю исторію міра какъ совершенно *роковой* процессъ и рѣшительно отрицать свободу и самоопредѣленіе у какихъ бы то ни было силъ и дѣятелей въ природѣ. Для строгаго механиста, въ томъ космическомъ облакѣ, изъ котораго, по гипотезѣ Канта и Лапласа, образовалась наша вселенная, уже были предначертаны всѣ послѣдующія движенія молекулъ, всѣ физико-химическія соотношенія, а стало быть, и всѣ дѣйствія животныхъ и человѣка, государствъ и народовъ. Такъ кажется съ перваго взгляда, и тѣмъ не менѣе этотъ выводъ вызываетъ весьма законныя сомнѣнія.

Что такое роковое движеніе? Движеніе, выраженное формулой, которая составляетъ его законъ, неизмѣнный какъ для прошлаго, такъ и для будущаго. Таковы движенія небесныхъ свѣтилъ: мы указываемъ затменія, бывшія тысячу лѣтъ назадъ, и можемъ предсказать другія за тысячу лѣтъ впередъ. Но такихъ движеній сравнительно со всѣми тѣми, которыя могутъ встрѣтиться наблюдателю, очень немного. Измѣнность большинства изъ нихъ можно доказывать только опытомъ, а опытъ въ этомъ отношеніи представляетъ критерій весьма шаткій, который никогда не приводитъ къ выводамъ настолько единообразнымъ, чтобы даннымъ его можно было приписать роковую необходимость. Въ нашемъ опытѣ повторяется только какое-нибудь общее явленіе, но въ частностяхъ его подробности бываютъ весьма различны. Ребенокъ, получивъ свѣтовое впечатлѣніе, начинаетъ двигаться; но у разныхъ дѣтей и у одного и того же ребенка въ разныя времена при одномъ и томъ же впечатлѣніи могутъ возникнуть далеко не одинаковыя движенія. Имѣемъ ли мы право каждое изъ подобныхъ движеній признать за что-то совсѣмъ роковое? Вѣдь мы никакъ не можемъ съ увѣренностью предсказать ихъ во всѣхъ ихъ деталяхъ. Правда, мы не можемъ и отрицать необходимости въ нихъ, скрытой за сложностью условій ихъ возникно-

венія, — мы можемъ только сказать, что и то и другое не доказано.

Сомнѣнія въ роковомъ характерѣ наблюдаемыхъ движеній съ наибольшею силой появляются тогда, когда мы станемъ сравнивать движенія въ царствѣ растений и животныхъ. Извѣстно, что многія растения и животныя стремятся къ свѣту, и это стремленіе, съ перваго взгляда, кажется совершенно неизбѣжнымъ и механическимъ. Помѣстимъ подобное растение въ ящикъ, въ который свѣтъ проходитъ только съ одной стороны, — оно отклонится въ освѣщенную сторону. Но откроемъ у ящика двѣ смежныя стѣнки, и растение не наклонится ни въ ту, ни въ другую сторону, а выберетъ направленіе, совпадающее съ діагональю параллелограмма, построеннаго на направленіяхъ, по которымъ оно склонилось бы, если бы были открыты стѣнки порознь. Весьма правдоподобно поэтому, что здѣсь дѣйствуютъ силы чисто-механическія, и роковая необходимость этихъ движеній почти несомнѣнна. Однако попробуемъ произвести тѣ же опыты съ низшими животными, которыя также повидимому механически стремятся къ свѣту, и мы убѣдимся, что уже не можемъ заранѣе предсказать ихъ движеній: они выберутъ то или другое направленіе безъ всякаго внѣшняго механическаго мотива и во всякомъ случаѣ, не будутъ складывать своихъ движеній по закону параллелограмма. „Удержать животное на мѣстѣ подъ вліяніемъ двухъ равныхъ и противоположныхъ стремленій нѣтъ никакой возможности, и только одинъ Буридановъ осель могъ голодать между двумя стогами сѣна, потому что не было причины подойти къ одному изъ нихъ предпочтительно передъ другимъ“ ¹⁾.

Но какъ же это понять? Такая самопроизвольная измѣнчивость въ направленіи движеній не стоитъ ли въ противорѣчій съ основными требованіями механики? Такъ кажется только при одностороннемъ пониманіи этихъ требованій.

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 135—138.

Нѣкоторые математики, напр. Сень-Венанъ, Максуэль и Буссинескъ (Boussinesq), пытались установить на математическомъ основаніи возможность принципа, который они назвали *направляющимъ принципомъ*. Буссенэ высказываетъ такія соображенія. Когда механика желаетъ опредѣлить законъ движенія въ зависимости отъ времени, она ставитъ вопросъ въ безконечно маломъ масштабѣ, отъ котораго по извѣстнымъ правиламъ высшаго анализа переходитъ къ отношеніямъ конечнымъ. Получается уравненіе, выражающее искомый законъ. Но вмѣстѣ съ этимъ можетъ получиться и другой законъ, который также удовлетворяетъ вопросу. Получаются такимъ образомъ два направленія для движущагося тѣла, которыя при этомъ сложены быть не могутъ, такъ какъ равнодѣйствующая этихъ направленій уже не можетъ удовлетворить вопросу. Точку, гдѣ начинается такое раздвоеніе, можно назвать вмѣстѣ съ Максуэлемъ *критической* точкой: это такое положеніе движущагося тѣла, начиная съ котораго нельзя предсказать дальнѣйшее его движеніе. Максуэль приводитъ въ примѣръ шаръ, находящійся на самой верхней точкѣ опрокинутой сферической чашки. Направленіе, по которому скатится этотъ шаръ, опредѣляется безконечно малымъ его перемѣщеніемъ и, слѣдовательно, выборъ его не требуетъ никакой замѣтной затраты работы. Буссинескъ въ своихъ математическихъ примѣрахъ показываетъ такого рода возможные движенія, при которыхъ движущаяся точка, дойдя до критическаго положенія, можетъ тамъ остановиться на неопредѣленно продолжительное время и идти по одному изъ двухъ направленій до новаго такого же положенія. И эти измѣненія могутъ происходить безъ ощутительныхъ усилій, безъ траты или приобрѣтенія энергіи, и не нарушая ни закона непрерывности, ни закона сохранения энергіи. Чѣмъ же будетъ, съ этой точки зрѣнія, одаренный произвольнымъ движеніемъ организмъ животнаго? Онъ долженъ представлять такую систему матеріальныхъ частицъ, которыя имѣютъ много такихъ критическихъ положеній при своемъ

движеніи. Какой характеръ нужно приписать силамъ, которыя выражаютъ себя въ самопочинномъ началѣ движеній и въ самопроизвольномъ выборѣ ихъ направленія? Это не могутъ быть силы физическія, потому что онѣ, по основному о нихъ понятію, не имѣютъ ничего общаго съ самопроизвольностью и самоопредѣленіемъ: здѣсь можетъ быть рѣчь только о силѣ *экстра-физической*.

Итакъ, и въ вопросѣ о свободѣ воли, какъ въ вопросѣ о началѣ и концѣ міра, механическая теорія должна занять примирительную позицію. Указывая на возможность существованія матеріальныхъ системъ со многими критическими точками, она устанавливаетъ механическую мыслимость самоопредѣленія и свободы. Поэтому роковая неизбежность и предопредѣленность всѣхъ явленій оказывается предположеніемъ, одинаково сомнительнымъ и съ точки зрѣнія конкретнаго опыта, и съ точки зрѣнія апріорныхъ выводовъ науки ¹⁾.

Итакъ, свобода есть понятіе механически мыслимое, таковъ выводъ по этому вопросу въ статьѣ „О психофизической энергіи съ точки зрѣнія механической теоріи“. Какъ увидимъ, этимъ Н. И. Шишкинъ не ограничится въ своей другой статьѣ, озаглавленной „О детерминизмѣ въ связи съ математической психологіей“, онъ будетъ доказывать, что при извѣстныхъ условіяхъ свобода есть *математически необходимое* понятіе, и что эти условія несомнѣннымъ образомъ даны въ психической жизни человѣка. Тамъ станетъ яснымъ, что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ свобода должна быть неизбежнымъ фактомъ, а не только проблематической возможностью. Но въ рассматриваемой статьѣ его интересуетъ не это: повидимому въ ней его всего болѣе занимаетъ возможная роль свободнаго выбора направленной дѣйствія въ механизмѣ космической эволюціи.

Правда, въ статьѣ „О психофизической энергіи“ эта сторона дѣла освѣщена мало. Но если сопоставить то, что

¹⁾ Тамъ же, стр. 138—139.

сказано въ ней, съ довольно многочисленными разсужденіями на эту тему въ черновыхъ тетрадяхъ Н. И. Шишкина. мы съ очевидностью убѣдимся, что для него въ предположеніи силъ или агентовъ, способныхъ къ произвольному выбору направленія движеній, заключается ключъ къ рѣшенію проблемы о собираніи міровой энергіи или о закручиваніи міровой пружины. Въ одной изъ своихъ тетрадей, изложивъ фантазію Максуэля о маленькихъ планомѣрно дѣйствующихъ сознательныхъ существахъ, которыя путемъ минимальной затраты энергіи и помощью самыхъ простыхъ приѣмовъ заставляютъ атомы двигаться наперекоръ требованіямъ второго закона термодинамики, при чемъ энергія уже не разсѣивается, а собирается, Н. И. Шишкинъ пишетъ: „Въ замѣчаніи Максуэля заключается смыслъ гораздо больший, чѣмъ сколько его можно предположить въ простомъ шуточномъ примѣрѣ. Въ переводѣ на научные термины оно значитъ: существа, обладающія сознаниемъ, могутъ, если не создать какую-нибудь новую энергію, то направить старую на новый путь“.

И въ многихъ другихъ мѣстахъ у него возвращается та же мысль: только сознающей и самопроизвольно избирающей, въ этомъ смыслѣ *психической*, силѣ можетъ принадлежать созидающая дѣятельность въ мірѣ. Физическія силы, если только механическое ученіе правильно толкуетъ ихъ природу, не составляютъ дѣйствительныхъ источниковъ созидающей активности. Это особенно дѣлается яснымъ въ свѣтѣ новаго механическаго міровоззрѣнія, основателемъ котораго является Герцъ. Руководящія мысли Герца можно формулировать очень коротко: движеніе можетъ породить только движеніе и можетъ произойти только отъ движенія; поэтому представленія о силѣ и энергіи, какъ о чемъ-то отличномъ отъ движенія, нужно отбросить, они всецѣло замѣняются понятіемъ о движеніяхъ въ явныхъ и скрытыхъ массахъ; масса, пространство и время—вотъ окончательные термины, изъ которыхъ строится механика вселенной. Основной принципъ механиче-

скаго міросозерцанія, съ этой точки зрѣнія, есть исправленная и обобщенная аксіома инерціи: тѣло пребываетъ или въ состояніи покоя или въ состояніи движенія по самому прямому пути. Въ этомъ законѣ коренится неуклонное стремленіе міра къ стаціонарному состоянію. Другими словами это значитъ, что никакія силы физическаго порядка не могутъ удержать природу на ея пути къ непрерывному умиранію.

При такомъ взглядѣ на вещи, какъ отнестись къ психическимъ явленіямъ? Съ ними нечего больше дѣлать, какъ совершенно ихъ исключить изъ механической картины. Что бы мы о нихъ ни думали, они во всякомъ случаѣ не движенія. Они представляютъ нѣчто *немеханическое* и въ то же время они существуютъ самымъ несомнѣннымъ образомъ. Итакъ, они единственное безспорно существующее немеханическое въ природѣ. Это само по себѣ заставляетъ думать, что психическимъ факторамъ принадлежитъ какое-то особое мѣсто въ эволюціи вселенной.

Герцъ допускаетъ, что не всѣ тѣла одинаково безусловно подчиняются основному принципу механической связи вещей: къ числу подобныхъ исключеній онъ относитъ тѣла живыя, — они подчиняются этому принципу, хотя и во многихъ, но не во всѣхъ отношеніяхъ. Чѣмъ же имъ дается ихъ исключительное положеніе? Герцъ замѣчаетъ, что именно психическія явленія, свойственныя высшимъ живымъ тѣламъ, составляютъ то, что не разрѣшается на чисто механическія отношенія и не подчиняется имъ. Н. И. Шишкинъ полагаетъ, что этимъ должна опредѣляться роль этихъ явленій въ общей исторіи природы: пускай они не могутъ создать новой энергіи, но они могутъ измѣнять направленіе энергіи, уже существующей. Такая способность обыкновенно называется *произвольнымъ* движеніемъ, но было бы правильнѣе ее назвать *прерывнымъ* движеніемъ. Сравнимъ движеніе планеты вокругъ солнца съ полетомъ бабочки, и мы тотчасъ увидимъ, какой внѣшній признакъ присутствуетъ при наличности психическихъ воздѣй-

ствій. И чѣмъ болѣе развита психика животнаго, тѣмъ прерывнѣе и разнообразнѣе дѣлаются его движенія. Сравнимъ собаку, которая бѣжитъ по полю, и тутъ же идущаго чело-вѣка: насколько рельефнѣе сказывается въ человѣческихъ движеніяхъ ихъ осмысленность и свободная цѣлесообразность. Все это позволяетъ сдѣлать слѣдующее важное обобщеніе: только та сила въ природѣ обладаетъ дѣйствительно созидающею дѣятельностью, которая способна осмысленно измѣнять направленіе механическихъ процессовъ. Не будь ея, жизнь природы давно бы остановилась. Мы не знаемъ полноты проявленій этой силы, не знаемъ ея внутренней сущности,—одного только мы не можемъ отрицать—ея несомнѣнно *психическаго* характера.

Съ всегдашнею сдержанностью Н. И. Шишкинъ ограничивается этимъ общимъ заключеніемъ. А между тѣмъ, какія оно открываетъ широкія перспективы для мысли. Вѣдь если собираніе энергіи въ мірѣ невысказимо безъ непосредственнаго воздѣйствія психической, интеллектуальной силы, тогда предѣлы психическаго безконечно раздвигаются. Психическія явленія нельзя уже приурочивать только къ животнымъ и человѣческимъ организмамъ: они должны быть вездѣ, гдѣ жизнь не угасла и гдѣ она борется съ смертю. Психика, съ этой точки зрѣнія, превращается въ космическую потенцію, разлитую во всей вселенной, облекающуюся въ невообразимо безграничное разнообразіе формъ. Такъ необходимо должно быть, если всякое разнообразіе въ мірѣ въ послѣднемъ основаніи зависитъ отъ нея. Душевная жизнь животныхъ и чело-вѣка возникла лишь тогда, когда природа развилась до органическихъ формъ. Но какая это поздняя стадія міровой эволюціи и какой это, съ другой стороны, ея малый и незамѣтный моментъ! Вселенная миллиарды лѣтъ существовала и развивалась раньше его, а когда міровая пружина закрутилась впервые, объ этомъ мы не можемъ составить себѣ никакого представленія. Одно ясно: если для всего этого нужна психическая сила, ограниченная психика организмовъ ничему тутъ не поможетъ.

Здѣсь можетъ быть рѣчь лишь о міровомъ разумѣ и міровомъ духѣ.

Но какъ же это понять? Представлять ли этотъ міръ духовныхъ центровъ созидающей силы какъ что-то отличное отъ физической природы и даже противоположное ей по своей субстанціи? Думать ли, что космическій духъ существуетъ рядомъ съ матеріальною природою, въ которой ничего нѣтъ, кромѣ механическихъ свойствъ и отношеній? Такое толкованіе менѣе всего отвѣчало бы интимнымъ взглядамъ Н. И. Шишкина. Онъ никогда не былъ склоненъ къ картезианскому дуализму матеріи и духа. Для него механическая теорія была только методомъ изслѣдованія, только картиною дѣйствительности, притомъ далеко не выражающею всѣхъ ея качествъ. Кромѣ механическихъ свойствъ, въ вещахъ даны и другія, быть можетъ, еще болѣе основныя и существенныя, и они не могутъ не выражаться въ реальномъ развитіи міра. Механической ходъ вещей не представляетъ изъ себя чего-нибудь абсолютно замкнутаго, всѣмъ своимъ строемъ онъ оставляетъ въ себѣ мѣсто для воздѣйствія свойствъ и силъ высшаго порядка,—къ этой мысли Н. И. Шишкинъ возвращался постоянно. Въ его глазахъ духовность была имманентна міровой жизни, а не находилась гдѣ-то внѣ ея. Его воззрѣнія въ этомъ отношеніи приближались скорѣе къ философіи Лейбница, которую онъ всегда высоко цѣнилъ.

Таковы были взгляды Н. И. Шишкина на возникновеніе и возможный конецъ мірового процесса и на дѣйствующія въ немъ силы. Въ слѣдующихъ главахъ я постараюсь ознакомить читателя съ его своеобразными воззрѣніями на бессмертіе души, на свободу человѣческой воли и на реальную природу пространства.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Л. Лопатинъ.

Кризисъ современнаго правосознанія ¹⁾.

III.

Кризисъ теоріи Руссо въ XIX вѣкѣ не былъ только крушеніемъ идеи народнаго суверенитета: это было вмѣстѣ съ тѣмъ крушеніе идеи справедливаго государства, гармонически сочетающаго свободу и равенство отдѣльныхъ лицъ съ господствомъ и всемогуществомъ общей воли. Вопросъ, который поставилъ Руссо въ политикѣ, можно сравнить съ тѣмъ вопросомъ, который Кантъ поставилъ въ философіи. Какъ возможны синтетическія сужденія а priori,— что означаетъ: какъ возможно твердое познаніе—спрашивалъ Кантъ въ „Критикѣ чистаго разума“. Подобно ему, Руссо спрашиваетъ въ „Общественномъ договорѣ“: „нѣтъ ли въ гражданскомъ строѣ какого-либо правила управленія законнаго и твердаго“ ²⁾, что въ его изложеніи значить: какъ возможно справедливое государство. И подобно тому, какъ Кантъ отвѣчаетъ на основной вопросъ теоріи познанія указаніемъ необходимыхъ формальныхъ условій, при наличности которыхъ твердое познаніе становится возможнымъ, такъ Руссо разрѣшалъ основной политической вопросъ указаніемъ тѣхъ формальныхъ условій, которыя необходимы для осуществленія справедливаго государства. Многие политическіе мыслители до Руссо задавались этимъ вопро-

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“, кн. 84.

²⁾ Je veux chercher si, dans l'ordre civil, il peut y avoir quelque règle d'administration légitime et sûre—таквы начальныя слова „Contrat social“ (L. I, préambule).

сомъ и отвѣчали на него обыкновенно начертаніемъ конкретного образа совершеннаго государственнаго устройства. Указывали нормальное число гражданъ и подробности ихъ жизни, какъ это дѣлалъ Платонъ; требовали особенно благопріятнаго географическаго положенія и особой экономической организаціи, какъ Томасъ Моръ; или же настаивали на осуществленіи опредѣленныхъ формъ государственнаго устройства, какъ дѣлали писатели, придававшіе рѣшающее значеніе политическимъ учрежденіямъ. Читатели „Общественнаго договора“ знаютъ, что Руссо не говоритъ ни о чемъ этомъ. Онъ отлично понимаетъ, что „свобода не есть плодъ, произрастающій во всѣхъ климатахъ“, но онъ далекъ отъ того, чтобы приурочивать идеальныя опредѣленія къ какимъ-либо конкретнымъ условіямъ, естественнымъ, экономическимъ, политическимъ, или инымъ. Онъ даетъ лишь общую формальную схему, которая, по его мысли, можетъ быть осуществлена при различныхъ условіяхъ ¹⁾. Такъ, напримѣръ, онъ одинаково допускаетъ различныя формы управленія: демократію, аристократію,

---

¹⁾ Противъ этого не можетъ служить возраженіемъ, что, по мнѣнію Руссо, для осуществленія идеальнаго строя народъ не долженъ быть ни слишкомъ старымъ, ни слишкомъ изчѣженнымъ, простымъ, естественнымъ и единомышленнымъ. Всѣ эти и подобныя требованія относятся не къ конкретнымъ условіямъ общественнаго устройства, а къ духовнымъ свойствамъ и задаткамъ народа, безъ которыхъ онъ не можетъ не только осуществить идеальныхъ основъ справедливаго порядка, но даже и понять ихъ цѣнность и значеніе. Нерѣдко утверждали, что Руссо относилъ свое идеальное построеніе только къ малымъ государствамъ и считалъ его неосуществимымъ для большихъ, но это — чистое недоразумѣніе, опровергаемое текстомъ «Общественнаго договора». Не говоря о томъ, что Руссо указываетъ извѣстный выходъ для государствъ, которыхъ нельзя свести къ надлежащимъ границамъ (L. III, ch. XIII), онъ разумѣетъ, конечно, не что иное какъ извѣстную форму федерализма, когда говорить о „возможности согласовать внѣшнее могущество большаго народа съ легкой политикой и добрымъ порядкомъ малаго государства“ (L. III, ch. XV). Въ „Gouvernement de Pologne“ (ch. V), это выражается съ полной ясностью: „Presque tous les petits États, républiques et monarchies indifféremment, prospèrent par cela seul, qu'ils sont petits... Appliquez-vous, à étendre et à perfectionner le système des gouvernements fédératifs, le seul qui réunisse les avantages et des grands et des petits États...“

монархію. Но всѣ эти формы лишь тогда законны, если онѣ согласуются съ общей волей народа и если онѣ имѣютъ въ виду высшее благо всѣхъ, которое должно быть цѣлью всякой системы законодательства и которое сводится къ двумъ главнымъ предметамъ: *свободѣ* и *равенству* (L. II, ch. XI). Общая воля народа, осуществляющая свободу и равенство всѣхъ—вотъ необходимое формальное условіе, внѣ котораго нѣтъ справедливаго государства; въ этомъ именно и заключается то правило управленія, котораго искалъ Руссо—*„une règle d'administration légitime et sûre“*. Своимъ гениальнымъ чутьемъ Руссо проникъ въ самую глубь политической проблемы, и въ этомъ заключается непреходящее значеніе его трактата, болѣе важное, чѣмъ то, которое ему придаютъ обыкновенно: быть отраженіемъ и евангеліемъ своей эпохи.

Особенность и оригинальность „Общественнаго договора“ заключалась, однако, не только въ глубокомысленной постановкѣ вопроса, но и въ знаменательномъ его разрѣшеніи. Обычнымъ типомъ построеній общественнаго идеала является тотъ, который былъ классически намѣченъ Платономъ: исходя отъ представленія объ извѣстномъ объективномъ началѣ справедливости, предлагаютъ осуществить его въ обществѣ актомъ мудраго и благодѣтельнаго управленія. Какъ говорилъ Платонъ, спасеніе государства заключается въ томъ, чтобы правители сдѣлались философами или философы правителями. Справедливость и мудрость приходятъ сверху, съ вершинъ человѣческаго генія. Таково было нерѣдко убѣжденіе многихъ великихъ политиковъ и реформаторовъ. Руссо какъ бы переворачиваетъ этотъ взглядъ въ самомъ его основаніи. Онъ предполагаетъ, что справедливость можетъ быть осуществлена только черезъ общую волю всѣхъ гражданъ. При устроеніи общества нужно прежде всего исходить изъ общей воли, изъ общественнаго договора, и все остальное приложится само собою: и справедливость, и равенство, и свобода, и всѣ блага общественной жизни. Въ этомъ утвержденіи заключа-

лась мысль и глубокая, и важная. Безспорно, что идеальнымъ общеніемъ слѣдуетъ признать лишь то, гдѣ законъ общественной жизни сдѣлался по древне-греческому выраженію νόμος ἔμφυλος, законъ живущій въ душѣ каждаго. Самая высшая справедливость, осуществленная противъ воли подчиняющихся ей лицъ, является принужденіемъ, и если объективныя начала справедливости не сдѣлаются общимъ сознаниемъ, онѣ не могутъ овладѣть жизнью до конца и выполнѣ. Въ то время какъ многіе увлекались идеалами просвѣщеннаго абсолютизма и благодѣтельныхъ реформъ сверху, Руссо съ необычайной силой понялъ и сказалъ: для того, чтобы идти до конца въ дѣлѣ справедливаго устроенія общества, надо основать его на общей волѣ, на общемъ признаніи. Это была идея смѣлая и блестящая. Какъ бы ослѣпленный откровеніемъ гения, великій Кантъ покорно повторяетъ за Руссо: „законодательная власть можетъ принадлежать только соединенной волѣ народа. Какъ источникъ всякаго права, она никому не должна причинять несправедливости; но это всегда возможно, если кто-либо постановляетъ рѣшенія относительно другихъ. Только тогда, когда каждый распоряжается самъ собою, онъ не можетъ быть несправедливымъ къ себѣ, согласно общему правилу: „volenti non fit injuria“ ¹⁾.

¹⁾ Rechtslehre, § 46.—Въ своемъ сочиненіи „Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ“ (М., 1901), я старался показать, что въ философіи Канта идеалъ Руссо подкрѣпляется ученіемъ объ автономіи воли и въ концѣ концовъ превращается въ отвлеченную норму, требующую не всенароднаго участія въ законодательствѣ, а законодательства въ духѣ всего народа. Кантъ формулируетъ идею общественнаго договора въ такихъ выраженіяхъ: sondern dieser Vertrag ist eine blosse Idee der Vernunft, die aber ihre unbezweifelte (praktische) Realität hat: nämlich jeden Gesetzgeber zu verbinden, dass er seine Gesetze so gebe, als sie aus dem vereinigten Willen eines ganzen Volkes haben entspringen können... (см. статью „Ueber den Gemeinspruch: das mag in der Theorie...“). Современные кантіанцы въ этомъ отношеніи близко примыкаютъ къ Канту. Такъ, на примѣръ, „Gemeinschaft frei wollender Menschen“ у Штаммлера также предполагаетъ, что „Regelung im Sinne einer allgemeingültigen Berücksichtigung eines jeden Rechtsunterworfenen geschieht, so dass ein jeglicher so behandelt und bestimmt wird, wie er, als frei gedacht, wollen muss“. (См. болѣе подробныя ссылки въ соч. „Кантъ и Гегель“,

Противъ этого можно было бы, конечно, возразить, что ставить справедливость всецѣло въ зависимость отъ общаго признанія такъ же невысказимо, какъ невозможно и осуществить ее противъ общей воли. Какъ міръ не долженъ погибнуть для того, чтобы торжествовала справедливость, такъ и справедливость не должна была бы исчезнуть, если бы этого захотѣлъ весь міръ. Но невысказимость подобныхъ отвѣченныхъ противоположеній съ очевидностью показываетъ, что между справедливостью и общимъ признаніемъ должно существовать опредѣленное соотношеніе и извѣстная гармонія. Для того, чтобы стать закономъ жизни, справедливость должна проникнуть въ сознаніе людей, а общее сознаніе для того, чтобы привести къ прочнымъ отношеніямъ, должно проникнуться справедливостью. Величайшая мысль въ ученіи Руссо заключалась именно въ томъ, что онъ указывалъ на необходимость гармоническаго соотношенія справедливости и общей воли для устроенія справедливаго государства. Такимъ образомъ онъ нашелъ то, чего искалъ, и вопросъ о справедливомъ государствѣ разрѣшился для него въ предположеніи, которое можно выразить такъ: справедливое государство будетъ осуществлено, если общая воля и справедливость найдутъ въ немъ гармоническое примиреніе. Но вѣдь эта формула выражала въ концѣ концовъ только высшую мечту, таившуюся въ глубинѣ многихъ великихъ политическихъ движеній. Руссо лишь придалъ ей ясное выраженіе и заострилъ радикализмъ скрывавшихся въ ней требованій. Онъ понялъ ее не какъ отдаленный идеалъ, а какъ лозунгъ для немедленнаго осуществленія. Сознаніе безконечности стремленій, раскрывавшееся съ высоты этого идеала, замѣнилось у него надеждой близкаго и прочнаго достиженія.

стр. 152, прим. 1). Идеаль „Gemeinschaft frei wollender Menschen“, какъ и „republicanische Verfassung“ Канта и какъ иныя понятія этого рода, встрѣчающіяся у другихъ кантіанцевъ, представляютъ лишь своеобразное выраженіе основной идеи „Contrat social“ и вмѣстѣ съ тѣмъ ея философское и практическое преобразование.

Источникомъ и подкрѣпленіемъ этой надежды являлись два основныхъ предположенія, на которыхъ основана была теорія Руссо: одно изъ нихъ относилось къ возможности ея немедленнаго осуществленія, другое обезпечивало ей нравственное значеніе и идеальное оправданіе. Эти два предположенія можно выразить такъ:

1) *Что общую волю, какъ определенный и постоянный элементъ, присущій волю отдельныхъ лицъ, легко найти и выразить въ законахъ;*

2) *что въ господствѣ общей воли и заключается торжество справедливости, ибо общая воля есть сама справедливость и всеюа является тѣмъ, чѣмъ она должна быть.*

Изъ этихъ двухъ положеній и вытекалъ практической выводъ: утвердите государство на общей волѣ, и все остальное приложится вамъ. Таковъ былъ практической смыслъ теоріи народнаго суверенитета. На этомъ именно была утверждена вѣра въ правовое государство, призванное осуществить общую волю въ учрежденіяхъ и законахъ.

Съ тѣхъ поръ прошло немногимъ болѣе вѣка, но за этотъ сравнительно короткій срокъ возрѣнія радикально перемѣнились. „Очевидная слабая сторона управленія, руководствующагося общественнымъ мнѣніемъ,—свидѣтельствуешь Брайсъ, заключается въ трудности выяснить это мнѣніе“ ¹⁾. Таково первое поученіе, почерпаемое нами изъ новѣйшаго политическаго опыта. Второе поученіе еще болѣе значительно и важно. Въ наше время объ общей волѣ не говорятъ уже, какъ о неизмѣнной справедливости, не называютъ ее абсолютной, священной и неприкосновенной. Въмѣсто классическаго опредѣленія Руссо: *elle est toujours constante, inaltérable et pure*, для современной эпохи является столь же классическимъ и характернымъ опредѣленіе А. Леруа-Больё: народное голосованіе даетъ всегда только голосъ народный, только то, что есть въ народѣ, „*le suffrage uni-*

¹⁾ Bryce, *The American Commonwealth*. New-York. 1903 Vol. II, p. 354, см. русскій переводъ, III часть, стр. 108. (М. 1890—переводъ съ перваго изданія).

versel ne sera jamais que l'expression de la voix populaire. De quelque façon qu'on l'interroge, il n'en sortira jamais que ce que la nation contient ¹⁾. Нечего и думать о томъ,—поясняетъ Альфредъ Фулье,—чтобы голосованіе большинства необходимо заключало въ себѣ истину и справедливость; это просто—среднее мнѣніе, l'opinion la plus moyenne. За невозможностью лучшаго, приходится довольствоваться здѣсь тѣмъ, что Декартъ называлъ *une morale de provision*, моралью предусмотрительности. Мораль скромная и повинующая внушать скромность тѣмъ, кто ею пользуется, потому что это мораль посредственности ²⁾.

Гегель сравнивалъ зарожденіе современнаго государства съ великолѣпнымъ восходомъ солнца. Практика жизненнаго обихода низвела его существованіе къ сумеркамъ обыденной жизни. Передовые мыслители Франціи, той Франціи, въ которой нѣкогда властно раздавались многообъщашіе завѣты Руссо, теперь проповѣдуютъ прежде всего—скромность. Горячая вѣра въ общую волю, какъ въ непрекаемую и святую истину, которая всегда есть то, чѣмъ она *должна быть*, смѣнилась скромнымъ сознаніемъ, что общая воля есть только то, что она *есть*, и что она никогда не можетъ дать болѣе того, что въ ней есть. вмѣсто вѣры въ мистическую непогрѣшимость общей воли нашему вѣку досталось сознаніе ея реальныхъ несовершенствъ. Это не значить, чтобы начало общей воли утратило всякое значе-

1) Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. 1898. Т. XLIX, р. 450. (Изъ преній по вопросу объ организаціи всенароднаго голосованія.) Чрезвычайно любопытно сопоставить въ этомъ отношеніи взгляды двухъ различныхъ эпохъ. Въ XVIII вѣкѣ о волѣ народа говорили: „de quelque manière qu'une nation veuille, il suffit qu'elle veuille. Toutes les formes sont bonnes, et sa volonté est toujours la loi suprême“. Въ наши дни о волѣ народа говорятъ: „de quelque façon qu'on l'interroge, il n'en sortira jamais que ce que la nation contient“. Первое утвержденіе принадлежитъ Сійесу, второе—А. Леруа-Болье. Невольное совпаденіе въ формѣ только сильнѣе подчеркиваетъ рѣшительное противорѣчіе въ содержаніи. Леруа-Болье, самъ того не подозревая, далъ антитезу старой формулѣ Сійеса.

2) Alf. Fouillée, La philosophie du suffrage universel въ Revue des deux mondes 1884. Т. LXV, 1 Septembre, pp. 112—113.

ніе. Нѣтъ, попережнему оно сохраняетъ значеніе въ высшей степени важное и, если угодно, руководящее. Но вмѣсто того, чтобы быть *безусловнымъ этическимъ принципомъ*, какимъ хотѣли его видѣть въ XVIII вѣкѣ, въ наше время оно является только *руководящимъ политическимъ факторомъ*. Съ нимъ необходимо считаться, какъ съ важнѣйшимъ условіемъ нормальнаго теченія государственныхъ дѣлъ, но въ немъ нельзя видѣть высшаго критерія законодательныхъ актовъ. Таково воззрѣніе, вытекающее изъ опыта жизни.

Какъ совершилась эта перемѣна взглядовъ? Отвѣтомъ на это послужитъ дальнѣйшее изложеніе, но прежде чѣмъ къ нему перейти, я хотѣлъ бы съ самаго начала намѣтить нѣкоторыя руководящія начала, которыя помогутъ намъ освѣтить какъ факты, подлежащіе нашему разсмотрѣнію, такъ и принципы, стоящіе съ ними въ связи. Мы указали выше, что ни одно изъ основныхъ предположеній Руссо не выдержало испытанія практики, и послѣдовавшее разочарованіе было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе заманчивыя перспективы открывались вначалѣ. Надежды и ожиданія „Общественнаго договора“ утверждались не только на вѣрѣ въ близкое торжество справедливой общей воли, но также и на убѣжденіи въ возможности сдѣлать это торжество прочнымъ и обезпеченнымъ. Руссо обѣщаль создать политику не только справедливую, но и легкую, доступную для всѣхъ и каждаго, дѣйствительно народную и простую,—политику, не требующую ни усилій, ни ухищреній, прозрачно-ясную въ своихъ положеніяхъ и безошибочную въ своихъ результатахъ. Такой именно смыслъ имѣло его ученіе о волѣ народа, нахожденіе которой онъ считалъ задачей почти математической, задачей простого ариѣметическаго подсчета: отбросьте плюсы и минусы, устраните крайности, которыя взаимно уничтожаются, и остатокъ покажетъ общую волю. При нормальныхъ условіяхъ, думалъ онъ,—„необходимость новыхъ законовъ замѣчается всѣми, и первый, кто ихъ предлагаетъ, высказываетъ лишь то, что чувствовали уже другіе“. Эта легкая политика—*la police aisée*,—о которой меч-

таль Руссо, явилась бы поистинѣ „великой государственной мудростью, которая нашла философскій камень и замѣняетъ трудъ государственнаго дѣятеля работой непогрѣшимой машины“¹⁾. Но возможно ли это? Возможно ли устранить трудъ политиковъ по призванію, трудъ исканій и размышленій, направленныхъ къ нахожденію общей воли изъ противорѣчія частныхъ стремленій? Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе разрѣшается отрицательно, чѣмъ яснѣе раскрывается внутренняя сложность идеи общей воли. Представляя собою скорѣе задачу или руководящую норму, чѣмъ наглядный жизненный фактъ, эта идея на самомъ дѣлѣ не могла ни получить немедленнаго осуществленія въ жизни, ни явиться основаніемъ для той легкой и безошибочной политики, о которой мечталъ Руссо. А гармоническое сочетаніе общей воли и справедливости, которое подразумевалось его теоріей, подкрѣпляя и оправдывая теорію народнаго суверенитета, вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе относило ее къ тѣмъ предѣльнымъ и конечнымъ цѣлямъ, которыя, подобно недосягаемымъ звѣздамъ, могутъ направлять въ пути, но сами остаются недостижимыми. Руссо предполагалъ, что господство общей воли обезпечиваетъ торжество справедливости, и основной смыслъ этого предположенія заключался въ томъ, что справедливый законъ долженъ утверждаться на всеобщемъ признаніи, такъ чтобы всѣ одинаково хотѣли его и чтобы каждый, соглашаясь со всѣми, „повиновался бы, однако, только самому себѣ“. Такая задача, будучи идеальной цѣлью общенія, встрѣчаетъ непреодолимые препятствія для немедленнаго осуществленія. Основать государство на общемъ согласіи, на общей волѣ всѣхъ представляется наилучшей и высшей опорой справедливости. Но для того чтобы воля, царящая въ обществѣ, была дѣйствительно общей, необходимо, *чтобы всѣ и каждый равнымъ образомъ и съ одинаковой силой хотѣли и могли опредѣлять свою*

¹⁾ Употребляю здѣсь слова, сказанныя по аналогичному поводу однимъ изъ выдающихся соотечественниковъ Руссо болѣе поздняго времени, практическимъ политикомъ Вельти.

судьбу, чтобы всѣ одинаково умѣли хотѣть, чтобы всѣ были равно надѣлены даромъ воли. Только въ этомъ случаѣ общій законъ могъ бы явиться волей каждаго, и оправдалось бы положеніе: *volenti non fit injuria*. Но стоитъ обдумать это условіе во всей глубинѣ заключающихся въ немъ требованій, чтобы признать, что осуществленіе его предполагаетъ идеаль, въ безконечности лежащій и не поддающійся непосредственному воплощенію въ жизни. Быть можетъ, именно процессъ образованія общей воли всего болѣе обнаруживаетъ, насколько трудно достигнуть, чтобы она отражала въ себѣ, какъ въ фокусѣ, совокупность всѣхъ индивидуальных волей. Въ обществѣ далеко не всѣ заявляютъ себя съ равной силой; на ряду съ руководящей мыслью и волей инициаторовъ и вождей мы замѣчаемъ пассивное подчиненіе или явное равнодушіе и безразличіе остальныхъ. Съ другой стороны, продукты общественнаго взаимодействія никогда не являются простой совокупностью или суммой отдѣльных сознаний и волей: изъ этого взаимодействія образуются своеобразные результаты, „которые въ сознаніи отдѣльнаго человѣка или совѣмъ не могли бы возникнуть, или по крайней мѣрѣ не могли бы достигнуть того развитія, какого они достигаютъ при взаимодействіи индивидуумовъ ¹⁾. Общая воля есть нѣчто вырастающее изъ взаимоотношенія отдѣльных волей и въ извѣстной степени противоположное имъ и возвышающееся надъ ними.

Но осуществленіе справедливой общей воли встрѣчаетъ затрудненіе и другого рода. Въ самомъ этомъ понятіи нѣтъ той естественной гармоніи, которую предполагалъ Руссо: справедливость не обуславливается однимъ фактомъ общаго согласія, и одна общность воли не создаетъ еще справедливаго порядка. Допустимъ, что дѣйствительно можно было бы согласить всѣхъ въ общемъ желаніи, значило ли бы это, что такое желаніе будетъ непременно соотвѣтствовать

¹⁾ Цитирую здѣсь слова Вундта въ *Völkerpsychologie* Bd. I, Th. I, S. 9. См. эту и другія аналогичныя цитаты у Лоскаго, О народовластіи „Новый Путь“ 1904 г., декабрь, стр. 411—415.

идеалу справедливости. Достоинство воли, какъ индивидуальной, такъ и общей, опредѣляется не однимъ свойствомъ ея самостоятельности, а той цѣлью, которую она себѣ ставитъ. А это значить, что гармонія общей воли и справедливости не есть фактъ, само собою разумѣющийся и предустановленный, а цѣль, которая должна быть достигнута. Въ этой цѣли общая воля находитъ для себя высшую норму и границу, а въ стремленіи къ ней свою постоянную задачу, разрѣшеніе которой по самому свойству этой задачи относится въ безконечную даль.

Но если въ самыхъ глубокихъ и основныхъ стремленіяхъ своихъ теорія общей воли оказалась безсильной претвориться въ дѣйствительность и въ лучшемъ случаѣ могла лишь послужить основаніемъ къ построенію конечнаго политическаго идеала, то жизнь все же извлекла изъ нея извѣстные практическіе выводы. Эти выводы далеко не соответствовали широкому замыслу Руссо и въ концѣ концовъ нашли для себя иное теоретическое обоснованіе, но такъ или иначе они несомнѣнно получили свою первоначальную силу при могущественной поддержкѣ доктрины „Общественнаго договора“. Практическая жизнь не могла подтвердить предположеній Руссо ни относительно легкаго нахожденія общей воли, ни относительно неизмѣнной гармоніи, существующей между этой волей и справедливостью. Но самая идея общей воли, при всей своей неопредѣленности и неясности, имѣла огромное преобразовательное значеніе въ смыслѣ измѣненія отношеній между властью и народомъ, и въ этомъ своемъ значеніи она явилась гранью между старымъ порядкомъ и новымъ. Какъ очень удачно указываетъ Джемсъ Стифенъ, различіе стараго и новаго политическихъ воззрѣній заключается въ томъ, что первое рассматриваетъ правящихъ, какъ высшихъ сравнительно съ подданными, какъ мудрыхъ и хорошихъ по характеру своего положенія, какъ законныхъ вождей и руководителей всего народа, не подлежащихъ критикѣ и осужденію, тогда какъ второе воззрѣніе беретъ правящихъ, какъ простыхъ агентовъ

и слугъ, а подданныхъ какъ господъ, полныхъ мудрости и доброты и вынужденныхъ только поручать свою власть такъ называемымъ правителямъ, за невозможностью для всего народа самому пользоваться ею: критика и сужденіе о власти является правомъ, которое принадлежитъ всѣмъ ¹⁾). Никакая другая теорія не выразила этого новаго воззрѣнія съ такой яркостью и силой, какъ теорія „Общественнаго договора“. И несомнѣнно, что отсюда именно получила свое самое сильное подкрѣпленіе позднѣйшая теорія правового государства, которая учитъ, что „престижъ конституціонной государственной власти заключается не въ недостижимой высотѣ, а въ томъ, что она находитъ поддержку и опору въ народѣ“, что „опираться на народъ является ея основной задачей и цѣлью, такъ какъ сила, прочность и устойчивость ея заключается въ народной поддержкѣ ²⁾“.

Связь этого воззрѣнія съ теоріей народнаго суверенитета безспорна, но въ наше время идея о необходимой солидарности власти и народа находитъ свое обоснованіе не въ ученіи о непогрѣшимости общей воли, а въ особомъ представленіи о государствѣ, какъ о юридическомъ лицѣ, въ которомъ народъ является основнымъ элементомъ, имѣющимъ значеніе не только объекта власти, но также и субъекта ея. Власть есть лишь органъ цѣлаго, внѣ котораго она не имѣетъ значенія и въ интересахъ котораго она получаетъ свои полномочія. Въ этомъ воззрѣніи понятіе народной воли сохраняетъ огромное значеніе, какъ символъ солидарности власти и народа и какъ выраженіе государственнаго единства. Но при этомъ предполагается, что воля народа, поскольку онъ является организованнымъ юридическимъ лицомъ, имѣетъ свои органы. Народъ, разсматриваемый, какъ государство, есть прежде всего организа-

---

¹⁾ Sir James-Fitzjames Stephen, History of the Criminal Law of England. London, 1883. VII, p. 229. Полностью цитата приведена у Мэна, „Опыты о народномъ правленіи“, первая глава.

²⁾ См. опредѣленія Б. А. Кистяковского въ его статьѣ: „Государство правовое и социалистическое“. Вопр. фил. и псих., кн. 85.

ція, а каждая организація неизбѣжно предполагаетъ извѣстное устроеніе элементовъ, выдѣленіе органовъ изъ общей массы, противопоставленіе и подчиненіе однихъ другимъ. Какъ бы ни была эта организація демократической по своимъ основаніямъ, она всегда и неизбѣжно требуетъ органовъ, выдѣленныхъ изъ совокупности гражданъ, и сколько бы ни создавали гарантій для установленія зависимости этихъ органовъ отъ народа, на практикѣ они всегда будутъ имѣть извѣстное право распоряженія и усмотрѣнія, извѣстную самостоятельность. Надъ всѣмъ этимъ построеніемъ современной теоріи, конечно, возвышается идея государства, какъ цѣлаго, идея солидарности и единенія власти съ народомъ. Но всѣ эти понятія берутся здѣсь въ скромной формулировкѣ руководящихъ началъ на трудномъ и длинномъ пути осуществленія идеи справедливости. Существеннымъ отличіемъ этого взгляда является то, что онъ не ожидаетъ немедленнаго претворенія въ дѣйствительность идеальныхъ началъ, онъ не ждетъ отъ жизненной практики законченной гармоніи и даже принципиально исключаетъ мысль о такой гармоніи изъ представленія о неустанномъ развитіи и свободномъ состязаніи человѣческихъ силъ. Въ этомъ смыслѣ идеальнаго справедливаго государства, гармонически сочетающаго начала равенства и свободы съ господствомъ общей воли, представляется оставленной и пережитой мечтой. Но развитіе въ духѣ справедливости и всеобщей солидарности попрежнему остается руководящей цѣлью политики.

Лучшимъ подтвержденіемъ высказанныхъ здѣсь положеній служить исторія тѣхъ политическихъ опытовъ, которые вдохновлялись теоріей Руссо. Эта исторія представляетъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ послѣдовательныхъ разочарованій въ возможности осуществить идею народнаго суверенитета въ томъ видѣ, въ какомъ она предносилась ея знаменитому провозвѣстнику. Въ сущности, обо всей теоріи Руссо можно было бы сказать то, что говорить о ней Эсменъ по одному частному поводу (по вопросу объ

ея отношеніи къ монархіи): „придуманная Руссо комбинація допустима лишь при условіи признанія присущихъ ей принциповъ, и никогда она не примѣнялась на практикѣ и не была испробована“¹⁾.

Тотъ искусь, черезъ который прошла теорія Руссо, мы рассмотримъ въ двухъ направленіяхъ. Мы покажемъ сначала, какъ мало оправдалось его убѣжденіе, что общая воля есть ясная и легко опредѣлимая норма, устрояющая политическую жизнь, чтобы затѣмъ разъяснить, сколь мало эта воля сама по себѣ можетъ быть признана чистой и безспорной справедливостью.

IV.

Народная воля представляетъ собою чистую справедливость, которую легко найти и воплотить въ законахъ—таковъ былъ одушевляющій мотивъ всей доктрины Руссо. Соберите народъ, узнайте его общую волю, и вы будете знать, что дѣлать,—таковъ общій планъ, который вмѣстѣ съ нимъ исповѣдывала его эпоха: на общей волѣ утверждается справедливое государство. Однако, уже первый опытъ примѣненія идеи общей воли при составленіи наказовъ обнаружилъ, что эта идея по самому своему существу представляется далеко не столь ясной и простой, чтобы изъ нея сразу и легко можно было извлечь необходимыя положительныя указанія. Но указы составляли лишь программу для будущаго устроенія Франціи, и идея народной воли могла еще сохраниться въ нихъ въ своей теоретической неприкосновенности. Иную задачу представляло дѣйствительное осуществленіе предположеннаго переустройства: здѣсь-то и должна была обнаружиться положительная сила руководящаго начала. Руссо предполагалъ, что при нормальныхъ условіяхъ общая воля сама собою проявляется въ законахъ: „здѣсь нѣтъ нужды ни въ особыхъ домогательствахъ, ни въ краснорѣчій, для того чтобы провести въ

¹⁾ Esmein, *Éléments de droit constitutionnel*. 4-me édition. Paris 1906, p. 218.

законъ то, что каждый уже рѣшилъ дѣлать, какъ только будетъ обезпечено, что другіе будутъ дѣйствовать такъ же, какъ и онъ“. Эта вѣра въ непосредственное самообнаруженіе общей воли способствовала тому, что въ своемъ главномъ произведеніи Руссо въ сущности не далъ никакого плана политической организаціи и указалъ для нея лишь общія формальныя условія. Будучи гимномъ и панегирикомъ общей воли, его „Общественный договоръ“ болѣе посвященъ тому, чтобы устранить препятствія къ обнаруженію общей воли, чѣмъ тому, чтобы указать положительные пути къ ея проявленію. И вслѣдствіе этого понятіе общей воли остается въ сущности голымъ принципомъ, съ которымъ связывается только одно положительное требованіе,— требованіе участія всѣхъ въ актахъ суверенной власти. Отсюда ясно, съ какими затрудненіями встрѣтилась теорія Руссо въ своемъ приложеніи къ дѣлу государственнаго устройства. Въ ней не было самаго главнаго, что было для этого нужно, не было конкретныхъ указаній относительно той организаціи, при посредствѣ которой можно было бы обезпечить торжество общей воли. Было совершенно естественно, что практическіе послѣдователи Руссо сами попытались дать эти указанія. Но такъ какъ при этомъ они неизбѣжно должны были считаться съ практическими условіями жизни, а эти условія далеко не соответствовали основнымъ предположеніямъ теоріи „Общественнаго договора“, то неудивительно, что жизнь восприняла отъ теоріи скорѣе общіе лозунги, чѣмъ практическую программу.

Существуетъ мнѣніе, что самое крупное примѣненіе идеи Руссо представляетъ великая французская революція ¹⁾, что вліяніе Руссо въ эпоху революціи было всемогуще ²⁾. Мы

---

¹⁾ Это мнѣніе, какъ само собою разумѣющееся, воспроизводится постоянно, и надо сказать безъ дальнѣйшаго анализа и должныхъ оговорокъ. См. напр. С. А. Котляревскій, „Конституціонное государство“ Спб. 1907 стр. 16.

²⁾ P. Janet, Histoire de la science morale et politique. Troisième édition Paris, 1887 Т. II. p. 458: L'influence de J. J. Rousseau a donc été toute-puissante sur les actes essentiels et fondamentaux de la révolution. Въ другихъ выраже-

не найдемъ, поэтому, болѣе подходящаго примѣра, для того чтобы изслѣдовать, въ какой степени его начала могли стать созидательными основами государства.

Прислушиваясь къ языку послѣдователей Руссо въ эту эпоху, читая ихъ восторженные отзывы о силѣ и правдѣ народной воли, можно подумать, что они стоятъ всецѣло на почвѣ „Общественнаго договора“ и видятъ предъ собою его счастливое осуществленіе. Прежде всего всѣ они постоянно говорятъ объ общей волѣ, или волѣ народа, какъ источникъ всѣхъ властей и законовъ. Великій лозунгъ „Общественнаго договора“: „la volonté générale“ постоянно на устахъ у ораторовъ Національнаго Собранія¹⁾. О немъ упоминаютъ какъ о политической аксіомѣ, которая разумѣется сама собой. Отдѣльныя попытки критическаго отношенія къ понятію общей воли²⁾ не находятъ отзыва, и изъ рѣчей

нѣхъ то же мнѣніе высказываетъ Taine, *Les origines de la France contemporaine, la Révolution*. T. I, p. 277: „За исключеніемъ двухъ или трехъ отступленій, допущенныхъ благодаря непослѣдовательности и сохраненію внѣшней стороны королевской власти, Національное Собраніе довело во всемъ до конца свой принципъ, который въ то же время есть принципъ Руссо“. Мнѣніе Тэна тѣмъ болѣе любопытно, что оно признаетъ опредѣляющее влияние Руссо именно въ тотъ моментъ, въ который его чаще всего отрицаютъ, — въ періодъ Національнаго Собранія.—Можно привести также утвержденіе Bluntschli (*Geschichte der neueren Staatswissenschaft* III. Aufl. München und Leipzig, 1881, S. 363). „кто знаетъ сочиненіе Руссо, тотъ имѣетъ ключъ къ политической теоріи французской революціи“. Блунчли также думаетъ, что во всѣхъ существенныхъ вопросахъ всѣ вожди революціи, въ томъ числѣ и Мирабо (всего болѣе склонявшійся къ инымъ взглядамъ), слѣдовали за радикальнымъ ученіемъ Руссо“ (*ibid.*). Мнѣніе Жанэ о преобладающемъ влияніи Руссо въ эпоху революціи во всякомъ случаѣ не въ такой мѣрѣ грѣшить школьной отвлеченностью и произвольнымъ схематизмомъ, какъ господствовавшая въ его время и оспариваемая имъ теорія, что доброе влияние Монтескье досталось исключительно на долю Національнаго Собранія, гдѣ оно и было всемогущимъ, тогда какъ вредное воздѣйствіе Руссо безгранично обнаружилось въ Конвентѣ. Эту теорію еще въ 1891 г. повторилъ Beudant, *Le droit individuel et l'état*. Paris 1891, p. 150.

¹⁾ „Ces expressions si souvent répétées, la volonté générale“ — какъ выразился Мунье въ засѣданіи 4 сентября 1789 г. См. *Archives parlementaires*, T. VIII. p. 563. Paris, 1875.

²⁾ Такую попытку мы находимъ, напримѣръ, въ только что цитированной рѣчи Мунье во время преній о королевскомъ вето.

депутатовъ терминъ: „la volonté générale“ переходить въ тексты декларацій и конституцій революціонной эпохи ¹⁾).

Столь же безспорнымъ, какъ это понятие, представлялось и то священное значеніе, которое приписывалось ему у Руссо. Мы приводили выше отзывъ Камиль Демулэна о неизмѣнной законмѣрности общей воли, противъ которой не можетъ быть возраженій ²⁾. Въ томъ же духѣ говорить самый видный теоретикъ революціонной эпохи Сійесъ: „народная воля не нуждается ни въ чемъ иномъ, кромѣ своей наличности, для того чтобы быть всегда законной; она источникъ всякой законности... Какимъ бы способомъ народъ ни проявлялъ свою волю, достаточно того, что онъ ее проявляетъ; всѣ способы хороши, и его воля всегда верховный законъ“ ³⁾.

Но еще болѣе, чѣмъ эта восторженная фразеологія, подтвержденіемъ практическаго значенія идей Руссо являются реальныя факты. Съ тѣхъ поръ какъ идея народной воли такъ ярко проявилась въ качествѣ руководящаго лозунга, въ наказахъ 1789 г., она не перестаетъ служить высшей политической заповѣдью въ эпоху революціи. Во имя ея Генеральныя Штаты объявили себя Національнымъ Собраніемъ, во имя ея они произнесли клятву не расходиться, пока не выработаютъ конституціи, во имя ея они порвали съ основами стараго порядка и провозгласили начала переустройства Франціи. Когда депутаты говорили о волѣ народа, это звучало, какъ высшая санкція, возлагающая на нихъ безспорныя и повелительныя обязанности. Та же идея воли народной являестя теоретическимъ основаніемъ переворотовъ, которые слѣдовали далѣе, и верховнымъ принципомъ конституцій, которыми завершались эти перевороты. Критическая и оппозиціонная сила принципа народной воли

---

¹⁾ См. Déclaration des droits Duguit et Monnier, Constitution du 3 sept. 1791, art. 6 (p. 2); Constitution du 24 juin 1793, art. 4. (p. 67); Constitution du 5 fructidor An III, art. 6. (p. 79).

²⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“, кн. 84, стр. 432.

³⁾ Sieyès, Qu'est-e que le Tiers État? Ch. V.

сказалась здѣсь во всей своей полнотѣ. Въ этомъ смыслѣ Жанэ правъ, когда онъ говоритъ, что французскую революцію сдѣлалъ „Contrat social“ ¹⁾: надъ всей французской революціей, надъ всѣмъ стремительнымъ ходомъ ея царить одна идея, и это была идея народной воли.

Въ виду всего сказаннаго, казалось бы, правы и тѣ, которые говорятъ о всемогущемъ вліяніи Руссо на революцію. И однако, всматриваясь внимательно въ политическія идеи революціонной эпохи, изучая ближе и подробнѣе ихъ содержаніе, мы должны придти къ заключенію, что на самомъ дѣлѣ при внѣшнемъ усвоеніи общихъ лозунговъ и терминовъ Руссо, здѣсь было въ сущности постоянное внутреннее противорѣчіе съ его доктриной, постоянная борьба съ его идеями. Не такъ давно Іеллинекъ доказалъ всю неправильность взгляда, приводившаго въ связь съ „Общественнымъ договоромъ“ декларацію правъ человѣка и гражданина. Но этотъ взглядъ составляетъ лишь частный выводъ изъ общаго положенія о всемогущемъ вліяніи Руссо на идеи революціи ²⁾. Противорѣчіе „Contrat social“ съ деклараціей правъ представляется болѣе рѣшительнымъ и яркимъ, въ другихъ случаяхъ оно не такъ замѣтно, тѣмъ болѣе что оно является здѣсь и не столь полнымъ, въ виду внѣшняго усвоенія идей Руссо. И все же доктрина революціи, во всѣхъ стадіяхъ ея развитія, все равно будемъ ли мы брать 89-й годъ или 93-й, Національное Собраніе или Конвентъ, не есть доктрина Руссо.

Во все время своего господства надъ умами второй половины XVIII столѣтія эта доктрина встрѣчала сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны другихъ могущественныхъ теченій мысли, которыя вносили въ нее чрезвычайно важныя ограниченія. Если бы мы захотѣли свести эти противодѣй-

¹⁾ Само собою разумѣется, что это утвержденіе надо понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ вообще можно говорить о вліяніи идей на ходъ событій, поскольку идеи являются направляющими и руководящими началами движенія.

²⁾ Janet, Histoire de la Science politique, T. II, pp. 455—458.

ствующія теченія къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ началамъ, мы должны были бы назвать прежде всего два такихъ начала: принципъ неотчуждаемыхъ правъ личности и принципъ представительства.

Что понятіе неотчуждаемыхъ правъ личности не вытекало изъ доктрины Руссо, а противорѣчило ей, это въ настоящее время можетъ считаться вполне доказаннымъ. Хотя Руссо и выводилъ абсолютизмъ народной воли изъ потребностей личности, но вся его система была принципиальнымъ отрицаніемъ неотчуждаемыхъ личныхъ правъ, подобно тому какъ эти права принципиально исключали абсолютное народоправство. Французская революція провозгласила одновременно и то, и другое: и народный суверенитетъ, и неотчуждаемая права личности. Но это значило только, что она принимала доктрину Руссо съ такими ограниченіями, которыя открывали возможность усвоенія и другихъ началъ, находившихся съ ней въ противорѣчїи.

Еще болѣе существеннымъ — въ смыслѣ вліянія на переустройство государственныхъ учреждений — является тотъ рядъ ограниченій и поправокъ, который вытекаетъ изъ идеи представительства. И въ этомъ отношеніи теоретики революціонной эпохи склонны были сблизать начала, по существу различныя и даже противорѣчивыя. Между тѣмъ, — какъ ясно будетъ изъ дальнѣйшаго, — начало представительства въ томъ видѣ, какъ оно было осуществлено практически, совершенно видоизмѣняло и политическія предположенія Руссо, и его философскія предпосылки. Дѣйствіе этого начала было тѣмъ сильнѣе, что оно опиралось на авторитетъ другого ученія, столь же уважаемаго и властнаго, но болѣе ранняго по своему вліянію и ранѣе успѣвшаго завоевать для себя исключительное положеніе въ литературѣ. Это было ученіе Монтескье. Кажется, никому и никогда не приходило въ голову отрицать параллельное вліяніе „Духа Законовъ“ на ряду съ вліяніемъ „Общественнаго договора“; но тѣ, кто говоритъ о всемогущемъ значеніи Руссо во время революціи, склонны стирать разницу

между нимъ и Монтескье и видѣть у нихъ чуть ли не полное тождество основныхъ взглядовъ ¹⁾. Между тѣмъ не только въ частныхъ выводахъ, но и въ исходныхъ положеніяхъ ученіе Монтескье стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ ученіемъ Руссо. Если главнымъ основаніемъ для преобразования доктрины народнаго суверенитета были практическія условія жизни, то теоретической санкціей этого преобразования было ученіе Монтескье. А сущность этого ученія была такова, что вліяніе его врѣзывалось клиномъ въ основныя положенія Руссо и парализовало силу вытекавшихъ изъ нихъ послѣдствій. Въ концѣ концовъ изъ взаимодѣйствія этихъ двухъ различныхъ ученій образовалось нѣкоторое среднее ученіе, которое и было настоящей доктриной революціи. Теоретическими представителями его являются, если угодно, Мабли и Сійесъ, но ни въ какомъ случаѣ не Руссо и не Монтескье. Мабли и Сійесъ заимствовали отдѣльные элементы для своихъ ученій одинаково у Монтескье и у Руссо, но они сочетали эти элементы такимъ образомъ, что получилось дѣйствительно нѣчто новое и единое. Въ этомъ смыслѣ справедливо говорятъ о единствѣ революціонной доктрины. Какъ правильно замѣтилъ еще Эдмъ Шампюнь, въ XVIII вѣкѣ склонны были скорѣе сближать, чѣмъ противопоставлять Руссо и Монтескье: „ихъ ученики не образовывали двухъ школъ, но соединялись въ одну, въ которой обоимъ учителямъ воздавались равныя похвалы. Руссо нѣсколько разъ говорилъ о Монтескье въ выраженіяхъ, которыя дѣлали это сближеніе легкимъ и естественнымъ. Во всѣ моменты революціи ихъ называли рядомъ, какъ авторитеты, между которыми царить совершенное согласіе“ ²⁾. Неудивительно, если въ XVIII вѣкѣ, когда дѣло шло не о теоретическихъ тонкостяхъ доктринъ, не замѣчали противорѣчій тамъ, гдѣ оно на самомъ дѣлѣ было: это именно и привело къ тому своеобразному

¹⁾ Janet, o. c. Comparaison des théories politiques de Montesquieu et de J. J. Rousseau, pp. 465—477.

²⁾ Edme Champion, Esprit de la révolution française. Paris, 1887 p. 29.

сочетанію Монтеस्कье и Руссо, которое составило сущность революціонной доктрины ¹⁾. О Мабли было замѣчено недавно, что „значеніе его сводится къ обращенію отвлеченныхъ принциповъ Руссо въ практически примѣнимую

---

1) Само собою разумѣется, что единство получившагося результата ничего еще не говорило въ пользу единства или тождества тѣхъ источниковъ, которые послужили для него основой. Нельзя поэтому не признать въ высшей степени трудной ту задачу, которую поставилъ себѣ М. М. Ковалевскій, взявшись доказать,—подобно тому, какъ это ранѣе его сдѣлалъ Janet,—что между Монтеस्कье и Руссо въ сущности нѣтъ разницы. „Я позволю себѣ усомниться въ томъ,—говоритъ почтенный ученый,—чтобы между двумя школами, школою Монтеस्कье и школою Руссо, дѣйствительно существовала та глубокая черта отличія, которая обыкновенно проводится“... („Происхожденіе современной демократіи“. Т. I, части III, IV. М. 1899 г., стр. 331.) Вслѣдъ за тѣмъ М. М. Ковалевскій доказываетъ, что Руссо не отрицалъ раздѣленія властей. Но доказать это еще не значитъ установить, чтобы онъ былъ сторонникомъ той теоріи, которая выражается въ классическомъ положеніи Монтеस्कье: „*pour qu'on ne puisse abuser du pouvoir, il faut que par la disposition des choses, le pouvoir arrête le pouvoir*“. Безграничность и непогрѣшимость законодательной власти исключаетъ въ теоріи Руссо необходимость и даже возможность какихъ-либо сдержекъ. (См. статью проф. Алексѣева „Политическая доктрина Ж. Ж. Руссо въ ея отношеніи къ ученію Монтеस्कье“, отдѣльный оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ права“, февраль-мартъ 1905 г.) Въ дальнѣйшемъ изложеніи М. М. Ковалевскій и самъ признаетъ, что Мабли, „ближайшій истолкователь идей женеваго мыслителя, отступаетъ отъ его ученія настолько, насколько оно противорѣчитъ превозносимой Монтеस्कье и его школою системѣ представительства. Его примѣру слѣдуютъ безразлично и ближайшіе къ революціи политическіе писатели. Они принимаютъ первоначальныя послыжки Руссо и отвергаютъ дѣлаемые имъ выводы“ (стр. 359—360); „такимъ образомъ ученіе Руссо о неотчуждаемости народнаго суверенитета не нашло послѣдователей въ ближайшихъ къ революціи публицистахъ и не нарушило поэтому цѣльности и единства доктрины, осуществленіемъ которой задались дѣятели 89 года“ (стр. 361). Это именно и требовалось доказать: ученіе о неотчуждаемости народнаго суверенитета составляетъ центръ въ ученіи Руссо, точно такъ же, какъ превозносимая Монтеस्कье и его школою система представительства является существенной особенностью этой послѣдней школы; и въ то же время то и другое стоитъ въ такомъ коренномъ противорѣчій, что только пожертвовавъ тѣмъ-либо однимъ можно было получить цѣльную доктрину изъ сочетанія идей обоихъ писателей. Ошибочное сближеніе идей Монтеस्कье и Руссо не помѣшало М. М. Ковалевскому дать прекрасный анализъ вліянія Монтеस्कье на принципы 89 года и рѣшительно ослабить положеніе Тэна, что „Национальное Собраніе довело во всемъ до конца свой принципъ, который въ то же время есть принципъ Руссо“.

доктрину“¹⁾; то же можно было бы повторить и о Сийесѣ²⁾. Но нельзя не прибавить, что это видоизмѣненіе доктрины „Общественнаго договора“ въ сущности являлось полнымъ ея преобразованиемъ. Потребность практическаго примѣненія тотчасъ же приводила къ отступленію отъ строгихъ началъ теоріи народнаго суверенитета.

Въ высшей степени интересно прослѣдить общій составъ той доктрины, которая главнымъ образомъ черезъ Мабли и Сийеса перешла въ законодательныя собранія революціонной Франціи. Высшимъ принципомъ, какъ и у Руссо, здѣсь остается начало общей или народной воли. То священное и непререкаемое значеніе, которое придается этой волѣ, ясно показываетъ, что это понятіе взято въ данномъ случаѣ у пламеннаго пророка народной воли Руссо³⁾. Но

1) М. М. Ковалевскій, *op. cit.*, стр. 359. См. о Мабли извѣстныя статьи В. И. Герье въ „Русск. Мысли“, ноябрь 1883 г., въ „Вѣстникѣ Европы“, январь 1887 г., въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона, томъ XVIII (35 полутомъ).

2) О Сийесѣ можно сказать, какъ и о Мабли, что въ цѣломъ его идеи мало изучены, несмотря на большую извѣстность его отдѣльныхъ взглядовъ. Между тѣмъ Сийесъ, на ряду съ Мабли, имѣетъ огромное значеніе въ дѣлѣ формулированія „того средняго политическаго тона, который былъ осуществленъ революціей 1789 года и въ общихъ чертахъ донныи сохранился въ учрежденіяхъ Франціи“ (привожу здѣсь слова проф. Герье о Мабли, „Вѣстн. Европы“, янв. 1887 г., стр. 125). Вліяніе Сийеса было болѣе непосредственнымъ; такъ какъ онъ находился въ средѣ Національнаго Собранія, какъ и позднѣе въ средѣ Конвента и Совѣта пятисотъ. Рѣчи, произнесенныя имъ въ качествѣ депутата, нерѣдко носятъ характеръ теоретическихъ разсужденій по тѣмъ или другимъ вопросамъ, и неудивительно, если въ современныхъ учебникахъ по государственному праву (см. напр. учебники Дюги и Эсмена) Сийесъ постоянно упоминается, какъ первый теоретикъ по различнымъ вопросамъ конституціоннаго права. Въ свое время онъ былъ неизменно „оракуломъ третьяго сословія“, какъ выразился о немъ Дюмонъ. Знаменитый Мирабо называлъ его своимъ учителемъ, и въ особенности въ 1789 г. онъ былъ въ великомъ почетѣ (*tout se réunissait pour le respecter, l'honorer, l'admirer*“, пишетъ о немъ Андре Шенье). См. ссылки у Edme Champion, въ его введеніи къ новому изданію „*Qu'est ce que le Tiers Etat?* Paris, 1888. И въ нѣмецкой литературѣ авторитетъ Сийеса стоитъ высоко: Ricker считаетъ его „отцомъ современной теоріи народнаго представительства“ (см. *Die rechtliche Natur der modernen Volksvertretung. S. 17*).

3) Какъ извѣстно, понятіе *volonté générale* встрѣчается и въ *Esprit des lois*, но только какъ отвлеченный и академическій терминъ, совершенно ли-

по вопросу о томъ, кто и какъ долженъ выражать народную волю, ученіе Мабли и Сійеса рѣшительно склоняется въ сторону Монтескье. Для нашего изложенія этотъ пунктъ представляется особенно важнымъ и требующимъ болѣе подробныхъ разъясненій.

Исходнымъ началомъ для Руссо было представленіе объ индивидуальныхъ правахъ гражданъ, которые въ силу первобытнаго договора образуютъ союзъ общенія. Идеи Руссо вытекли не изъ цѣлей наилучшей общественной организаціи, не изъ цѣлей прочнаго политическаго устройства государства, а исключительно и единственно изъ задачи обезпечить свободу и равенство гражданъ. Какъ онъ самъ говорилъ, онъ хотѣлъ „найти такую форму устройства, въ которой каждый, соединяясь съ другими, повиновался бы однако только самому себѣ и оставался бы столь же свободнымъ, какъ и прежде“. Если въ концѣ концовъ вмѣсто искомой свободы лицъ получалось полное подчиненіе суверенному народу, то это дѣлалось все же во имя отдѣльныхъ лицъ: въ этомъ Руссо видѣлъ наивысшее торжество равенства и свободы. Исходное начало было не общественное, не политическое, а личное, индивидуалистическое. Вотъ почему Руссо готовъ былъ предложить полное переустройство большихъ государствъ, для того чтобы и здѣсь, удовлетворяя потребности внѣшней защиты, вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть справедливаго устройства отдѣльныхъ лицъ. Участіе каждаго въ суверенной власти и непосредственное отправленіе всѣмъ народомъ законодательныхъ функций было для него такой же аксіомой, какъ

шенный того характера новаго откровенія, которымъ онъ облекается у Руссо. Вотъ это мѣсто изъ „Духа Законовъ“, конечно, извѣстное всѣмъ, кто внимательно изучалъ знаменитую XI книгу этого сочиненія: „Les deux autres pouvoirs (рѣчь идетъ здѣсь о властяхъ законодательной и исполнительной) pourraient plutôt être donnés à des magistrats ou à des corps permanents, parce qu'ils ne s'exercent sur aucun particulier, n'étant, l'un, que la volonté générale de l'État, et l'autre, que l'exécution de cette volonté générale“. Замѣтимъ, что здѣсь говорится объ общей волѣ не народа, а *государства*, что крайне характерно для Монтескье.

и убѣжденіе въ непогрѣшимости и незыблемости общей воли.

Въ совершенно иномъ направленіи развивается ученіе Монтескье. Сторонникъ свободныхъ учреждений, панегиристъ англійскихъ порядковъ, онъ всегда выступаетъ не только какъ гражданинъ, но и какъ политикъ. На ряду съ индивидуальными правами лицъ и съ гражданской свободой у него постоянно является, въ качествѣ другого руководящаго мотива,—*политическая возможность* и сила націи, какъ цѣлаго (*la force de la nation*), и этотъ другой мотивъ оказывается у него перевѣшивающимъ и рѣшающимъ. Соответственно съ этимъ мѣняется и вся политическая теорія ¹⁾. У Монтескье, по сравненію съ Руссо, мы чувствуемъ не только иной темпераментъ, но и совершенно иное политическое міросозерцаніе.

Начать съ того, что исходнымъ основаніемъ политики признается у Монтескье не общественный договоръ, не взаимное согласіе, а объективный законъ справедливости. Конечно, и Руссо не отрицаетъ, что „все хорошее и согласное съ порядкомъ является такимъ по природѣ вещей и независимо отъ человѣческихъ соглашеній“. „Справедливость исходитъ отъ Бога, онъ одинъ ея источникъ“,— поясняетъ онъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляетъ: „однако, если бы мы могли получать ее съ такой высоты, мы не нуждались бы ни въ правительствѣ, ни въ законахъ. Безъ сомнѣнія, есть одна всеобщая справедливость, проистекающая исключительно изъ разума, но эта *справедливость, чтобы имѣть возможность осуществляться среди насъ, должна быть взаимной*“ (L. II, ch. VI). Послѣднія слова ясно показываютъ, что реальное содержаніе справедливости и ея осуществленіе ставится у Руссо всецѣло въ зависимость отъ взаимнаго соглашенія и общественного договора. Новѣйшій комментаторъ Руссо Болавонъ совершенно правильно разъясняетъ

¹⁾ Въ сущности все сочиненіе Монтескье „De l'Esprit des lois“ представляетъ собою изслѣдованіе различныхъ политическихъ возможностей.

точку зрѣнія „*Contrat social*“, когда онъ толкуетъ приведенное мѣсто слѣдующимъ образомъ: „въ абсолютномъ смыслѣ представленіа о справедливости независимы отъ всякаго соглашенія и могли предшествовать гражданскому состоянію, но въ смыслѣ относительномъ и реальномъ одинъ только общественный договоръ даетъ этимъ представленіямъ реальное бытіе, придавая имъ обязательный и взаимный характеръ“¹⁾. Отсюда съ ясностью обнаруживается, что въ идеѣ своей о необходимой гармоніи справедливости и общей воли Руссо переносилъ центръ тяжести на второе изъ этихъ понятій; это и являлось, какъ указано выше, оригинальной особенностью его теоріи. Напротивъ, Монтескье, принимая исходнымъ началомъ понятіе о естественномъ законѣ справедливости, предшествующемъ всякимъ положительнымъ законамъ, въ согласіи съ этимъ закономъ видитъ основную цѣль политики, и соотвѣтственно съ этимъ идея общей воли получаетъ у него подчиненное значеніе. Отношеніе Монтескье къ идеѣ народной воли съ особой яркостью обнаруживается изъ слѣдующихъ его словъ, которыя находятся въ той самой VI главѣ XI книги, гдѣ излагаются принципы англійской свободы.

„Такъ какъ въ свободномъ государствѣ каждый человѣкъ, который считается имѣющимъ свободную душу, долженъ управляться самъ собою, то слѣдовало бы, чтобы народъ въ цѣломъ имѣлъ законодательную власть; но такъ какъ это невозможно въ большихъ государствахъ и сопряжено со многими неудобствами въ малыхъ, то надо, чтобы народъ дѣлалъ черезъ своихъ представителей все то, что онъ не можетъ дѣлать самъ.

„Нужды своего города всегда знаешь лучше, чѣмъ нужды

¹⁾ См. J. J. Rousseau, *Du contrat social*, nouvelle édition par Georges Beauvauon, Paris 1903. P. 166; русский переводъ подъ редакціей Жуковскаго Спб., 1907 стр. 70). Болавонъ вѣрно усматриваетъ въ VI главѣ 2 книги скрытую полемику противъ Монтескье. При сопоставленіи этой главы (*de la loi*) съ соотвѣтствующими главами „*Духа законовъ*“—первой, второй и третьей первой книги, становится очевиднымъ, что Руссо имѣлъ въ виду эти главы, когда онъ писалъ свою шестую главу.

другихъ городовъ, и о способности своихъ сосѣдей судишь лучше, чѣмъ о способности другихъ своихъ соотечественниковъ. Не слѣдуетъ поэтому, чтобы члены законодательнаго корпуса брались изъ всего народа вообще; но надо, чтобы въ каждомъ главномъ пунктѣ жители избирали своего представителя.

Большое преимущество представителей заключается въ томъ, что они способны обсуждать дѣла. Народъ совершенно къ этому не пригоденъ: это и является однимъ изъ большихъ неудобствъ демократіи.

Нѣтъ необходимости, чтобы представители, получивъ общую инструкцію отъ тѣхъ, кто ихъ выбралъ, получали также и особую инструкцію относительно каждаго дѣла, какъ это имѣетъ мѣсто въ собраніяхъ Германіи. Правда, такимъ образомъ слово депутатовъ болѣе выражало бы голосъ народа; но это привело бы къ безконечнымъ проволочкамъ и сдѣлало бы каждаго депутата господиномъ всѣхъ другихъ; а въ случаяхъ чрезвычайныхъ вся сила націи могла бы быть остановлена капризомъ. (L. XI, ch VI).

Все здѣсь отъ перваго слова и до послѣдняго въ высшей степени интересно. Законодательная власть въ ученіи Монтескье является не общей волей народа, а общей волей государства (*la volonté générale de l'État*). Поэтому выражать эту волю должны тѣ, кто къ этому болѣе способенъ и такъ, какъ это болѣе полезно для государства. Нужды нѣтъ, что можно указать порядокъ, при которомъ „слово депутатовъ болѣе выражало бы голосъ народа“, если съ точки зрѣнія государственной это недопустимо, слѣдуетъ предпочесть этому порядку иной, чтобы не пострадалъ ходъ государственныхъ дѣлъ и не потерпѣла ущерба „сила націи“. „Необходимо, чтобы дѣла шли“—говоритъ Монтескье въ другомъ мѣстѣ—, и чтобы они шли извѣстнымъ ходомъ ни слишкомъ медленнымъ, ни слишкомъ быстрымъ. Но народъ всегда проявляетъ или слишкомъ много дѣятельности, или слишкомъ мало. Иногда сотней тысячъ рукъ онъ опро-

кидываетъ все; а иногда сотней тысячъ ногъ онъ движется, какъ насѣкомья“ (L. II, ch. II).

Надо ли говорить, насколько все это переносить насъ въ иной міръ идей, сравнительно съ тѣмъ, который намъ знакомъ изъ „Общественнаго договора“. Мы увидимъ далѣе, какъ эти положенія Монтескье повліяли на революціонную доктрину и какъ нерѣдко они воспроизводились у дѣятелей революціонной эпохи. Народъ въ этомъ возрѣвнн перестаетъ быть сувереномъ: онъ становится лишь основнымъ элементомъ государственной жизни. Теорія народовластія замѣняется системой представительства. Единственно, въ чемъ народъ долженъ принимать участіе, это въ избраніи представителей, что „вполнѣ соотвѣтствуетъ его уровню“, въ остальномъ, и особенно тамъ, гдѣ надо принимать активныя рѣшенія, народъ оказывается „совершенно неспособнымъ“ (L. XI, ch. VI).

Итакъ, выражать общую волю должны избранники народа. Высказывая эту мысль, Монтескье думаетъ, что актъ народнаго избранія наилучшимъ образомъ указываетъ тѣхъ, кто долженъ законодательствовать. И здѣсь то авторъ „Духа законовъ“ вноситъ свой вкладъ въ то теченіе XVIII вѣка, которое возлагало всѣ надежды на опросъ страны. Соберите избранниковъ народныхъ, и въ ихъ мнѣннн вы найдете выходъ изъ затрудненій: эта увѣренность съ особенной силой была поддержана ученіемъ Монтескье.

„Народъ удивительно выбираетъ тѣхъ, которымъ онъ долженъ довѣрить часть своего авторитета. Ему приходится опредѣлять свой выборъ такими обстоятельствами, которыхъ онъ не можетъ не знать, такими фактами, которые бросаются въ глаза. Онъ знаетъ очень хорошо, что такой-то человѣкъ часто бывалъ на войнѣ и имѣлъ такіе-то и такіе-то успѣхи; онъ очень способенъ поэтому выбрать генерала. Онъ знаетъ, что такой-то судья прилеженъ, что многіе уходятъ изъ суда, довольные имъ, и что его не склонили къ подкупу: здѣсь достаточно оснований, чтобы народъ выбралъ претора. Онъ пораженъ великолѣпіемъ и богат-

ствами гражданина: этого достаточно, чтобы онъ могъ выбрать эдила. Все это такія обстоятельства, о которыхъ народъ узнаетъ гораздо лучше въ общественныхъ мѣстахъ, чѣмъ монархъ въ своемъ дворцѣ. Но сумѣетъ ли народъ вести дѣла, быть освѣдомленнымъ о мѣстѣ, обстоятельствахъ, времени, и сумѣетъ ли онъ воспользоваться всѣмъ этимъ? Нѣтъ, этого онъ не сумѣетъ“ (L. II. ch. II).

Нельзя не видѣть особенностей этой точки зрѣнія, которая признаетъ за народомъ умѣнье цѣнить заслуги и различать способности, но не считаетъ народъ въ массѣ способнымъ къ законодательству и управленію. Вѣра въ непосредственную правду народа здѣсь замѣняется совершенно другой вѣрой, въ чутье народа къ лицамъ, въ его умѣнье выбирать способныхъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ въ политическую мудрость представительства. Это была точка зрѣнія, совершенно отличная отъ той, которую защищалъ Руссо. Но позднѣйшіе писатели и прежде всего Мабли и Сійесъ сумѣли сочетать эти два различныхъ взгляда въ одну доктрину: они удержали, въ качествѣ верховнаго лозунга, идею Руссо—понятіе народнаго суверенитета, общей воли народа, но органомъ выраженія общей воли, согласно ученію Монтескье и повинуюсь практическимъ условіямъ жизни, они признали народное представительство. Отъ Монтескье они взяли его практическую идею, но съ этой идеей они соединили вѣру Руссо въ непогрѣшимость и правду народной воли ¹⁾. Таково было своеобразное сплетеніе отдѣльныхъ элементовъ въ этой новой доктринѣ, которая, какъ это ясно видно теперь, не есть доктрина ни Руссо, ни Монтескье, и представляетъ собою нѣчто новое и оригинальное.

¹⁾ Это въ особенности слѣдуетъ сказать о Сійесѣ, главномъ выразителѣ революціонной доктрины въ ея первоначальномъ видѣ. Среди дѣятелей революціи были и лица, скептически относившіяся къ народному представительству, принимавшія его только какъ неизбежный практической выходъ, какъ, напр., Рабо Сентъ-Этьенъ (см. цит. соч. проф. Ковалевскаго, стр. 360). Но преобладающимъ убѣжденіемъ было несомнѣнно воззрѣніе Сійеса.

Что идея народнаго суверенитета и общей воли народа, да еще воли непогрѣшимой и непререкаемой, была совершенно чуждой ученію Монтескье, это не подлежитъ спору. Мы уже отмѣтили выше, что онъ говорилъ собственно объ общей волѣ не народа, а государства. Столь же чуждъ ему былъ и паѳосъ Руссо, связанный съ идеей народовластія. Но съ другой стороны и для Руссо была совершенно неприемлема та идея представительства, которую высказывалъ Монтескье. Отрицаніе представительной системы вытекало изъ самыхъ основъ „Общественнаго договора“, и не слѣдуетъ думать, чтобы Мабли или Сійесъ, принимая эту идею, вносили лишь незначительную поправку въ теорію народнаго суверенитета: нѣтъ, это былъ въ сущности разрывъ съ этой теоріей, скрытый для самихъ авторовъ ея внѣшнимъ сохраненіемъ общаго принципа. Достаточно вспомнить, въ сколь рѣшительныхъ и категорическихъ выраженіяхъ Руссо отвергалъ идею представительства. „Верховная власть—говорилъ онъ—не можетъ быть представлена по той же причинѣ, по которой она не можетъ быть отчуждена; она существенно заключается въ общей волѣ, а воля не допускаетъ представительства: она или та же самая или другая, тутъ нѣтъ середины. Депутаты народа поэтому не его представители и не могутъ быть ими, они только исполнители его порученій и ничего не могутъ рѣшить окончательно. Ни одинъ законъ, не одобренный лично народомъ, не имѣетъ значенія; это даже и не законъ. Англійскій народъ считаетъ себя свободнымъ, но онъ очень ошибается; онъ свободенъ только во время выборовъ членовъ парламента; какъ только они избраны, онъ рабъ, онъ ничто“ (L. III. ch. XV.) Въ этомъ замѣчательномъ мѣстѣ представительство отрицается въ самомъ своемъ существѣ: „воля не допускаетъ представительства“. Категоричность этого утвержденія такова, что его можно или принять, или отвергнуть: никакія смягчающія и примирительныя толкованія тутъ немыслимы. И тотъ, кто утверждаетъ, что воля народа можетъ быть представлена, въ

сущности оставилъ ~~то~~ ~~же~~ зрѣнія неотчуждаемаго народнаго суверенитета и перешелъ къ иному взгляду. Это мы и находимъ у теоретиковъ и дѣятелей революціонной эпохи. Намъ слѣдуетъ теперь показать, что и практически, и теоретически воззрѣнія, которыми они руководствовались, стояли въ самомъ рѣшительномъ противорѣчьи съ началами „Общественнаго договора“.

V. *

Было бы, конечно, трудно ожидать, чтобы представители народа, вошедшіе въ составъ Національнаго Собранія и съ самаго начала объявившіе себя управомоченнымъ органомъ общей воли ¹⁾, стали сомнѣваться въ томъ началѣ, на которомъ были основаны ихъ полномочія. То обстоятельство, что они залагали основы правового государства, будучи членами представительнаго собранія и живо сознавая свои преобразовательныя задачи, кореннымъ образомъ отразилось на ихъ взглядахъ. Въ этомъ смыслѣ рѣшающимъ моментомъ для Національнаго Собранія явилось отношеніе къ вопросамъ объ императивныхъ мандатахъ. Какъ мы говорили выше ²⁾, еще въ наказахъ взглядъ на роль, предстоящую Генеральнымъ Штатамъ, двоился; одни наказы съ полной опредѣленностью заявляли, что „Генеральные Штаты—органъ народной воли“; другіе съ такой же опредѣленностью говорили, что депутаты—только „приказчики и повѣренные избирателей, только истолкователи ихъ воли“. Было ясно, однако, что для той огромной преобразовательной работы, которой ожидали отъ созданныхъ представителей, невозможно было поставить ихъ въ рабскую зависимость отъ полученныхъ инструкцій и создать такимъ образомъ непреодолимое препятствіе для свободнаго обсуждения предстоявшихъ имъ дѣлъ. Этой зависимости не хотѣлъ допустить и король, какъ онъ высказалъ это въ декла-

¹⁾ См. Archives parlem. I Série T. VIII, p. 127. Ср. болѣе позднее выраженіе Сйеса о полномочіяхъ Національнаго Собранія, *ibid.*, p. 595.

²⁾ Вопр. Фил. и псих., кн. 84, стр. 443.

раціи, прочитанной въ знаменитомъ „королевскомъ засѣданіи“ 23 іюня 1789 г. ¹⁾ Вопросъ объ императивныхъ мандатахъ возбуждался затѣмъ нѣсколько разъ. Въ засѣданіяхъ 7 и 8 іюля, по почину Талейрана, возникли пренія по этому вопросу, которыя ясно обнаружили, что Собраніе относится къ императивнымъ мандатамъ совершенно отрицательно ²⁾. Для всѣхъ была несомнѣнна полная невозможность правильной работы при обязательности мандатовъ, возложенныхъ на представителей. Отрицаніе императивныхъ мандатовъ нашло для себя теоретическое обоснованіе въ особенности у Сійеса, и было узаконено декретомъ 22 декабря 1789 года, отмѣнившимъ какъ связывающія инструкціи, такъ и отозваніе депутатовъ избирателями. Укрѣпившись въ значеніи и авторитетѣ, Національное Собраніе чувствовало себя единственнымъ управомоченнымъ органомъ общей воли. Еще до объединенія всѣхъ сословій въ Національное Собраніе, въ отдѣльномъ засѣданіи третьяго сословія 17 іюня въ резолюции, принятой по предложенію Сіейса, говорилось... *il n'appartient qu'à elle (cette assemblée) d'interpréter et de présenter la volonté générale de la nation* ³⁾. Въ сентябрѣ того же года Сіейсъ говорилъ, какъ о признанномъ и безспорномъ началѣ: гдѣ, какъ не въ Національномъ Собраніи, искать воли націи? ⁴⁾ Очевидно, въ этомъ воззрѣніи принципъ общей воли понимался совершенно иначе, чѣмъ въ теоріи „Общественнаго договора“. Платя дань отвлеченному признанію этого принципа и даже признавая, вслѣдъ за Руссо, необходимость общаго согласія всѣхъ для образованія общественнаго союза ⁵⁾, вожди Національнаго Собранія тотчасъ же

1) Archives parlem. I Série T. VIII p. 143. Art. 6. Sa Majesté déclare и т. д.

2) Archives parlem. I Série T. VIII pp. 200 et suiv., 207 et suiv. См. подробности у Dandurand, Le mandat impératif, Paris 1896 pp., 56 et suiv.

3) Archives parlem. ibid. T. VIII, p. 127.

4) Ibid., p. 595.

5) Это признаютъ напримѣръ, Сіейсъ (une association politique est l'ouvrage de la volonté unanime des associés. Arch. parlem. T. VIII, p. 260) и Мирабо

прибавляли, вслѣдъ за Монтескье, что въ большихъ государствахъ непосредственное участіе всѣхъ въ законодательствѣ невозможно и общая воля можетъ выражаться въ нихъ какъ самими гражданами, такъ и ихъ представителями ¹⁾. Въ качествѣ очевидной истины, начало представи-

(il n'est dans toute association politique qu'un seul acte, qui par sa nature exige un consentement supérieur à celui de la pluralité: c'est le pacte social qui, de lui même étant entièrement volontaire, ne peut exister sans un consentement unanime" *ibid.* p. 299). Требованіе единогласія для образованія общества Мирабо основывалъ на аргументѣ, заимствованномъ изъ „Contrat social“, но Мирабо, какъ и Сийесъ, забывали, что не требуя для другихъ случаевъ единогласія, Руссо настаивалъ однако для всѣхъ законодательныхъ актовъ на всеобщемъ голосованіи, какъ это слѣдуетъ изъ его категорическаго утвержденія: „pour qu'une volonté soit générale, il n'est pas toujours nécessaire qu'elle soit unanime, mais il est nécessaire, que toutes les voix soient comptées; toute exclusion formelle rompt la généralité (L. II, ch. II. note).

¹⁾ Это положеніе было сформулировано Сийесомъ (въ его докладѣ, прочитанномъ въ конституціонной комиссіи 20 и 21 іюля 1789 года) и затѣмъ не разъ повторялось другими депутатами. У Сийеса указанное положеніе формулируется въ 26 ст. предложенной имъ деклараціи правъ человѣка и гражданина: „La loi ne peut être que l'expression de la volonté générale. Chez un grand peuple, elle doit être l'ouvrage d'un corps de représentants choisis pour un temps court médiatement ou immédiatement par tous les citoyens qui ont à la chose publique intérêt avec égalité...—Archives parlem. T. VIII, p. 261). Приведу здѣсь также однохарактерныя утвержденія другихъ депутатовъ. Такъ у Рабо Сентъ-Этьенъ послѣ общаго положенія, что законы должны происходить изъ согласія всѣхъ, мы находимъ ограниченіе этого положенія: *si la société... est trop nombreuse pour être rassemblée en totalité, elle peut donner des pouvoirs de consentir pour elle à des représentants librement élus, nommés et délégués par elle... Arch. parl. T. VIII, pp. 406—407.* Точно также Мунье, высказавъ какъ, „безспорную истину“, что начало суверенитета покоится въ націи, прибавляетъ: *mais la nation ne peut se gouverner elle même. Jamais aucun peuple ne s'est réservé l'exercice de tous les pouvoirs. Tous les peuples pour être libres et heureux, ont été obligés d'accorder leur confiance à des délégués... Dans plusieurs républiques, il est vrai, le peuple s'est réservé le droit de donner en corps son consentement aux [lois proposées par ses magistrats; mais ce droit n'a pu être mis en usage que dans les petits Etats... Изъ дальнѣйшаго видно, что Мунье считаетъ этотъ порядокъ непосредственнаго законодательства народа, доступный для небольшихъ государствъ, не только не образцовымъ, но напротивъ соединеннымъ съ массой серьезныхъ неудобствъ. См. Arch. parlem. T. VIII, p. 555. Мунье былъ однимъ изъ тѣхъ, у которыхъ особенно чувствуется вліяніе „Духа законовъ“. См. его интересный докладъ, Arch. parlem. T. VIII, pp. 407 et suiv., особенно p. 409.—Указаніе на необходи-*

тельства было выражено также и въ текстахъ конституцій этой эпохи, причѣмъ воля народныхъ представителей просто уравнивалась съ волей всѣхъ гражданъ. Такъ въ деклараціи правъ чловѣка и гражданина, вошедшей въ конституцію 1791 г., въ ст. 6 говорится: „законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право участвовать въ его образованіи или лично или черезъ своихъ представителей“. Такія же опредѣленія содержатся въ конституціи 1793 г. (26 ст. деклараціи правъ) и въ конституціи 5 Фруктидора III года республики; въ послѣдней съ особенной ясностью высказывается положеніе, что „законъ есть общая воля, выраженная большинствомъ или гражданъ или ихъ представителей“ (ст. 6) ¹⁾. Но помимо такихъ положительныхъ утверждений, уравнивающихъ права представителей съ правами всего народа, въ конституціяхъ революціонной эпохи содержатся и утвержденія отрицательнаго характера содержащія указанія, что народъ „не можетъ законодательствовать иначе какъ чрезъ своихъ представителей“. Такъ въ одной изъ статей конституціи 1791 года говорится: „нація, отъ которой одной исходятъ всѣ власти, не можетъ пользоваться ими иначе, какъ чрезъ делегацію“, и далѣе въ слѣдующей статьѣ: „законодательная власть делегирована Национальному Собранію, составленному изъ пред-

---

мость представительства для большихъ націй мы находимъ также у Мирабо. Указавъ на то, что для каждаго политическаго союза нужны двѣ способности (deux pouvoirs): хотѣть и дѣйствовать, онъ продолжаетъ: *chez une grande nation, ces deux pouvoirs ne peuvent être exercés par elle même; de là la nécessité des représentants du peuple pour l'exercice de la faculté de vouloir, ou de la puissance législative...* *ibid.* p. 538.—Укажемъ, наконецъ, на одного изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ демократической идеи Петіона, который также видѣлъ въ представительствѣ неизбѣжную необходимость для большихъ государствъ: „pourquoi les peuples se choisissent ils des représentants? c'est que la difficulté d'agir par eux mêmes est presque toujours insurmontable; car si ces grands corps pouvaient être constitués de manière à se mouvoir facilement et avec régularité, des délégués seraient inutiles; je dirai plus, ils seraient dangereux.“ *Ibid.* p. 582.

¹⁾ Duguit et Monnier, p. 7. Titre III (des pouvoirs publics), Art. 2 и Art. 3.

ставителей...“ 1) Насколько вообще была мало распространена мысль о непосредственномъ управленіи народа, это явствуетъ изъ того обстоятельства, что даже въ то время, когда населеніе Франціи склонялось къ демократическимъ формамъ и республиканскому образу правленія, всѣ, повидимому, были согласны въ томъ, что слѣдуетъ установить *представительную* республику. По изысканіямъ Олара, мысль, что народъ можетъ и долженъ непосредственно осуществлять свою верховную власть, была высказана лишь однимъ изъ членовъ избирательнаго собранія департамента Сены и Уазы. Онъ предложилъ установить мандатъ, согласно которому депутаты „должны были требовать, чтобы народъ осуществлялъ свою верховную власть самъ, а не черезъ посредство делегатовъ“. Объ отношеніи собранія къ этому предложенію можно судить по тому, что оно не было даже подвергнуто обсужденію 2).

Интересно также отмѣтить, что хотя въ эту болѣе позднюю эпоху якобинцы и высказывали требованіе въ духѣ Руссо, чтобы „суверенный народъ какъ можно менѣе былъ отчуждаемъ отъ своей верховной власти“, но единственнымъ результатомъ, который отсюда выводили и который

1) Интересно сравнить любое изъ этихъ положеній съ тѣмъ, что говорилъ Руссо, чтобы видѣть ихъ рѣзкое и бросающееся въ глаза противорѣчіе.

Déclaration des droits.

Art. 6. La loi est l'expression de la volonté générale. Tous les citoyens ont droit de concourir personnellement, ou par leurs représentants, à sa formation.

Constitution du 3 Septembre 1791.
Titre III, Art. 2. La nation, de qui seule émanent tous les pouvoirs, ne peut les exercer que par délégation...
Art. 3. Le pouvoir législatif est délégué à une Assemblée nationale composée de représentants temporaires...

Du Contrat Social.

L. III, ch. XV... la volonté ne se représente point... Toute loi que le peuple en personne n'a pas ratifiée est nulle; ce n'est point une loi.

L. III, ch. XII. La loi n'étant que la déclaration de la volonté générale, il est clair que, dans la puissance législative, le peuple ne peut être représenté.

2) Aulard, Histoire politique de la révolution française. Paris 1899. p. 257. note 2; русск. пер. стр. 311, прим. 2.

можно было считать болѣе общепринятымъ въ якобинскихъ кругахъ, было требованіе всенароднаго голосованія законовъ, по крайней мѣрѣ учредительныхъ. По словамъ Олара, такое требованіе часто повторялось въ отношеніи къ конституціи, которую долженъ былъ выработать Конвентъ. Но, на примѣръ, другое послѣдствіе въ духѣ „Общественнаго договора“ требованіе смѣняемости депутатовъ по волѣ избирательныхъ собраній не находило себѣ сочувствія среди большинства демократическихъ группъ. Якобинцы склонялись къ этому въ принципъ; но и они признавали трудность практическаго осуществленія этого принципа, вытекавшую изъ того соображенія, что разъ избранный депутатъ перестаетъ быть уполномоченнымъ своего департамента и становится представителемъ всего французскаго народа ¹⁾.

Наивысшимъ торжествомъ идей Руссо считается періодъ господства Конвента. Дѣйствительно, ни одна изъ конституцій революціонной эпохи не стояла ближе къ „Общественному договору“, чѣмъ конституція 24 іюня 1793 года. О политическомъ характерѣ этой конституціи можно судить по той оцѣнкѣ, которую она получила уже въ ближайшіе годы у своихъ противниковъ и сторонниковъ. 23 іюня 1795 г. въ докладѣ, прочитанномъ въ Конвентѣ по поводу пересмотра конституціи, Буасси д'Англа говорилъ: „мы старались сохранить изъ конституціи 1793 года все, что могло быть полезно... но мы считаемъ своимъ долгомъ сказать вамъ, что эта конституція не что иное, какъ формальное сохраненіе всѣхъ элементовъ безпорядка... организація анархіи“ ²⁾. А въ то же время въ народномъ воображеніи конституція 1793 года, приняла характеръ какого-то „мистическаго, магическаго текста, евангелія демократіи“ ³⁾. Задача этой конституціи, какъ ее характеризовалъ докладчикъ конституціонной комиссіи Конвента Эро де Сешелль, заключалась въ томъ, чтобы какъ можно пол-

¹⁾ Aulard, о. с. pp. 257—258; русск. пер. стр. 311—312.

²⁾ Réimpression de l'ancien Moniteur, XXVI, pp. 81 et suiv.

³⁾ Aulard, Histoire politique de la révolution française. Paris 1901. P. 307.

нѣ провести идею народнаго суверенитета. Совершенно въ духѣ „Общественнаго договора“ Эро де Сешелль говорилъ, что депутаты могутъ представлять народъ только въ правительственныхъ распоряженіяхъ, а не въ законахъ, которые должны быть повергаемы на санкцію народа, „откуда слѣдуетъ съ очевидностью, что французское правительство представительно лишь постольку, поскольку въ извѣстныхъ случаяхъ народъ не можетъ дѣйствовать самъ“ ¹⁾. Соответственно съ этимъ, и въ конституцію были введены постановленія, что законы не издаются, а только предлагаются Законодательнымъ корпусомъ и затѣмъ въ видѣ законопроектовъ (*loi proposée*) рассылаются по всѣмъ общинамъ республики ²⁾. На возраженіе, что, быть можетъ, достаточно представлять народу только законы конституціонные, а въ отношеніи къ остальнымъ ждать его протестовъ (*ses réclamations*), Эро отвѣчаетъ: „было бы оскорбленіемъ народа расчленять различные акты суверенитета“.

Мы видимъ, что передъ нами въ полной неприкосновенности терминологія „Общественнаго договора“, и на этотъ разъ какъ будто бы идеи Руссо дѣйствительно торжествуютъ, тѣмъ болѣе, что ст. 28 конституціи 1793 г. признаетъ за народомъ постоянное право пересмотра, обновленія и измѣненія конституціи, а ст. 35 упоминаетъ о правѣ возстанія, какъ вытекающемъ изъ неотчуждаемаго народнаго сувере-

¹⁾ Réimpression de l'ancien Moniteur, XVI, p. 617.—Ссылаясь здѣсь и ниже на докладъ Эро де Сешелля, я не могу не замѣтить, что репутація чловѣка невѣжественнаго, утвердившаяся за нимъ и основанная на письмѣ его къ бібліотекарю Дезонэ о законахъ Миноса, „которые должны находиться въ собраніи греческихъ законовъ“, едва ли можетъ быть признана заслуженной. Какъ предполагаютъ Оларъ, это письмо является, повидимому, мистификаціей. Судя по различнымъ произведеніямъ Эро де Сешелля, его скорѣе слѣдуетъ признать образованнымъ чловѣкомъ съ утонченной эрудиціей (Aulard, о. с., р. 297). Что касается въ частности доклада Эро по поводу проекта конституціи 1793 года, то онъ свидѣтельствуетъ не только о литературномъ талантѣ, но и объ извѣстныхъ специальныхъ познаніяхъ автора. Во всякомъ случаѣ этотъ докладъ является чрезвычайно цѣнной характеристикой конституціи якобинцевъ.

²⁾ Constitution du 24 juin 1793, Art. 53, 58 (Duguit et Monnier, p. 73).

нитета: „когда правительство нарушаетъ права народа, возстаніе для народа и для каждой части его есть самое священное право и самая безусловная обязанность“ ¹⁾). Однако и въ этомъ опытѣ построить конституцію на началахъ Руссо составители ея встрѣтились—говоря словами Эро де Сешеля—съ „физической невозможностью этого достигнуть“. И здѣсь пришлось отступить отъ строгихъ началъ теории: „природа вещей, непреодолимая препятствія къ осуществленію, истинные интересы народа предписывали эту жертву; ибо недостаточно служить народу: никогда не слѣдуетъ его обманывать“ ²⁾). Въ этихъ любопытныхъ словахъ доклада Эро не трудно прочесть, что отступление отъ теории вызвалось въ данномъ случаѣ не одними непреодолимыми затрудненіями, но также и желаніемъ соблюсти не столько волю народа, сколько его интересы. Принявъ за правило, что „никогда не слѣдуетъ обманывать народъ“, составители конституціи 1793 года внесли въ нее извѣстный дух осторожности и предусмотрительности, въ которомъ новѣйшіе изслѣдователи видятъ не безъ основанія слѣды недовѣрія къ народу и народоправству. Говорить о томъ, что доктрина Руссо легла въ основу этой конституціи, можно только съ самыми серьезными оговорками.

Мы видѣли уже, что согласно проекту конституціонной комиссіи 1793 года „французское правительство должно было быть представительнымъ постольку, поскольку народъ не можетъ дѣйствовать самъ“ ³⁾). Предполагалось, что пред-

1) Привожу конецъ этой статьи по тексту, принятому въ изданіи Duguit et Monnier (р. 69) на основаніи рукописи Musée des Archives. Въ официальномъ текстѣ, напечатанномъ въ свое время, стояли слова: „le plus sacré et le plus indispensable des devoirs.“

2) Réimpression de l'ancien Moniteur, XVI, р. 616.

3) Если въ этомъ случаѣ докладъ имѣлъ въ виду оправдать извѣстныя отступленія отъ Руссо, то надо сказать, что подобное оправданіе прямо приводило къ Монтескье, который также говорилъ: „Le peuple qui a la souveraine puissance doit faire par lui même tout ce qu'il peut bien faire; et ce qu'il ne peut pas bien faire, il faut qu'il le fasse par ses ministres“. Esprit des lois. L. II, ch. II. Или въ другомъ мѣстѣ: „il faut que le peuple fasse par ses représentans tout ce qu'il ne peut faire palui même“. L. XI, ch. VI.

ставительное собраніе будетъ имѣть право самостоятельныхъ рѣшеній только въ области административныхъ распоряженій ¹⁾. Нельзя не сказать, однако, что къ этой области были отнесены и такіе предметы, которые обычно входятъ въ сферу законодательной власти. И комиссія, выработавшая проектъ конституціи, не только созначала, но и подчеркивала, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о простомъ исполненіи закона. Эро де Сешелль прямо заявляетъ, что депутаты, какъ представители народа, не должны уравниваться съ простыми агентами его, ибо представительство, какъ онъ думаетъ, относится не къ исполненію воли народа, а къ болѣе важнымъ актамъ ²⁾. Это стояло въ полномъ противорѣчій съ доктриной Руссо, утверждавшей категорически, что депутаты не могутъ быть представителями народа и ничего не должны рѣшать окончательно (L. III, ch. XV). Очевидно, основанія конституціи 1793 г. отражаютъ на себѣ не только вліяніе „Обще-

¹⁾ Согласно 55 ст. Конституціи, подъ особымъ наименованіемъ административныхъ распоряженій понимаются акты Законодательнаго Корпуса, касающіеся: ежегоднаго установленія контингента сухопутныхъ и морскихъ силъ;—разрѣшенія или запрещенія прохода иностранныхъ войскъ черезъ французскую территорію;—введенія иностранныхъ морскихъ силъ въ гавани республики;—мѣръ общественной безопасности и спокойствія;—ежегоднаго и временнаго распредѣленія пособій и общественныхъ работъ;—порядка для изготовленія монетъ всякаго рода;—непредвидѣнныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ;—мѣстныхъ и частныхъ мѣръ, относящихся къ извѣстному управленію, къ извѣстной общинѣ или къ извѣстному роду общественныхъ работъ;—защиты территоріи;—утвержденія трактатовъ;—назначенія и смѣшенія главнокомандующихъ арміями;—привлеченія къ отвѣтственности членовъ Совѣта и должностныхъ лицъ;—преслѣдованія замѣшанныхъ въ заговоры противъ общественной безопасности республики;—всякаго измѣненія въ частичномъ распредѣленіи французской территоріи;—національныхъ наградъ. (Duguit et Monnier, p. 73).

²⁾ Привожу здѣсь подлинныя слова изъ доклада Эро по этому поводу: „conséquemment à notre opinion de ne faire nommer directement et immédiatement par le peuple que les députés et le jury national et non pas les agents de ses volontés, nous n'avons pas voulu que le conseil (exécutif) reçut sa mission au premier degré de la base populaire... On ne représente pas le peuple dans l'exécution de sa volonté. Le conseil ne porte donc aucun caractère de représentation“... Réimpression de l'ancien Moniteur. XVI, pp. 617—618.

ственного договора“; идея представительства, укрѣпленная въ умахъ того времени самой практикой жизни, невольно вторгалась въ систему идей иного порядка. И не можетъ быть сомнѣнія, что конституцію 1793 г. мы должны характеризовать, какъ сочетаніе начала непосредственного народоправства съ началомъ представительства ¹⁾. Это своеобразное сочетаніе мы находимъ между прочимъ и въ основаніяхъ той избирательной системы, которую устанавливаетъ конституція якобинцевъ. Какъ поясняетъ Эро, составители конституціи исходили изъ мысли, что при выборахъ представителей слѣдуетъ имѣть въ виду „общую волю, которая въ принципѣ недѣлима“, поэтому они хотѣли, „чтобы возможно было составлять только одинъ списокъ для всего народа“, или говоря иначе, чтобы весь народъ составлялъ одну избирательную коллегію, которая могла бы подавать свои голоса за весь списокъ депутатовъ. Несомнѣнно, что такой порядокъ болѣе соотвѣтствовалъ бы принципу недѣлимой общей воли. Однако, въ виду практическихъ затрудненій, пришлось отъ этого отказаться и „прибѣгнуть къ средству самому естественному и самому простому... при помощи котораго можно приблизиться, насколько это возможно, къ общей волѣ“ ²⁾. Такимъ средствомъ Эро считаетъ раздѣленіе страны на большіе избирательные округа по количеству населенія и производство въ нихъ выборовъ по спискамъ. Но этотъ порядокъ въ извѣстной степени приближается къ системѣ Монтеスキе, которая была основана не на принципѣ недѣлимой общей воли, а на потребности болѣе сознательнаго избранія. Такъ или иначе конституція 1793 года, очевидно, допускала самыя серьезныя отступленія отъ теоріи непосредственного народоправства. Но болѣе того: нѣкоторыя особенности этой конституціи заставляютъ признать, что авторы ея не питали полного довѣрія къ политическимъ способностямъ

¹⁾ См. Duguît et Monnier, *Notices historiques* (предъ текстомъ конституцій) р. XXXIII.

²⁾ Réimpression de l'ancien *Moniteur*, XVI, р. 617.

народа. Это въ особенности слѣдуетъ сказать о тѣхъ условіяхъ, которыя были установлены ими для референдума. Каждый законопроектъ, согласно 58 ст. конституціи, разсылается предварительно во всѣ общины республики; но въ силу ст. 59 законопроектъ становится закономъ, „если черезъ сорокъ дней послѣ разсылки въ большинствѣ департаментовъ десятая часть правильно созданныхъ первичныхъ избирательныхъ собраній каждаго департамента не заявитъ протеста“. Такимъ образомъ здѣсь не предполагался референдумъ въ позднѣйшемъ смыслѣ слова, т.-е. всенародное голосованіе по законодательнымъ вопросамъ. Судьба законопроектовъ ставилась въ зависимость отъ активности самихъ избирателей, которые, въ случаѣ если бы они этого захотѣли, могли заявить протестъ. Но для силы такого заявленія необходимо было, чтобы оно объединило около себя въ большинствѣ департаментовъ не менѣ одной десятой первичныхъ избирательныхъ собраній. Это было требованіе, не всегда легко исполнимое; первоначальная редакція 59 ст. въ этомъ отношеніи не шла такъ далеко: она говорила не о десятой части избирательныхъ собраній, а объ одномъ или нѣсколькихъ собраніяхъ въ большинствѣ департаментовъ, что, конечно, значительно облегчало возможность отклоненія народомъ проектовъ Законодательнаго Корпуса. Другая любопытная особенность того же рода въ конституціи 1793 г. заключается въ томъ, что она сохраняетъ двухстепенные выборы для избранія должностныхъ лицъ и судей уголовныхъ и кассационныхъ. Эро де Сешель разъясняетъ, что это сдѣлано въ интересахъ самого же народа: „народъ долженъ признать, что большую часть времени онъ не въ состояніи избирать“. Но во что превращается въ такомъ случаѣ—спросимъ мы вмѣстѣ съ Дюги—непогрѣшимость народнаго суверенитета ¹⁾. Очевид-

1) Duguit, L'Etat, les gouvernants et les agents. Paris 1903, p. 100. На двойственный характеръ конституціи 1793 года указываютъ также Aulard, о. с., pp. 306—307; русск. пер. 370—371 и Esmein, Eléments de dr. const. 4-me édition, pp. 325—326. Интересно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ

но, идеи Руссо сочетаются здѣсь съ воззрѣніями совершенно иного порядка. Но и въ этомъ видѣ онѣ не получили практическаго значенія, такъ какъ конституція 1793 г. осталась простой демонстраціей и никогда не была примѣнена на практикѣ.

Разсмотрѣвъ основанія конституцій революціонной эпохи, мы должны были придти къ заключенію, что вліяніе Руссо отразилось на нихъ лишь отчасти и въ самомъ существенномъ и основномъ пунктѣ—о формѣ выраженія общей воли—уступило другому болѣе могущественному вліянію. Начало представительства, принятое за основу государственнаго переустройства, означало въ сущности переходъ къ совершенно иному взгляду на народный суверенитетъ, чѣмъ тотъ, который былъ высказанъ у Руссо. Это былъ переходъ ко взгляду Монтескье.

Прежде чѣмъ обратиться къ дальнѣйшему изложенію, постараемся дать себѣ отчетъ въ томъ, насколько далеко шель этотъ разрывъ съ началами „Общественнаго договора“. Мы видѣли до сихъ поръ его послѣдствія; выяснимъ теперь его основанія. Говоря иначе, поставимъ вопросъ болѣе коренной и глубокой: въ какой степени теорія представительства согласуется съ теоріей народнаго суверенитета? Во время французской революціи, какъ и послѣ того, это согласованіе предполагалось само собою разумѣющимся. Несмотря на горячія возраженія Руссо противъ представительства, никому изъ теоретиковъ революціонной доктрины не приходило въ голову, что они отступаютъ отъ теоріи народной воли, когда защищаютъ самостоятельность представительныхъ собраній. Однако, достаточно вспомнить подлинный смыслъ доктрины Руссо, чтобы видѣть, сколь далеко шла въ данномъ случаѣ линия расхожденія двухъ взглядовъ.

напр., по вопросу объ условіяхъ опротестованія законовъ, Конвентъ усилилъ ограниченія, предложенныя комиссіей. Что якобинская конституція во многихъ случаяхъ была менѣ демократической, чѣмъ жирондистская, совершенно законченная въ проектѣ, но не дошедшая до разсмотрѣнія Конвента, это достаточно разъясняетъ Aulard.

Депутаты народа—говориль Руссо—не могутъ быть его представителями: они лишь исполнители его порученій и ничего не могутъ рѣшать окончательно. Изъ этого положенія вытекаетъ, что полномочіе депутата лишь тогда можетъ быть согласовано съ народнымъ суверенитетомъ, когда депутаты слѣдуютъ во всемъ указаніямъ народной воли, и не имѣя самостоятельнаго значенія, исполняютъ чужую волю. Соотвѣтственно съ этимъ, какъ выборы, такъ и обязанности депутатовъ должны получить совершенно особый характеръ. Что касается выборовъ, то идеѣ единой общей воли всего болѣе соотвѣтствовало бы избраніе всей совокупности депутатовъ всѣмъ народомъ въ единомъ и нераздѣльномъ актѣ голосованія, при которомъ вся страна превращается въ одинъ избирательный округъ. Таково было совершенно вѣрное предположеніе конституціонной комиссіи Конвента 1793 года, о которомъ мы знаемъ изъ доклада Эро де Сешеля. При такомъ избраніи личность избираемаго теряетъ значеніе: голосуютъ за извѣстные взгляды, которые, будучи одобрены всѣмъ народомъ, получаютъ характеръ общей воли. Избранные депутаты не имѣли бы въ такомъ случаѣ другой цѣли, кромѣ того чтобы осуществить одобренную народомъ программу. Связанность ихъ воли императивнымъ мандатомъ и возможность ихъ отозванія, въ случаѣ нарушенія мандата, не встрѣчала бы при этомъ тѣхъ обычныхъ возраженій, которыя вытекаютъ изъ отрицанія зависимости депутатовъ отъ *своего* округа, въ виду ихъ задачи быть представителями *всего* народа. Если для каждаго депутата избирательный округъ совпадаетъ со всей совокупностью избирателей, если вся страна составляетъ только одинъ округъ (*collège unique*) и избираетъ всѣхъ депутатовъ, то очевидно, подчиняясь императивнымъ мандатамъ своихъ избирателей, депутаты вмѣстѣ съ тѣмъ выражаютъ и волю всего народа.

Описанная система избранія, являясь наиболѣе совершеннымъ способомъ для передачи народной воли въ ея чистомъ и неприкосновенномъ видѣ, въ сущности устраняетъ идею

выбора, съ которой связывается понятіе выдѣленія изъ общей массы лучшихъ и болѣе способныхъ. Подъ именемъ выборовъ тутъ происходитъ въ сущности *не избраніе лицъ, а ообщеніе программъ*. Изъявленіе воли народной выражается въ непосредственномъ указаніи ея желаній, личность избранника не играетъ никакой роли, онъ предназначается только къ тому, чтобы быть передаточнымъ пунктомъ для возложенныхъ на него порученій ¹⁾.

Все это предполагаетъ, что народная воля представляетъ собою настолько опредѣленную величину, что изъ нея можно почерпнуть готовыми всѣ необходимыя опредѣленія и что всѣ граждане одинаково могутъ ее передать, безъ усилій и исканій, какъ наглядный фактъ, котораго нельзя не видѣть и невозможно исказить. Это именно то предположеніе, которое подразумѣвается теоріей Руссо, изображающей процессъ образованія законовъ уже извѣстными намъ чертами: „первый, кто ихъ предлагаетъ, высказываетъ лишь то, что чувствовали уже другіе; здѣсь не нужно ни особыхъ домогательствъ, ни краснорѣчія, для того чтобы провести въ законъ то, что каждый уже рѣшилъ дѣлать, какъ только будетъ обезпечено, что другіе будутъ дѣйствовать такъ же, какъ и онъ“.

Послѣ ознакомленія съ теоріями революціонной эпохи, мы можемъ съ полной увѣренностью сказать, что только что изложенный взглядъ на представительство, единственно примиримый съ доктриной Руссо, не нашелъ въ ней признанія. Отдѣльныя попытки къ нему приблизиться прошли безслѣдно и разбились о затруднительность своего осуществленія. И принципъ единаго избирательнаго округа, и требованіе императивнаго мандата, и идея отозванія депутатовъ, все это высказывалось въ эпоху революціи. Но побѣду одержали другіе взгляды, которые вытекали изъ совершенно иной точки зрѣнія.

---

¹⁾ Сіиесъ называетъ такихъ представителей *des porteurs de votes, des coureurs politiques*. Archives parlementaires, T. VIII., p. 594.

Никто лучше Сийеса не выразилъ въ свое время той центральной идеи, которая въ это время положена была въ основу представительной системы. Въ своей знаменитой рѣчи, произнесенной въ Національномъ Собраніи 7 сентября 1789 г. и до сихъ поръ обычно цитируемой въ сочиненіяхъ по государственному праву, онъ высказалъ мысли, въ высшей степени характерныя и интересныя. Разъясняя сущность представительной системы, онъ между прочимъ замѣтилъ, что при этой системѣ граждане довѣряются нѣкоторымъ изъ своей среды; не отчуждая своихъ правъ, они поручаютъ другимъ осуществленіе ихъ, для общей пользы они избираютъ представителей, *«гораздо больше чѣмъ они сами способныхъ понимать общій интересъ и соотвѣтственно съ этимъ истолковывать ихъ собственную волю»* ¹⁾. Подчеркнутыя мною слова сразу переносятъ насъ на почву взглядовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ основами „Contrat social“. Задача представительства полагается не въ томъ, чтобы выражать уже готовую и ясную народную волю, а въ томъ, чтобы ее находить и истолковывать. Для этой цѣли необходимы болѣе способные, и выборъ имѣетъ цѣлью найти этихъ способныхъ. Согласно съ этимъ, за депутатами признается полная свобода въ выраженіи своихъ взглядовъ. „Для депутата нѣтъ и не можетъ быть повелительнаго мандата или даже какого-либо положительнаго желанія, кромѣ желанія націи, онъ связанъ совѣтами своихъ прямыхъ избирателей лишь постольку, поскольку эти совѣты будутъ соотвѣтствовать желанію націи. Но *идѣ же можетъ быть это желаніе, идѣ можно, его узнать, если не въ самомъ Національномъ Собраніи?* Волю своихъ довѣрителей депутатъ откроетъ не изъ справокъ съ отдѣльными наказами, если таковые имѣются. *Дѣло идетъ здѣсь не о томъ, чтобы подсчитать результатъ демократическаго голосованія, а о томъ, чтобы предлагать, выслушивать, совѣриваться, измѣнять свои взгляды, чтобы образовать сообща общую волю*“. Сийесь энергично подчеркиваетъ тотъ взглядъ, что

1) Archives parlem. I série. T. VIII, p. 594.

въ самой природѣ представительнаго собранія заключается необходимость самостоятельнаго и свободнаго образованія рѣшеній. „Въ самыхъ строгихъ демократіяхъ—думаетъ онъ—воля не образуется каждымъ про себя и заранѣе, чтобы потомъ извлечь отсюда общую волю. Когда собираются, то для того, чтобы обсуждать, чтобы узнать мнѣніе другъ друга, чтобы воспользоваться взаимнымъ освѣдомленіемъ, чтобы согласовать частныя желанія, видоизмѣнить и примирить ихъ, наконецъ чтобы получить результатъ, общій для большинства. Я спрошу теперь: то, что представлялось бы нелѣпымъ въ демократіи самой строгой и самой недовѣрчивой, должно ли служить правиломъ для представительнаго собранія. Несомнѣнно, что депутаты находятся въ Національномъ Собраніи не для того, чтобы возвѣщать здѣсь уже готовую волю ихъ прямыхъ избирателей, но для того, чтобы обсуждать и голосовать свободно, согласно ихъ *настоящему* мнѣнію (*d'après leur avis actuel*), освѣщенному всѣмъ тѣмъ свѣтомъ, который Собраніе можетъ доставить каждому“¹⁾.

Трудно было съ большей ясностью и отчетливостью выразить тотъ взглядъ на представительство, который соотвѣтствовалъ его существу и съ тѣхъ поръ слѣдился господствующимъ. Отсутствіе въ народѣ ясной и убѣдительной для всѣхъ общей воли, необходимость самостоятельнаго и свободнаго ея образованія путемъ совмѣстнаго обсуждения въ представительномъ собраніи, избраніе болѣе способныхъ для находенія и истолкованія общей воли—таковы основные пункты этого взгляда. Какъ разъясняетъ точку зрѣнія Сіёса современный ученый Эменъ, „прямое участіе народа въ законодательствѣ неудовлетворительно по существу въ томъ смыслѣ, что огромное большинство гражданъ, будучи вполне способно выбирать представителей сообразно съ ихъ извѣстными убѣжденіями и направлять такимъ образомъ законодательство и управленіе, неспособно производить оцѣнку законовъ или законопроектовъ, которые

---

¹⁾ Archives parlem. *ibid.* p. 595.

были бы подвергаемы его разсмотрѣнію. Ему не достаетъ для этого, какъ указывалъ Сійесь, двухъ необходимыхъ условій: образованія, чтобы понимать эти проекты, и досуга, чтобы ихъ изучать“¹⁾.

Но что же въ такомъ случаѣ остается отъ теории народнаго суверенитета? Какимъ образомъ устранено основное возраженіе Руссо, что воля не допускаетъ представительства? Мы тщетно искали бы у Сійеса соотвѣтствующихъ возраженій²⁾, но мы можемъ найти ихъ въ позднѣйшей литературѣ. Эсмень, на котораго мы только что ссылались, какъ на продолжателя взглядовъ Сійеса, представилъ по этому поводу разъясненія въ высшей степени поучительныя. Приведя извѣстныя соображенія противъ непосредственнаго участія народа въ законодательствѣ, Эсмень замѣчаетъ: „остается еще аргументъ правового характера, основной аргументъ Руссо. Законъ вмѣстѣ съ народнымъ суверенитетомъ есть выраженіе общей воли, а воля по своей природѣ не передается. Но опредѣленіе Руссо не вполне точно, оно заключаетъ въ себѣ злоупотребленіе словами. Законъ необходимо долженъ исходить отъ народа, въ томъ смыслѣ, что суверенный народъ одинъ можетъ создавать законы или довѣрять власть создавать ихъ; но невѣрно то, что законъ необходимо и просто является прямымъ и непосредственнымъ выраженіемъ общей воли, формулированнымъ точнымъ образомъ большинствомъ гражданъ. Законъ, прежде всего, есть норма справедливости и общаго блага. Если онъ обязательно имѣетъ своимъ основаніемъ авторитетъ суверенной власти, то никто не долженъ имѣть права сказать, чтобы суверенная власть могла преднамѣренно устанавливать несправедливые или вредные законы, и та система

¹⁾ Esmein, *Éléments de droit constitutionnel*. 4-ème édition Paris, 1906. Pp. 314—315.

²⁾ У Сійеса мы находимъ, напротивъ, прямое утвержденіе, что въ извѣстныя эпохи является совершенно правильнымъ представительство воли, при которомъ уже нельзя говорить о реальной общей волѣ. См. *Qu'est ce que le Tiers Etat*, édition critique par Edme Champion, p. 66: „ce n'est plus la volonté commune *réelle* qui agit, c'est une volonté commune *représentative*“.

правленія, которая, вполнѣ признавая народъ постояннымъ источникомъ всякой власти, сумѣетъ наилучшимъ образомъ обезпечить, что подобные законы больше не будутъ приниматься не только *bona fide*, но и по ошибкѣ,—такая система будетъ наилучшая и наиболѣе законная. Даетъ ли представительное правленіе болѣе, чѣмъ прямое, шансовъ для полученія законодательства справедливаго, полезнаго, рациональнаго? Къ этому сводится весь вопросъ, и рѣшеніе его, какъ кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію“¹⁾.

„Законъ прежде всего есть норма справедливости и общаго блага, и та система управленія лучше, которая болѣе способна обезпечить изданіе законовъ справедливыхъ, полезныхъ, рациональных“—это, конечно очень серьезное возраженіе противъ теоріи Руссо, но такое возраженіе, которое не исправляетъ, а совершенно устраняетъ основную идею „Общественнаго договора“. Для Руссо законъ прежде всего есть выраженіе общей воли, и только въ этомъ случаѣ онъ является нормой справедливости; довѣрить кому-либо выраженіе общей воли невозможно, потому что воля не передается. Эсмень и не утверждаетъ, что воля передается; онъ говоритъ о передачѣ власти, а не воли. Но это значить, что понятіе общей воли утрачиваетъ у него значеніе верховнаго принципа; выше этого ставится норма справедливости и общаго блага. И если стать на эту точку зрѣнія, то не видно, почему бы законы долженъ былъ создавать самъ народъ: гораздо правильнѣе довѣрить ихъ составленіе тѣмъ, кто болѣе способенъ понимать справедливость и общее благо.

Не можетъ быть сомнѣнія, что отъ теоріи народной воли здѣсь не остается и слѣда и что эта точка зрѣнія имѣетъ всѣ черты сходства съ ученіемъ Монтескье, а не Руссо. Если бы не ограничиваясь указаніями Эсмена, мы обратились къ тому, какъ смотреть другіе изъ новѣйшихъ писателей

---

1) Esmein, *Éléments de droit constit.* pp. 315—316. См. русскій пер. подъ ред. Дерюжинскаго, стр. 196.

на представительство, то мы нашли бы здѣсь взгляды столь же характерные и столь же радикально расходящіяся съ учениемъ Руссо. Вотъ на примѣръ формула Беджгота, выдающагося истолкователя англійской конституціи шестидесятихъ годовъ: „Принципъ народнаго правленія состоитъ въ томъ, что верховная власть, дѣйствительная власть рѣшать политическіе вопросы, принадлежитъ не непременно или обычно всему народу, или ариѳметическому большинству, а людямъ *выборнымъ*, избраннымъ и лучшимъ людямъ: таковъ принципъ въ Англии и во всѣхъ свободныхъ странахъ“¹⁾. Современный итальянскій писатель Орландо видитъ въ этомъ предоставленіи власти болѣе способнымъ связь съ „принципами, приложимыми ко всякой формѣ правительства“, и сводящимися къ слѣдующимъ началамъ: „1) социальныя элементы должны оказывать важное и постоянное вліяніе на государственныя дѣла; 2) осуществленіе политическихъ функцій должно принадлежать наиболѣе способнымъ“. Значеніе представительства онъ усматриваетъ въ томъ, „что выборъ *наиболѣе способныхъ* вмѣсто того, чтобы быть предоставленъ случаю или порученъ назначенію монарха, присваивается непосредственно гражданамъ. Слѣдовательно, избраніе есть *не делегація полномочій, а указаніе на способности*“. Согласно съ этимъ, Орландо истолковываетъ современную теорію народнаго представительства такимъ образомъ, что „представительные корпусы современныхъ государствъ суть не пассивныя органы избирателей, но имѣютъ *собственную* и независимую жизнь; вмѣсто того, чтобы представлять собою среднее умственное развитіе избирательнаго корпуса, они немного выше его, такъ какъ они состоятъ изъ лучшихъ элементовъ, находящихся въ политической средѣ націй въ данный моментъ“²⁾. Ту же идею независимости депутатовъ мы находимъ въ нѣмецкой теоріи, которая—въ своемъ господствующемъ теченіи—признаетъ полную независимость депутатовъ

1) Беджготъ, Англійская конституція, русск. пер., стр. 89.

2) Орландо, Принципы конституціоннаго права, русск. пер. М., 1907, стр. 57. Какъ говорить по тому же поводу Saripolos, представительство не имѣ-

отъ избирателей; все отношеніе ограничивается выборомъ. Полномочія свои депутаты получаютъ изъ конституціи. Къ этому сводится воззрѣніе Лабанда.

Таково пониманіе представительной системы, которое отъ Сійеса и до нашихъ дней господствуетъ въ литературѣ. Но ясно, что эта система есть отрицаніе идеи народнаго суверенитета. Здѣсь отрицаются всѣ основы теоріи Руссо: и вѣра въ безусловное превосходство народной воли,—этому противопоставляются преимущества правленія болѣе способныхъ; и ученіе о непередаваемости воли—оно замѣняется идеей о передачѣ представителямъ полномочій говорить за народъ, въ силу довѣрія къ нимъ народа, и, наконецъ, вѣра въ возможность непосредственнаго самообнаруженія общей воли—она уступаетъ мѣсто идеѣ о трудномъ и сложномъ процессѣ исканій, въ результатъ котораго добывается общая воля. Задача представителя, съ этой точки зрѣнія и въ идеальномъ своемъ выраженіи, есть тяжкій и великій трудъ. Не легкая перспектива отражать и передавать уже готовыя мнѣнія, а трудная обязанность творить и осуществлять сложную политическую программу во имя народа и въ интересахъ цѣлаго,—вотъ что составляетъ сущность депутатскаго полномочія. Понятіе постоянной и неизмѣнной одинаково для всѣхъ убѣдительной и обязательной общей воли, о которой мечталъ Руссо, замѣняется здѣсь другимъ понятіемъ—объ общей волѣ, какъ о загадочномъ и искомомъ началѣ, которое опредѣляется не механическимъ сложениемъ частныхъ волей, а особымъ процессомъ его отгадыванія и созиданія.

Мы приходимъ такимъ образомъ къ заключенію, что теорія представительства, какъ по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, такъ и по своимъ основаніямъ, является совершенно самостоятельной системой воззрѣній, имѣющей лишь

еть въ виду только передавать мнѣніе избирателей: „с'est une sélection des meilleurs en vue de s'occuper librement et d'une façon indépendante, du bien général“. Онъ считаетъ поэтому правильнымъ называть представителей „вопитателями“ народа. Saripolos, La démocratie et l'élection proportionnelle, p. 534.

самыя общія точки соприкосновенія съ доктриной „Общественнаго договора“. Въ самомъ главномъ и основномъ она является прямымъ отступленіемъ отъ этой доктрины.

Возвращаясь теперь снова къ воззрѣніямъ революціонной эпохи, мы должны сказать, что разсмотрѣннымъ только что отступленіемъ отъ теоріи Руссо дѣло здѣсь не ограничилось. Тѣ, которые призывали безпрестанно общую волю въ качествѣ послѣдняго основанія своихъ предположеній, допустили вскорѣ и другое нарушеніе тѣхъ требованій, которыя были выказаны въ „Общественномъ договорѣ“. Я имѣю въ виду установленіе ограниченнаго права голосованія, исключавшее изъ числа голосующихъ цѣлый разрядъ гражданъ. Оларъ въ достаточной мѣрѣ доказалъ, что въ 1789 г. во Франціи господствовало убѣжденіе, что управлять государствомъ и пользоваться политическими правами призваны лишь болѣе состоятельные граждане. Наиболѣе демократическими теоретиками были въ то время тѣ, которые желали включить въ составъ полноправныхъ гражданъ всѣхъ собственниковъ безъ изъятія и даже всѣхъ несобственниковъ, зарабатывавшихъ достаточно для того, чтобы быть свободными людьми. Бѣдные же исключались изъ состава политическаго общества ¹⁾. Нечего и говорить о томъ, что такое исключеніе стояло въ рѣзкомъ противорѣчьи съ требованіями „Общественнаго договора“, который не признаетъ никакого различія богатыхъ и бѣдныхъ и всячески предостерегаетъ противопоставлять одну часть гражданъ другой ²⁾. Сторонники иного взгляда чувствовали потребность оправдать свою точку зрѣнія и даже представить ее въ видѣ необходимаго исправленія теоріи Руссо. Такъ, на примѣръ, Камиль Демуленъ пытался ввести ограниченіе числа полноправныхъ гражданъ собственниками

¹⁾ Aulard, о. с. pp. 25—26; рус. пер., стр. 33—34.

²⁾ Миѣніе Олара и Эдмъ Шампіона, будто бы Руссо раздѣлялъ взглядъ на необходимость преобладанія средняго класса, почерпнуто главнымъ образомъ изъ „Lettres de la montagne“ и не имѣетъ никакого отношенія къ „Contrat Social“. См. Aular, *ibid.*, p. 26.

въ число условій первобытнаго договора. „Люди, которые впервые соединились въ общество, увидѣли вскорѣ, что первоначальное равенство не можетъ долго удержаться, что въ собраніяхъ, которыя послѣдуютъ за первымъ, не всѣ члены общества будутъ имѣть одинаковый интересъ въ сохраненіи общественнаго договора, обезпечивающаго собственность; и они позаботились поставить низшій классъ гражданъ внѣ возможности нарушить общественный договоръ. Съ этой цѣлью законодатели устранили изъ политическаго союза тотъ классъ людей, которыхъ въ Римѣ называли пролетаріями, какъ способныхъ только производить дѣтей и пополнять общество; они выдѣлили ихъ въ центурію, не имѣвшую вліянія на собранія народа. Удаленная отъ общественныхъ дѣлъ тысячею заботъ и находясь въ постоянной зависимости, эта центурія никогда не можетъ господствовать въ государствѣ. Одно сознаніе своего положенія устраняетъ ея членовъ отъ участія въ общественныхъ собраніяхъ. Станетъ ли слуга подавать свое мнѣніе вмѣстѣ съ господиномъ, а нищій—вмѣстѣ съ тѣмъ, чья милостыня даетъ ему существовать“¹⁾. Эти слова были написаны въ іюнѣ 1789 г., а вскорѣ, 20 и 21 іюля того же года Сійесь прочелъ въ конституціонной комиссіи Національнаго Собранія свой докладъ, въ которомъ онъ приводилъ новые доводы въ пользу ограниченія права голоса. Отстаивая, подобно Руссо необходимость общаго согласія всѣхъ для образованія политическаго союза и подобно ему высказывая требованіе общаго равноправія, онъ находилъ однако, что это требованіе должно ограничиваться правами пассивнаго гражданства: активнымъ гражданиномъ можетъ быть не всякій, и потому не всѣ могутъ быть включены въ число активныхъ гражданъ. Такъ впервые было проведено получившее затѣмъ громкую извѣстность разграниченіе гражданъ на активныхъ и пассивныхъ. „Всѣ жители страны,—говорится въ докладѣ Сійеса,—должны пользоваться въ ней правами *pas-*

1) La France libre. Oeuvres de Cam. Desmoulins. Paris, 1874. T. I., p. 85.

сивнаго гражданина: всѣ имѣютъ право на защиту ихъ личности, собственности, свободы и проч.; но не всѣ имѣютъ право принимать активное участіе въ организациі общественной власти, не всѣ являются *активными* гражданами. Женщины, по крайней мѣрѣ, при настоящемъ положеніи, дѣти, иностранцы, и наконецъ тѣ, которые ничѣмъ не содѣйствуютъ поддержанію общественнаго строя, не должны имѣть активнаго вліянія на общественныя дѣла. Всѣ могутъ пользоваться выгодами общества, но только тѣ, которые содѣйствуютъ общественному устройству, являются какъ бы настоящими акціонерами общественнаго предпріятія. Они одни суть истинные активные граждане, истинные члены общества ¹⁾). Соотвѣтственно съ этимъ Сійесъ требовалъ, чтобы къ участію въ избраніи представителей допускались граждане, которые имѣютъ интересъ въ общественныхъ дѣлахъ и способность къ нимъ (*qui ont à la chose publique intérêt avec capacité* ²⁾). Не будемъ слѣдить здѣсь за ходомъ событій, въ результатъ которыхъ теорія Сійеса получила признаніе въ декретѣ 22 декабря 1789 и въ другихъ однохарактерныхъ декретахъ и затѣмъ въ конституціи 1791 г. ³⁾). Для насъ достаточно отмѣтить, что постановленіе объ активныхъ гражданахъ, стоявшее въ явномъ противорѣчій съ декларацией правъ челоувѣка и гражданина, встрѣтило особенно рѣзкую отповѣдь со стороны тѣхъ, кто становился на точку зрѣнія Руссо. Агитація противъ цензоваго ограниченія избирательнаго права достигла особенной силы въ іюнь 1791 г. во время созыва первичныхъ собраний, которыя должны были избрать выборщиковъ для выборовъ въ Законодательное Собраніе. Противники ценза, надѣясь добиться его отмены, подняли въ Парижѣ цѣлое движеніе въ пользу всенароднаго голосованія. Съ этой цѣлью произносились рѣчи, распространялись печатныя воззванія и составлялись петиціи къ чле-

¹⁾ Archives. parlem. *ibid.*, VIII, p. 259.

²⁾ *ibid.*, p. 261.

³⁾ Подробную исторію вопроса даетъ Aulard, *о. с.*, pp. 60 et suiv.; русск. пер. стр. 73 и слѣд.

намъ Национальнаго Собранія. Языкъ этихъ петицій въ высшей степени интересенъ; авторы ихъ, очевидно, хорошо знали „Общественный договоръ“. Постановленіямъ Национальнаго Собранія они противоположаютъ основанія теоріи Руссо. Здѣсь-то, въ агитаціонныхъ листкахъ и народныхъ петиціяхъ мы встрѣчаемся съ точнымъ воспроизведеніемъ мыслей „Contrat social“, которыя въ преніяхъ Национальнаго Собранія находятъ лишь слабый отзвукъ. Вотъ, на примѣръ, чрезвычайно любопытная петиція, подписанная президентами тринадцати народныхъ клубовъ Парижа.

„Отцы отечества! Люди, подчиняющіеся законамъ, въ образованіи которыхъ они не принимали участія и на которые не давали своей санкціи, рабы. Вы объявили, что законъ можетъ быть только выраженіемъ общей воли, а между тѣмъ большинство населенія состоитъ изъ гражданъ, носящихъ странное названіе пассивныхъ. Если вы не назначите дня для универсальной санкціи законовъ безусловно всѣмъ составомъ гражданъ, если вы не устранили жестокаго разграниченія, установленнаго вашимъ декретомъ о маркѣ серебра¹⁾ между членами-братьями одного и того же народа, если вы не уничтожите навсегда эти различныя степени избираемости, столь явно нарушающія вашу декларацию правъ человѣка, — отечество въ опасности. 14 іюля 1789 г. Парижъ насчитывалъ 300.000 вооруженныхъ людей; списокъ активныхъ гражданъ, опубликованный муниципалитетомъ, не насчитываетъ и 80.000 ихъ. Сопоставьте эти цифры и судите“. Не менѣе любопытенъ текстъ петиціи двухъ парижскихъ избирательныхъ секцій, созданныхъ на первичныя собранія: и здѣсь точно такъ же въ духѣ „Общественнаго договора“ заявлялось требованіе: „приготовьте священные дни универсальной санкціи законовъ безусловно всѣмъ составомъ гражданъ. Довершите лучшее дѣло, какое когда-либо только было совершено. Нѣтъ націи, нѣтъ конституціи, нѣтъ свободы, если среди рождающихся свободными и

---

¹⁾ Марка серебра—цензъ для избранія въ депутаты.

равными хотъ одинъ человекъ принужденъ повиноваться законамъ, въ образованіи которыхъ онъ не имѣлъ права участвовать“¹⁾. Надо ли разяснить, насколько идеи, выраженные въ этихъ петиціяхъ и подготовленные краснорѣчивой пропагандой вождей демократической партіи Марата, Робеспьера, Кондорсе, Люсталло и другихъ, совпадали съ духомъ „Общественнаго договора“²⁾. Прибавимъ только что въ этой пропагандѣ мысль Руссо о необходимости участія всего народа въ законодательныхъ актахъ получила совершенно опредѣленное выраженіе въ формулѣ клуба кордельеровъ: „народное правительство, т.-е. ежегодная и всеобщая санкція законовъ“ „un gouvernement natinaal c'est à dire la sanction ou ratification universelle et annuelle“. Такъ уже здѣсь основная идея „Общественнаго договора“ была отождествлена съ принципомъ той системы, которая въ настоящее время называется референдумомъ³⁾.

Приведенныя нами петиціи и заявленія имѣютъ для насъ чрезвычайно важное значеніе: они показываютъ, насколько ясно чувствовалось тогда многими противорѣчіе между законодательными предположеніями Національнаго Собранія и завѣтами Руссо. Нужды нѣтъ, что имя творца „Общественнаго договора“ лишь изрѣдка упоминалось его сторонниками, какъ напримѣръ, въ той рѣчи Робеспьера, гдѣ онъ съ упрекомъ говорилъ членамъ Національнаго Собранія, что при системѣ ценза Жанъ Жакъ Руссо не попалъ бы въ выборщики, „между тѣмъ какъ онъ просвѣтилъ человечество и его могучій и добродѣтельный геній подготовилъ ваши труды“. Вліяніе Руссо чувствуется въ каждой строкѣ

1) Текстъ этихъ петицій и всѣ необходимыя данныя относительно порядка ихъ составленія приведены у Aulard о. с., pp. 102—105; русск. пер. 125—128.

2) Въ этой пропагандѣ принялъ участіе и Камилль Демуленъ, за нѣсколько недѣль до того отстаивавшій вмѣстѣ съ Сийесомъ начало ограниченного избирательнаго права.

3) Повидимому, принципъ референдума былъ высказанъ впервые у Люсталло въ 1790 г. и затѣмъ развитъ въ слѣдующемъ году Рене де Жирарденомъ, который провелъ соотвѣтствующую резолюцію у кордельеровъ. См. Aulard, о. с. pp. 82, 146; русск. пер. стр. 100 и 177.

заявленій демократическихъ группъ. Но само Національное Собраніе весьма мало было склонно къ тому, чтобы увлекаться подлинными ученіями „Общественнаго договора“. „Универсальная санкція всѣхъ законовъ безусловно всѣмъ составомъ гражданъ“ вовсе не казалась ему обязательной. Это съ особенной ясностью обнаружилось въ тотъ моментъ, когда зашла рѣчь о санкціи народа для основныхъ законовъ, выработанныхъ Собраніемъ. Дѣло шло о томъ, чтобы получить народное согласіе на учрежденіе новаго порядка, который являлся какъ бы образованіемъ новаго общества. Но когда 30 августа 1791 г. Малуэ потребовалъ, чтобы только что разсмотрѣнная конституція была предложена къ принятію народу, въ собраніи проявились знаки величайшаго негодованія¹⁾. Депутаты считали себя достаточно компетентными для того, чтобы безапелляціонно выразить народную волю. Болѣе того: они считали себя въ правѣ поставить преграды, по крайней мѣрѣ на извѣстное время, для какого-либо иного выраженія народной воли и съ этой цѣлью рѣшили въ самомъ законѣ установить запретъ скорого пересмотра конституціи. Было сдѣлано, между прочимъ, предложеніе назначить тридцать лѣтъ, какъ срокъ, въ теченіе котораго запрещался пересмотръ конституціи. Д'Андре, которому принадлежало это предложеніе, мотивировалъ его необходимою на болѣе долгое время парализовать происки лицъ, которыя, пользуясь въ силу своихъ крайнихъ взглядовъ наибольшою популярностью, могли бы добиться пересмотра конституціи и можетъ быть перехода къ республикѣ. „Мое предложеніе,—говорилъ д'Андре—даетъ благоразумнымъ людямъ надежду прожить спокойно тридцать лѣтъ“²⁾. Аплодисменты, раздавшіеся въ собраніи вслѣдъ за этой фразой показали, что депутаты сочувственно отнеслись къ мотивировкѣ д'Андре.

Но съ другой стороны раздались и голоса, правда встрѣченные ропотомъ, но опредѣленно заявившіе, что предло-

1) Archives parlementaires. I-re Série, XXX, p. 64.

2) Archives parlem., XXX, p. 70.

женіе д' Андре стоитъ въ противорѣчій съ понятіемъ народнаго суверенитета ¹⁾).

Противорѣчіе было дѣйствительно слишкомъ ясно, и, несмотря на очевидное сочувствіе предложенію о тридцатилѣтнемъ срокѣ, собраніе не рѣшилось принять постановленіе о невозможности пересмотра конституціи въ теченіе 30 лѣтъ. Выходомъ изъ затрудненія явилась формула Тронше, носившая примирительный характеръ. Эта формула, принятая Собраніемъ, гласила „народъ имѣетъ неоспоримое право пересматривать свою конституцію, когда онъ этого захочетъ; но Національное Собраніе объявляетъ, что въ интересахъ народа пріостановить пользованіе этимъ правомъ на 30 лѣтъ“. Такъ думали примирить провозглашенную самимъ Собраніемъ идею народнаго суверенитета съ представленіемъ о правѣ Собранія говорить и рѣшать за народъ. Но примиреніе это никакъ нельзя было назвать удавшимся. Въ формулѣ Тронше явно проглядывало убѣжденіе, отличавшее Національное Собраніе, что оно понимаетъ интересы народа лучше, чѣмъ самъ народъ. Это, конечно, наносило идеѣ народнаго суверенитета чувствительный ушербъ.

Однако, Національное Собраніе не удовлетворилось неопредѣленной формулой Тронше. На другой день, 31 августа снова возобновились пренія по тому же вопросу, и въ концѣ концовъ было принято постановленіе, вошедшее затѣмъ и въ конституцію и по существу воспроизводившее первоначальное предложеніе д'Андре. Было постановлено, что пересмотръ конституціи могъ быть произведенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы три послѣдовательныхъ законодательныхъ собранія (а каждое изъ нихъ, согласно конституціи, избиралось на два года) высказались одинаково за измѣненіе одной или нѣсколькихъ статей конституціи ²⁾. Тридцат-

¹⁾ Archives parlem., XXX, p. 70.

²⁾ Archives parlem., XXX, p. 117. Ср. Constitution du 3 juin 1791. Ch. V. titre VII. Весь этотъ отдѣлъ конституціи 1791 г. представляетъ въ сущности чрезвычайно любопытную попытку устранить понятіе народнаго суверените-

тилѣтній срокъ такимъ образомъ сокращался, но устанавливалось въ другомъ видѣ запрещеніе для народа пересматривать конституцію въ теченіе извѣстнаго періода.

Едва ли въ чемъ-либо другомъ сказалось въ такой мѣрѣ отступленіе Национальнаго Собранія отъ духа „Общественнаго договора“, какъ въ этомъ постановленіи конституціи 1791 года. Это не была только свойственная всѣмъ составителямъ законовъ боязнь за цѣлость ихъ труда, съ любовью задуманнаго и выполненнаго. Здѣсь проявлялось также опасеніе, что народная воля можетъ сбиться въ будущемъ съ правильнаго пути и убѣжденіе, что есть нѣкоторыя начала общественной жизни, которыя выше измѣнчивой народной воли и съ которыми она должна сообразоваться. Мы сейчасъ увидимъ, какъ это же убѣжденіе сказалось при обсужденіи другого вопроса, затронутаго петиціями—объ избирательномъ цензѣ.

Национальное Собраніе не было склонно идти въ этомъ отношеніи на сколько-нибудь значительныя уступки. Несмотря на агитацію демократическихъ группъ въ пользу совершенной отмѣны ценза, Собраніе ограничилось лишь отмѣной декрета о маркѣ серебра,—ценза для избранія въ депутаты. Дѣйствіе этого отмѣняющаго постановленія было, однако, отложено на два года, до новаго созыва избирательныхъ собраній, и выборы въ Законодательное Собраніе были произведены при дѣйствіи декрета о маркѣ серебра. Что касается другихъ цензовыхъ ограниченій, относившихся къ избирателямъ и выборщикамъ, то они лишь были болѣе подробно формулированы и составили едва ли не самыя длинныя статьи конституціи 1791 года ¹⁾. Изъ доклада Сийе-

та, см. особенно art. 7. Авторы конституціи всецѣло выразили здѣсь свое желаніе сохранить въ неизмѣнности ея основы. Формула Тронше, отдававшая извѣстную дань народному верховенству, включена въ art. 1 съ значительными ограниченіями и слова „le droit imprescriptible de changer sa Constitution“ звучатъ въ ней, какъ чисто отвлеченное упоминаніе, такъ какъ рядомъ съ этимъ говорится, что этимъ правомъ своимъ народъ долженъ пользоваться лишь въ указанныхъ границахъ.

¹⁾ Я имѣю въ виду въ особенности art. 7. (Ch. I Section II) см. Duguit et Monnier, p. 9.

са, выдержку изъ котораго мы привели выше, намъ знакомы мотивы, заставлявшіе Собраніе держаться системы ценза. Только тѣ, кто содѣйствуетъ поддержанію общественнаго строя, кто соединяетъ интересъ къ общественнымъ дѣламъ со способностью къ нимъ, могутъ быть активными гражданами—такова была мысль Сійеса. При обсужденіи вопроса о цензѣ въ августѣ 1791 г. эта мысль была въ иныхъ выраженіяхъ повторена Барнавомъ. Отвѣчая Робеспьеру и другимъ демократическимъ ораторамъ, онъ произнесъ рѣчь, которая, судя по громкимъ аплодисментамъ собранія, отвѣчала взглядамъ большинства депутатовъ. „Среди выборщиковъ, — сказалъ Барнавъ—избраніе которыхъ не обусловлено платежомъ налога, равнаго тридцати или сорокадневной рабочей платѣ, избирательная функция осуществляется не рабочимъ, не земледѣльцемъ, не честнымъ ремесленникомъ, которыхъ нужда заставляетъ предаваться непрерывному труду, а людьми, одушевленными и движимыми интригой, вносящими въ первичныя собранія духъ мятежа и желаніе переменъ, которыми они внутренне пожираются; эти люди именно потому, что у нихъ ничего нѣтъ и что они не умѣютъ найти въ честномъ трудѣ недостающихъ имъ средствъ существованія, стремятся создать новый порядокъ вещей, при которомъ интрига могла бы занять мѣсто честности, нѣкоторая доля остроумія—мѣсто здраваго смысла, а частный и всегда дѣятельный интересъ мѣсто общаго и прочнаго общественнаго интереса ¹⁾“. „Общій и прочный общественный интересъ“ вотъ понятіе, которое, повидимому, наилучшимъ образомъ выражало тотъ принципъ, который, по мнѣнію Национальнаго Собранія, долженъ былъ служить ограниченіемъ и сдержкой къ безпрепятственному заявленію народныхъ желаній. Во имя этого принципа принята была система ценза и установлено дѣленіе гражданъ на активныхъ и пассивныхъ; во имя его были поставлены законодательныя преграды для пересмотра консти-

---

¹⁾ Aulard, о. с. р. 162; русск. пер., стр. 197.

туціи. Но надо ли разъяснять, насколько это политическое понятіе шло въ разрѣзъ съ идеей верховной воли народа въ смыслѣ Руссо? Создавалась совершенно новая перспектива на идею общей воли; эта воля утрачивала свое верховное значеніе и приводилась въ подчиненіе нѣкоторымъ инымъ, стоящимъ надъ нею принципамъ.

Таково было заключительное слово Національнаго Собранія. Событія, послѣдовавшія затѣмъ, шли такимъ лихорадочнымъ темпомъ, что никакія сдержки и ограниченія не могли уже имѣть мѣста. Заботы творцовъ первой французской конституціи о прочности установленнаго ею порядка обратились въ ничто передъ этимъ головокружительнымъ ходомъ исторіи. Законодательное Собраніе, явившееся на смѣну Національному Собранію, принесло клятву въ непоколебимой вѣрности (*de fidelité inébranlable*) конституціи 1791 года, но нѣсколько мѣсяцевъ спустя оно нарушило эту конституцію, отрѣшивъ короля отъ исполненія его функций и принявъ рѣшеніе созвать Національный Конвентъ, который долженъ былъ принять мѣры „для обезпеченія верховной власти народа и царства свободы и равенства“. Это отвлеченное указаніе на цѣль предполагавшагося новаго собранія, равно какъ и самое наименованіе его „конвентомъ“ (что на политическомъ языкѣ того времени обозначало собраніе для пересмотра конституціи) ясно говорили о томъ, что новые законодатели Франціи рѣшились нарушить тѣ статьи конституціи 1791 года, въ которыхъ устанавливалось запрещеніе назначать пересмотръ конституціи ранѣе, чѣмъ три послѣдовательныхъ законодательныхъ собранія выскажутся въ пользу такого пересмотра. Демократическая волна, захватившая Законодательное Собраніе, заставила его отмѣнить и систему ценза. Было бы, однако, неправильно утверждать, чтобы періодъ господства Законодательнаго Собранія и послѣдовавшаго за нимъ Конвента представлялъ дѣйствительное торжество идеи народнаго суверенитета. Въ этотъ моментъ наивысшаго напряженія революціонныхъ силъ стремительная борьба съ прошлымъ

придавала всему политическому движенію скорѣе разрушительный, чѣмъ созидательный характеръ, и напрасно было бы искать здѣсь послѣдовательнаго проведенія какихъ-либо опредѣленныхъ началъ. Главный законодательный памятникъ этой эпохи—конституція 1793 г.—не былъ испробованъ на практикѣ и остался простой демонстраціей и при томъ недостаточно рѣшительной въ пользу принципа на роднаго суверенитета. Политическая же практика этой эпохи представляла, какъ справедливо замѣчаетъ Жанэ, скорѣе нарушеніе этого принципа, чѣмъ его признаніе: здѣсь господствовала „демократическая олигархія, узурпація снизу, деспотическая диктатура, украшенная именемъ народнаго блага“, но не было настоящаго торжества общей народной воли¹⁾.

Лишь только схлынула революціонная волна, Конвентъ спѣшилъ покончить съ тѣми началами, которыя казались ему „формальнымъ сохраненіемъ безпорядка и господствомъ анархіи“. Характеризуя общее направленіе дѣятелей того времени, Оларъ говоритъ, что они поставили своей задачей „упразднить господство черни въ интересахъ самого народа, отмѣнить всеобщее избирательное право, которое снова подвергло бы Францію игу королей и священниковъ или террористовъ; допуская къ участию въ политической жизни только наиболѣе просвѣщенныхъ гражданъ, они хотѣли основать правительство на разумѣ“²⁾. Соотвѣтственно съ этимъ конституція 5 Фруктидора III года республики возстановила цензъ и поставила законодательную дѣятельность въ такія условія, которыя, по мнѣнію ея авторовъ, могли бы обезпечить для нея болѣе зрѣлое и обдуманное направленіе. Такъ обратились снова къ открытому признанію того принципа, который съ самаго начала французской революціи ограничивалъ и умѣрялъ дѣйствіе принципа народовластія. То подъ именемъ способности къ участию

1) Janet, Histoire de la Science politique, II, p. 459.

2) Aulard, о. с., p. 572; русск. пер., стр. 690.

въ общественномъ устройствѣ, какъ у Сійеса, то подъ видомъ умѣнья оцѣнить прочные общественные интересы, какъ у Барнава, то подъ разными другими названіями и именами постоянно воспроизводится то начало политической способности, которое играло такую роль у Монтескье. Смѣло провозглашая лозунгъ народовластія, призывая народъ взять все въ свои руки, въ то же время не вполне довѣряютъ народу, вспоминаютъ то, что говорили Вольтеръ и Монтескье, что говорилъ иногда самъ Руссо; вспоминаютъ, что интересы культуры и просвѣщенія имѣютъ свои пути и основы, предъ которыми должна склоняться колеблющаяся народная воля. Этотъ мотивъ недовѣрія къ народу и къ его политическимъ способностямъ слышится все время въ эпоху революціи; онъ ясно виденъ въ дѣятельности Національнаго Собранія, но онъ проглядываетъ и въ эпоху Конвента, у якобинцевъ, и наконецъ, какъ преобладающій мотивъ, какъ результатъ всего предшествующаго опыта, слышится у авторовъ конституціи III года республики.

Мы имѣемъ теперь достаточно данныхъ, чтобы отвѣтить на вопросъ, въ какой мѣрѣ принципъ народнаго суверенитета нашель свое воплощеніе въ политическихъ идеяхъ революціонной эпохи. Соприкосновеніе съ жизненной практикой, какъ мы видѣли, мгновенно преобразило его. Для того чтобы стать положительнымъ устрояющимъ принципомъ политической жизни, онъ встрѣтился съ потребностью найти организацію для выраженія народной воли, и такой организаціей явилась система представительства. Въ качествѣ дополненія и корректива къ представительству иногда требовалась и примѣнялась система референдума, но при тѣхъ ограниченіяхъ, которыя вносились здѣсь въ эту систему, она могла констатировать лишь фактъ согласія или несогласія народа съ волей представительнаго собранія, которое и получало такимъ образомъ руководящее значеніе. Представительство выдвигалось въ качествѣ свободнаго и уполномоченнаго органа для выраженія народной воли и

получало именно тотъ характеръ, который такъ рѣшительно отрицалъ за нимъ Руссо.

Въ связи съ этимъ взглядомъ стояли и тѣ частныя послѣдствія, которыя уже въ эпоху революціи совершенно опредѣленно связывались съ понятіемъ представительства. Отрицаніе смѣняемости депутатовъ по усмотрѣнію избирателей, отрицаніе императивнаго мандата, связывающаго волю народныхъ представителей, признаніе, что каждый депутатъ есть представитель всего народа, а не уполномоченный своихъ избирателей—все это вытекало изъ одной общей мысли, изъ одного общаго стремленія разсматривать народное представительство, какъ самостоятельный и свободный органъ для выраженія общей воли. Все это связывалось съ вѣрой въ способность представительства служить органомъ этой воли и ея точнымъ выраженіемъ. Съ этимъ уже тогда сочетался совершенно опредѣленный взглядъ, что представительство есть не только право, вытекающее изъ положенія гражданина, но и обязанность, связывающая и депутата, и cadaго избирателя со всѣмъ обществомъ. Въ особенности члены Национальнаго Собранія выражались по этому поводу съ большой энергіей. Извѣстны цитируемая столь часто слова Барнава: „Качество избирателя есть только общественная функція, на которую никто не имѣетъ права, которую общество распредѣляетъ такъ, какъ повелѣваетъ ему интересъ... Функція избирателя не есть право; каждый осуществляетъ ее ради всѣхъ; активные граждане назначаютъ избирателей для всѣхъ“. И это не было частное мнѣніе отдѣльнаго депутата. Какъ справедливо замѣчаютъ Эсмень и Дюги, это была концепція, которая господствуетъ во всѣхъ конституціяхъ эпохи революціи, кромѣ конституціи 1793 года ¹⁾. Все это въ высшей степени важно и характерно. Очевидно, усвоивъ понятіе представительства, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были усвоить и тотъ взглядъ на

¹⁾ Esmein, о. с., р. 276; Duguit, L'Etat, les gouvernants et les agents, pp. 89 et suiv.

него, который вытекалъ изъ самаго существа этой системы. По своей идеѣ представительство является не частнымъ порученіемъ и не личнымъ правомъ, а политической обязанностью. „Когда частный человѣкъ поручаетъ свои дѣла другому, онъ имѣетъ въ виду исполненіе своей личной воли, которую онъ для собственной выгоды или удобства передаетъ повѣренному, заступающему его мѣсто. Послѣдній является здѣсь орудіемъ или средствомъ въ рукахъ другого... Все это немыслимо въ народномъ представительствѣ. На повѣреннаго возлагается не исполненіе частной воли довѣрителя, а обсужденіе и рѣшеніе общихъ дѣлъ. Онъ имѣетъ въ виду не выгоды избирателей, а пользу государства. Призванный къ участию въ политическихъ дѣлахъ, онъ приобретаетъ извѣстную долю власти и тѣмъ самымъ становится выше своихъ избирателей, которые, въ качествѣ подданныхъ, обязаны подчиниться его рѣшеніямъ“ ¹⁾. Въ этихъ словахъ Б. Н. Чичерина прекрасно выясняется самая сущность политическаго представительства. Но если такъ, то понятно, что представительство должно сочетаться со способностью къ пониманію общихъ задачъ. Въ этомъ и состоитъ цѣль выборовъ: выдѣлять изъ числа гражданъ тѣхъ, кто лучше другихъ можетъ отстаивать общій интересъ. Такъ именно понималъ систему представительства Монтескье. Предполагается, что представители—люди, стоящіе выше общаго уровня, люди избранные и лучшіе, и въ этомъ смыслѣ былъ правъ Аристотель, считавшій выборъ началомъ аристократическимъ ²⁾. А за всѣмъ этимъ стоитъ, наконецъ, и дальнѣйшее предположеніе, что воля народная не есть готовый фактъ, который ясенъ для всѣхъ и каждого и которую любой гражданинъ можетъ выразить такъ же хорошо, какъ и всякій другой, а лишь задача или руково-

---

¹⁾ Б. Чичеринъ, „О народномъ представительствѣ“. Изд. 2-ое (Библ. для самообразованія. М., 1899), стр. 3—4.

²⁾ Не такъ давно эту точку зрѣнія защищалъ Sidgwick (*Elements of politics*. London, 1897, pp. 616—619), находившій, что представительная система сочетаетъ аристократическое начало съ демократическимъ.

дѣющая норма, положительное содержаніе которой раскрывается лишь тѣмъ, кто способенъ и призванъ ее понимать.

Мы видимъ теперь съ полной очевидностью, что послѣдствія этого взгляда, какъ и его основанія, стояли въ самомъ рѣшительномъ противорѣчьи съ идеей народнаго суверенитета въ смыслѣ Руссо. Отправляясь отъ мысли, что при нормальныхъ условіяхъ общая воля есть вмѣстѣ и общее убѣжденіе всѣхъ гражданъ, что стѣдуетъ кому-либо предложить новый законъ, чтобы высказать лишь то, что чувствовали уже другіе, Руссо полагалъ, что каждый гражданинъ долженъ участвовать во всѣхъ актѣхъ суверенитета ¹⁾. При этомъ взглядѣ не только не нужно, но и безусловно недопустимо выбирать кого-либо для выраженія общей воли и вручать ему преимущественныя права въ этомъ отношеніи. Это было бы нарушеніемъ свободы и равенства всѣхъ остальныхъ, которые лишь тогда сохраняютъ гражданское полноправіе, когда всѣ одинаково участвуютъ въ суверенной власти. Народная воля, какъ общее убѣжденіе, какъ готовая и совершенно опредѣленная истина, говорить о себѣ устами каждаго гражданина, и если бы кто-либо былъ забытъ въ общемъ подсчетѣ голосовъ, это было бы формальнымъ нарушеніемъ справедливой общности голосованія (*toute exclusion formelle rompt la généralité*).

Но при томъ безусловно отрицательномъ отношеніи къ теоріи Руссо, которое, несмотря на доводы его сторонниковъ, возобладало въ конституціяхъ революціонной эпохи, что же случилось съ идеей народнаго суверенитета и какое значеніе сохранилось за нею въ понятіяхъ этого времени? Если даже и въ конституціи 1793 года организующее значеніе этого принципа сказалось только въ признаніи идеи референдума и если даже и здѣсь съ полной ясностью проявилась руководящая сила начала представительства, это было очень знаменательно. Это означало,

¹⁾ Руссо говорить объ этомъ, какъ о правѣ каждаго, которое разумѣется само собою: „Le simple droit de voter dans tout acte de souveraineté, droit que rien ne peut ôter aux citoyens...“ (Cont. soc., L. IV, ch. I).

что понятіе народнаго суверенитета явилось здѣсь не столько устрояющимъ юридическимъ принципомъ, сколько высшей нравственной санкціей всѣхъ властей и законовъ. Въмѣсто того, чтобы стать непосредственной практикой жизни, безусловно господствующей надъ всѣми политическими учрежденіями, оно превратилось въ отвлеченную норму, въ отдаленный источникъ — *fons remota*—признаннаго порядка. Для этого новаго положенія народнаго суверенитета нашли и новый терминъ, достаточно туманный для того, чтобы скрыть неясность вытекавшихъ изъ него послѣдствій, терминъ болѣе мистическій, чѣмъ юридическій, болѣе знакомый намъ изъ религіозно-философскихъ концепцій, чѣмъ изъ юридическихъ построений. Это былъ терминъ эманации, исхожденія всѣхъ властей изъ народнаго суверенитета. Какъ кажется, Сійесъ первый въ Національномъ Собраніи, въ своемъ докладѣ конституціонной комиссіи употребилъ этотъ терминъ ¹⁾, который перешелъ затѣмъ въ декларацію правъ и въ конституцію 1791 года ²⁾. Столь же неопредѣленный характеръ имѣлъ другой терминъ, который употреблялся на ряду съ этимъ: „начало всякаго суверенитета *pre-bivааетъ* (*réside*) по существу въ націи“ ³⁾. Болѣе рѣшительно опредѣленіе конституціи 1793 года: „суверенный народъ есть совокупность французскихъ гражданъ“; но въ

1) Archives parlementaires, T. VIII, p. 260: Tous les pouvoirs publics, sans distinction, sont une émanation de la volonté générale.—Въ Декларации правъ—Art. 3, въ Конституціи, Titre III, Art. 2 (la nation, de qui seule émanent tous les pouvoirs).

2) Въ какомъ смыслѣ уже тогда понимался нѣкоторыми этотъ терминъ, это лучше всего видно изъ слѣдующихъ словъ Мунье: „Меня не заподозрять, конечно, въ желаніи отрицать, что всякая власть исходитъ (*émane*) изъ народа; но единственное послѣдствіе, которое слѣдуетъ почерпнуть изъ этого принципа, заключается въ томъ, что никакое правительство не существуетъ для интереса управляющихъ; ибо если всѣ власти исходятъ изъ народа, то для его счастья необходимо, чтобы онъ не пользовался ими самъ, и чтобы онъ сохранялъ за собою только необходимое вліяніе, для того чтобы препятствовать носителямъ его властей дѣлать изъ нихъ употребленіе, противное его интересамъ“. Archives parlementaires, I-re série, T. VIII, p. 410.

3) Декларация правъ—Art. 3. Тотъ же терминъ повторяется въ конституціи III года: „La souveraineté réside essentiellement dans l'universalité des ci toyens“. (Art. 17.)

концѣ концовъ это было все же лишь отвлеченное опредѣленіе, которое съ легкимъ видоизмѣненіемъ безпрепятственно было принято и въ конституцію III года, чуждую демократическихъ пристрастій ¹⁾. Нельзя признать случайнымъ употребленіе этихъ терминовъ: „исходить“, „пребываетъ“. Они вполне соответствовали представленію о народномъ суверенитетѣ, какъ объ отдаленномъ и конечномъ источникѣ, который, не будучи самъ по себѣ дѣятельнымъ и движущимъ началомъ, лишь сообщаетъ присущее и пребывающее въ немъ значеніе исходящимъ отъ него властямъ. Какимъ образомъ сообщаетъ?—На этотъ вопросъ конституціи революціонной эпохи отвѣчаютъ: посредствомъ делегации. Но понятіе делегации покрывало собою въ политической практикѣ самыя разнородныя явленія. Власть римскихъ императоровъ считалась также результатомъ делегации римскаго народа. Теорія делегации власти и эманации ея авторитета изъ народной воли ставить въ сущности народную волю въ положеніе *fontes remota* признанныхъ властей и практически допускаетъ то, чего такъ боялся Руссо—отчужденіе суверенитета, а вмѣстѣ и различныя формы устройства делегированной верховной власти.

Итакъ, мы приходимъ къ заключенію, что въ томъ видѣ, въ какомъ теорія народного суверенитета была усвоена практикой жизни, она лишь по имени и внѣшнему облику совпадала съ доктриной Руссо: основныхъ идей „Общественнаго договора“ тутъ уже не было, какъ не было ихъ и въ позднѣйшей практикѣ представительныхъ учреждений XIX столѣтія. Если, однако, и до настоящаго времени видные теоретики государственнаго права продолжаютъ говорить о народномъ суверенитетѣ, то у нихъ этотъ терминъ имѣетъ совершенно особенное и лишь условное значеніе. Теорія народного суверенитета въ подлинномъ смыслѣ этого слова никогда не перешла со страницъ „Общественнаго договора“ въ дѣйствительную жизнь.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

П. Новгородцевъ.

¹⁾ Constitution du 24 juin 1793, Art. 7.—Constitution du 5 fructidor an III, Art. 2

Императоръ Павелъ I.

V.

Объ умѣ Павла I намъ извѣстны самыя противоположныя сужденія. Лица, его знавшія, высказывали на этотъ счетъ весьма различныя взгляды, такъ что можно составить цѣлую скалу мнѣній, начиная отъ самыхъ лестныхъ и кончая безусловно отрицательными.

Конечно, нужно принимать во вниманіе, что всегда есть люди, настолько преклоняющіеся передъ сильными міра сего, что находятъ и, вполнѣ искренно, въ нихъ всѣ добродѣтели и высокій умъ; поэтому мнѣнія нѣкоторыхъ лицъ о блестящемъ умѣ Павла Петровича могутъ считаться лишь проявленіемъ ихъ преклоненія передъ могущественнымъ государемъ великаго государства. Напримѣръ, едва ли большую цѣнность имѣетъ отзывъ баронессы Оберкирхъ, восторгавшейся умомъ и любезностью Павла Петровича ¹⁾.

Безспорно, что были люди умные, обладавшіе знаніемъ людей и жизни, находившіе Павла Петровича человѣкомъ очень умнымъ и вполнѣ разсудительнымъ.

Императоръ Іосифъ II писалъ своему брату Леопольду: *Le grand-duc et la grande-duchesse joignent à des talents peu communs et à des connaissances assez étendues une grande volonté de voir et de s'instruire et en même temps de réussir et de plaire dans toute l'Europe honnetement...* Еще болѣе категорически высказался въ письмѣ отъ 5. VI. 1782 къ Іосифу II Леопольдъ Тосканскій: *Le comte du Nord, que vous avez eu bien mieux occasions et temps de connaître que moi, a, outre beaucoup d'esprit, de talent*

---

¹⁾ Memoires de la Baronne d'Oberkirch. t. I. p. 280.

et de reflexion, le talent de saisir juste les idées et les choses et d'en voir avec promptitude toutes les faces et les circonstances. On voit dans tous ses discours qu'il souhaite le bien ¹⁾. Такъ какъ въ это время австрійскій дворъ употреблялъ всѣ усилія привлечь на свою сторону великокняжескую чету, очень серьезно относился къ этому дѣлу, и эти письма не рисковали быть перлюстрированными, то очевидно и Иосифъ II, и Леопольдъ писали то, что думали. Конечно, между ихъ совѣтниками были опытные государственные дѣятели, которые давали свои совѣты государямъ, какъ привлечь на свою сторону наслѣдника русскаго престола, обсуждали, какъ подѣйствовать на великокняжескую чету, чтобы ослабить ея симпатіи къ Пруссіи.

Тринадцатилѣтній принцъ Евгенийъ Вюртембергскій такъ характеризовалъ Павла Петровича въ послѣдніе дни его жизни: «La conversation refluaît de paradoxes, et d'un gallimathias de phrases inintelligibles» ²⁾. Интересно, что Чичаговъ, конечно не читавшій записокъ принца Вюртембергскаго, тѣмъ же терминомъ характеризуетъ разсужденія Павла I. Обсуждался планъ защиты Кронштадта противъ англичанъ. «Le lendemain il (Павель I-й) nous développa son plan de campagne. je ne puis me rappeler tout le gallimathias qu'il nous débita» ³⁾. Очевидно, что если два лица столь различные по характеру, столь различнаго возраста, употребляютъ одинъ и тотъ же весьма выразительный терминъ, нужно допустить, что были достаточныя основанія для такого категорическаго сужденія; и Чичаговъ, и принцъ Евгенийъ Вюртембергскій были люди умные. Чичаговъ, по связямъ своего отца, и по своему служебному положенію, могъ имѣть довольно точныя свѣдѣнія объ умѣ и развитіи Павла Петровича.—Вотъ что онъ говоритъ о молодости Павла I: Lorsqu'il fut d'âge à s'occuper des affaires d'Etat, elle (Императрица) essaya de l'associer à ses travaux; mais le secrétaire d'Etat, prince Besborodko, qui assistait aux séances, déclarait que ni l'imperatrice ni lui n'avaient pu rien lui faire comprendre, et qu'il entendait tout de travers ⁴⁾.

Очевидно, что такое полное противорѣчіе въ мнѣніяхъ должно имѣть свое основаніе; если принцъ Вюртембергскій, по своей

¹⁾ Шильдеръ, стр. 547 и 551.

²⁾ Schieman. Die Ermordung Pauls. S. 66.

³⁾ Mémoires de l'amiral Tschitchagoff, p. 36.

⁴⁾ Id. p. 22.

молодости, непонятную ему мудрость могъ принять за галиматью, то Чичаговъ, и по своему уму, и по своему образованію, не могъ бы такъ отозваться о мало-мальски разумныхъ разсужденіяхъ государя. Чичаговъ хотѣлъ даже объяснить истинное положеніе дѣлъ, но воздержался по совѣту графа Палена, сказавшаго ему: «ici... il ne faut dire que oui et très bien». Если и допустить, что императрица была пристрастна къ своему сыну, то несомнѣнно, что очень умный Безбородко не рѣшился бы безъ серьезныхъ основаній такъ дурно отзываться объ умѣ наслѣдника престола.

Итакъ, несомнѣнно были весьма почтенные люди, считавшіе Павла Петровича умнымъ, образованнымъ и дѣльнымъ; были и люди, считавшіе его неспособнымъ разсуждать правильно, обзывавшіе его сужденія галиматьей. Несомнѣнно, что большинство придерживалось второго мнѣнія, какъ то доказываетъ слѣдующій случай. Павель I поручилъ брату Адама Чарторыжскаго сказать офицеру, бывшему на караулѣ въ Петергофѣ «qu'il était animal». Молодой офицеръ отвѣтилъ Чарторыжскому, что ему это безразлично, «puisque cela venait de la part d'un homme privé de son bon sens» ¹⁾. Очевидно, что такое мнѣніе относительно ума государя было настолько распространено, что молодой офицеръ счелъ возможнымъ заявить адъютанту великаго князя Константина Павловича столь дерзкій отзывъ о государѣ, вполне убѣжденный, что онъ высказываетъ общеизвѣстную истину. Адъютантъ великаго князя ничуть не удивился, услышавъ заявленіе этого офицера; онъ вѣроятно зналъ, что такого же мнѣнія держится Константинъ Павловичъ, такъ отзывавшійся о своемъ отцѣ: «Mon père a déclaré la guerre au bon sens avec la ferme intention de ne jamais conclure la paix».

Объ умѣ Павла I судить такъ трудно, что даже теперь, когда историки обладаютъ большимъ количествомъ матеріаловъ о его жизни, могутъ относиться, за давностью времени, вполне безпристрастно къ этой загадочной исторической личности, не установлено общепринятаго пониманія даже этой стороны личности Павла I. Панчүлидзеъ ²⁾ и Шумигорскій ³⁾ не даютъ яснаго опредѣленія умственныхъ способностей этого несчастнаго

1) Mémoires du prince A. Czartoryski. t. I. p. 185.

2) Исторія кавалергардовъ. 1901.

3) Павель I. Русскій библиографическій словарь, стр. 6—64; Императоръ Павель I. 1907.

государя, но вообще излагають его жизнь и распоряженіа такъ, что не остается сомнѣнія въ ихъ высокомъ мнѣніи объ его умственныхъ способностяхъ. Весьма хорошо объ умѣ Павла отзывается Будиный ¹⁾.

Изученіе и анализъ умственной жизни Павла I крайне поучительны уже потому, что они должны намъ объяснить, почему объ умѣ этого государя составились столь противоположныя мнѣнія, почему наслѣдникъ престола, о которомъ такъ хорошо думали сыновья Маріи Терезы, погубилъ себя, находясь въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Для всякаго очевидно, что человѣкъ мало-мальски разумный не могъ въ продолженіе всей своей сознательной жизни ссориться со всѣми, всѣхъ вооружать противъ себя, а между тѣмъ несомнѣнно, что Павелъ I перессорился со всѣми лицами, съ которыми ему приходилось имѣть дѣловыя сношенія, кромѣ лакея Кутайсова.

Поэтому необходимо тщательно анализировать умственную дѣятельность Павла Петровича, чтобы уяснить себѣ причины противорѣчивыхъ взглядовъ.

Несомнѣнно, что Павелъ Петровичъ былъ надѣленъ большой воспримчивостью; онъ воспринималъ быстро и въ общемъ удовлетворительно, не меньше, чѣмъ лица средняго уровня. Онъ имѣлъ достаточныя и даже хорошія свѣдѣнія обо всемъ, чему его учили, и что ему, по возрѣніямъ того времени, нужно было знать. Онъ замѣчалъ вполне удовлетворительно все, что его интересовало, и съ достаточною точностью разузнавалъ о томъ, что могло имѣть для него значеніе. Вполнѣ нормальныя, уже ни въ какомъ случаѣ не ниже средняго уровня, умственныя способности Павла I, проявились тѣмъ, что онъ своевременно закончилъ свое школьное образованіе, усвоилъ языки, ознакомился съ современнымъ политическимъ положеніемъ Европы. Правда, онъ не имѣлъ свѣдѣній о законахъ, но въ этомъ виноватъ не онъ, а отчасти его учитель, отчасти отсутствіе учебниковъ и школы. Стиль его писемъ и записокъ свидѣтельствуетъ и о хорошемъ образованіи, и о достаточномъ развитіи. Такъ могъ писать человѣкъ образованный, привыкшій письменно излагать свои мысли.

---

¹⁾ ...«Съ недюжиннымъ умомъ, феноменальною памятью, высоко образованнымъ, энергическимъ и трудолюбивымъ и наконецъ мудрымъ правителемъ государства». (Отзывы о Павлѣ I, стр. 2.)

Павелъ Петровичъ былъ надѣленъ и наблюдательностью, что, напримѣръ, доказывается его письмами къ матери изъ Пруссіи.— «Видно, что имѣютъ во всемъ передъ нами вѣка два преимущества». Также о его достаточной наблюдательности говорятъ письма во время его большого заграничнаго путешествія. Онъ подмѣтилъ и въ Пруссіи, и во Франціи то, что могло его интересовать; военная выправка Пруссіи и аристократизмъ Франціи привели его въ восторгъ. Павелъ Петровичъ, очарованный милитаризмомъ Пруссіи, изучилъ фронтовую службу, порядки, обмундированіе арміи Фридриха II; онъ тонко подмѣчалъ всѣ оттѣнки отношенія къ нему царедворцевъ, и отъ его вниманія не ускользала ни малѣйшая небрежность или непочтительность.

Какъ извѣстно, онъ былъ очень наблюдателенъ въ строю и замѣчалъ малѣйшее упущеніе, самое ничтожное нарушеніе формы, почему угодить ему на ученіяхъ и маневрахъ было очень трудно. Только самые старательные и ловкіе офицеры могли заслужить его одобреніе. Прусскіе порядки и прусскій воинскій уставъ онъ усвоилъ такъ удовлетворительно, что въ Гатчинѣ устроилъ у себя полное имъ подражаніе. Принцесса Саксенъ-Кобургская, привезшая въ 1796 г. своихъ дочерей въ Россію, такъ описываетъ Гатчину: «Въ его владѣніяхъ тотчасъ встрѣчаются шлагбаумы, окрашенные въ черный, красный и бѣлый цвѣтъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Пруссіи; при шлагбаумахъ находятся часовые, которые опрашиваютъ проѣзжающихъ,—подобно пруссакамъ... Офицеры имѣютъ видъ точно срисованы изъ стараго альбома... Нельзя сказать, чтобы эта метаморфоза была умно придумана...» О Павлѣ Петровичѣ эта умная принцесса писала такъ: «Вмѣсто непринужденности, господствующей при императорскомъ дворѣ, я нашла здѣсь стѣсненіе, все было натянуто и безмолвно. Великій князь, который впрочемъ уменъ и можетъ быть приятнымъ въ обхожденіи, если онъ того желаетъ, отличается непонятными странностями» ¹⁾).

Конечно, такой маскарадъ придуманъ не «умно», но человекъ, лишенный наблюдательности, невоспримчивый, не сумѣетъ устроить такую удивительную вещь; поэтому непонятно, отчего принцесса Саксенъ-Кобургская нашла Павла Петровича «умнымъ»;

1) Шильдеръ, стр. 266.

по ея вполне справедливому мнѣнію умный великій князь придумалъ не умно.

Нѣтъ ни одного указація или даже намека на слабость памяти Павла Петровича; очень многіе по вполне понятнымъ и, скажемъ, законнымъ мотивамъ оставили намъ рассказы, рисующіе въ самомъ дурномъ цвѣтѣ Павла Петровича, но намъ неизвѣстно ни одного факта, указывающаго на слабость его памяти и даже на забывчивость. Безъ сомнѣнія и для Россіи, и для Павла Петровича было бы лучше, если бы онъ не такъ хорошо помнилъ о тѣхъ непріятностяхъ, которыя ему пришлось переживать. Вообще, на основаніи всего намъ извѣстнаго можно утверждать, что Павелъ Петровичъ былъ надѣленъ хорошей памятью; онъ, къ сожалѣнію, помнилъ даже о мелочахъ, недостойныхъ вниманія государя обширной Имперіи ¹⁾).

Сочетаніе представленій у Павла Петровича какъ въ дѣтствѣ, такъ и въ продолженіе всей его жизни отличалось быстротой, что составляло отличительную черту его умственной жизни; онъ былъ находчивъ и остроуменъ. Извѣстная своимъ умомъ княгиня Д. Х. Ливенъ такъ характеризуетъ умъ Павла Петровича: «Il avait l'esprit orné, vif, ouvert, et enclin à la gaîté... Sa conversation était saccadée, mais toujours animée ²⁾». Его остроуміе даже въ Парижѣ обратило на себя вниманіе и свидѣтельствуетъ не только о его благовоспитанности, но о быстротѣ и даже богатствѣ въ сочетаніи идей. Вообще, Павелъ Петровичъ могъ быстро и правильно сочетать представленія и, въ случаѣ надобности, очаровывать людей.

Главная особенность умственной дѣятельности Павла I это относительное преобладаніе *сочетанія представленій по контрасту*. Въ умѣ этого государя всегда возникали сочетанія представленій по контрасту; эти сочетанія отличались такою прочностью, обладали такою силою, что они выступали на первый планъ, не возбуждали ни критики, ни сомнѣнія, ни удивленія.

Самыя противоположныя представленія и идеи мирно уживались въ умѣ этого государя, и онъ рѣшительно не замѣчалъ ни смѣшного, ни опаснаго въ сочетаніяхъ другъ друга исключающихъ

¹⁾ Въ 1798-мъ году въ Казани Павелъ I припомнилъ имя и возрастъ сестры Энгельгардта, которую онъ видѣлъ мелькомъ въ 1781-мъ году въ Смоленскѣ. (Записки Л. Н. Энгельгардта, стр. 164.)

²⁾ Schiemann. Die Ermordung Pauls, S. 37.

рядовъ представлений. Самыя причудливыя сочетанія цѣлыхъ рядовъ представлений были такъ обычны, что сочетанія по сходству, по причинности и даже по сосуществованію не могли ихъ вытѣснить.

Павель I сказалъ однажды: я хочу быть по утрамъ Фридрихомъ II, а по вечерамъ Людовикомъ XIV ¹⁾. Такъ какъ онъ былъ человѣкъ образованный, то насъ поражаетъ не столько его самоувѣренность, сколько то, что онъ не замѣчалъ внутренняго противорѣчія въ этомъ своемъ желаніи. Павель I постоянно проявлялъ преобладаніе сочетанія представлений по контрасту; недѣлю спустя послѣ того, какъ онъ провозгласилъ себя главою церкви, онъ въ прусской формѣ и въ далматикѣ парадировалъ передъ московскимъ архіереємъ. Глава православной церкви съ радостью принялъ званіе гросмейстера мальтійскаго ордена. Когда онъ посѣщалъ *dame de ses pensées*, его прислуга надѣвала ливрею мальтійскаго ордена; основнымъ требованіемъ котораго было цѣломудріе; эти поѣздки совершались инкогнито—полиція строго запрещала узнавать государя, и въ сопровожденіи лакея Кутайсова этотъ рыцарь мальтійскаго ордена навѣщалъ актрису Шевалье, открыто торговавшую своимъ вліяніемъ ²⁾. Образованный и остроумный Павель I не замѣчалъ, что Кутайсовъ и Аракчевъ, по меньшей мѣрѣ, смѣшны въ качествѣ рыцарей.

Вообще, нельзя перечислить всѣхъ самыхъ невѣроятныхъ сочетаній, мирно уживавшихся въ умѣ, въ которомъ преобладали сочетанія по контрасту: французскій аристократизмъ сочетался съ прусскимъ капральствомъ и неограниченнымъ самодержавіемъ. Всю жизнь порицая распущенность нравовъ, гордясь своею семейною жизнію, Павель I афишировалъ свою связь съ «*dame de ses pensées*», рядомъ съ которой мирно уживалась камеръ-юнгфрау добродѣтельной супруги.

Только умъ, въ которомъ преобладали сочетанія по контрасту, могъ не замѣтить, какъ странно, чтобы не сказать болѣе, возлагать на гробъ Петра III ордена, учрежденные Екатериною II. «Погребальное шествіе Петра III представляло и другую любопытную сторону: въ числѣ знаменъ несены были также гербы областей, присоединенныхъ къ Россіи Екатериною II, какъ-то,

¹⁾ Masson, op. cit. p. 353.

²⁾ Записки Саблукова, стр. 32.

знамя Таврическаго герба, Подольскаго, Волынскаго, Литовскаго, Самогитскаго, Семигальскаго и Курляндскаго. По прибытіи процессіи къ Зимнему Дворцу гробъ Петра былъ внесень въ залу и поставлень на катафалкѣ рядомъ съ гробомъ императрицы Екатерины!!! ¹⁾

Эти совмѣстные похороны Петра III, умершаго въ 1762 г., и Екатерины, скончавшейся въ 1796 г., можетъ быть во всей исторіи самое яркое и, можно сказать, блестящее проявленіе сочетанія представленій по контрасту. Въ этихъ похоронахъ проявились и сила, и слабость сочетанія по контрасту; нельзя отрицать величавости, конечно съ извѣстной точки зрѣнія, идеи этихъ похоронъ; но сочетаніемъ по контрасту могутъ пользоваться только великіе умы, не впадая въ смѣшное. Обыденнымъ умамъ не хватаетъ для этого послѣдовательности. Что именно и случилось съ Павломъ I: украсивъ гробъ Петра III орденами, учрежденными Екатериною II, окруживъ его гербами странъ, приобретенныхъ великою императрицею, онъ показалъ всѣмъ, хотя что-либо понимающимъ, величіе своей матери и ничтожество Петра III, а слѣдовательно полную ненужность и даже крайнее неприличіе всей этой унижающей царскій санъ церемоніи.

Преобладаніемъ сочетаній представленій по контрасту можно объяснить, что Павелъ I не понималъ, какъ онъ унизилъ себя и свой санъ этими похоронами, что онъ себя, память своего отца и своей матери отдалъ на судъ «de ses gens-la».

На значеніе сочетанія по контрасту обратилъ особое вниманіе Paulhan ²⁾; онъ съ полнымъ правомъ утверждаетъ, что эта форма сочетанія преобладаетъ у лицъ нервныхъ, безпокойныхъ, неуживчивыхъ, неуравновѣшенныхъ и вообще у тѣхъ, умственная жизнь которыхъ характеризуется «независимою дѣятельностью элементовъ ума»; лучше всего по-русски перевести это опредѣленіе такъ: у лицъ безъ царя въ головѣ.

Вмѣстѣ съ Paulhan я думаю, что преобладаніе сочетанія по контрасту не можетъ считаться признакомъ душевной болѣзни; оно бываетъ у истеричныхъ, весьма рѣзко выражено у художниковъ, особенно у каррикатуристовъ.

Преобладаніе, конечно относительное, сочетанія по контрасту

¹⁾ Шильдеръ, стр. 308.

²⁾ Les Caractères.

зависитъ отъ сильнаго вліянія чувствованій на умственную дѣятельность; на это указалъ еще Гесдингъ: «если иногда въ ассоціаціи по контрасту видѣли спеціальный случай соединенія представлений, то относящіяся сюда явленія очень удобно можно объяснить вліяніемъ чувства... Своеобразная особенность жизни чувствъ—это ихъ противоположности... жизнь чувствъ опредѣляется контрастомъ между удовольствіемъ и страданіемъ; и здѣсь дѣйствіе контраста обнаруживается гораздо сильнѣе, чѣмъ въ области ощущеній» ¹⁾).

Сильное вліяніе чувствованій на умственную дѣятельность и преобладаніе сочетаній по контрасту вполне объясняетъ намъ, почему Павель I, обладавшій хорошей памятью, живыми сочетаніями представлений, имѣлъ самыя неправильныя сужденія о самыхъ важныхъ дѣлахъ, смѣшивалъ дѣйствительность съ продуктами своего воображенія, рядомъ съ вѣрными сужденіями высказывалъ то, что Евгений Вюртембергскій и Чичаговъ назвали «галиматъей». «Ассоціація по контрасту, — говоритъ Ribot, — по своей природѣ, смутна, произвольна и неопредѣленна» ²⁾).

Большое вліяніе чувствованій на умственную жизнь и преобладаніе сочетанія по контрасту также объясняетъ намъ большую роль воображенія въ умственной жизни Павла I. Именно эти условія необходимы для дѣятельности воображенія, какъ то указалъ Ribot.

Шильдеръ ³⁾ говоритъ даже о «пылкомъ воображеніи» Павла I; къ такому заключенію онъ приходитъ на основаніи слѣдующихъ разказовъ Порошина. «Во время обуванія изволилъ мнѣ сказывать его высочество, что какъ онъ вчерась кругомъ бильярдъ бѣгалъ, а я съ г. Остервальдомъ въ бильярдѣ игралъ, то представлялось ему, будто происходитъ баталія, и онъ съ однимъ шкваломъ прогналъ цѣлый полкъ: побитыхъ никого не было. Отъ сего взялъ я случай спросить государя великаго князя и о прочихъ временахъ, когда онъ изволилъ кругомъ бѣгать и голосомъ своимъ то пальбу, то барабанной и литаврной бой производить и разныя распоряженія дѣлать, какими тогда играми живое его воображеніе увеселяется. Удовольствовалъ его вы-

1) Очерки психологіи, стр. 183.

2) Essai sur l'imagination créatrice, 1906.

3) Op. cit., стр. 63.

сочество мое желаніе и изволил мнѣ о томъ рассказывать. Давно уже, давно, такъ въ 1762 году, представлялося ему, что двѣсти человѣкъ дворянъ набраны, кои всѣ служили на коняхъ. Въ семь корпусѣ былъ онъ въ воображеніи своемъ сперва ефрейтъ-капраломъ, потомъ вахмистромъ, и оную должность отправлялъ еще въ то время, когда мы отсюда въ ономъ годѣ въ Москву ѣхали. Вотъ какъ мы издалека взяли исторію воображенія его высочества... Такимъ образомъ его высочество, въ воображеніи своемъ переходя изъ состоянія въ состояніе, отправляетъ разныя должности и тѣмъ въ праздное время себя иногда забавляетъ» (5. IX. 1765).

Я не вижу тутъ «пылкой фантазіи»; напротивъ, мечтанія мальчика были отрывочны и безсвязны. «Послѣ ученія изволил смотрѣть эстампы Vues de Paris и планы города Парижа. Изволил распорядить, гдѣ кому жить, если бъ Парижъ нашъ былъ. Самъ себя полагалъ полковникомъ кирасирскимъ, который будто съ полкомъ стоитъ въ Парижѣ» (19. X. 1765). «Потомъ приказалъ подать атласъ и разбиралъ карты Франціи; инья провинціи себѣ изволил назначивать, инья намъ и другимъ своимъ знакомымъ; называлъ себя Duc de St. Cloud, и распредѣлялъ, какое бы у него войско было, въ какомъ числѣ и какъ одѣто (2. XI. 1765).

Именно тутъ не было пылкой фантазіи; крайнее однообразіе образовъ, конечно, можетъ быть объяснено молодостью; такія мечтанія явленіе самое обыденное, но, къ сожалѣнію, мало изученное; на важность мечтанія и необходимость ихъ изученія недавно указалъ Benedikt ¹⁾.

О чемъ мечталъ Павелъ Петровичъ до вступленія на престолъ, намъ неизвѣстно; мы можемъ лишь утверждать, что у него не было творческаго воображенія; если бы онъ былъ надѣленъ такимъ воображеніемъ, оно проявилось бы въ чемъ-нибудь.

Павелъ I не могъ имѣть творческаго воображенія, потому что, какъ установилъ Ribot, «воображеніе въ умственной жизни равнозначуще (l'équivalent) волѣ въ двигательной сферѣ» ²⁾. Воображеніе Павла I имѣло характеръ спутаннаго (imagination par confu-

¹⁾ Second Life. Das Seelen Binnenleben des gesunden und kranken Menschen. Wiener Klinik, 1896.

²⁾ Essai sur l'imagination créatrice p. 6.

sion), по прекрасному выраженію Malapert ¹⁾ «образы сливаются, смѣшиваются, анастомизируютъ, трансформируются одинъ въ другой... Умъ во власти случайныхъ впечатлѣній, вниманіе вполне пассивно, неустойчиво, неспособно къ послѣдовательности»... Умы легкіе, нетерпѣливые удовлетворяются легко; первое случайное мнѣніе, слегка подходящее сравненіе, игра словъ для нихъ достаточны; они не имѣютъ ни желанія, ни времени, ни власти надъ собою, чтобы разсуждать. Поэтому они почти, по необходимости, умы фальшивые (faux); они не различаютъ съ должнымъ тщаніемъ предметы и идеи, не замѣчаютъ скрытыхъ противорѣчій, не сопоставляютъ своихъ мнѣній; у нихъ нѣтъ направляющихъ и контролирующихъ идей, и поэтому они не приводятъ въ систему всѣ элементы своего мышленія; противорѣчія и несогласія ихъ собственныхъ сужденій ихъ не тяготятъ, потому что они ихъ не замѣчаютъ; про нихъ можно сказать, что у нихъ идеи не сталкиваются другъ съ другомъ, потому что онѣ въ сущности и не соприкасаются другъ съ другомъ.

Такъ какъ воображеніе Павла I, какъ и вся его умственная дѣятельность, вполне зависѣло отъ чувствованій, оно больше всего работало именно подъ вліяніемъ самаго сильнаго его чувствованія—страха: онъ не только предполагалъ отраву, но и неоднократно считалъ себя отравленнымъ, постоянно видѣлъ преслѣдованія, попытки отнять то, что онъ считалъ своею собственностью, т.-е. престоль, всюду видѣлъ враговъ, заговорщиковъ и шпионовъ. До вступленія на престоль Павелъ Петровичъ жаловался Сегюру, т.-е. чужестранцу: «Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ онъ говорилъ со мною почти исключительно о мнимыхъ обидахъ со стороны императрицы и князя Потемкина, о непріятныхъ сторонахъ его положенія, о страхахъ, съ которыми относились къ нему, и о печальной участи, которую готовилъ ему дворъ, привыкшій желать и переносить лишь владычество женщинъ; печальная судьба его отца пугала его; онъ постоянно думалъ о ней; это была его господствующая мысль (idée fixe).» Прекрасный совѣтъ Сегюра не принесъ пользы. «Что же касается несчастій, которыхъ вы опасаетесь въ будущемъ, то вѣрьте мнѣ, что, опасаясь ихъ, тѣмъ самымъ и вызываете ихъ; станьте выше ихъ и они исчезнутъ ²⁾».

1) Les éléments du Caractère p. 63.

2) Шильдеръ, стр. 238, 239.

Конечно, совѣты умнаго Сегюра не могли принести пользы Павлу Петровичу въ 1789 г., такъ же какъ не повліяли въ 1776 г. просьбы Маріи Ѳедоровны, «*n'ayez pas des fantomes*» ¹⁾.

Въ 1798 г. Павелъ I велѣлъ бесѣду съ адъютантомъ Константина Павловича Комаровскимъ (ему было пожаловано графское достоинство Австрійскимъ Императоромъ въ царствованіе Александра I). «Тогда государь началъ мнѣ рассказывать, какъ всѣ противъ него, т.-е. императрица и наслѣдникъ, что онъ окруженъ шпионами; въ сію минуту прошелъ вдали парикмахерскій ученикъ; государь, показывая на него, сказалъ мнѣ: «ты видишь этого мальчишку; я не увѣренъ, что и ему не вѣрно тоже за мной присматривать» ²⁾.

Конечно, въ этихъ «фантамахъ» съ нѣкоторой натяжкой можно видѣть продукты фантазіи; чаще всего Павелъ I дополнялъ дѣйствительность болѣе или менѣе странными призраками или фантомами именно подъ вліяніемъ страха; это сильное чувство-ваніе наиболѣе вліяло на его умственную жизнь, наиболѣе вызывало дѣятельность воображенія, что вполнѣ опровергаетъ теорію Olzelt-Newin'a, утверждавшаго, что только астеническія чувствованія и волненія вызываютъ дѣятельность фантазіи ³⁾.

Вліяніе этого сильнаго чувствованія у Павла I было такъ велико, что онъ постоянно имѣлъ неправильныя понятія о своемъ положеніи, неправильно обсуждалъ дѣйствительность, былъ суевѣренъ, вѣрилъ въ предчувствія и вѣщіе сны.

Въ 1781 г. Павелъ Петровичъ увѣрялъ графиню Хотекъ: «Затвердите на память слова мои, я не достигну до сорока пяти лѣтъ» ⁴⁾. Такимъ образомъ самое грубое, ни на чемъ не основанное суевѣріе въ душѣ Павла I отлично уживалось съ горячею религіозностью. Въ 1777 г. Павелъ Петровичъ, узнавъ о беременности своей супруги, писалъ архіепископу Платону: «Его рука всегда видна была. Грѣшилъ бы если бы при семъ случаѣ усумнился... Богъ, благословляющій меня въ столь различныхъ случаяхъ, меня и при семъ да не оставитъ» ⁵⁾. Конечно, многіе искренно религіозные люди до крайности суевѣрны, но

1) Id., стр. 127.

2) Записки графа Комаровскаго. Историческій Вѣстникъ, 1897, т. 69.

3) Ueber Phantasievorstellungen, 1889, S. 48.

4) Шильдеръ, стр. 170.

5) Id., стр. 136.

Павель Петровичъ былъ хорошо образованъ и имѣлъ счастье быть ученикомъ едва ли не лучшаго богослова XVIII вѣка, безспорно сумѣвшаго объяснить своему ученику глубокое противорѣчіе между религіей и суевѣріемъ.

Павель Петровичъ вѣрилъ въ вѣщіе сны; я знаю, что въ вѣщіе сны вѣрятъ многіе, но воспитанникъ Н. Панина, Платона и Порошина могъ бы въ этомъ отношеніи стоять выше столь наивнаго предрасудка. Таинственное и чудесное играли роль въ жизни цесаревича, и онъ любилъ на этомъ останавливаться. Такъ случилось и въ достопамятный для Павла Петровича день 5 ноября 1796 ¹⁾. По разсказу Ростопчина: «Передъ обѣдомъ, когда собрались дежурныя и прочія особы, общество гатчинское составляющія, великій князь и великая княгиня разсказывали Плещееву, Кушелеву, графу Вельегорскому и камергеру Бибикову случившееся съ ними тою ночью. Наслѣдникъ чувствовалъ во снѣ, что нѣкая невидимая и сверхестественная сила возносила его къ небу. Онъ часто отъ этого просыпался, потомъ засыпалъ и опять былъ разбуженъ повтореніемъ того же самаго сновидѣнія; наконецъ, примѣтилъ, что великая княгиня не почивала, сообщилъ ей о сновидѣніи и узналъ, къ взаимному ихъ удивленію, что и она то же самое видѣла во снѣ и тѣмъ же самымъ была нѣсколько разъ разбужена» ²⁾. Чтобы правильно оцѣнить этотъ мало вѣроятный разсказъ, нужно принять во вниманіе, что Ростопчинъ 5 ноября 1796 встрѣтился съ Павломъ Петровичемъ вечеромъ въ Софіи; насколько Ростопчинъ мало церемонился съ истиной общеизвѣстно. «Наканунѣ 11 марта 1801 г. Павель I видѣлъ необычайный сонъ, подобно тому, какъ и въ ночь на 5 ноября 1796 г. Павлу Петровичу снилось, что ему натягивали узкій парчевый кафтанъ и съ такимъ усиліемъ, что онъ проснулся отъ боли» ³⁾. Но такъ какъ точно не установлено, кому именно и въ какомъ часу дня 11 марта Павель I разсказалъ объ этомъ сновидѣніи, то самый фактъ, по меньшей мѣрѣ, сомнителенъ.

Еще въ 1784 г. Павель Петровичъ въ письмѣ къ Н. И. Салтыкову высказалъ, что на него нападаетъ веселость «всегда пе-

¹⁾ Id., стр. 277.

²⁾ Ростопчинъ. Послѣдній день, стр. 160.

³⁾ Шильдеръ, стр. 489.

редь печалью». Само по себѣ это наблюденіе вполнѣ вѣрно, но Павелъ Петровичъ по свойству своего ума придавалъ этому факту какое-то таинственное значеніе. Конечно, у подобныхъ ему лицъ преобладаетъ не только сочетаніе представлений по контрасту, но у нихъ также ассоціируются всѣ душевныя состоянія: веселье вызываетъ печаль, гнѣвъ смѣняется милостью, жестокость—милосердіемъ, любовь—ненавистью. Справедливость этого закона доказывается всею жизнью Павла Петровича; его психическая жизнь управлялась сочетаніемъ по контрасту.

Павелъ Петровичъ въ продолженіе многихъ лѣтъ своей жизни вполнѣ располагалъ своимъ досугомъ и имѣлъ его съ избыткомъ, поэтому могъ заниматься тѣмъ, что соотвѣтствовало его способностямъ и вкусамъ. Онъ получилъ хорошее образованіе; при его дворѣ были люди образованные—Николаи, Ларофермиеръ, Клингеръ; конечно, если бы онъ желалъ сблизиться съ учеными и писателями, императрица съ удовольствіемъ пошла бы навстрѣчу его желаніямъ.

Намъ извѣстно, какъ Павелъ Петровичъ проводилъ время, чѣмъ онъ занимался, что его интересовало, и потому мы можемъ судить достаточно правильно объ его умственномъ развитіи, запросахъ его ума.

Какъ ни скучалъ Павелъ Петровичъ, какъ ни тяготился онъ своимъ бездѣйствіемъ, никогда онъ не имѣлъ охоты заниматься серьезнымъ чтеніемъ, искать себѣ утѣшенія въ наукѣ. Онъ былъ настолько образованъ, что зналъ, какъ серьезно готовились къ государственной дѣятельности великіе монархи и государственные дѣятели; онъ боготворилъ Фридриха II, старался ему подражать и, конечно, зналъ, какъ много работалъ король-философъ. Шумигорскій вполнѣ серьезно говоритъ, что у Павла Петровича было «постоянное стремленіе къ правдѣ»¹⁾, что «горячо любившій отечество, но обездоленный цесаревичъ въ тиши своего кабинета готовилъ, какъ мы уже знаемъ, рядъ проектовъ, долженствовавшихъ, по его мнѣнію, осчастливить Россію»²⁾. Павелъ Петровичъ, конечно, зналъ, что его мать, съ пользой для себя, много читала и до восшествія на престолъ и на престолѣ, и все же онъ не могъ заняться чтеніемъ. Не было вну-

1) Императрица Марія Федоровна, стр. 108.

2) Op. cit, с. 396.

тренней потребности, не повліяли примѣры короля-философа и Екатерины II; даже такъ называемое легкое чтеніе тяготило Павла Петровича. Чарторыжскій рассказываетъ, что Марія Ѳедоровна попробовала завести чтенія въ послѣобѣденные часы, но императоръ на нихъ не присутствовалъ ¹⁾. Извѣстно, что Павелъ Петровичъ даже въ мелочахъ подражалъ Фридриху II, поэтому естественно, что онъ и для пользы Россіи, которую, по увѣренію Шумигорскаго, горячо любилъ, и для собственнаго благополучія, долженъ былъ заниматься серьезнымъ чтеніемъ, но для Павла Петровича такое занятіе было невозможно.

Конечно, я знаю, что далеко не всѣ умные, способные люди увлекаются научными занятіями; также нельзя упрекать Павла I за его недалковидность въ политикѣ, непониманіе Россіи и ея состоянія. Очень умные люди оказывались нерѣдко самыми плохими политиками и администраторами ²⁾. Совершенно напрасно обвиняютъ Екатерину II ³⁾ за полную неподготовленность Павла I къ политической дѣятельности. Въ то время вообще наслѣдники престоловъ не привлекались къ управленію государствомъ; Елизавета Петровна и Екатерина II до своего вступленія на престолъ не принимали участія въ управленіи, что не помѣшало имъ быстро постигнуть искусство управленія.

Слабость сужденія, недостатокъ сообразительности, неспособность сочетать общія идеи, неспособность анализировать сложные явленія и отличать существенное отъ подробностей у Павла I проявились вполне ясно въ тѣхъ нелѣпыхъ воззрѣніяхъ, какія онъ имѣлъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ. Какъ онъ доказалъ во время своего непродолжительнаго царствованія, онъ рѣшительно не понималъ политическаго положенія Россіи, не понималъ, чего добивался, не понималъ, что всѣ его распоряженія и дѣйствія никоимъ образомъ не могутъ принести пользы ни ему самому, ни Россіи. Но крайняя неразумность его политическихъ воззрѣній и распоряженій все же не можетъ служить

1) *Memoires du prince Adam Czartorysky*, p. 171.

2) Мы не знаемъ, чѣмъ характеризуется умъ политика, но еще Burdach (*Physiologie* Bd., I., s. 338) указалъ на его особенности и на то обстоятельство, что въ политикѣ женщины не уступаютъ мужчинамъ; то же говоритъ N. Ellis (*Mann und Weib.*, s. 201); тотъ же авторъ объясняетъ наше непониманіе этого вопроса молодостью психологій.

3) Напримѣръ Вельяминовъ-Зерновъ. *Schiemann*, op. cit. s. 289.

доказательствомъ слабости его разума, потому что: *Ce ne sont pas les opinions générales de l'esprit, qui nous déterminent à agir mais les passions présents du coeur* ¹⁾. Можно объяснить крайнюю неразумность политическихъ воззрѣній и распоряженій Павла I большимъ вліяніемъ, сильнымъ воздѣйствіемъ чувствованій и страстей на мышленіе. Само собою разумѣется, что лица, у которыхъ чувствованія направляютъ мышленіе, неспособны къ политической и общественной дѣятельности, даже если надѣлены большими умственными способностями.

Несовершенство умственной дѣятельности Павла I, его неспособность къ анализу, неспособность къ сочетаніямъ въ формѣ сужденій, неспособность вырабатывать общія идеи, и главное крайняя слабость апперцепціи и потому неспособность къ послѣдовательному сочетанію представленій и идей для достиженія заранѣе намѣченныхъ цѣлей, доказываются тѣмъ, что, находясь въ самыхъ лучшихъ условіяхъ для плодотворной дѣятельности въ продолженіе двадцати лѣтъ, онъ не сдѣлалъ чего-либо полезнаго, чего-либо заслуживающаго одобренія.

Даже порицатели Екатерины II не рѣшаются утверждать, что она стѣсняла или угнетала своего сына; они только говорятъ, что ревнивая къ власти государыня не хотѣла дѣлиться властью съ своимъ «обездоленнымъ» сыномъ. Безспорно, что до своего вступленія на престолъ Павелъ Петровичъ вполне могъ заняться чѣмъ-либо полезнымъ, если бы былъ къ тому хотя сколько-нибудь способенъ; нашлись бы помощники и руководители. Пользуясь своимъ высокимъ положеніемъ и очень большими средствами, онъ могъ бы покровительствовать просвѣщенію, искусствамъ, земледѣлію, заняться напр. коневодствомъ, садоводствомъ и т. п. Ни одинъ наследникъ престола не располагалъ такими средствами какъ Павелъ Петровичъ, построившій два дворца, содержавшій никому ненужную армию, щедро помогавшій родственникамъ своей супруги, но не сдѣлавшій ничего полезнаго. Его супруга оставила прочный слѣдъ въ нашей исторіи своею благотворительной дѣятельностью, его современникъ—Алексѣй Орловъ, завоевалъ себѣ почетную извѣстность своими заслугами по коневодству; находясь въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ эти лица, Павелъ Петровичъ даже не попытался совершить что-либо полезное.

¹⁾ Bayle—Oeuvres divers, 1727, III, 896.

Я думаю, что эта полная непродуктивность умственной дѣятельности лучше всего доказываетъ ея крайнюю слабость, крайнюю слабость апперцепціи. Павелъ Петровичъ считалъ себя обиженнымъ, зналъ, что его не любятъ; если бы онъ могъ сочетать идеи для достиженія опредѣленной цѣли, онъ долженъ былъ что-либо сдѣлать, чтобы доказать свою способность къ серьезной дѣятельности, чтобы приобрести симпатіи общества. Павелъ Петровичъ постоянно жаловался на бездѣятельность, скучалъ въ своемъ уединеніи; только человекъ, рѣшительно неспособный къ какой-либо продуктивной дѣятельности, находясь въ такихъ условіяхъ, могъ ограничиться «офицерскими мелкостями». Очевидно, что только полная неспособность къ какому-либо серьезному дѣлу привела къ тому, что даже защитники Павла I не могутъ указать ни на одно полезное дѣло, обязанное его инициативѣ. Прекрасно образованный, блестящій собесѣдникъ, двадцать лѣтъ ничѣмъ не занятый, Павелъ Петровичъ буквально ничего не сдѣлалъ, за что о немъ можно было вспоминать съ благодарностью. Нѣтъ ни одного цвѣтка, ни одного сорта фруктовъ, носящаго его имя; если бы тѣ средства, которыя онъ тратилъ на ненужныя постройки, на пособія родственникамъ супруги онъ истратилъ на улучшеніе нашего рогатаго скота или куръ, мы вспоминали бы о немъ съ благодарностью.

Умъ, какъ и всякая сила, непремѣнно проявляется въ какой-либо формѣ или въ какой-либо дѣятельности, потому что, «когда зажигаютъ свѣчу, не ставятъ ее подъ спудомъ, но на свѣщницѣ и свѣтитъ всѣмъ, кто въ храмѣ»¹⁾.

Полная непродуктивность умственной дѣятельности Павла Петровича еще разъ доказываетъ, что хорошая память и живое сочетаніе представленій сами по себѣ недостаточны, что не они составляютъ разумъ; они имѣютъ значеніе лишь при достаточно развитой апперцепціи, пользующейся накопленными представленіями и ихъ сочетаніями для достиженія намѣчаемыхъ цѣлей, останавливающей мышленіе на главномъ предметѣ и опускающей ненужныя для намѣченной цѣли подробности.

Изученіе умственной дѣятельности Павла I даетъ блестящее подтвержденіе ученія о задерживающей и регулирующей дѣя-

---

¹⁾ Евангеліе отъ Маттея 5, 14 (въ новомъ русскомъ переводѣ К. П. Побѣдоносцева).

тельности переднихъ (лобныхъ) долей мозга; это учение теперь приняло вполнѣ законченную форму въ трудахъ моего многоуважаемаго учителя профессора Flechsig'a о лобномъ или переднемъ ассоціаціонномъ центрѣ ¹⁾). Крайне покатый лобъ Павла I, насколько объ этомъ можно судить по бюстамъ, свидѣтельствуесть о такомъ строеніи черепа, которое не допускало правильного или достаточнаго развитія того отдѣла мозга, который завѣдуетъ задерживающей дѣятельностью. Черепъ Павла I былъ таковъ, что передній или лобный ассоціаціонный центръ Flechsig'a не могъ достигнуть должнаго развитія, а слѣдовательно уже по самому строенію черепа Павелъ I долженъ былъ выдѣляться изъ средняго уровня слабостью вниманія или апперцепціи, у него не могли достигнуть должнаго совершенства задерживающіе центры, онъ не могъ быть надѣленъ вниманіемъ, не могъ управлять сочетаніями представленій, не могъ объединять, регулировать, сводить къ единству всѣ свои умственные акты; у него не было, вслѣдствіе неправильности черепа, мѣста, гдѣ должны происходить эти процессы. Конечно, этотъ несчастный государь не виноватъ въ томъ, что вслѣдствіе англійской болѣзни, или другой, намъ неизвѣстной причины, его черепъ развился неправильно, его крайне покатый лобъ мѣшалъ правильному развитію переднихъ долей мозга, и потому не доразвился самый важный для умственной жизни лобный ассоціаціонный центръ. Но въ этомъ не была виновата и Россія; она много пострадала отъ этого несовершенства въ развитіи головного мозга Павла I.

Я, конечно, знаю, насколько осторожно нужно пользоваться въ психологіи данными анатоміи и антропологіи, и поэтому вполнѣ понимаю, что крайне покатый лобъ Павла I, какъ таковой, еще не даетъ намъ права на какія-либо заключенія. Но, именно, вся жизнь этого государя доказываетъ, что у него отсутствовали, или по крайней мѣрѣ, были очень слабо развиты тѣ функціи, которыя совершаются, какъ утверждаютъ наиболѣе компетентные анатомы и психологи, въ переднихъ доляхъ головного мозга. Конечно, можно на это возразить, что такіе же недостатки психической дѣятельности бываютъ и у людей съ обыкновеннымъ

---

¹⁾ Flechsig. Ueber die Associationscentren des menschlichen Gehirns. Dritter Internationaler Congress fur Psychologie 1896. S. 49—68. Gehirn und Seele. 1896.

лбомъ. Несостоятельность этого возраженія чрезчуръ очевидна.

Кто желаетъ выяснитъ себѣ связь или зависимость строенія черепа и психической жизни, долженъ сравнитъ благородный лобъ Екатерины II и покатый лобъ ея сына, сравнитъ непреклонную волю, поразительно могущественное вниманіе, непоколебимое самообладаніе великой императрицы съ полнымъ безволіемъ, крайне слабымъ вниманіемъ и полнымъ отсутствіемъ самообладанія ея несчастнаго сына. Лобъ Екатерины II очаровывалъ знатока, такъ же какъ ея дѣятельность изумляетъ историка и психолога. Лобъ ея сына, какъ и его дѣятельность, можетъ вызывать лишь сожалѣніе, упрекъ природѣ, такъ жестоко наказавшей Россію. Конечно, съ философской точки зрѣнія мученическая смерть Е. Грузинова и ужасное истязаніе Акимова не болѣе какъ слѣдствіе неправильнаго развитія черепа: правъ былъ поэтъ-философъ «*On ne peut plus haïr l'être qu'on a compris*» ¹⁾.

Нужно отдать справедливость Павлу Петровичу, что онъ принималъ этотъ свой недостатокъ.

Въ своемъ Наставленіи, врученномъ невѣстѣ (Маріи Федоровнѣ), Павелъ Петровичъ писалъ:

«Ей прежде всего придется вооружиться терпѣніемъ и кротостью, чтобы сносить мою горячность и измѣнчивое расположеніе духа, а равно мою нетерпѣливость» ²⁾. Павелъ I не пожелалъ, чтобы Державинъ представился ему лично; «какъ сказывалъ господинъ Оболяниновъ, то для того будто, что государь отозвался: «Онъ горячъ, да и я, то мы опять поссоримся, а пусть черезъ тебя доклады его ко мнѣ идутъ» ³⁾.

Недоразвитіе задерживающаго или регулирующаго и объединяющаго центровъ въ переднемъ отдѣлѣ головного мозга подтверждается быстротой и беспорядочностью сочетаній представлений у Павла I; при ослабленіи дѣятельности центра вслѣдствіе патологическаго процесса сочетаніе представлений ускользаетъ, но сочетаніе дѣлается безсвязнымъ, представленія сочетаются такъ, что происходитъ то, что въ обыденной жизни на-

1) Guyau. Vers d'un philosophe.

2) „Русская Старина“. 1898, т. 93; стр. 247.

3) Сочиненія Державина. Т. VI; стр. 729.

зывается галиматъя. Именно такъ назвали сужденія Павла I и Чичаговъ, и Евгений Вюртембергскій. Конечно, при слабости или даже полномъ отсутствіи задерживающей дѣятельности отдѣльныя сочетанія представленій могутъ быть безукоризненны и даже остроумны. Поэтому можно вполне повѣрить лицамъ, восторгавшимся умомъ Павла I, напримѣръ Д. Х. Ливенъ: она слышала нѣсколько вѣрныхъ и остроумныхъ сужденій этого государя; также вполне можно повѣрить Евгению Вюртембергскому: онъ слышалъ много невѣрныхъ и даже нелѣпыхъ сочетаній представленій своего дяди. Именно такія явленія, конечно, еще въ болѣе рѣзкой формѣ мы наблюдаемъ у душевнобольныхъ, у которыхъ патологическій процессъ поразилъ переднія доли мозга; блестящія сочетанія представленій смѣняются галиматъей, которую нельзя даже запомнить; не могъ запомнить галиматъи, выказанной при обсужденіи плана войны съ Англіей, адмиралъ Чичаговъ ¹⁾.

Слабость вниманія, недостаточное развитіе апперцепціи, вотъ причина, почему Павелъ I, надѣленный хорошей воспримчивостью, прекрасной памятью, живой ассоціаціей представленій, прекрасно образованный, обладавшій достаточными свѣдѣніями, въ теченіе всей своей жизни не высказалъ ни одной полезной идеи, не сдѣлалъ ни одного полезнаго дѣла. Исключеніе составляетъ законъ о престолонаслѣдіи; но вѣдь этотъ законъ не представляетъ чего-либо новаго: такой же порядокъ въ наслѣдованіи дѣйствовалъ у насъ до Петра Великаго; такой же порядокъ, хотя только въ силу обычая, существовалъ во многихъ странахъ. Впрочемъ, есть свѣдѣнія, что самъ Павелъ I хотѣлъ отступить отъ провозглашеннаго имъ при коронаціи закона въ пользу своего племянника Евгения Вюртембергскаго ²⁾. Вслѣдствіе преобладанія сочетанія представленій и вообще душевныхъ состояній по контрасту, такая мысль могла явиться въ душѣ этого несчастнаго государя: онъ долго думалъ о законѣ престолонаслѣдія, и потому въ его головѣ долженъ былъ явиться контрастъ этого закона; онъ сильно любилъ свою супругу и своихъ старшихъ сыновей и потому

¹⁾ Это я доказалъ экспериментально: В. Чижъ. Измѣненіе времени элементарныхъ психическихъ процессовъ. Вѣстникъ Психіатріи. 1885. Время ассоціаціи у здоровыхъ и душевнобольныхъ. Неврологическій Вѣстникъ. 1894.

²⁾ Bernhardt. Geschichte Russlands. Zweiter Theil. S. S. 429, 430. Schiemann. op. cit. S. 70.

долженъ былъ ихъ страстно возненавидѣть. Насколько серьезны были эти мысли, хватило бы у него выдержанности, умѣнья и мужества осуществить эти мысли — исторія уже дала отвѣтъ. Очевидно, что государь, желавшій произвести столь крупный государственный переворотъ, долженъ былъ обладать властью надъ своими мыслями и поступками, т.-е. хорошо развитыми задерживающими центрами, а Павель I, не дождавшись приѣзда Аракчеева и Линденера, не могъ сдержать себя настолько, чтобы не проговориться крайне недвусмысленной фразой: *Sous peu je me verrai forcé de faire tomber des têtes qui jadis m'étaient chères*. Не нужно большого ума, чтобы понять, что лица, которымъ угрожаетъ смерть, рѣшатся на крайнія мѣры, чтобы спасти свои головы. Въ данномъ случаѣ катастрофа Павла I доказала еще разъ справедливость мысли, высказанной Сенекой: *Si vis omnia tibi subjicere, te subjece rationi* ¹⁾.

VI.

Для пониманія личности Павла I необходимо съ особымъ вниманіемъ изучить его чувствованія, такъ какъ эти элементы его психической жизни всегда и всюду выступали на первый планъ, всецѣло опредѣляли его поведеніе и даже умственную дѣятельность. Нельзя понять эту своеобразную личность, не изучивъ его чувствованій, не выяснивъ ихъ особенностей, не опредѣливъ ихъ значенія въ его психической жизни. Такъ какъ историки изучали и опредѣляли Павла I тѣми же приѣмами, съ той же точки зрѣнія, какъ и другихъ историческихъ дѣятелей, то личность и дѣятельность этого государя остаются имъ вполне непонятными, несмотря на громадный матеріалъ, которымъ они располагали.

Все несчастіе Павла I состояло въ томъ, что у него сильно были развиты чувствованія, что онъ былъ впечатлителенъ; впечатлѣнія сочетались у него съ сильными чувствованіями, и потому почти всю жизнь онъ волновался, не могъ ни разсуждать, ни дѣйствовать спокойно и медленно. Все его поведеніе, и даже всѣ извѣстныя намъ его мысли и ряды мыслей свидѣтельствуютъ, что онъ почти всегда переживалъ столь сильное чувствованіе, что находился всецѣло, или почти всецѣло, въ его власти.

¹⁾ Epistola. XXXVII.

Казалось бы, что сильныя чувствованія составляютъ украшеніе человѣка, выдѣляютъ его изъ толпы; конечно, если всѣ чувствованія у даннаго лица сильнѣе, чѣмъ у обыкновенныхъ смертныхъ, то это лицо будетъ выдѣляться изъ толпы, будетъ стоять выше ея. Но дѣло въ томъ, что трудно даже себѣ представить такое лицо, такъ рѣдко такое исключеніе, если оно дѣйствительно бываетъ. Все, что намъ извѣстно изъ психологіи, психіатріи и исторіи указываетъ на то, что у лицъ съ сильно развитыми чувствованіями въ дѣйствительности интенсивны только нѣкоторыя чувствованія, или нѣкоторые ряды или группы чувствованій. У праведниковъ крайне интенсивны нравственныя чувствованія, у художниковъ эстетическія, но исторія не знаетъ ни одного примѣра равной силы нравственныхъ и эстетическихъ чувствованій; нѣкоторые художники, напр. Верлэнъ, отличались крайней слабостью нравственныхъ чувствованій. Даже столь родственныя чувствованія, какъ эстетическія и интеллектуальныя, не бываютъ одинаково интенсивны у одного и того же лица; Гёте и Леонардо де Винчи составляютъ исключеніе, подтверждающее справедливость правила.

Къ сожалѣнію, лица съ сильно развитыми высшими чувствованіями рождаются очень рѣдко; эти избранники настолько выдѣляются изъ толпы, что пріобрѣтаютъ извѣстность, какъ праведники, ученые или художники. Даже тѣ, у кого эти высшія чувствованія нѣсколько сильнѣе, чѣмъ у ихъ ближнихъ, пользуются уваженіемъ за свою «возвышенную», «нѣжную», «чуткую» душу; обыкновенно про такихъ лицъ говорятъ, что у нихъ сильныя чувствованія, что они надѣлены чувствительностью. Но дѣло въ томъ, что почти у всѣхъ этихъ лицъ очень слабы низшія и эгоистическія чувствованія, и потому совершенно неправильно думаютъ, что вообще у нихъ сильныя чувствованія. Напримѣръ, лица съ высоко или иначе говоря съ сильно развитыми нравственными чувствованіями отличаются недоразвитіемъ или крайней слабостью низшихъ и эгоистическихъ чувствованій ¹⁾.

Однимъ словомъ, до сихъ поръ еще не было человѣка, у котораго *всѣ* чувствованія были бы сильны или интенсивны, и мы даже не можемъ представить себѣ какъ бы дѣйствовалъ, какъ бы

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ я высказался въ работѣ: Психологія нашихъ праведниковъ. (Вопросы Философіи. 1906).

жилъ такой необыкновенный человекъ. Напомню, какъ слабы были нѣкоторыя чувствованія у Петра Великаго, Канта и Наполеона.

Гораздо чаще встрѣчаются люди съ сильно развитыми низшими чувствованіями; обжоры, кутилы, бабники, страстные охотники и вообще спортсмены, весельчаки и бонвиваны (точно по-русски этого слова перевести нельзя), къ сожалѣнію, не составляютъ исключенія.

Особенно интенсивны низшія чувствованія въ молодости; затѣмъ физическія силы, а съ ними и низшія чувствованія, слабѣютъ и нерѣдко обжора и бабникъ превращается въ вялаго безвреднаго гражданина. Вообще, лица съ сильными низшими чувствованіями не представляютъ большой опасности для общества, такъ какъ съ помощью угрозы уголовныхъ законовъ очень часто удается ихъ сдерживать въ границахъ дозволеннаго. Сравнительно рѣдко вмѣстѣ съ сильными низшими чувствованіями природа даетъ и сильныя высшія чувствованія, напр., нѣкоторые художники были сладострастные бонвиваны, нѣкоторые ученые были большіе гурманы и даже обжоры, но я не припомню ни одного истиннаго ученаго—бонвивана, обжору и бабника. Природа, если можно такъ выразиться, скупа и экономна, и вообще щедрѣе на низшія, чѣмъ на высшія чувствованія. Самыя совершенныя, самыя высшія чувствованія почти всегда даются лицу вмѣстѣ съ слабыми другими чувствованіями.

Только кажущимся опроверженіемъ сказаннаго можетъ служить тотъ фактъ, что нѣкоторыя лица съ сильными религіозными чувствованіями надѣлены сильными низшими и эгоистическими чувствованіями, напр. сладострастіемъ, злобою, мстительностью, трусостью. Дѣло въ томъ, что религіозныя чувствованія очень сложны; низшія, грубыя религіозныя чувствованія сочетаются со страхомъ, и вполне понятно, что лица съ сильными низшими религіозными чувствованіями надѣлены и другими низшими чувствованіями. Но лица, у которыхъ религіозное чувство сочетается съ любовью и поклоненіемъ совершенству, не могутъ быть трусами, обжорами, жадными и т. п.

Безспорно, что лица съ сильными эгоистическими чувствованіями самыя вредныя и, по меньшей мѣрѣ, самыя неудобныя члены общества. Трусость, гнѣвъ, злоба, месть, презрѣніе, чувствованіе могущества или власти, тщеславіе, себялюбіе и само-

обожаніе составляютъ однородную группу родственныхъ между собою чувствованій, и потому нерѣдко встрѣчаются люди съ сильно развитыми эгоистическими чувствованіями.

Если человѣкъ съ сильными эгоистическими чувствованіями надѣленъ большимъ умомъ, онъ представляетъ большую опасность для общества, но къ счастью человѣчества такіе люди рождаются рѣдко; вполне понятно, что человѣкъ съ весьма сильными эгоистическими чувствованіями не можетъ, къ счастью человѣчества, пользоваться всѣми своими умственными силами, такъ какъ сильныя чувствованія создаютъ аффекты и страсти, которыя прямо препятствуютъ плодотворной умственной работѣ.

Именно эгоистическія чувствованія обуславливаютъ аффекты и страсти; животныя чувствованія по своему существу рѣдко создаютъ аффекты и страсти; сладострастіе можетъ вызвать бурные, но очень кратковременные аффекты; только настоящая, одухотворенная любовь перерождается въ страсть, создаетъ длительные, глубокіе аффекты.

Высшія чувствованія также не превращаются въ аффекты и страсти; только весьма немногіе избранники способны имѣть чисто духовныя страсти, всецѣло увлекаться искусствомъ или наукой.

Интеллектуальныя чувствованія не могутъ создать аффекта; только въ исключительныхъ случаяхъ нравственное или религиозное чувствованіе превращается въ аффекты.

Но самые бурные, самые сильные аффекты возникаютъ у лицъ съ сильными эгоистическими чувствованіями; трусость и гнѣвъ— вотъ почва для самыхъ сильныхъ аффектовъ; чувствованіе собственности, себялюбіе, месть— вотъ почва для самыхъ сильныхъ и самыхъ гнусныхъ страстей; жадный можетъ жить своею страстью къ накопленію богатства такъ же, какъ человѣкъ мстительный можетъ весь отдаться своей страсти отмстить врагу.

Сильныя эгоистическія чувствованія по самой ихъ сущности имѣютъ роковое значеніе въ жизни ихъ носителя; такъ какъ громадное большинство постоянно находится въ разнообразныхъ соотношеніяхъ къ обществу, всегда существуютъ условія для возбужденія этихъ чувствованій. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ съ сильнымъ чувствованіемъ гнѣва, съ сильно развитымъ самообожаніемъ постоянно будетъ имѣть поводъ гнѣваться, постоянно будетъ имѣть кому мстить и кого бояться. Чѣмъ сложнѣе

и многочисленнѣе соотношенія такого человѣка съ обществомъ, тѣмъ больше работы, тѣмъ больше возбудителей для его чувствованій.

Вполнѣ понятно, что вслѣдствіе однородности этихъ чувствованій, одно сильное чувство является и поддержкой, и исходнымъ пунктомъ для другого, почему такой человѣкъ, пока онъ дѣйствуетъ въ обществѣ, всегда находится въ волненіи, всегда какое-нибудь сильное чувство наполняетъ его душу. Себялюбіе наталкиваетъ на гнѣвъ; всякое оскорбленіе вызываетъ мсть; лица, которымъ человѣкъ мститъ, вызываютъ у него страхъ и т. д. Жизнь такого человѣка тяжела для него самого и мало мальски благоразумные люди съ сильными эгоистическими чувствованіями стараются жить уединенно; тѣ же изъ нихъ, которыя не обладаютъ необходимымъ благоразуміемъ, неизбѣжно вступаютъ въ болѣе или менѣе тяжелые конфликты съ своими ближними.

Самое сильное, самое важное, наиболѣе часто возникавшее у Павла I чувство было гнѣвъ. Онъ гнѣвался, и очень сильно, по всякому поводу, даже по самому ничтожному, почему, конечно, всегда или почти всегда находился въ дурномъ расположеніи духа, и никто не могъ ему угодить.

Гнѣвъ, какъ высшее эгоистическое чувство, далеко не всегда, по своей интенсивности, пропорционаленъ причинѣ его вызвавшей; серьезное нарушеніе интересовъ лица, надѣленнаго интенсивнымъ чувствомъ гнѣва, можетъ вызвать легкій гнѣвъ, и наоборотъ, самый ничтожный поводъ можетъ причинить самую бурную вспышку. Это объясняется тѣмъ, что степень гнѣва въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ состоянія организма, отъ общаго настроенія. Все же гнѣвъ есть проявленіе слабости, безсилія организма; вполнѣ здоровые, хорошо сложенные люди крайне рѣдко бываютъ надѣлены интенсивнымъ чувствомъ гнѣва: это общеизвѣстно. Истощеніе организма, болѣзни нерѣдко обуславливаютъ даже безпричинныя вспышки гнѣва. Также общеизвѣстно, что почти всѣ мы гнѣваемся и чаще и сильнѣе послѣ тяжелаго обѣда, послѣ дурно проведенной ночи (вставши съ лѣвой ноги). Мы не знаемъ всѣхъ причинъ, обуславливающихъ усиленіе гнѣва, но безспорно, что сила гнѣва зависитъ и отъ причины ее вызвавшей, и отъ состоянія нашего организма; даже очень гнѣвные люди имѣютъ свѣтлыя минуты, когда они расположены къ добру и любви.

Поэтому вполне понятно, что вспышки гнѣва Павла I не отвѣтствовали причинамъ, ихъ вызывавшимъ; онъ не гнѣвался или гнѣвался мало, когда ожидали самыхъ бурныхъ вспышекъ, и наоборотъ его гнѣвъ достигалъ крайней степени по самому ничтожному поводу.

Посѣтивъ въ 1798 г. Казань, Павелъ I проявилъ тамъ удивительную снисходительность. Онъ замѣтилъ генералу Лассію, что тотъ одѣтъ не по формѣ; Лассій отвѣтилъ, что онъ не знаетъ новыхъ правилъ объ одеждѣ; государь ему посовѣтовалъ спросить у петербургскихъ; на отвѣтъ Лассія, что онъ ихъ не знаетъ, государь сказалъ: «видно ты не любишь петербургскихъ; такъ я тебѣ скажу: когда ты въ сапогахъ, знакъ что готовъ къ должности, и тогда надобно имѣть трость; а когда ты въ башмакахъ— знакъ, что хочешь куртизировать дамъ, тогда трость не нужна. *Comment, votre majesté, voulez-vous qu'à mon âge je sache ces miseres?* (Какъ вы хотите, ваше величество, чтобы въ мои лѣта я могъ знать всѣ эти мелочи). Государь разсмѣялся сему ирландскому отвѣту.

Государь сказалъ генералу Ланжерону: «Ты долженъ принять инспекцію отъ сумасброднаго Игельстрома». Ланжеронъ отказался, ссылаясь на малое знаніе русскаго языка и на дружбу къ нему Игельстрома. Государь «съ большимъ гнѣвомъ» отошелъ отъ него и поручилъ Нелидову переговорить съ Ланжерономъ, который все же отказался принять милость государя. Павелъ «подбѣжалъ къ нему съ фуріей, топнулъ ногой, пыхнулъ и скорыми большими шагами ушелъ въ спальню...» Черезъ полчаса времени государь вышелъ изъ спальни, подошелъ къ графу и, ударя его по плечу, сказалъ: «*Langeron, vous êtes un bon enfant, toujours je me souviendrai de votre généreux procédé.*»

Уѣзжая изъ Казани, государь обратился къ Лассію: «Ну, Лассій, скажи правду, радъ ты что я ѣду? Очень.—Какъ? До сихъ поръ вы думаете, что у насъ очень хорошо, а мы и очень несовершенны; такъ я хочу, чтобы вы уѣхали, будучи въ такомъ о насъ лестномъ мнѣніи, а ежели бы остались далѣе, тогда бы увидѣли больше наши недостатки.—«Правда, правда твоя», сказалъ государь.

Энгельгардтъ сообщаетъ, что когда Павелъ I дѣлалъ смотръ войскамъ въ Казани: «Всѣ шли съ трепетомъ; я болѣе ужасался

чѣмъ идя на штурмъ Праги». Государь былъ очень любезенъ къ Энгельгардту ¹⁾).

Итакъ, Павель I, гнѣва котораго всѣ трепетали настолько, что мужественный Энгельгардтъ на парадѣ въ высочайшемъ присутствіи ужасался болѣе, чѣмъ идя на штурмъ Праги, очень снисходительно отнесся къ нежеланію Лассія исполнить столь важныя въ глазахъ Павла правила объ одеждѣ, добродушно примирился съ отказомъ Ланжерона исполнить его приказаніе, милостиво выслушалъ откровенное заявленіе Лассія о томъ, что онъ радуется отъѣзду государя.

Кротость Павла I въ Казани можно объяснить и благотворнымъ вліяніемъ на тѣло и душу путешествія и тѣмъ, что въ это время онъ былъ влюбленъ въ Лопухину и, наконецъ, благороднымъ мужествомъ Лассія и Ланжерона; несомнѣнно, что нравственная сила, хотъ иногда, вліяетъ на самыхъ раздражительныхъ людей. Я думаю, что все же наибольшее значеніе имѣло путешествіе; также благодушенъ былъ Павель I и къ смоленскому губернатору Философову въ 1797 г. Не подлежитъ сомнѣнію, что путешествіе можетъ благотворно вліять на гнѣвнаго человѣка, хотя конечно во время утомительнаго переѣзда гнѣвъ можетъ даже усиливаться, чѣмъ, напр., и объясняются вспышки гнѣва Павла во время ѣзды. Шильдеръ говоритъ, что въ 1797 г.: «Во время путешествія Павель былъ доволенъ и веселъ». Недалеко отъ Смоленска (около Пневы) государь увидѣлъ свѣжія подѣлки на мосту; онъ запретилъ поправлять дороги для своего путешествія. Въ починкѣ моста онъ увидѣлъ нарушеніе своего приказанія, и гнѣвъ его былъ такъ великъ, что онъ хотѣлъ, чтобы тотчасъ же былъ написанъ указъ о разстрѣляніи помѣщика, на землѣ котораго былъ починенъ мостъ. Только ловкому Безбородко удалось отклонить Павла I отъ исполненія его намѣренія ²⁾).

Утомленіемъ въ дорогѣ можно объяснить слѣдующую вспышку Павла I: Нелидинскій, ѣхавшій въ одной коляскѣ съ государемъ въ 1798 г.—сказалъ: «Вотъ первые представители уральскихъ лѣсовъ»—Павель I такъ разсердился, что приказалъ Нелидинскому выйти изъ экипажа. Въ то время Павель милостиво относился къ этому сановнику.

1) Записки Л. Н. Энгельгардта; стр. 162, 164, 165, 166.

2) Воспоминанія Лубяновскаго. „Русск. Арх.“, 1872 г., стр. 159.

Чтобы оцѣнить снисходительность, проявленную Павломъ I въ Казани, слѣдуетъ припомнить тѣ страшные взрывы гнѣва, которые появлялись у него по самымъ ничтожнымъ поводамъ.

Однажды государь дѣлалъ смотръ конно-гвардейскому полку. При въѣздѣ въ манежъ обыкновенная команда была: «дирекція направо»; на этотъ разъ государь scomандовалъ «дирекція налево».

Первый и второй эскадроны разслышали команду и исполнили приказаніе, но офицеръ, командовавшій третьимъ эскадрономъ, бывший на площади въ то время, когда государь scomандовалъ: «дирекція налево», приказалъ принять дирекцію направо. Павелъ I разгнѣвался настолько, что закричалъ: «Непослушаніе! снять съ лошади, оборвать его, дать ему сто палокъ». Несчастнаго офицера (Милюкова) тотчасъ же стащили съ лошади и, сорвавъ эполеты, увели. Константинъ Павловичъ, уловивъ подходящую минуту, сталъ на колѣни предъ отцомъ и сказалъ: «Государь и родитель! Дозвольте принести просьбу». Павелъ, принявъ величественную осанку, отвѣтилъ: «Что, сударь, вамъ угодно?» Великій князь просилъ помиловать Милюкова. Павелъ I отвѣтилъ. «Нельзя, сударь! онъ былъ битъ палками». «Виновать, государь, этого приказанія вашего я не исполнилъ». — «Благодарю, ваше высочество. Милюковъ принимается на службу и повышается двумя чинами» ¹⁾.

Трудно даже объяснить, что въ данномъ случаѣ вызвало столь сильный гнѣвъ Павла; никоимъ образомъ нельзя было допустить, что корнетъ осмѣлится послушаться государя; въ худшемъ случаѣ можно было объяснить поступокъ Милюкова небрежностью; легко было сообразить, что онъ не могъ слышать команды.

Еще менѣе понятна вспышка гнѣва, достигшая степени аффекта, бывшая въ 1800 г. Осень 1800 г. была сырая и дождливая. Несмотря на это, императоръ продолжалъ оставаться въ Гатчинѣ, потому что надѣялся прямо переѣхать въ Михайловскій замокъ.

..... Государь стоялъ посреди двора и командовалъ смѣну. Когда караулъ наряжался отъ какого-нибудь кавалерійскаго

¹⁾ Шильдеръ (ор. cit., стр. 435, 436) пользовался неизданными записками А. П. Евреинова. Также объ этомъ ужасномъ поступкѣ Павла I разсказываетъ Шипковъ („Записки“, стр. 76), но по его словамъ Милюкову было назначено 500 палокъ.

полка, то нижніе чины вступали пѣшими на дворъ, а караульный офицеръ въѣзжалъ верхомъ; онъ долженъ былъ тихимъ шагомъ подъѣхать къ императору, рапортовать... потомъ тѣмъ же шагомъ отъѣзжалъ отъ государя, спѣшивался и становился у праваго фланга первой шеренги своего взвода. Вступилъ караулъ отъ лейбъ-гусарскаго полка; при немъ офицеромъ былъ Тутолминъ, Дмитрій Ѳедоровичъ. У Тутолмина лошадь была ретивая; онъ не могъ ее сдержать и, подъѣзжая къ императору, обрызгалъ его грязью съ ногъ до головы. Мгновенно государь пришелъ въ крайнее раздраженіе и началъ кричать. Тутолминъ тотчасъ повернулъ назадъ; подъѣхавъ къ караулу, соскочилъ съ лошади и сталъ на свое мѣсто. Императоръ бросился къ нему съ поднятою тростью; увидавъ это, Тутолминъ побѣжалъ между шеренгами; императоръ за нимъ; погоня длилась нѣкоторое время; наконецъ, Тутолминъ скрылся совсѣмъ. Императоръ не кончилъ развода и возвратился во дворецъ. Страшно было взглянуть на него. На слѣдующій день, отпуская караулъ, государь, какъ только увидѣлъ Тутолмина, подошелъ къ нему, положилъ руку на плечо и ласково сказалъ ему при всѣхъ: «Благодарю тебя; ты вчера спасъ отъ бѣды и себя и меня» ⁴⁾.

Очевидно, что самъ Павелъ I понималъ несправедливость или безпричинность своего гнѣва на Милюкова и Тутолмина; полная невиновность этихъ офицеровъ была очевидна самому государю, когда взрывъ необоснованнаго гнѣва прошелъ. Конечно, мы не знаемъ о всѣхъ такихъ вспышкахъ, но и то, что намъ извѣстно, прямо ужасно; нѣтъ надобности описывать всѣ эти крайне печальныя происшествія.

Несомнѣнно однако, что наименѣе обоснованныя вспышки именно происходили по утрамъ, на вахтъ-парадахъ. Благородный Шишковъ, надѣленный столь интенсивнымъ чувствованіемъ—патріотизмомъ, что не всегда могъ сдерживать себя, весьма сносно объясняетъ гнѣвливость Павла I. «Самый образъ жизни его долженствовалъ также много способствовать къ содѣланію нрава его суровымъ и мрачнымъ; онъ вставалъ рано и въ шесть часовъ утра садился уже выслушивать доклады, въ которыхъ помѣщаются были подробныя донесенія о болѣзняхъ,

---

⁴⁾ Шильдеръ (op. cit., стр. 581, 582). Изъ рассказовъ о старинѣ П. П. Лопухина, записанныхъ княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ.

смертяхъ, убійствахъ, злонамѣреніяхъ и всякихъ несчастіяхъ или преступленіяхъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ столь обширнаго царства случавшихся; ежедневныя или по крайней мѣрѣ частыя, тотчасъ по пробужденію отъ сна, выслушванія сихъ обстоятельствъ безъ сомнѣнія возмущали въ немъ духъ, и располагали чувства его къ угрюмости и гнѣву». Насколько Павелъ по утрамъ былъ «расположенъ къ гнѣву», можно судить по слѣдующему разсказу Шишкова, къ которому государь относился съ нѣкоторымъ уваженіемъ: Павелъ I былъ человѣкъ впечатлительный и потому не могъ не замѣчать благородства души этого патріота. «Лишь только вошелъ въ кабинетъ его, какъ онъ вскочилъ со стула, подбѣжалъ ко мнѣ, вырвалъ у меня изъ рукъ бумаги и съ великимъ гнѣвомъ закричалъ: «Что ты такъ лѣниво и вяло идешь? иди сюда». Я ускорилъ свой шагъ. Оба мы сѣли, и я началъ читать». Шишковъ докладывалъ просьбу объ увольненіи офицера, прослужившаго одинъ годъ въ чинѣ, и не могъ сказать государю, сколько мѣсяцевъ сверхъ года офицеръ состоялъ въ этомъ чинѣ. «Ты ничего не знаешь, — подхватилъ онъ съ гнѣвомъ и долго на меня кричалъ. Наконецъ, по прочтеніи другихъ докладовъ, подаю я ему полученное изъ Ревеля, написанное на его имя и запечатанное письмо. Онъ опять вскочилъ, выхватилъ его у меня съ великимъ сердцемъ и, не прочитавъ еще, сказалъ: «Это бы надлежало вчера мнѣ отдать. Ты во всемъ неисправенъ; никуда не годишься! Поди» ¹⁾).

Мы знаемъ, что слабые и нервные люди вообще чувствуютъ себя хуже по утрамъ, чѣмъ по вечерамъ; естественно, что именно по утрамъ они болѣе «расположены къ гнѣву», чѣмъ и объясняются совершенно безпричинныя вспышки гнѣва Павла I на утреннихъ докладахъ и на вахтъ-парадахъ. Вообще, такія совершенно безпричинныя вспышки, по всей вѣроятности, были обусловлены состояніемъ организма, и по вечерамъ Павелъ былъ снисходительнѣе и въ лучшемъ расположеніи духа.

Павелъ I занялъ престолъ при самыхъ благопріятныхъ для него обстоятельствахъ; во всемъ государствѣ не было ни одного лица, ни одной группы лицъ, не желавшихъ вполнѣ чисто-сердечно повиноваться новому государю; всѣ желали заслужить его благоволеніе, всѣ его боялись, а потому всѣми силами ста-

¹⁾ Ор. cit., стр. 75, 76.

рались угождать ему. Мало мальски разумныхъ оснований гнѣваться на кого-либо Павелъ I не имѣлъ, потому что одни за страхъ, другіе не только за страхъ, но и за совѣсть исполняли съ рвеніемъ его приказанія. Конечно, были лица, дурно исполнявшія свои обязанности къ родинѣ, по корыстолюбію или лѣности не соблюдавшія интересовъ государства, но именно эти проступки не возбуждали гнѣва государя, совершенно не знавшаго администраціи и мало ею интересовавшагося.

Павель I, не имѣя настоящихъ мотивовъ для гнѣва, гнѣвался или безъ всякаго повода (напр. на Милюкова и Шишкова), или по самому ничтожному поводу (на Тутолмина) или наконецъ, по поводамъ, созданнымъ его подозрительностью. Несчастье Павла I состояло именно въ томъ, что у него были интенсивны эгоистическія чувствованія, что вообще встрѣчается рѣдко; гнѣвные люди рѣдко бываютъ боязливы; нечасто самообожаніе совмѣщается съ трусостью, гнѣвомъ и местию. Понятно, что человѣкъ, надѣленный сильной подозрительностью и трусостью, часто будетъ гнѣваться и мстить, хотя въ дѣйствительности не будетъ разумныхъ мотивовъ для гнѣва.

Шишковъ объясняетъ вполнѣ вѣрно причину нѣкоторыхъ вспышекъ гнѣва Павла I. «Боязливая и всегда опрометчивая подозрительность, преклонявшая слухъ его ко всякимъ доносамъ, кои, волнуя въ немъ кровь и утрашая воображеніе, побуждали его, для мнимаго предупрежденія угрожающихъ послѣдствій, предпринимать поспѣшно и необдуманно такія мѣры, которыя скорѣе навлекать, нежели отвращать ихъ могли. Несчастливая подозрительность сія представляла ему вездѣ опасности» ¹⁾.

Понятно поэтому, какъ часто гнѣвался Павелъ на людей лишь потому, что подозрѣвалъ ихъ въ невѣрности, въ непочтительности и т. п.; убѣдившись въ собственной ошибкѣ, онъ унижалъ свое достоинство, долженъ былъ оправдываться или извиняться.

Чичаговъ не хотѣлъ вступить на службу, считая себя обойденнымъ по службѣ: онъ получилъ орденъ, который, по его мнѣнію, не вознаграждалъ его заслугъ, и вышелъ въ отставку, отчего былъ обойденъ сослуживцами. Когда Павелъ I рѣшилъ воевать съ Англіей, онъ пожелалъ, чтобы Чичаговъ вступилъ

¹⁾ Op. cit., стр. 71.

на службу и предлагалъ ему черезъ Кушелева почетное назначеніе. Чичаговъ рѣзко заявилъ Кушелеву о понесенной имъ обидѣ ¹⁾. «Чичаговъ, ничего не подозревая, вошелъ въ кабинетъ Павла Петровича. Государь стоялъ окруженный своими адъютантами, и по глазамъ было видно, что онъ сильно прогнѣвался. «Вы не хотите мнѣ служить? Вы желаете служить иностранному принцу», закричалъ императоръ. Чичаговъ хотѣлъ было открыть ротъ, чтобы увѣрить государя въ невозможности этого, желалъ доказать, что англійская конституція не позволяетъ пріема на службу иностранцевъ, но императоръ затопалъ ногами и еще сильнѣе закричалъ. «Я знаю, что вы якобинецъ; но я разрушу всѣ ваши идеи. Уволить его въ отставку и посадить подъ арестъ!» произнесъ онъ, обратясь къ Кушелеву и къ адъютантамъ. «Возьмите его шпагу! Снимите съ него ордена!» Адмиралъ выслушалъ крики императора совершенно хладнокровно и первый снялъ съ себя регалии, передавая ихъ адъютанту. «Отослать его въ деревню, съ запрещеніемъ носить военную форму; или нѣтъ, снять ее съ него теперь же», продолжалъ сердиться императоръ. Флигель-адъютанты бросились на адмирала, какъ на звѣря, и съ необыкновенною быстротою раздѣли его. Чичаговъ не терялъ присутствія духа и, соображая, что императоръ можетъ наконецъ дойти до послѣдней степени наказанія и послать его въ Сибирь, вспомнилъ, что ему были необходимы деньги, и громко, съ достоинствомъ обратился къ одному изъ флигель-адъютантовъ съ просьбою вынуть бумажникъ, оставшійся въ мундирѣ... «Уведите его», закричалъ императоръ... Не успѣлъ Кушелевъ съ адмираломъ дойти до квартиры, какъ флигель-адъютантъ подалъ первому собственноручную записку государя, въ которой заключалось приказаніе посадить Чичагова въ Петропавловскую крѣпость. Усадивъ почти голаго адмирала въ карету, прежде всего его повезли къ графу Палену. Сначала Чичагова посадили въ хорошую камеру, но потомъ, во исполненіе высочайшаго повелѣнія, перевели въ секретную и дурную.

По ходатайству Палена, Чичаговъ былъ прощенъ съ условіемъ, что онъ приметъ назначеніе. Когда онъ представлялся государю, Павелъ I, прижавъ руку Чичагова къ своему сердцу, сказалъ: «Забудемъ все, что произошло; не будемъ больше объ этомъ ду-

¹⁾ Memoires de l'amiral Tchitchagoff, p. 10, 11.

мать. А все-таки, я не понимаю, какъ вы могли такъ поступить въ особенности съ этимъ» — и государь указаль на георгиевскій крестъ, висѣвшій на груди адмирала. Чичаговъ даже удивился словамъ императора, который не только не цѣнилъ, но даже ненавидѣлъ этотъ орденъ. Затѣмъ государь продолжалъ: «Знаете ли на что похожъ вашъ поступокъ? Это точно я бы напился пьянъ и сталь бы танцовать въ этомъ состояніи». Трудно было адмиралу что-либо отвѣтить на эти слова, и онъ счелъ болѣе благоразумнымъ молчать. «Если вы якобинецъ, — продолжалъ императоръ, — то представьте себѣ, что у меня красная шапка, что я главный начальникъ всѣхъ якобинцевъ и слушайте меня». — «Я знаю, — отвѣтилъ адмиралъ съ достоинствомъ, — что вы носите корону, которую нельзя сравнить съ красною шапкою, и которой, по моимъ принципамъ, слѣдуетъ повиноваться». — «Въ такомъ случаѣ, сказалъ императоръ, — я вамъ сейчасъ дамъ порученіе и позабудемъ все, что произошло, и останемся друзьями» 1).

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ типическій аффектъ, быстро нарастающій; ничего патологическаго однако въ этомъ аффектѣ не было. Павелъ I имѣлъ право гнѣваться и очень сильно на Чичагова, если онъ повѣрилъ, что Чичаговъ намѣренъ перейти на службу въ Англію. Конечно, только при крайней боязливости и подозрительности можно было повѣрить такому вздору; если бы Павелъ I разсуждалъ покойно, онъ, конечно, понялъ бы, что Англія не нуждается въ Чичаговѣ.

Когда гнѣвъ разразился бурнымъ аффектомъ, Павелъ I повѣрилъ Палену, что Чичаговъ не намѣренъ перейти на службу въ англійскій флотъ; согласіе Чичагова принять назначеніе вполнѣ успокоило государя. Очевидно громадное различіе въ поведеніи Павла I по отношенію къ Ланжерону и Чичагову.

Сравнивая аффекты гнѣва Павла I, разразившіеся надъ Милюковымъ, Тутолминимъ и Чичаговымъ, мы видимъ, что въ этихъ трехъ случаяхъ Павелъ I не терялъ сознанія и дѣйствовалъ съ извѣстною послѣдовательностью. Менѣе всѣхъ былъ виноватъ Тутолминъ, гнѣвъ появился внезапно — государь былъ обрызганъ грязью, быстро проявилась и реакція — погоня за оскорбителемъ съ поднятою палкою; также быстро аффектъ и кончился. Конечно, Павелъ I могъ бы приказать его поймать и избить пал-

1) „Русская Старина“ 1883 г., т. 38, стр. 505—506.

Вопросы философіи, кн. 89.

ками; но аффекты имѣютъ свои законы: быстрое развитіе, бурное движеніе и быстрое окончаніе вслѣдствіе общаго истощенія. По отношенію къ Милюкову была проявлена большая жестокость, но все дѣло кончилось скоро; наказаніе ему было пропорціонально его воображаемой винѣ; этотъ аффектъ былъ сильнѣе и длителнѣе, потому что причина, его вызвавшая, была нравственная, а не физическое оскорбленіе — непослушаніе. О Милюковѣ государь скоро забылъ и не только его простилъ, но, успокоившись послѣ аффекта, понялъ его невиновность и потому наградилъ двумя чинами.

Болѣе длителенъ—постепенное нарастаніе, стойкость и медленно наступившее успокоеніе—былъ аффектъ, вызванный Чичаговымъ; сначала упреки и угрозы, затѣмъ сравнительно мягкое наказаніе—ссылка въ деревню, затѣмъ уже болѣе жестокое и грубое наказаніе—снятіе мундира; когда Чичагова увели, аффектъ продолжался: пишется приказаніе заключить его въ крѣпость. Прощеніе послѣдовало лишь спустя нѣсколько недѣль. Но этотъ длительный аффектъ не дошелъ до той высоты, которой достигли аффекты, разразившіеся надъ Тутолминымъ и Милюковымъ; Чичагову не угрожали палкой, не было назначено наказаніе палками, хотя, если полковникъ Грузиновъ былъ забить до смерти, можно было приказать дать Чичагову 100—500 палокъ.

По отношенію къ Шишкову гнѣвъ не дошелъ до степени аффекта, что можно объяснить тѣмъ, что гнѣвъ былъ возбужденъ нѣсколькими слѣдовавшими съ значительными интервалами обстоятельствами и, такъ сказать, растянулся, а не сосредоточился; могло имѣть вліяніе нѣкоторое уваженіе Павла I къ Шишкову.

Приведенные примѣры гнѣва и главныхъ аффектовъ Павла достаточно обрисовываютъ эту сторону его характера.

Если бы эти вспышки были рѣдки, то съ ними можно было бы мириться, но несчастіе и Павла, и его подданныхъ состояло въ томъ, что чувствованіе гнѣва было не только очень интенсивно, но сочеталось съ боязливостью, самообожаніемъ и презрѣніемъ къ людямъ. Поэтому вспышки гнѣва были очень часты, составляли главное проявленіе власти и, что всего важнѣе, были безпричинны, а потому неустранимы. Никто и никогда не былъ застрахованъ отъ гнѣва Павла, потому что самая усердная служба не гарантировала даже главныхъ сановниковъ отъ гнѣва госу-

даря. Только на Безбородко Павелъ не позволялъ себѣ гнѣваться, и намъ неизвѣстно ни одной неприятности, постигшей этого хитраго сановника; такая сдержанность, ясно свидѣтельствующая о полномъ психическомъ здоровьѣ Павла, такъ была тягостна для государя, что онъ обрадовался смерти Безбородко. Рассказываютъ, что, когда государю доложили о кончинѣ Безбородко, при чемъ сказано было: «Россия лишилась Безбородки», Павелъ Петровичъ съ досадою возразилъ: «У меня всѣ Безбородки». Императрицѣ, плакавшей о смерти Безбородко, разгнѣванный государь сказалъ... Il y a bien des gens capables de le remplacer» ¹⁾).

Гнѣвъ—это достояніе слабыхъ, а потому вполне естественно мечь даже къ памяти лица, на котораго нельзя было гнѣваться.

Аффекты гнѣва у Павла I сопровождались типичными или обыденными измѣненіями во всемъ организмѣ; князь П. П. Лопухинъ лучше всѣхъ описалъ эти явленія: «императоръ блѣднѣлъ, черты его лица до того измѣнялись, что трудно было его узнать, ему давило грудь, онъ выпрямлялся, закидывалъ голову назадъ, задыхался и пыхтѣлъ. Продолжительность этихъ припадковъ была не всегда одинакова» ²⁾).

А. М. Тургеневъ такъ описываетъ Павла I въ состояніи аффекта: «Павелъ Петровичъ подошелъ ко мнѣ очень близко и началъ меня щипать; сзади его, съ правой стороны, стоялъ в. к. Александръ Павловичъ съ блѣднымъ лицомъ, съ лѣвой стороны стоялъ Аракчеевъ; щипаніе было повторено нѣсколько разовъ, отъ котораго брызгали у меня изъ глазъ слезы, какъ горохъ. Очи Павла Петровича, казалось мнѣ, блистали, какъ зажженные свѣчки, наконецъ, онъ изволилъ повелѣвать сими словами: «Скажите въ полку, а тамъ скажутъ далѣе, что я изъ васъ *Потемкинскій* духъ вышибу, я васъ туда зашлю, куда воронъ костей вашихъ не занесетъ». Привѣтствіе не вполне радостное, но изустно мнѣ оглашенное въ присутствіи 200 или 300 офицеровъ. Его величество, повторивъ высочайшее повелѣніе пять или шесть разовъ, продолжая щипаніе, изволилъ мнѣ сказать: «Извольте, сударь, отправиться въ полкъ». Аффектъ прошелъ, и государь, котораго Тургеневъ при поворотѣ задѣлъ палашомъ, возглашаетъ: «бравый офицеръ, славный офицеръ».

¹⁾ Шильдеръ. Op. cit., стр. 405. id., стр. 581.

²⁾ «Русская Старина», 1885, стр. 70, 71.

Этотъ аффектъ былъ вызванъ ненавистью къ Потемкину, именемъ котораго назывался полкъ; возможно, что государю наговорили о неблагонамѣренности офицеровъ этого полка. Это было скоро по воцареніи; Павелъ I еще тогда не рѣшался наказывать офицеровъ палками и потому ограничивался шипками.

Павелъ Петровичъ не обладалъ мужествомъ; этотъ его недостатокъ бросался въ глаза, и о немъ знали всѣ современники. Павелъ хорошо ѣздилъ верхомъ, но, по словамъ Чарторыжскаго ¹⁾, онъ былъ очень боязливъ на лошади, что проявлялось при кавалерійскихъ ученіяхъ и маневрахъ; онъ не доводилъ изъ трусости до конца кавалерійскія атаки.

По семейному преданію Разумовскихъ Павелъ Петровичъ, подѣхавъ въ Неаполѣ къ дому, приготовленному для его пребыванія, схватилъ графа А. Разумовскаго за руку и повлекъ въ пустую комнату; тамъ, вынувъ изъ ноженъ шпагу, онъ сталъ въ позицію, воскликнувъ: «*Flamberge au vent, monsieur le compte*». Сопровождавшіе цесаревича кавалеры лишь съ трудомъ могли его успокоить ²⁾. Этотъ разсказъ свидѣтельствуетъ лишь о необузданномъ чванствѣ Разумовскихъ; конечно, спѣсивому русскому Монморанси могло быть пріятно, что съ нимъ хотѣлъ драться наслѣдникъ русскаго престола, но кто, хотя нѣсколько понимаетъ характеръ Павла I, для того этотъ разсказъ очень плохо придуманный анекдотъ. Великокняжеская чета, пріѣхавъ въ Неаполь, отказалась отъ помѣщенія, предложеннаго имъ королевскимъ дворомъ и остановилась въ помѣщеніи, приготовленномъ А. К. Разумовскимъ; если бы Павлу было тяжело встрѣчаться съ Разумовскимъ, ему было бы приказано уѣхать на время изъ Неаполя.

Павелъ, какъ замѣчаетъ Чарторыжскій *n'était pas très brave de sa personne* и имѣлъ совершенно простую манеру расправляться съ лицами, сдѣлавшими ему непріятность. Головкинъ разсказываетъ, что однажды цесаревичъ приказалъ Нарышкину передать ему слѣдующее: «Первый актъ справедливости по восшествіи на престолъ будетъ состоять въ томъ, что вамъ отрубятъ

¹⁾ Ор. cit., р. 184.

²⁾ Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, т. 3-й, стр. 62. Шумигорскій (Императоръ Павелъ I, стр. 49, 50) эту басню передаетъ, какъ историческій фактъ.

голову» ¹⁾. Притомъ, какъ извѣстно, Павелъ Петровичъ, достигнувъ власти, не мстилъ Разумовскому; наконецъ, гр. Головкинъ, бывши посланникомъ въ Неаполь, узналъ бы о несостоявшейся дуэли Павла Петровича съ Разумовскимъ и рассказалъ бы намъ объ этомъ, если бы было что-либо похожее на выдумку А. Разумовскаго. Королева Каролина рассказала гр. Головкину о крайне грубой и неприличной выходкѣ Павла, но именно этотъ рассказъ похожъ на истину.

Какъ извѣстно, Павелъ Петровичъ желалъ принять участіе во второй турецкой войнѣ и былъ при арміи, воевавшей со Швеціей. Его поведеніе въ арміи было таково, что публика считала комедію Горе-Богатырь памфлетомъ на Павла, хотя Екатерина имѣла въ виду шведскаго короля.

Павелъ Петровичъ ни разу не пережилъ настоящей опасности, но недостатокъ храбрости и нравственнаго мужества онъ проявлялъ очень часто. Онъ всегда боялся за свою судьбу и не умѣлъ даже скрывать «до какой степени этотъ страхъ отравлялъ его душу». Убѣдившись въ неосновательности доноса на Дмитріева, Павелъ Петровичъ сказалъ императрицѣ: «Теперь я увѣренъ, что крѣпко сижу на престолѣ», чѣмъ еще разъ подтвердилъ справедливость пословицы: «у страха глаза велики».

Несчастный государь такъ всѣхъ и всего боялся, что ему было непріятно узнать о неустрашимости Елизаветы Алексѣевны. Во время коронаціи, «когда возвращались по дорогѣ, почти непроходимой вслѣдствіе оттепели, карета, въ которой были императоръ съ императрицей, оба великіе князя и великая княгиня Елизавета, каждую минуту угрожала паденіемъ. Императора это забавляло, и онъ спросилъ у великаго князя Александра: «Бойтся ли великая княгиня Елизавета». Великій князь, думая сдѣлать похвалу своей супругѣ, отвѣчалъ, что нѣтъ, что она не трусиха и ничего не боится. «Вотъ именно то, чего я не люблю», сухо отвѣтилъ императоръ» ²⁾. Трудно рѣшить, боялся ли онъ неустрашимости своей молодой невѣстки, или ему, какъ чловѣку боязливому, было непріятно мужество молодой женщины. Le manque de courage (Чарторыжскій, р. 109.) Павла Петровича былъ такъ великъ, что онъ даже не могъ скрывать этого столь

¹⁾ La cour et le regne de Paul I, p. 119.

²⁾ Записки Головиной, стр. 106.

важнаго у государя недостатка; все же онъ долженъ былъ понять, какъ ему невыгодно обнаруживать этотъ недостатокъ передъ лицами, которыхъ онъ считалъ способными на борьбу съ собою.

Боязливость государя была такъ очевидна, что всѣ о ней знали и Рибасъ, который, какъ пишетъ правдивый Шишковъ ¹⁾, «по общему мнѣнію (Рибасъ) первый умышлялъ противъ него, зная въ подобныхъ случаяхъ робость и легковѣрность Павла, умѣлъ сильно поразить его воображеніе».

И можно лишь удивляться, какъ окружающіе не умѣли пользоваться боязливостью Павла Петровича, проявлявшейся ужъ очень ясно и рѣзко. «Полкъ собрался. Государь выходитъ гнѣвенъ, начинаетъ учить и при первыхъ движеніяхъ, бранными и грозными словами изъясляетъ уже свои неудовольствія. Между тѣмъ, при повелѣніи заряжать ружья, генералу слѣдовало закричать *безъ патроновъ*, а онъ въ торопяхъ, ошибкою закричалъ: *съ патронами*. Государь при семъ словѣ измѣнился въ лицѣ, и вмѣсто ожидаемаго гнѣва сказалъ ему съ ласковой улыбкой: «Зачѣмъ, сударь, съ патронами? Здѣсь нѣтъ непріятелей». Послѣ сего сдѣлался онъ кротокъ; и ученіе, къ удивленію всѣхъ, кончилось благополучно».

Крайняя боязливость, отсутствіе мужества и стойкости Павла Петровича очень рѣзко проявлялись въ его отношеніяхъ къ матери; онъ считалъ себя обиженнымъ, былъ убѣжденъ, что мать нарушаетъ его несомнѣнныя права, но онъ никогда не попытался защищать свои права; все ограничивалось мелочнымъ и недостойнымъ мужественнаго человѣка будированіемъ. Свое поведеніе по отношенію къ матери Павелъ Петровичъ объяснял тѣмъ, что онъ долженъ подавать примѣръ вѣрноподаннымъ, но ужъ ничѣмъ онъ не могъ объяснить своей уступчивости по отношенію къ Платону Зубову. Потемкина онъ ненавидѣлъ всѣми силами своей души, но при жизни матери все ограничивалось руганней Потемкина за глаза ²⁾.

Павелъ I приказалъ уничтожить памятникъ Потемкину, сооруженный Екатериной, приказалъ городъ Григоріополь переименовать Чернымъ. Узнавъ отъ Энгельгардта (Записки Л. Н. Эн-

¹⁾ Записки, стр. 78 и 79.

²⁾ Шишковъ, *op. cit.*, стр. 42.

гельгардта, стр. 107), что онъ былъ адъютантомъ Потемкина, Павелъ сказалъ: «Тѣфу, въ какіе ты попалъ знатные люди; да какъ ты не сдѣлался негодяемъ, какъ всѣ при немъ бывшіе? Видно много въ тебѣ добраго, что ты уцѣлѣлъ и сдѣлался мнѣ хорошимъ слугою». О такой же бѣшеней ненависти даже къ памяти Потемкина свидѣтельствуяютъ рассказы Тургенева; по приказанію Павла офицеры полка имени Потемкина были заперты во время коронаціи въ Тайницкой башнѣ; трудно даже понять, за что собственно сердился государь на неповинныхъ ни въ чемъ офицеровъ.

Павелъ былъ настолько лишенъ мужества, что не могъ сдерживать въ границахъ приличія такое ничтожество, какимъ былъ Платонъ Зубовъ. Когда по поводу какого-то замѣчанія, сдѣланнаго Зубовымъ, Павелъ Петровичъ сказалъ, «я вполнѣ согласенъ съ княземъ», Зубовъ спросилъ: «Развѣ я сказалъ какую-нибудь глупость»? Если этотъ рассказъ и не вполнѣ вѣренъ, то все же онъ указываетъ, что Зубовъ держалъ себя по отношенію къ цесаревичу крайне неприлично, а Павелъ Петровичъ былъ лишенъ всякаго мужества. Очевидно, что Зубовъ, какъ трусъ и ничтожный человѣчекъ, и не подумалъ бы дерзить цесаревичу, умѣющему оберегать свое человѣческое достоинство.

Страхъ, какъ и всѣ чувствованія, вполнѣ владѣлъ разумомъ и волею Павла I, и потому цѣлый рядъ его поступковъ былъ прямо безразсуденъ. Находясь постоянно во власти страха, постоянно думая о несуществующихъ опасностяхъ, этотъ несчастный государь самъ подготовилъ свою гибель, самъ написалъ и передалъ главѣ заговорщиковъ указъ, который поставилъ его сына въ положеніе необходимой обороны не только своей особы, но и особы горячо любимой матери.

Страхъ такъ владѣлъ умомъ и волею Павла Петровича, что онъ не скрывалъ этого чувствованія, вызывающаго вообще у всѣхъ порядочныхъ людей презрѣніе и, насколько намъ извѣстно, даже не находилъ нужнымъ его скрывать. Вообще, среди современниковъ Павла Петровича многіе признавали его права; было не мало лицъ, сожалѣвшихъ его, сочувствовавшихъ, какъ имъ казалось, незаконно угнетенному положенію, считавшихъ его жертвою властолюбія матери; были, конечно, лица, недовольныя государыней и потому настраивавшія сына противъ матери, но едва ли между ними были люди, знавшія Павла Пет-

ровича и уважавшіе его. Конечно, я не говорю о лицахъ, почитавшихъ въ немъ наслѣдника всероссійскаго престола. Трусозъ нигдѣ и никогда не уважаютъ порядочные люди, а уваженіе ничтожныхъ людишекъ не имѣетъ даже грубо практической цѣнности, такъ какъ они сами трусы. Чарторыжскій скоро по приѣздѣ въ Петербургъ замѣтилъ ¹⁾, что никто и никогда не рѣшался ни на одно непочтительное слово по отношенію къ великой императрицѣ; «un sourire dédaigneux et moqueur accompagnait souvent le nom du grand-duc Paul». «Le sombre caractère et l'humeur fantastique inspiraient toutes sortes de terreurs, quelquefois le mépris». Хотя Чарторыжскій, какъ польскій патриотъ, ненавидѣлъ Екатерину II, онъ свидѣтельствуемъ, что Павелъ Петровичъ являлся тѣнью картины и увеличивалъ ся эффектъ, что всѣ желали, чтобы Екатерина какъ можно дольше оставалась на престолѣ.

Занимая престолъ, Павелъ всѣмъ внушалъ страхъ, но его никто не уважалъ; по свидѣтельству всѣхъ современниковъ надъ государемъ смѣялись и вообще, насколько это было возможно, не скрывали къ нему своего презрѣнія. Всѣмъ было извѣстно, какъ Павелъ Петровичъ выдалъ своей матери людей, (Сальдерна, гр. Матюшкина) которыхъ считалъ себѣ преданными; знали, что онъ это сдѣлалъ даже безъ угрозъ; понятно, какое отношеніе вызываетъ къ себѣ такой недостатокъ мужества. Всѣмъ также было извѣстно, что, жестокій къ беззащитнымъ, государь всегда трепеталъ за собственную судьбу и терпѣливо переносилъ униженія даже отъ Платона Зубова «le plus lâche et le plus vil des hommes», по опредѣленію Ланжерона.

Гордость Павла I бросалась въ глаза; въ 1776 г., когда онъ былъ въ Берлинѣ, она всѣхъ поразила; Тьебо увѣряетъ, что «всѣхъ изумила его манера кланяться. Вообще, сильные міра сего при поклонѣ понижаютъ голову слегка, предоставляя намъ, простымъ смертнымъ, сгибаться всѣмъ туловищемъ; но, по крайней мѣрѣ, они все-таки наклоняются хотя немножко; великій князь поступалъ совершенно наоборотъ: онъ бросалъ взглядъ на того, кто дѣлалъ ему поклонъ, и тотчасъ же скидывалъ еще выше голову, которую вовсе и не опускалъ. Однимъ словомъ, онъ себѣ позволялъ только вторую половину поклона, такъ что

¹⁾ Op. cit., стр. 48, 49.

движеніе это выходило у него какимъ-то повелительнымъ при-
емомъ» ¹⁾. Такъ высокомѣрно держалъ себя Павелъ Петровичъ,
находясь въ гостяхъ у боготворимаго имъ Фридриха II, и послѣ
происшествія, которое почти у всѣхъ подрываетъ вѣру въ соб-
ственное превосходство.

Къ чести Павла I слѣдуетъ отнести то, что онъ не былъ очень
высокаго мнѣнія ни о своей наружности, ни о своемъ умѣ; онъ
сознавалъ, что некрасивъ. Саблуковъ сообщаетъ, что онъ на-
рисовалъ карикатуру на Павла I и роздалъ 30—40 копій съ
нея; онъ былъ увѣренъ, «что при соглядатайствѣ со стороны
гатчинскихъ офицеровъ, исторія съ моимъ рисункомъ дошла до
свѣдѣнія императора». Вскорѣ послѣ этого государь зашелъ въ
караульную комнату, въ которой Саблуковъ срисовывалъ бюсты
Генриха IV и Сюлли, и спросилъ его: «Дѣлали вы когда-
нибудь мой (портретъ)?» «Много разъ, ваше величество». Госу-
дарь громко разсмѣялся, взглянулъ на себя въ зеркало и сказалъ:
«Хорошъ для портрета!» Затѣмъ дружески хлопнулъ меня по
плечу и вернулся въ свой кабинетъ, смѣясь отъ души» ²⁾.

Намъ неизвѣстно ни одного факта, доказывающаго, что Па-
вель I имѣлъ преувеличенное мнѣніе о своихъ умственныхъ спо-
собностяхъ, о своихъ познаніяхъ; онъ не приписывалъ себѣ ка-
кихъ-либо талантовъ и вообще не перецѣнивалъ личнаго своего
достоинства.

Гордость Павла I, какъ врожденное, основное чувствованіе,
была не мотивирована; себѣ лично Павелъ I не приписывалъ
какихъ-либо качествъ, дающихъ ему право гордиться собою,
быть высокомѣрнымъ. Онъ, конечно, имѣлъ право гордиться,
какъ сынъ Минервы, какъ наслѣдникъ и государь великаго го-
сударства, но именно этимъ онъ не гордился. Онъ ненавидѣлъ
свою мать, не понималъ, а потому и не цѣнилъ ея величія, пре-
зиралъ народъ (*ses gens-là*), надъ которымъ царствовалъ. Ко-
нечно, онъ зналъ, что за лица были его отецъ и дѣдъ; насколько
извѣстно, онъ не мотивировалъ крайне высокаго о себѣ мнѣнія
тѣмъ, что его прадѣдъ былъ Петръ Великій. Павелъ I даже и
не пытался мотивировать свое высокомѣріе, доказывать, что онъ
имѣетъ право смотрѣть на всѣхъ сверху внизъ. Если бы Павелъ I

¹⁾ Записки академика Тьебо, «Русская Старина», 1878 г., XI, стр. 485—486.

²⁾ Записки Саблукова, стр. 63.

разсуждалъ послѣдовательно, онъ долженъ бы былъ придти къ заключенію, что ему нечѣмъ гордиться: онъ некрасивъ, не талантливъ, сынъ особы, вызывающей ненависть, тридцать четыре года очень дурно управлявшей безнравственнымъ народомъ, котораго самъ онъ, вслѣдствіе преступленія своей матери, не могъ исправить. «Этотъ развращенный народъ желаетъ, чтобы имъ постоянно управляли женщины, чтобы его повелителями были фавориты, а всѣ преступления оставались безнаказанными», говорилъ Павелъ I людямъ, пользовавшимся его довѣріемъ. Очевидно, что царь такого народа не имѣетъ права быть гордымъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не исправитъ «развращеннаго народа». Павелъ I такъ презиралъ «этотъ развращенный народъ», что свою армию одѣлъ въ прусскіе мундиры, не церемонясь вводилъ прусскіе порядки и даже высказалъ пожеланіе, чтобы не употреблялась русская сбура.

Совершенно немотивированная гордость Павла I нашла себѣ оправданіе въ фантастическомъ пониманіи своей власти. Онъ былъ настолько образованъ, что все же зналъ права и обязанности государей; тѣмъ не менѣе его гордость вылилась въ преувеличенномъ пониманіи этой власти; его сужденія о своей власти, какъ и всѣ его сужденія, были обусловлены или мотивированы сильнымъ чувствованіемъ и потому неразумны. Княгиня Дашкова ярко обрисовала отношеніе мыслящаго общества того времени къ гордости Павла I. «Павелъ былъ невыносимъ со своимъ прусскимъ капральствомъ, невыносимъ и въ томъ, что придавалъ какое-то сверхъестественное значеніе своему царскому сану» ¹⁾. Конечно, какъ и почти всегда, когда не имѣется разумныхъ аргументовъ для обоснованія сужденія, понадобилось злоупотребленіе религіей. Павелъ I неоднократно говорилъ: «Развѣ не Богъ возводитъ на престолы всѣхъ государей? Поэтому Его рука и направляетъ ихъ».

Очевидно, что Павелъ I придавалъ какое-то сверхъестественное значеніе своему царскому сану не на основаніи какихъ-либо логическихъ сужденій, а вслѣдствіе своей гордости, которая, наконецъ, нашла себѣ и обоснованіе и выраженіе. Едва ли нужно доказывать, что онъ въ своемъ пониманіи значенія царскаго сана былъ крайне непослѣдователенъ даже съ своей точки зрѣнія:

¹⁾ Записки княгини Дашковой, 1907, стр. 261.

онъ самъ порицалъ и воцареніе, и правленіе своей матери, хотя, съ его точки зрѣнія, Богъ возвелъ его мать на престолъ, и Его рука направляла ее тридцать четыре года. Но именно идеи, на подкладкѣ сильныхъ чувствованій, почти всегда ложны и дурно обоснованы.

Крайняя гордость Павла I вела къ властолюбію; гордость и властолюбіе были выраженіемъ весьма сильнаго self-feeling'a, замѣченнаго у него очень рано Порошинымъ. Они приняли во время его короткаго царствованія такіе размѣры, что многимъ кажутся болѣзненными, ненормальными. Онъ считалъ себя закономъ, думалъ, что только тотъ благороденъ, съ кѣмъ онъ говоритъ, что онъ любого солдата можетъ сдѣлать фельдмаршаломъ, былъ увѣренъ, что, не зная ни жизни, ни Россіи, можетъ водворить порядокъ и справедливость среди «этого развращеннаго народа».

Дѣйствительно, это уже такое развитіе self-feeling, что можно его считать полу-болѣзненнымъ (semi-morbides), какъ его называетъ Ribot ¹⁾. О такомъ развитіи гордости и властолюбія Ribot говоритъ вполне вѣрно: «Поставьте человѣка въ такія условія, при которыхъ ничто не задерживаетъ его стремленія къ безграничной власти, и онъ дойдетъ до конца; это случай неограниченной власти. Безъ сомнѣнія этого условія, исключительнаго и такъ сказать сверхъчеловѣческаго, недостаточно. *Помпъшательство власти*—результатъ двухъ факторовъ; важнѣе всего характеръ, т.-е. сила эгоистическихъ желаній; всегда удовлетворяемая, они постоянно нарастаютъ, а воля, какъ задерживающая сила, все ослабѣваетъ; затѣмъ, внѣшнія обстоятельства, отсутствіе всякой узды, отсутствіе какой-либо власти, которая сдерживала бы, какъ угроза».

Безграничное властолюбіе Павла I объясняется, слѣдовательно, его характеромъ и тѣми условіями, среди которыхъ онъ жилъ; я уже указалъ на крайне важное значеніе, для пониманія царствованія этого государя, той политической обстановки, которая была создана царствованіемъ его великой матери. Властолюбіе Павла I хотя и приняло необычайные размѣры, все же не было явленіемъ патологическимъ. Этотъ несчастный государь, вслѣдствіе крайне сильнаго вліянія чувствованій на его мышленіе,

1) La Psychologie des sentiments, p. 239.

пришелъ къ ложному заключенію, что онъ имѣетъ право запрещать употребленіе нѣкоторыхъ словъ ¹⁾, приказывать носить то, а не другое платье. Извѣстно, что Павелъ I приказалъ всѣмъ при встрѣчѣ съ нимъ выходить изъ экипажа, снимать верхнее платье и кланяться, строго преслѣдовалъ нарушавшихъ это приказаніе; едва ли онъ не зналъ, что всѣ боялись съ нимъ встрѣчаться. Въ концѣ царствованія Павла I Петербургъ опустѣлъ, на улицахъ было очень мало публики; лучшіе дома въ городѣ стояли заколоченными. Самъ несчастный государь понималъ, что такъ жить нельзя, что его ненавидятъ и потому желаютъ отъ него избавиться. Онъ за нѣсколько дней до смерти предвидѣлъ катастрофу. «Во время одной изъ этихъ прогулокъ, около четырехъ или пяти дней до смерти императора (въ это время стояла оттепель), Павелъ вдругъ остановилъ свою лошадь и, обернувшись къ оберъ-шталмейстеру *Муханову*, ѣхавшему рядомъ съ императрицей, сказалъ сильно взволнованнымъ голосомъ: «Мнѣ показалось, что я задыхаюсь и у меня не хватаетъ воздуха, чтобы дышать. Я чувствовалъ, что умираю. Развѣ они хотятъ задушить меня?» Мухановъ отвѣчалъ: «Государь, это вѣроятно дѣйствіе оттепели». Императоръ ничего не отвѣтилъ, покачалъ головой, и лицо его сдѣлалось очень задумчивымъ. Онъ не проронилъ ни единого слова до самаго возвращенія въ замокъ. Разсказъ этотъ мнѣ сообщилъ Мухановъ *въ тотъ же вечеръ*» ²⁾.

Такимъ образомъ очевидно, что Павелъ I всегда опасался за свою жизнь, всюду видѣлъ враговъ и преслѣдованія, но никогда не усумнился въ своемъ правѣ «*mener*» «*ses gens-là*». Весьма категорически и ясно Павелъ I высказалъ крайне высокое мнѣніе о своемъ нравственномъ величій графинѣ Розенбергъ: «*vous connaissez mon coeur*», и о безнравственности тѣхъ, къ которымъ онъ долженъ управлять: «*vous ne connaissez pas ces gens-là*». Понятно, что человѣку съ чистымъ сердцемъ трудно справиться съ «*ses gens-là*»; необходимы крутыя мѣры «*ne vous etonnez pas de ce que vous me verrez faire*», потому что «*je sais comme il faut les mener*» ³⁾. Тутъ мы имѣемъ объясненіе права исправлять «этотъ

¹⁾ Были запрещены слова: обозрѣть, выполнить, степень, пособіе, стража, отрядъ, общество, гражданинъ, почетный гражданинъ (№ 940. Палаты суда и расправы второму департаменту предложеніе. Апрѣля 18-го 1800 г.)

²⁾ Записки Саблукова, стр. 88.

³⁾ Шильдеръ, стр. 426.

развращенный» народъ и постоянного страха отравленія, устраниенія и, наконецъ, задушенія. Вполнѣ понятно, что «развращенный народъ», желающій, «чтобы всѣ его преступленія оставались безнаказанными», постарается избавиться отъ облеченнаго высокимъ саномъ и надѣленнаго «великой душой» морализатора. Даже видѣніе, о которомъ разсказывалъ Павелъ Петровичъ до вѣрчивой баронессѣ Оберкирхъ, признало, что онъ надѣленъ «великой душой».

«Великой душѣ», понятно, угрожаетъ много опасностей; таковъ удѣлъ великихъ душъ и нѣтъ другого выхода изъ этого положенія, кромѣ того, которымъ пользовался Павелъ I: ссылать и наказывать всѣхъ недовольныхъ и подозрительныхъ. Но очевидно, что въ 1801 г. Павелъ I былъ тотъ же, что и въ 1782 г., т.-е. когда увѣрялъ графиню Розенбергъ въ величіи своего сердца и въ безнравственности русскихъ, когда разсказывалъ о своемъ видѣніи. Ни ссылки, ни наказанія, ни всѣ мѣры строгости ничуть не измѣнили положенія; Павелъ I за нѣсколько дней до смерти ясно сознавалъ, что «этотъ развращенный народъ» ничуть не исправился и что самъ онъ имѣетъ право нанести «великій ударъ», для чего и вызвалъ Аракчеева.

Тутъ мы видимъ все могущество, всю непослѣдовательность и необоснованность сужденій, мотивированныхъ сильными чувствованіями; необоснованное логически властолюбіе, соединенное съ боязливостью, создало совершенно необоснованныя сужденія и о необходимости «*tenir*» «*ces gens-là*» и объ отравленіяхъ и преслѣдованіяхъ со стороны «этого развращеннаго народа». Строгость, вытекавшая изъ этихъ сужденій, давала основанія для боязливости; боязливость требовала все большей и большей строгости. Очевидно, что нѣтъ возможности убѣдить кого-либо, кто считаетъ себя «великой душой», въ томъ, что онъ ошибается; также нельзя убѣдить обладателя «великой души», что тѣ, кто не согласенъ съ такимъ высокимъ его о себѣ мнѣніемъ, вовсе не «развращенный народъ».

Такъ какъ никакого соглашенія, основаннаго на разумѣ, между «великою душою» и «*ces gens-là*» не можетъ быть, то, къ сожалѣнію, оставался лишь выборъ между «великимъ ударомъ» и 11 марта 1801 г. Побѣдилъ тотъ, кто дѣйствовалъ разумно и обладалъ волею; погибъ тотъ, чьи сужденія были обусловлены сильными эгоистическими чувствованіями, слѣдовательно, кто не

былъ надѣленъ волею. Исторія управляется законами психологіи, и могущество этихъ законовъ доказано еще разъ 11 марта 1801 г. Неограниченная власть оказалась безсильной въ рукахъ государя, мысли и поступки котораго вполнѣ управлялись сильными эгоистическими чувствованіями.

VII.

Профессоръ Буцинскій заканчиваетъ свою брошюру о Павлѣ I слѣдующими словами: «Миръ праху твоему, честнѣйшій человекъ, рыцарь безъ страха и упрека, рыцарь временъ прошедшихъ» ¹⁾. Дѣйствительно, Павла I можно было считать «честнѣйшимъ», потому что онъ никого не обманывалъ. Если это бесспорное доказательство честности, то можно согласиться съ Буцинскимъ. Павелъ I дѣйствительно не походилъ на политическихъ дѣятелей, потому что никогда не могъ скрывать своихъ мыслей и всегда всѣмъ сообщалъ о своихъ намѣреніяхъ. Его откровенность, или правильнѣе говоря, несдержанность, можетъ казаться честностью; жаль только, что онъ совершенно безцеремонно сообщалъ государственныя тайны, ввѣренныя ему, какъ наслѣднику русскаго престола.

Король шведскій посѣтилъ Петербургъ въ 1777 г. и имѣлъ съ наслѣдникомъ русскаго престола конфиденціальный разговоръ о прусской политикѣ. Нужно думать, что Густавъ III даже не допускалъ мысли, что наслѣдникъ русскаго престола не считаетъ для себя обязательными правила, принятыя между порядочными людьми, и потому бесѣдовалъ съ Павломъ Петровичемъ вполнѣ откровенно. Наслѣдникъ русскаго престола объ этомъ разговорѣ сообщилъ Фридриху II.

Уже не говоря о томъ, что этотъ поступокъ является безчестнымъ по отношенію къ Россіи и Екатеринѣ II, такъ какъ Густавъ III говорилъ съ сыномъ Екатерины II, наслѣдникомъ русскаго престола, онъ былъ предательствомъ по отношенію къ шведскому королю. Самъ Павелъ Петровичъ въ письмѣ къ Н. Панину признался, что просилъ Густава III, «что бъ онъ мнѣ открылся»; Павелъ Петровичъ замѣтилъ, что «жаръ завелъ (Густава III) его далѣе, нежели онъ и самъ хотѣлъ». Слѣдова-

¹⁾ Отзывъ о Павлѣ I, стр. 41.

тельно, Павелъ Петровичъ воспользовался довѣрчивостью и несдержанностью Густава III и выдалъ довѣренную ему тайну врагу Густава III. Неужели, по мнѣнію Буцинскаго, такъ поступаютъ честнѣйшіе люди, рыцари безъ страха и упрека.

Также совершенно нерыцарскимъ было поведеніе Павла Петровича въ 1784; онъ не только убѣждалъ русскаго посланника при нѣмецкихъ дворахъ Н. П. Румянцева дѣйствовать въ интересахъ Пруссіи, но и общалъ ему мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ въ будущемъ, если онъ будетъ дѣйствовать согласно его желаніямъ. Слѣдовательно, «рыцарь безъ страха и упрека» просто хотѣлъ подкупомъ понудить Румянцева измѣнить тому правительству, которому онъ служилъ и во главѣ котораго стояла мать «рыцаря временъ прошедшихъ».

Такихъ примѣровъ честности Павла Петровича можно привести много.

Несомнѣнно, что онъ не умѣлъ скрывать своихъ мыслей и потому никого не обманывалъ, хотя не обманывалъ именно потому, что не былъ «рыцаремъ безъ страха», иногда, подъ вліяніемъ страха, какъ и всѣ слабые, боязливые люди, хитрилъ, хотя и очень неудачно.

Такъ за нѣсколько дней до кончины Павелъ I, «не говоря ему (Палену) ни слова, послалъ за врагомъ Палена Аракчеевымъ, жившимъ въ Грузинѣ, при чемъ самъ подписалъ подорожную вмѣсто генераль-губернатора. Но Паленъ перехватилъ фельдъегеря и представилъ государю пакетъ и подорожную, какъ положные. Павлу пришлось лично подтвердить свое приказаніе и такимъ образомъ волей неволей обнаружить свою подозрительность».

Несчастный государь хитрилъ очень неловко; вызвавъ Аракчеева и Линденера, онъ угрожалъ, что нанесетъ «великій ударъ», говорилъ, что помолодѣетъ на пятнадцать лѣтъ, что будетъ принужденъ обезглавить дорогихъ ему особъ. Очевидно, если бы онъ умѣлъ скрывать свои намѣренія, то до приѣзда Аракчеева и Линденера долженъ былъ быть любезнымъ съ тѣми, кого опасался. Чарторыжскій, пользовавшійся довѣріемъ Александра Павловича, говоритъ вполне вѣрно: «Если бы Аракчеевъ приѣхалъ во-время, Петербургъ сдѣлался бы театромъ самыхъ трагическихъ сценъ»²⁾.

1) Шумигорскій. Павелъ I, стр. 203.

2) Memoires, vol I, p. 240.

Саблуковъ утверждаетъ, что Павелъ I «высоко цѣнилъ правду, ненавидѣлъ ложь и обманъ, заботился о правосудіи и беспощадно преслѣдовалъ всякія злоупотребленія, въ особенности же лихоимство и взяточничество» ¹⁾. По словамъ Саблукова Павелъ I часто говорилъ, что, будучи всегда готовъ и радъ доставить законный судъ и полное удовлетвореніе всякому, кто считалъ бы себя обойденнымъ или обиженнымъ, онъ не боится быть несправедливымъ ²⁾.

По возвращеніи изъ персидскаго похода черноморскіе казаки «дѣйствительно были въ самомъ крайнемъ положеніи: они остались вовсе безъ хлѣба и безъ всякихъ средствъ къ продолженію существованія своего. Оказался между ними ропоть, наконецъ самый бунтъ и неповиновеніе властямъ... Впрочемъ, драки и кровопролитія не было». Бунтовщики (?) требовали, «чтобы отправили ихъ къ государю и ему они принесутъ жалобы свои». Начальники согласились, и казаки, избравши ходоковъ, «успокоились». Вполнѣ понятно, что безграмотные казаки не уступали въ довѣрчивости хорошо образованному Саблукову. Когда избранные для принесенія жалобы 16 казаковъ явились въ Гатчино, то ихъ принялъ Ростопчинъ и сказалъ, «что государь поѣхалъ прогуливаться и приказалъ дожидаться его. Мы ожидали часу до второго по полудни... Къ государю допущены мы не были, а вышелъ адъютантъ Ростопчинъ съ карауломъ и объявилъ высочайшую волю, что казаковъ велѣно препроводить въ Петропавловскую крѣпость... Мнѣ объявилъ адъютантъ особенно, что если бы кто изъ казаковъ вздумалъ сопротивляться, то велѣно приколоть таковыхъ». Конечно, никого «приколоть» не пришлось; изъ шестнадцати казаковъ, пріѣхавшихъ въ Гатчино къ своему государю, вмѣсто «законнаго суда и полнаго удовлетворенія» двое «по наказаніи были сосланы въ Сибирь», остальнымъ 14-ти судъ сдѣлалъ самое легкое взысканіе ³⁾.

Профессоръ Буцинскій, Саблуковъ и вообще лица, восхваляющія любовь Павла I къ справедливости, оказываютъ ему плохую услугу; трудно представить себѣ государя, любящаго неспра-

¹⁾ Записки Саблукова, стр. 42.

²⁾ Id., стр. 45.

³⁾ Похожденія казака Митрина, „Русская Старина“, 1878, IX, стр. 22, 23.

ведливость; только лица, страдающія нравственнымъ слабоуміемъ (Moral insanity), не любятъ справедливости, не возмущаются ложью. Всякій государь любитъ справедливость уже потому, что онъ никоимъ образомъ не заинтересованъ въ лихоимствѣ и злоупотребленіяхъ. Только вполне больной Петръ III могъ равнодушно относиться къ лихоимству. Такъ какъ всѣ монархи поставлены въ такое положеніе, что они не могутъ любить лихоимство и несправедливость, то они, по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья, боролись противъ несправедливости и лихоимства тѣхъ, кому эти злоупотребленія выгодны. Понятно, что Павель I въ этомъ отношеніи не составлялъ исключенія, потому что онъ не былъ душевно-больнымъ.

Павель I очень много говорилъ о своемъ желаніи водворить справедливость и очень строго наказывалъ лицъ, обвиненныхъ въ злоупотребленіяхъ. Къ сожалѣнію, одни наказанія не уменьшаютъ, сколько-нибудь значительно, злоупотребленій.

Необходимо для правильной оцѣнки борьбы этого государя съ злоупотребленіями обратить вниманіе, что Павель I очень строго наказывалъ за ошибки въ строю и съ ужасной жестокостью расправлялся съ тѣми, коихъ считалъ своими врагами или боялся. Грузиновъ былъ забить до смерти не за злоупотребленія, а потому, что будто бы «злоумышлялъ». Если бы въ это царствованіе строго наказывались *только* лица, избличенныя въ злоупотребленіяхъ, можно было бы говорить о любви Павла I къ справедливости. Акимову были отрѣзаны языкъ и уши только за то, что онъ сказалъ (если стихи дѣйствительно написаны имъ) правду про «рыцаря безъ страха и упрека».

Я удивляюсь, что много видѣвшій Саблуковъ не зналъ, что лица, много говорящія о несправедливости и безнравственности ближнихъ, почти всегда забываютъ о справедливости, когда затрогиваются ихъ собственные интересы. Черноморскіе казаки, пріѣхавшіе къ своему государю жаловаться на несправедливость къ нимъ начальства, на себѣ испытали любовь къ справедливости этого государя; навѣрное, въ предыдущее царствованіе съ этими наивными ходоками обошлись бы лучше.

Павель I не могъ имѣть особенно сильной любви къ справедливости уже потому, что не былъ надѣленъ сильными интеллектуальными чувствованіями. Мы знаемъ, что онъ не любилъ серьезныхъ умственныхъ занятій, даже когда скучалъ отъ

бездѣтельности; никогда не увлекался какими-либо ученіями, идеями, не выносилъ «умниковъ», ненавидѣлъ «умничанье». Какъ въ дѣтствѣ, такъ и въ теченіе всей своей жизни онъ не понималъ «куды какъ книгъ-то много»—онъ даже относился враждебно къ книгамъ и запретилъ ввозъ ихъ въ свое государство. Только человекъ съ весьма слабыми интеллектуальными чувствами могъ окружить себя людьми, подобными хитрому лакею Кутайсову, честному, но крайне ограниченному Котлубицкому, злему и крайне неразвитому Аракчееву¹⁾; между приближенными этого государя блистала умомъ Ростопчинъ, котораго проницательная Екатерина II называла «сумасшедшій Федька».

Скучая въ своемъ Гатчинскомъ уединеніи, Павелъ I свою потребность въ умственной жизни удовлетворялъ обществомъ Нелидовой; по удаленіи Нелидовой его развлекалъ Ростопчинъ.

Вообще, интеллектуальныя чувства Павла I были такъ слабы, что онъ не понималъ теорій и общихъ идей, не нуждался въ серьезной умственной работѣ. Остроумный и живой разговоръ съ Нелидовой и Ростопчинымъ вполне удовлетворялъ его умственные запросы, и онъ никогда не сближался съ серьезными, мыслящими людьми.

Единственный разъ въ жизни Павелъ Петровичъ проявилъ вниманіе къ представителямъ науки: въ 1782 г. онъ поблагодарилъ профессоровъ Лейденскаго университета за то, что трудами своими они сдѣлали многихъ русскихъ способными съ пользою служить отечеству. Милостивыя слова эти вызваны тѣмъ, что князь А. Б. Куракинъ былъ нѣкогда слушателемъ Лейденскаго университета. Эта любезность по отношенію къ Куракину имѣла своей подкладкой то обстоятельство, что Куракинъ въ это время былъ въ немилости у императрицы. Понятно, что Екатерина II правильно оцѣнила эту непривычную любезность своего сына къ ученымъ, и А. Б. Куракинъ былъ удаленъ отъ великокняжеской четы.

Слабость интеллектуальныхъ чувствованій Павла I далеко не достигала той степени, чтобы можно было тутъ видѣть что-либо патологическое; въ этомъ отношеніи онъ лишь не выдѣляется

¹⁾ О неразвитости Аракчеева подробно изложено въ моей работѣ „Психологія злодѣя“. „Вопросы философіи“. 1906.

изъ средняго уровня, такъ какъ, къ сожалѣнiю, немало вполне здоровыхъ психически лицъ, у которыхъ интеллектуальныя чувствованiя развиты такъ же слабо, какъ и у этого несчастнаго государя ¹⁾).

Весьма трудно характеризовать нравственныя чувствованiя Павла I, въ виду исключительности его положенiя; едва ли можно сомнѣваться, что если бы онъ былъ частный человѣкъ, то относился бы къ людямъ совершенно иначе, по сравненiю съ тѣмъ, какъ онъ дѣйствовалъ, обладая безграничною властью.

Павелъ I всегда любилъ общество, тяготился одиночествомъ, говоря иначе, ему доставляло прiятныя чувствованiя общество, и непрiятныя—одиночество. Вслѣдствiе крайней быстроты теченiя всѣхъ психическихъ процессовъ, Павлу I всегда нужны были новыя впечатлѣнiя, а потому онъ не могъ жить безъ общества, для него были необходимы разнообразныя сношенiя съ людьми. Такъ какъ онъ не могъ работать или заниматься усидчиво и настойчиво, ему нужны были развлеченiя; понятно, что лица, его развлекавшiя, были ему прiятны; также вполне понятно, что было почти невозможно долго нравиться Павлу I, потому что кругъ его развлеченiй былъ крайне ограниченъ. Онъ не любилъ кутить; также ему были недоступны эстетическiя и интеллектуальныя развлеченiя. Павелъ I быстро и сильно привязывался къ людямъ, но также быстро привязанность смѣнялась равнодушиемъ или ненавистью. Онъ постоянно мѣнялъ друзей, и только Кутайсовъ, сумѣвшiй подыскать ему «*dame de ses pensées*», пользовался его постоянной симпатiей.

Легко понять, какъ трудно было развлекать Павла Петровича, какъ трудно было быть ему прiятнымъ. Даже Нелидова «сiя благодѣтельная и почтенная дѣвица», чтобы быть прiятной Павлу Петровичу, должна была изобрѣтать для него чудаковатыя развлеченiя. Однажды явившемуся на дежурство графу Головкину было оказано въ Гатчинѣ большое вниманiе; это его удивило; оказалось, что Нелидова и Павелъ Петровичъ устроили кровать такъ, что Головкинъ долженъ былъ свалиться въ ванну, наполненную водою; Павелъ Петровичъ очень сердился, что шутка

---

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ вопросѣ я высказался „Интеллектуальныя чувствованiя у душевно-больныхъ“. Некрологическiй Вѣстникъ. 1886.

не удалась ¹⁾. Это было, если Головкинъ не сочинилъ этого анекдота, въ 1794 г. Мы знаемъ, что въ послѣдніе годы своей жизни Павелъ I игралъ охотно въ жмурки въ Смольномъ монастырѣ.

Хотя Павелъ I, нуждаясь въ обществѣ, относился благожелательно къ тѣмъ, кто доставлялъ ему пріятное времяпрепровожденіе, однако, добрымъ, сострадательнымъ его назвать нельзя. Онъ щедро награждалъ тѣхъ, кто былъ ему пріятенъ, чьи услуги доставляли ему удовольствіе, но никогда не жертвовалъ собственными интересами. Державинъ въ 1778 г. сдѣлалъ предложеніе дочери любимаго камердинера Петра III и кормилицы Павла Петровича; «государь великій князь жениха велѣлъ себѣ представить. Ласково наедине принялъ въ кабинетѣ мать и зятя, обѣщавъ хорошее приданое, какъ скоро будетъ въ силахъ» ²⁾. Объ исполненіи сего обѣщанія Державинъ, весьма аккуратно излагающій свое финансовое положеніе, не упоминаетъ; мы знаемъ, что до вступленія на престолъ Павелъ Петровичъ нуждался въ деньгахъ, такъ какъ очень много тратилъ на постройки и на гатчинскую армію; наградить приданымъ молочную сестру онъ не былъ «въ силахъ».

Въ 1798 г. императоръ «вдругъ такъ пристрастился» къ князю Дашкову, «что былъ не въ духѣ въ тѣ дни, когда онъ не обѣдалъ при дворѣ. Государь проводилъ съ нимъ вдвоемъ цѣлые дни въ своемъ кабинетѣ». Князь Дашковъ черезъ Куракина просилъ у государя «о возвращеніи свободы» матери; когда государь согласился исполнить эту просьбу, «мой сынъ хотѣлъ броситься передъ нимъ на колѣни; но его величество остановилъ его, поцѣловалъ, и мой сынъ въ порывѣ счастья забылъ про маленькій ростъ императора, поднялъ его на воздухъ, сжимая его въ объятіяхъ. Оба плакали». Дашкову дано было важное и секретное порученіе; государь «даже далъ ему нѣсколько подписанныхъ имъ бланковъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности онъ заполнялъ ихъ». Дашковъ изъ Кіева написалъ генералъ-прокурору Лопухину письмо, въ которомъ увѣдомлялъ, «что одинъ изъ заключенныхъ въ кіевской крѣпости нѣкто Альтести (клевретъ Платона Зубова) посаженъ въ тюрьму невинно». По-

¹⁾ La cour et le regne de Paul I, p. 115, 116.

²⁾ Сочиненія Державина. Т. VI, стр. 545.

слѣдствіемъ сего былъ рескриптъ: «Такъ какъ вы вмѣшиваетесь въ дѣла, которыя васъ не касаются, вы симъ увольняетесь въ отставку» ¹⁾).

Этотъ эпизодъ ярко характеризуетъ нравственныя чувствованія Павла I; пока Дашковъ былъ ему пріятель, къ нему относились милостиво; когда уже общество его перестало доставлять удовольствіе, онъ былъ строго наказанъ лишь за то, что высказалъ свое мнѣніе генераль-прокурору. Очевидно, что такія основанныя на самомъ грубомъ эгоизмѣ отношенія къ людямъ указываютъ на слабость нравственныхъ чувствованій. Когда нужно лишить себя небольшого удовольствія—денегъ, необходимыхъ на приданое молочной сестрѣ, тогда все ограничивается обѣщаніемъ; когда общество Дашкова было пріятно, его матери была возвращена свобода; хотя Дашкову было оказано большое довѣріе, значить считалось, что онъ полезенъ для службы, онъ былъ уволенъ отъ службы, когда попробовалъ воспользоваться этимъ довѣріемъ.

Очевидно, что при такихъ отношеніяхъ къ людямъ Павелъ I не могъ имѣть друзей, не могъ имѣть лицъ ему преданныхъ; понятно, что всѣ старались нравиться государю, получить повышение, «души» и затѣмъ по возможности заблаговременно удалиться.

Намъ не извѣстно ни одного факта, доказывающаго способность Павла I жертвовать своими интересами для счастья ближнихъ: конечно, нужно принимать во вниманіе его высокое положеніе. Почти всѣ старались воспользоваться добротою государя для собственнаго обогащенія, но и тутъ проявлялся самый, если не грубый, то непосредственный эгоизмъ Павла I. Какъ извѣстно, щедрѣе всѣхъ въ это царствованіе были награждены: Безбородко, Репнинъ, Мусинъ - Пушкинъ и Кутайсовъ. Первыхъ троихъ Павелъ I цѣнилъ за поддержку его правъ на престолъ; Кутайсова за лакейскія услуги. Безбородко въ день коронаціи получилъ 16.000 душъ, 30.000 десятинъ земли въ Воронежской губерніи и княжескій титулъ ²⁾). Есть свѣдѣнія, что Безбородко указалъ Павлу I, гдѣ хранилось распоряженіе Екатерины II о наслѣдованіи престола Александромъ Павловичемъ. Иначе не

1) Записки княгини Дашковой. 1907, стр. 257—259.

2) Шильдеръ, стр. 345.

возможно объяснить милостей, оказанных Безбородко: въ это время онъ, по состоянію своего здоровья, уже не могъ оказывать существенныхъ услугъ государству. Рядомъ съ такою щедростью къ лицамъ, оказавшимъ личныя услуги Павлу Петровичу, по отношенію къ лицамъ, покрывшимъ безсмертною славою Россію, проявлялась поразительная скупость. 4 ноября 1799 года «Е. И. В. всемилостивѣйше пожаловалъ всѣмъ нижнимъ чинамъ войскъ подъ начальствомъ генералиссимуса князя Италійскаго графа Суворова - Римникскаго, по 2 рубля на человѣка за неустрашимую храбрость, оказанную ими въ неоднократныхъ сраженіяхъ противъ непріятеля» ¹⁾. Въ то время эта безсмертная армія была такъ малочисленна, что вся награда составляла меньше годового дохода съ имѣній, пожалованныхъ Безбородко. Сравненіе этихъ двухъ наградъ съ очевидностью доказываетъ несостоятельность всѣхъ заявленій о справедливости Павла I. Конечно, воины награждаются не рублями, и сподвижники Суворова щедро были украшены орденами, но какую цѣнность въ глазахъ порядочныхъ людей могли имѣть ордена, когда за легкой услуги Кутайсову была пожалована Андреевская лента.

Павелъ I крайне рѣдко проявлялъ состраданіе даже къ причиненнымъ имъ самимъ несчастіямъ. Онъ немилосердно наказывалъ тѣхъ, кто не исполнялъ точно его приказаній, кто возбуждалъ его подозрѣнія, но даже, когда невиновность наказаннаго была доказана, онъ рѣдко оказывалъ состраданіе къ пострадавшему. Отецъ Саблукова былъ уволенъ отъ службы, и больной удаленъ изъ Петербурга только за докладъ, что фабриканты не могутъ окрашивать сукна именно такъ, какъ того желалъ государь. Когда выяснилась полная невиновность Саблукова, «Императоръ, который самъ только выздоровѣлъ отъ гриппа и еще не совсѣмъ чувствовалъ себя хорошо, услышавъ какъ жестоко былъ исполненъ его приговоръ надъ моимъ отцомъ... между монархомъ и его подданнымъ произошла весьма трогательная сцена примиренія» ²⁾.

Весьма возможно, что въ данномъ случаѣ Павелъ I обнаружилъ состраданіе, потому что самъ только что перенесъ болѣзнь и потому ясно понялъ страданіе Саблукова. Но такихъ

¹⁾ „Русская Старина“. 1885. VIII, стр. 339.

²⁾ Записки Саблукова, стр. 47—56.

проявленій состраданія, — увѣ! — было очень мало; конечно, ошибка съ Саблуковымъ не научила Павла I быть сострадательнѣе къ лицамъ, ему не угодившимъ

Однимъ изъ послѣднихъ распоряженій Павла I были крайне жестокия наказанія по отношенію къ А. П. Рибопьеру и его матери Аграфенѣ Александровнѣ, дочери незабвеннаго Александра Ильича Бибикова. Бенигсенъ увѣряетъ, что эта выходка Павла I глубоко возмутила общество. Рибопьеръ дрался на дуэли и былъ раненъ въ руку; Павелъ I ревновалъ его къ княгинѣ Гагариной; онъ приказалъ заключить его въ крѣпость. Когда полицейскіе явились исполнить приказаніе государя, раненому дѣлали перевязку; приказаніе было исполнено и раненаго перенесли на кровати. Понятно отчаяніе матери. Когда государю донесли, что его приказаніе исполнено, онъ спросилъ, какъ вела себя при этомъ мать раненаго, и узнавъ, что она плакала, приказалъ сейчасъ же выслать ее изъ Петербурга ¹⁾. Объ этомъ же поступкѣ рассказываетъ и Шишковъ, хорошо знавшій А. И. Рибопьера; по словамъ Шишкова А. А. Рибопьеръ нашла пріютъ у крестьянина, который принялъ такое участіе въ несчастной матери, что послалъ своего сына въ Петербургъ провѣдать о здоровьѣ раненаго ²⁾.

О крайне грубомъ эгоизмѣ Павла I, о слабости его альтруистическихъ чувствованій свидѣтельствуетъ слѣдующее обстоятельство. По просьбамъ Палена и Оболянинова указами отъ 1-го ноября 1800 г. разрѣшено было всѣмъ офицерамъ и чиновникамъ, исключеннымъ изъ службы не по суду, «пока вступать въ оную». Чѣмъ была вызвана эта милость, точно неизвѣстно; Паленъ приписывалъ честь этого распоряженія себѣ; можетъ быть Павелъ I вѣрилъ въ предсказаніе, что если онъ процарствуетъ благополучно четыре года, то больше ему опасаться нечего, и потому согласился принять на службу лицъ, казавшихся ему подозрительными. Шишковъ объясняетъ эти указы тѣмъ, что Павелъ I опасался «великаго числа оскорбленныхъ имъ» ³⁾.

Но даже въ этомъ актѣ милосердія Павелъ I проявилъ край-

¹⁾ Des Generals Grafen von Bennigsen Brief an den General v. Fock. Hystorische Vierteljahrsschrift 1901, ss. 61, 62.

²⁾ Записки Шишкова; т. I, стр. 71, 72.

³⁾ Id., стр. 78.

нюю жестокость: всѣмъ прощеннымъ повелѣвалось, «чтобы такыя являлись въ Санктпетербургъ для личнаго представленія намъ».

Понятно, какъ тяжело было большинству лишенныхъ всякихъ средствъ офицеровъ и чиновниковъ тащиться въ Петербургъ, «для личнаго представленія»; нѣкоторые несчастные должны были идти въ столицу пѣшкомъ. Въ оправданіе Павла I можно сказать, что онъ не вникнулъ въ суть предложенной ему Паленомъ мѣры, и въ данномъ случаѣ былъ жестокъ безъ намѣренія сдѣлать зло. Дѣйствительно, люди много дѣлаютъ зла по слабости своего вниманія, а Павелъ I именно не былъ надѣленъ вниманіемъ. Maine-de Biran высказалъ глубокую истину: «Нетрудно доказать, что вниманіе и разумъ суть моральныя способности... Привычка къ невнимательному и несерьезному обсужденію является причиной многихъ пороковъ. Ей нужно приписать въ значительной степени черствость сердца, эгоистическія и антисоціальныя страсти. Владѣя нашимъ вниманіемъ, мы можемъ останавливать его на несчастіяхъ ближнихъ и можемъ понять, какъ ужасно быть причиной этихъ несчастій; мы можемъ чувствовать лучше нашу обязанность предупредить эти страданія, или, по крайней мѣрѣ, облегчать страданія ближнихъ» ¹⁾.

Умный Палень, хорошо знавшій Павла I, такъ описываетъ крайнюю безсердечность этого государя даже къ тѣмъ, по отношенію къ которымъ онъ хотѣлъ быть милосерднымъ. «Я былъ увѣренъ, что первые изъ вернувшихся офицеровъ будутъ приняты хорошо, но что скоро они надоѣдятъ ему, а также и слѣдующіе за ними. Случилось то, что я предвидѣлъ: ежедневно сыпались въ Петербургъ сотни этихъ несчастныхъ, каждое утро подавали императору донесенія съ заставы. Вскорѣ ему опротивѣла эта толпа прибывающихъ; онъ пересталъ принимать ихъ, затѣмъ сталъ просто гнать и нажилъ себѣ такимъ образомъ непримиримыхъ враговъ въ лицѣ этихъ несчастныхъ, снова лишенныхъ всякой надежды и осужденныхъ умирать съ голоду у воротъ Петербурга» ²⁾. Также объ этой безсердечности Павла I рассказываетъ Бенигсенъ ³⁾.

¹⁾ Oeuvres inédites. Vol. 1, p. 120, 121.

²⁾ Шильдеръ, стр. 471.

³⁾ Op. cit., S. 72.

Общеизвѣстны анекдоты о щедрости Павла I, раздававшего «души», чины и ордена за удачный отвѣтъ, быстро и точно исполненное приказаніе; едва-ли такія благодѣянія доказываютъ доброту и мягкость сердца этого государя. Во-первыхъ, тутъ не было какого-либо самопожертвованія, во-вторыхъ, нельзя отрицать, что Павель I щедрыми наградами хотѣлъ пріобрѣсти преданныхъ слугъ. Насколько можно судить по имѣющимся свѣдѣніямъ, Павлу I доставляло удовольствіе проявлять свою милость, видѣть осчастливленныхъ своими щедротами людей; онъ былъ доволенъ собою, когда дѣлалъ добро. Нельзя отрицать, что челоувѣконенавистничество было ему чуждо; онъ не былъ золъ и дѣлать зло людямъ было ему неприятно. Злобный Аракчеевъ былъ ему антипатиченъ; два раза въ продолженіе своего царствованія Павель I увольнялъ въ отставку Аракчеева и вызывалъ его изъ Грузина только тогда, когда считалъ себя въ опасности. Если бы этого несчастнаго государя окружали хорошіе люди, его царствованіе не было бы столь мрачнымъ, столь печальнымъ, какимъ оно осталось въ исторіи.

Эстетическія чувствованія у Павла Петровича были слабы; онъ вообще не понималъ красоты ни въ жизни, ни въ природѣ, ни въ искусствѣ. Въ своей личной обстановкѣ онъ былъ простъ и неприхотливъ; ему не доставляла удовольствія красивая, элегантная обстановка, общество красивыхъ женщинъ, элегантные балы и т. п. До вступленія на престолъ онъ довольствовался простой обстановкой, и лишь желая импонировать, окружилъ себя роскошью по восшествіи на престолъ. Марія Федоровна любила природу или, по крайней мѣрѣ, подчинялась въ этомъ отношеніи господствовавшей въ то время модѣ; она старалась занять разведеніемъ парковъ и цвѣтниковъ своего скачущаго супруга; но пріохотить Павла Петровича къ этимъ занятіямъ ей не удалось. Конечно, сообразно духу времени и въ Гатчинѣ, и въ Павловскѣ были разбиты парки, устроены цвѣтники; но даже идиллическій Павловскъ, во время пребыванія въ немъ великокняжескаго двора, принималъ видъ военнаго лагеря. Его окружали дѣпью военныхъ карауловъ, которые опрашивали всѣхъ ѣдущихъ и прохожихъ—куда они направляются, откуда и съ какою цѣлью. Павель Петровичъ съ высоты башни у дворца самъ слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ своихъ приказаній и, замѣчая малѣйшую неисправность на караулахъ или

какое-нибудь отступленіе отъ военнаго устава, иногда отправлялся лично наказывать виновнаго. Слѣдствіемъ всего этого было то, что Павловскъ, прежде привлекавшій красотою своего мѣстоположенія и деревенской простотой, сдѣлался теперь пустыннымъ. Многіе нарочно объѣзжали Павловскъ, дѣлая нѣсколько лишнихъ верстъ, чтобы избѣжать установленныхъ въ немъ формальностей. Но эти объѣзды раздражали хозяина Павловска, и онъ приказалъ своимъ разѣздамъ задерживать и подвергать допросу всѣхъ, кто только обнаруживалъ намѣреніе уклониться отъ прямой дороги въ Павловскъ ¹⁾.

Безвкусіе Павла I вполне проявилось въ постройкахъ его любимаго Гатчина: мрачное, неудобное оно являлось какъ бы контрастомъ Павловску, устроенному по вкусу Маріи Федоровны, и особенно Царскому Селу.

Туалетъ Павла Петровича, а также форма обмундированія, введенная имъ въ войскахъ, какъ нельзя болѣе доказываетъ, что Павелъ I не понималъ красоты. Конечно, нѣкоторымъ оправданіемъ можетъ служить его безграничное почтеніе къ Фридриху II; но все же человѣкъ, не лишенный вкуса, почувствовалъ бы какъ безобразны русскіе въ прусской формѣ и какъ-нибудь приспособилъ бы прусскую форму къ нашему національному типу. Всѣ современники единодушно осуждали безобразную форму, находили ее очень некрасивой.

Павелъ I однажды сказалъ: «я хочу быть Фридрихомъ II по утрамъ и Людовикомъ XIV по вечерамъ» ²⁾; онъ даже старался осуществить это нескромное желаніе. Но мы знаемъ, какъ неудачно онъ подражалъ королю-солнце, какъ были скучны и безвкусны его балы, какое тяжелое впечатлѣніе производили роскошь и помпезность, которыми онъ себя окружалъ.

Павелъ Петровичъ съ большимъ правомъ укорялъ свою мать въ расточительности, но онъ превзошелъ ее, конечно относительно, по кратковременности своего царствованія.

Безумная расточительность по отношенію къ лицамъ, угодившимъ императору, едва ли превзошла безумную трату денегъ на «художественную» отдѣлку Михайловскаго замка. Это былъ любимый дворецъ Павла I; въ послѣдній вечеръ его жизни столъ

¹⁾ Masson. *Memoires secrets*, p. 319—320

²⁾ Masson. *op. cit.*, p. 353.

былъ сервированъ фарфоромъ, украшеннымъ разными видами Михайловскаго замка. «Государь былъ въ чрезвычайномъ восхищеніи, многократно цѣловалъ рисунки на фарфорѣ и говорилъ, что это одинъ изъ счастливейшихъ дней его жизни ¹⁾. Государь такъ восхищался Михайловскимъ замкомъ, что поручилъ описаніе его Коцебу и слѣдилъ съ интересомъ за ходомъ его работы. Весьма снисходительный Коцебу не могъ однако не отмѣтить, что рядомъ съ удивительной роскошью и дѣйствительно художественными произведениями нѣкоторыя вещи были ниже всякой критики. Въ спальнѣ государя «Плохой портретъ Фридриха II и плохая гипсовая статуя, изображающая этого же короля верхомъ, помѣщенная въ углу на мраморномъ пьедесталѣ, составляли странную противоположность съ великолѣпными картинами». По поводу нѣкоторыхъ картинъ Коцебу замѣчаетъ: «какая жалость, что исполненіе ихъ не было поручено художнику, болѣе искусному». Наконецъ, лучшимъ доказательствомъ слабости эстетическихъ чувствованій Павла I служитъ безобразный памятникъ Петру I, поставленный предъ Михайловскимъ замкомъ.

Павелъ I былъ религіозенъ; по отзыву митрополита Платона онъ «всегда къ набожности расположенъ и разсужденіе или разговоръ относительно Бога и вѣры ему всегда были пріятны. Сіе, по примѣчанію, еще ему внѣдрено было со млекою покойною императрицею Елизаветою Петровной, которая его горячо любила и воспитывала приставленными отъ нея весьма набожными женскими особами» ²⁾. Павелъ имѣлъ законоучителемъ одного изъ лучшихъ нашихъ богослововъ и потому получилъ прекрасное религіозное образованіе.

Но конечно, ни вліяніе набожныхъ женщинъ, ни вліяніе Платона обусловливали набожность Павла; кто же не знаетъ атеистовъ, выросшихъ въ глубоко религіозныхъ семьяхъ; Павелъ былъ набоженъ, потому что такова была его натура; онъ не могъ жить безъ религіи, онъ нуждался въ вѣрѣ. Въ религіи онъ искалъ утѣшенія и опоры; вообще, у Павла Петровича преобладало мрачное настроеніе, и онъ былъ мученикъ самымъ выдуманнымъ несчастій и огорченій; онъ чувствовалъ себя не-

1) Изъ воспоминаній П. И. Полетики. „Русскій Архивъ“, 1885.

2) Автобіографія Платона, стр. 30.

счастливымъ, считалъ себя гонимымъ, лишеннымъ своихъ правъ, постоянно боялся, что его не допустятъ до престола. Мрачный, озлобленный, запуганный выдуманными имъ опасностями, онъ былъ морально одинокъ среди людей, наслаждающихся жизнью. Понятно, что онъ, не находя отклика своему душевному настроенію среди окружающихъ, считалъ всѣхъ своими врагами; постоянно ссорясь даже съ преданными людьми, не находя въ себѣ силъ бороться за свои права, Павелъ искалъ утѣшенія и поддержки въ религіи. Сознаніе полного собственнаго безсилія, полного одиночества и незащитности вотъ главный источникъ религіозности Павла.

Его платоническая любовь къ Нелидовой до нѣкоторой степени была обусловлена его религіозностью и тоской нравственнаго одиночества; Нелидова была также религіозна, также не была счастлива; она не наслаждалась жизнью, и потому между Павломъ и ею могла возникнуть прочная дружба. Сознанный свое безсиліе, постоянно боящийся за свою судьбу, всегда и всѣмъ недовольный, ничѣмъ серьезно не занятый, Павелъ I нуждался въ религіи, находилъ въ ней утѣшеніе и опору. Въ торжественную минуту своей жизни, когда онъ ѣхалъ изъ Гатчина въ Петербургъ занять престолъ умиравшей матери, Павелъ Петровичъ высказалъ Ростопчину свою задушевную мысль *j'ai vécu quarante deux ans. Dieu m'a soutenu; peut-être donnera-t-il la force et la raison pour supporter l'état auquel il me destine. Esperons tout de sa bonté.*

До вступленія своего на престолъ Павелъ много и горячо молился; въ Гатчинскомъ дворцѣ показывали мѣста, на которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе стоять на колѣняхъ, погруженный въ молитву и часто обливаясь слезами; паркетъ былъ положительно вытертъ въ этихъ мѣстахъ ¹⁾. Однако религія не доставила дѣйствительнаго утѣшенія, не дала полного успокоенія Павлу I; его мрачность, безпокойство и отчужденность съ годами росли; сущность христіанства все же была недоступна его душѣ; религія не примирила его съ людьми, не вліяла на его нравственную жизнь, и потому, когда судьба улыбнулась Павлу Петровичу, онъ уже не искалъ утѣшенія въ молитвѣ. Намъ хорошо извѣстно, какъ проводилъ время императоръ Павелъ I и потому несо-

¹⁾ Записки Саблукова, стр. 7.

мнѣнно, что молитвѣ онъ могъ посвящать лишь нѣсколько минутъ въ теченіе дня.

Вообще религія, какъ и всѣ высшія чувствованія Павла, не оказывала вліянія на его поведеніе, не сочеталась со всѣми процессами его духовной жизни. Кто вѣритъ въ силу воспитанія, долженъ удивляться, что такой превосходный богословъ, какимъ былъ Платонъ, не сумѣлъ научить Павла Петровича главнымъ основамъ христіанства; очевидно, что Павлу совершенно недоступны были главныя требованія христіанскаго ученія и, конечно, въ этомъ нельзя винить законоучителя. Павелъ I даже не старался казаться милосерднымъ, даже и не пытался прощать своихъ враговъ. „Великая княгиня Елизавета говорила мнѣ, что она часто удивлялась раздражительности императора, когда что-нибудь ему случайно не нравилось, и холодной жестокости, съ которою онъ подшучивалъ надъ помощью, за которой обращались къ нему несчастные“ ¹⁾. Конечно, жестокость къ виноватымъ могла быть объясняема Павломъ, какъ государственная необходимость, но никакими софизмами настоящій христіанинъ не можетъ оправдать многочисленныхъ жестокихъ поступковъ Павла, въ родѣ слѣдующихъ: однажды лошадь подъ нимъ закапризничала, онъ приказалъ уморить ее голодомъ; на восьмой день она издохла; когда шталамейстеръ доложилъ объ этомъ Павлу Петровичу, онъ сказалъ—*C'est bon*. Во время полковаго ученія лошадь одного офицера упала; Павелъ Петровичъ приказалъ офицеру подняться, на что тотъ отвѣтилъ, что у него сломана нога. *Paul lui crache dessus et se retire en jurant* ²⁾.

Нелидова хотѣла танцовать съ Раевскимъ, онъ упирался; Нелидова хохотала и тащила его за руку. Императоръ, котораго не ожидали въ этотъ вечеръ, нечаянно для всѣхъ вошелъ и увидѣлъ эту сцену. «Берите его, тащите его»,—вскричалъ онъ; Раевскаго схватили и, не заѣзжая на его квартиру, бросили въ сани и съ фельдъегеремъ отвезли въ Москву, на гауптвахту, гдѣ онъ просидѣлъ на хлѣбѣ и водѣ двѣ недѣли, пока по просьбамъ родныхъ его не выпустили, но безъ права приѣзда въ Петербургъ ³⁾.

1) Записки Головиной, стр. 112.

2) Masson. *Memoires secrets.*, p. 321, 322.

3) Воспоминанія Е. И. Раевской.

Такихъ фактовъ можно привести много, но чтобы закончить, приведу интересную для характеристики религіозности Павла резолюцію: «Мѣщанкѣ Натальѣ Хомутовой, имѣющей желаніе отправиться по обѣщанію въ городъ Баръ для поклоненія св. угоднику Николаю Чудотворцу и просившей на проходъ паспортъ отказывается по дальности и опасности пути». Эта резолюція и по содержанію, и по тону такъ сходна съ бесспорно собственными резолюціями этого государя, что едва ли она была составлена безъ вѣдома Павла I, и имъ утверждена по разсѣянности. Несомнѣнно для насъ, также какъ то было и для Павла I, что мѣщанка была намѣрена у раки св. Николая помолиться за своего государя и весь Царствующій Домъ. У Павла I потребность проявить власть, сдѣлать «шикану» была сильна, а желаніе, чтобы о немъ помолилась у раки св. Николая чудотворца искренно вѣрующая мѣщанка, было слабо.

Павелъ I былъ достаточно образованъ для того, чтобы знать, что ни одинъ православный государь не присвоивалъ себѣ права служить обѣдно; во всякомъ случаѣ онъ могъ справиться объ этомъ у Плещеева, у И. В. Лопухина. Имѣются заслуживающія довѣрія свѣдѣнія, что Павелъ I желалъ присвоить себѣ «достоинство первосвященническое». Епископу Порфирію Успенскому князь Шихматовъ-Ширинскій, принявшій монашество, разсказывалъ, что «когда Павелъ рѣшился соединить въ своей особѣ два достоинства—царское и первосвященническое и уже приготовилъ себѣ саккосъ архіерейскій, ему вздумалось поучиться священнослуженію предварительно у себя въ теремѣ, и онъ расхаживалъ тутъ большимъ шагомъ, часто повторялъ возгласъ: яко твое есть царство и сила и слава вѣки вѣковъ, но такую скороговоркою и съ такою порывистостью, удареніемъ и напорами, что самому ему не нравилось собственное его произношеніе, походившее болѣе на командованіе полкомъ, нежели на разглагольствованіе передъ Богомъ, почему онъ неоднократно перемѣнялъ тонъ и выговоръ, но сколько ни старался подражать священникамъ, всегда сбивался на военный ладъ. Эту причуду слышали тѣлохранители его» ¹⁾.

Головкинъ также сообщаетъ объ этомъ намѣреніи Павла I; онъ утверждаетъ, что великолѣпныя облаченія были уже гото-

¹⁾ Епископъ Порфирій Успенскій. Книга Бытія моего, часть III, стр. 619.

вы, но когда государь объявилъ Синоду о своемъ намѣреніи совершать богослуженія, Синодъ обратилъ его вниманіе на каноническое правило, воспреещающее священнодѣйствовать священникамъ, вступившимъ во второй бракъ. Это указаніе заставило Павла отказаться отъ своего намѣренія ¹⁾.

Пока намъ неизвѣстно, почему собственно Павель I отказался отъ «этой причуды», да едва ли когда-либо и будетъ извѣстно; понялъ ли онъ нелѣпость ея, или убѣдился ссылкой на каноническое правило, или какими-либо другими аргументами. Для насъ крайне важно, что «причуда» сія была, и что Павель I не рѣшился осуществить свое желаніе. Это съ несомнѣнностью указываетъ, что по восшествіи на престолъ онъ мало молился, мало думалъ о Богѣ, что властолюбіе вполне подчиняло себѣ его религіозность. Ни одинъ православный монархъ даже не подумалъ учиться «служить обѣдню»; такая профанация настолько возмущаетъ самую грубую и поверхностную набожность, что самые властолюбивые монархи и не учились служить обѣдню, и не рѣшались присвоивать себѣ такое право; только у набожнаго Павла I была «сія причуда». И графиня Головкина и графъ Головкинъ совершенно одинаково описываютъ то упоеніе, ту радость, которая переживалъ Павель I во время торжествъ коронованія. Онъ устроилъ особую торжественную церемонію: по окончаніи обычныхъ торжествъ Императорская Чета возсѣла на тронахъ; высшіе чины двора снимали съ нихъ короны, взяли скипетръ, державу, орденскіе знаки и наконецъ сняли мантию.

Любовь къ церемоніямъ была у Павла I такъ сильна, что онъ, одѣтый въ далматикъ поверхъ мундира, въ трехугольной шляпѣ, верхомъ на конѣ, командовалъ парадомъ на Кремлевской площади; «принималъ парадъ и кропилъ святой водой митрополитъ Платонъ». Даже такое въ сущности ничтожное удовольствіе, которое людямъ доставляютъ церемоніи, у Павла оказалось болѣе сильнымъ, чѣмъ религіозность.

Очевидно, что Павель I могъ управлять своими желаніями, когда находилъ ихъ для себя неудобными; мы знаемъ, почему онъ относился со сдержанностью къ духовенству; онъ зналъ, какъ поплатился его отецъ за неуваженіе къ религіи и духовенству, и потому могъ отказать себѣ въ удовольствіи отслужить

¹⁾ Ор. cit., стр. 199.

обѣдно. Головкинъ увѣряеть, что Павелъ I желалъ священнодѣйствовать и исповѣдовать членовъ своей семьи и сановниковъ; это весьма вѣроятно, и понятно, какъ подозрительному государю было тяжело отказаться отъ «сей причуды»; но когда онъ думалъ, что ему можетъ угрожать опасность, онъ могъ отказаться отъ самаго жгучаго желанія; онъ боялся отвѣтственности на землѣ больше, чѣмъ возмездія въ загробной жизни.

VIII.

Необходимость подробнаго психологическаго анализа личности этого несчастнаго государя доказывается тѣмъ, что и до настоящаго времени даже весьма почтенные историки, напримѣръ, Шумигорскій, совершенно не понимаютъ характера Павла I.

Такъ Шумигорскій пишетъ: «Случалось, что Павелъ въ раздраженіи бросался на офицеровъ, вырывалъ у нихъ эспантоны, ругался, схватывалъ виновныхъ за воротникъ, за лацкана. Подобныя сцены доходили иногда до комизма: вырвавъ эспантонъ у офицера, Павелъ самъ проходилъ вмѣсто него, какъ бы испытывая хладнокровіе присутствовавшихъ, которые должны были сохранить серьезный видъ, глядя на эту небольшую фигуру, дѣйствовавшую съ какимъ-то убѣжденіемъ и со всею силою ничѣмъ неукротимой воли» ¹⁾.

Полная несостоятельность всего сужденія Шумигорскаго прямо бросается въ глаза; никогда сцены, въ которыхъ проявляется истинное убѣжденіе, не могутъ доходить до комизма; къ убѣжденіямъ и поступкамъ, ими обусловленнымъ, всѣ относятся серьезно. «Ничѣмъ не укротимая воля» всегда внушаетъ почтеніе и даже благоговѣніе, потому что *Nichts, oh Zarathustra, wachst Erfreulicheres auf Erden, als ein hoher starker Wille: der ist ihr schönstes Gewächs. Eine ganze Landschaft erquickt sich an Einem solchen Baume* ²⁾. Эти сцены были не только комичны, но и возмутительны, потому что аффектъ безпричинный или по ничтожному поводу вызываетъ и насмѣшку, и негодованіе у свидѣтелей этого состоянія, доказывающаго слабость воли, а слабость

¹⁾ Русскій Биографическій Словарь. Павелъ I; стр. 44 (²⁾). Шумигорскому такъ понравилось это опредѣленіе воли Павла I, что онъ эту фразу повторять въ своемъ новомъ трудѣ: Павелъ I, стр. 129.

²⁾ Nietzsche. 1896. Bd. VI, s. 426.

воли неизбѣжно вызываетъ насмѣшку, негодованіе и, какъ утверждаетъ Ницше, презрѣніе.

Исторія блистательно подтвердила справедливость мнѣнія этого философа.

Крайняя слабость воли Павла I составляла главный его недостатокъ, какъ государя. Она особенно рѣзко проявлялась во всей его жизни, потому что онъ получилъ прекрасное воспитаніе, былъ хорошо образованъ и потому не могъ имѣть взглядовъ и сужденій, вполне оправдывающихъ его поступки. Онъ былъ настолько образованъ, что зналъ объ обязанностяхъ государя, зналъ о необходимости хорошаго, основаннаго на справедливости управленія государствомъ, зналъ, что государь долженъ дѣлать добро, быть справедливымъ и милостивымъ. Защитники Павла I утверждаютъ, что онъ желалъ добра, любилъ справедливость, съ радостью дѣлалъ добро. Конечно, онъ былъ и настолько уменъ и настолько образованъ, что не могъ не понимать значенія справедливости, важности милосердія, необходимости честности, но,—увы!—его царствованіе—одна изъ самыхъ мрачныхъ страницъ нашей исторіи, и даже защитники должны оправдывать его обстоятельствами жизни, тѣмъ, что онъ былъ окруженъ дурными людьми, и даже тѣмъ, что недоказанная попытка его отравленія разстроила его нервную систему, слѣдовательно, въ концѣ-концовъ все объясняется тѣмъ, что его воля была крайне слаба.

Лучшее и очевидное доказательство крайней слабости воли этого государя состоитъ въ томъ, что въ теченіе всей своей жизни онъ всегда находился подъ чьимъ-либо вліяніемъ, и какъ только ускользалъ изъ-подъ вліянія одного лица, сейчасъ же подпадалъ подъ вліяніе другого.

Конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, что до брака онъ находился подъ вліяніемъ своего воспитателя Н. Панина. Затѣмъ имъ вполне овладѣли его первая супруга и Андрей Разумовскій; вторая супруга не обладала сильной волей, и потому Нелидовой нетрудно было подчинить своему вліянію Павла Петровича.

Нелидова вмѣстѣ съ Маріей Ѳедоровной долго управляли волею Павла I, окружили его своими друзьями, не допускали къ нему лицъ, вліянія которыхъ опасались. Наконецъ, какъ это и должно было быть, волею Павла I завладѣлъ ничтожный Кутайсовъ и завладѣлъ настолько, что Ростопчинъ, вступившій въ

борьбу съ бывшимъ брадобрѣемъ, былъ высланъ изъ Петербурга. Такъ какъ Кутайсовъ былъ только лакей и употреблялъ свое вліяніе только для собственнаго обогащенія, гр. Палену было нетрудно перехитрить Кутайсова и овладѣть волею Павла I настолько, что этотъ государь, по свидѣтельству Станислава Понятовскаго, считавшій себя непогрѣшимымъ и утверждавшій «Развѣ не Богъ возводитъ на престолы всѣхъ государей. Поэтому Его рука и направляетъ ихъ», сдѣлался игрушкой въ рукахъ гр. Палена.

А. Н. Вельяминовъ-Зерновъ говоритъ вполне вѣрно: «погибъ полномочѣйшій властелинъ величайшей державы на свѣтѣ, человѣкъ рожденный съ весьма хорошими способностями, довольно хорошо образованный и съ благородными побужденіями. Почему всѣ эти качества не спасли его отъ гибели? Потому что первымъ качествомъ человѣка должно быть умѣніе управлять своими страстями и тогда только онъ можетъ управлять другими» ¹⁾. Вельяминовъ-Зерновъ въ другомъ мѣстѣ своей замѣтки ²⁾ перечисляетъ и другія «качества» этого государя, вполне объясняющія его «погибель»: «запальчивость и необузданность страстей, щедрость и мстительность въ высочайшей степени, подозрительность на каждомъ шагу и трусость при первой же опасности, нетерпѣливость во всемъ, словомъ—ожесточенные и самые неумѣренные порывы составляли весь характеръ Павла».

Вообще, Вельяминовъ-Зерновъ крайне снисходителенъ къ Павлу; онъ находитъ въ немъ хорошія качества и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ слѣдующее ³⁾: «Павелъ былъ чрезмѣренъ во всемъ, и въ гнѣвѣ, и въ любви. Влюбясь въ фрейлину Нелидову и встрѣтя упорное сопротивленіе, онъ предлагалъ ей умертвить свою жену. Нелидова объявила объ этомъ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая до самой кончины сохранила къ ней самую нѣжную дружбу и глубокую благодарность». Весьма возможно, что Павелъ Петровичъ говорилъ Нелидовой объ отравленіи Маріи Ѳеодоровны, возможно, что онъ предлагалъ самой Нелидовой совершить преступленіе, но все ограничилось одними разговорами, потому что «трусость при первой же опасности» помѣшала бы разработать планъ, а

¹⁾ Schieman. Die Ermordung Pauls, стр. 288.

²⁾ Id., стр. 272.

³⁾ Id., стр. 273.

тѣмъ болѣе привести его въ исполненіе. Если сообщеніе Вельяминова-Зернова вѣрно, то просто непонятно, о какихъ «качествахъ» онъ говоритъ.

Слабость воли Павла I объясняетъ намъ и его несчастное царствованіе, и его «погибель». Очевидно, что нельзя быть «властелиномъ», не имѣя воли, потому что весь смыслъ власти состоитъ въ управленіи и дополненіи воли управляемыхъ. Очевидно, что если бы всѣ обладали сильною волею, не было бы надобности въ правительствѣ, главная обязанность котораго всѣми доступными ему способами побуждать и заставлять людей жить не мотивами настоящаго, а болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Низшій агентъ правительства въ концѣ-концовъ, по мѣрѣ силъ и умѣнья, препятствуетъ управляемымъ дѣйствовать подъ вліяніемъ мотивовъ настоящаго — драться разсерженнымъ, красть нуждающимся, громко пѣть веселящимся и т. п.

Мы можемъ лишь удивляться силѣ воли великихъ правителей, умѣвшихъ заставить цѣлые государства дѣйствовать для весьма отдаленныхъ цѣлей; люди жертвовали кровью и достояніемъ для благоденствія государства въ отдаленномъ будущемъ. Никто не рѣшится утверждать, что многіе изъ сотрудниковъ Іоанна Грознаго ясно понимали полезность завоеваній Казанскаго Царства, пріобрѣтенія Лифляндіи. Тѣмъ не менѣе этому великому государю удалось заставить очень многихъ жертвовать жизнью и достояніемъ для лучшаго будущаго Россіи; несомнѣнно, что громадное большинство изъ тѣхъ, чью дѣятельность направлялъ грозный царь, предпочитало жить мотивами настоящаго — ѣсть, пить и веселиться. Такіе исполины воли, какъ Іоаннъ IV-й, Петръ Великій, Екатерина II рождаются рѣдко, но всякій властелинъ обязанъ направлять и дополнять волю управляемыхъ; если, по слабости своей воли, онъ не можетъ исполнять своего назначенія, его устраняютъ или миролюбиво, или онъ оканчиваетъ «погибелью».

Добродушные, слабовольные властелины сами устраняютъ себя отъ управленія, которое забираютъ способные или мнящіе себя къ тому способными ихъ сотрудники, а сами наслаждаются жизнью и довольствуются присвоеннымъ властелинамъ почетомъ. Цари Ѳеодоръ Ивановичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ не оставили по себѣ дурной памяти.

Павель обладалъ умомъ, правда, весьма поверхностнымъ, былъ

хорошо образованъ, и, что хуже всего, всѣ психическіе процессы протекали у него очень быстро;—поэтому, унаслѣдовавъ вполнѣ благоустроенное государство, уже черезъ три года правленія онъ довелъ дѣла до того, что всѣмъ стало ясно: *эта кутерьма долго существовать не можетъ.*

Павель I всегда дѣйствовалъ въ силу мотивовъ настоящаго и лишь очень, очень рѣдко во имя отдаленнаго будущаго; однако во имя отдаленныхъ мотивовъ онъ поступалъ лишь по «трусости при первой же опасности». Онъ не позволялъ себѣ круто «обращаться» съ духовенствомъ, потому что считалъ его опаснымъ, вообще же имъ всегда всецѣло овладѣвалъ мотивъ настоящаго: ненависть, месть, радость, веселье, «трусость при первой опасности», любовь къ Лопухиной, ревность къ воображаемымъ соперникамъ, любовь къ церемоніямъ и военнымъ упражненіямъ. Ни онъ самъ, ни кто-либо изъ его приближенныхъ, не могли предсказать его поведенія въ будущемъ, его политическихъ или административныхъ мѣропріятій: все зависѣло отъ того, какой мотивъ завладѣетъ имъ въ данный моментъ.

Даже въ дѣлахъ, которыя онъ отлично понималъ и относительно которыхъ имѣлъ ясныя и вѣрные взгляды, онъ не могъ быть послѣдовательнымъ. Лагарпъ, уѣзжая въ Швейцарію, убѣдилъ Павла Петровича въ необходимости жить въ дружбѣ съ дѣтми, относиться къ нимъ довѣрчиво. Эта безспорная истина настолько занимала вниманіе Павла I, что за нѣсколько дней до смерти онъ вспоминалъ о совѣтахъ Лагарпа ¹⁾).

Павель I вполнѣ понималъ необходимость съ довѣріемъ и по дружески относиться къ своимъ сыновьямъ; онъ далъ имъ почетныя должности; наслѣднику престола приказалъ присутствовать въ Сенатѣ, но воля у него была настолько слаба, что добрыя намѣренія оказались совершенно невыполнимыми. Александръ Павловичъ исполнялъ обязанности офицера, лишень былъ всякой власти и всякаго значенія, находился подъ постояннымъ присмотромъ, какъ важный государственный преступникъ.

Слѣдующій разговоръ Котлубицкаго, человѣка, по своей ограниченности, неспособнаго что-либо выдумать, прекрасно обрисовываетъ, съ какимъ недовѣріемъ относился Павель I къ своему

¹⁾ Шильдеръ, op. cit., 424.

старшему сыну. Котлубицкій былъ посланъ въ Москву мирить двухъ поссорившихся генераловъ; благополучно окончивъ дѣло—младшій былъ, конечно, найденъ виновнымъ—Котлубицкій явился къ государю и награжденъ былъ орденомъ; по окончаніи доклада онъ былъ позванъ къ наслѣднику, который уже находился въ кровати вмѣстѣ съ супругой. Наслѣдникъ просилъ Котлубицкаго разсказать о его миссіи, но онъ согласился лишь послѣ того, какъ наслѣдникъ передъ образомъ поклялся въ сохраненіи тайны ¹⁾.

Александръ Павловичъ постоянно боялся своего отца. 3 февраля 1798 г. императоръ въ коронѣ и регаліяхъ шелъ изъ церкви; наконецъ въ его свитѣ остались только Александръ Павловичъ и графъ Головкинъ. Императоръ сказалъ сыну: «Дюваль сказалъ правду: корона очень тяжела». Александръ Павловичъ промолчалъ; тогда государь предложилъ ему убѣдиться въ тяжести короны; Александръ Павловичъ растерялся, заикался, кашлялъ и не осмѣлился сказать да или нѣтъ ²⁾. Въ 1801 г. Александръ Павловичъ такъ пугался отца, что, по словамъ Саблукова, выглядѣлъ «какъ испуганный заяцъ»; когда въ комнату, въ которой Саблуковъ говорилъ съ Александромъ Павловичемъ и Константиномъ Павловичемъ, вошелъ государь, Александръ Павловичъ «убѣжалъ въ собственный апартаментъ» ³⁾.

Александръ Павловичъ имѣлъ всѣ основанія бояться своего отца, ожидать отъ него всего наихудшаго. Онъ могъ примириться съ вспыльчивостью отца; однажды Александръ Павловичъ просилъ о снисхожденіи къ лицу, возбудившему гнѣвъ государя; Павелъ I замахнулся палкой на сына и только, благодаря Елизаветѣ Алексѣевнѣ, закрывшей своимъ тѣломъ мужа, дѣло кончилось благополучно ⁴⁾. Но Александръ Павловичъ зналъ, какъ враждебно къ нему относится отецъ, и потому боялся лишиться свободы и даже жизни. За нѣсколько дней до своей смерти, Павелъ I зашелъ неожиданно въ комнату старшаго сына и нашелъ на столѣ, между другими книгами, трагедію Вольтера

1) Разсказы Котлубицкаго. „Русскій Архивъ“, 1866 г., стр. 1312.

2) Conte Fedor Goovkine. La cour et le regne de Paul I; p. 162.

3) Op. cit., стр.

4) Шумигорскій. Павелъ I, стр. 202.

«Бругъ»; единственно, что въ этой трагедіи могло показаться подозрительнымъ Павлу I—это заключительныя двѣ строки:

Rome est libre: ça suffit!
Rendons graces aux dieux!

Павелъ I взявъ въ своей библіотекѣ исторію Петра I, нашель описаніе смерти Алексѣя Петровича и поручилъ графу Кутайсову отнести книгу Александру Павловичу и передать ему приказаніе отца прочесть это описаніе ¹⁾.

Итакъ, Павелъ I, вполне убѣжденный въ необходимости съ довѣріемъ и дружественно относиться къ дѣтямъ, даже дѣлавшій попытки установить съ старшими сыновьями хорошія отношенія, своего старшаго сына, доказавшаго при жизни Екатерины II свою полную преданность отцу, поставилъ въ положеніе законной самообороны. Естественно, что, получивъ черезъ Кутайсова приказаніе перечитать исторію Алексѣя Петровича, приведенный Обольяниновымъ ко вторичной присягѣ на вѣрность, онъ былъ напуганъ собственноручнымъ указомъ Павла I, дающимъ право Палену арестовать императрицу, двухъ старшихъ великихъ князей и ихъ супругъ. При всемъ нежеланіи измѣнить отцу, страхъ за собственную жизнь, за жизнь матери, жены, брата и его жены понудилъ его дать согласіе на преступленіе.

Слабость воли Павла I проявлялась и въ отношеніяхъ его къ великому Суворову. По самому ничтожному поводу Суворовъ былъ лишенъ должности, сосланъ въ Кончанское и отданъ подъ полицейскій надзоръ. Такъ какъ ничто не напоминало Павлу I о Суворовѣ, онъ могъ спокойно обсудить это дѣло, и потому, повидимому, понялъ, что оскорблять геніальнаго полководца, любимаго арміей, по меньшей мѣрѣ, неблагоприятно. Павелъ I вызываетъ Суворова и дѣлаетъ попытку къ примиренію съ великимъ полководцемъ; Суворовъ былъ настолько честенъ, что предпочелъ жизнь въ Кончанскомъ плацпарадной службѣ. Павелъ I не понялъ Суворова, продолжалъ устраивать вахтпарады, а Суворовъ прозябалъ въ деревнѣ, освобожденный отъ полицейскаго надзора.

Когда австрійское правительство попросило Павла I назначить

¹⁾ Schiemann. Die Ermordung Pauls I. 40.

Суворова главнокомандующимъ союзной арміей, Павелъ I легко согласился на такое назначеніе; ему, повидимому, льстило, что его генераль будетъ командовать и австрійской арміей. Онъ крайне милостиво принялъ Суворова и далъ ему полную власть; насколько извѣстно, Суворовъ очень легко убѣдилъ Павла I въ превосходствѣ своего плана войны. Павелъ I щедро награждалъ безсмертные подвиги Суворова и его сподвижниковъ; онъ приказалъ войскамъ «отдавать князю Италійскому, графу Суворову-Рымникскому даже и въ присутствіи государя всѣ воинскія почести, подобно отдаваемымъ особѣ Его Императорскаго Величества» (за побѣду при Нови).

Когда умирающій Суворовъ подъѣхалъ къ Вильнѣ, онъ узналъ о немилости къ нему государя, раньше обѣщавшаго непобѣдимому полководцу триумфальную встрѣчу; государь объявилъ, что онъ при встрѣчѣ первый выйдетъ изъ экипажа и подойдетъ къ Суворову. Поздравляя Суворова съ днемъ новаго (1800) года, Павелъ I просилъ передать его добрыя пожеланія войскамъ только въ томъ случаѣ, «если онъ, государь, по мнѣнію Суворова, того стоить». Намъ неизвѣстны причины опалы, постигшей Суворова; несомнѣнно лишь, что Суворовъ ничѣмъ не могъ провиниться передъ государемъ; только лишенный воли Павелъ I могъ сердиться на умирающаго героя, прославившаго его царствованіе; онъ даже не понималъ, какъ непослѣдовательно и вредно унижать любимца народа и арміи, которому были присвоены царскія почести.

Слабость воли Павла I объясняется неправильнымъ строеніемъ его черепа и, въ зависимости отъ этого несовершенства, недоразвитіемъ переднихъ долей мозга. Здѣсь приходится повторить сказанное о высшей умственной дѣятельности этого государя. Кто не вполне довѣряетъ ученію о задерживающей и регулирующей дѣятельности передней части головного мозга, долженъ сравнить прекрасный лобъ Екатерины II и покатый лобъ ея несчастнаго сына. Общеизвѣстна могучая воля Екатерины II, въ самыхъ опасныхъ и тяжелыхъ моментахъ своей жизни не терявшей самообладанія, власти надъ собою и окружающими; Павелъ I всегда былъ во власти обстоятельствъ и окружающихъ лицъ и никогда не могъ бороться съ препятствіями.

Извѣстно, что даже порицатели великой императрицы называли ея *счастливой*: ей будто бы везло счастье; кто внимательно изучалъ характеръ этой великой государыни, тотъ конечно знаетъ, что

ей очень многое удавалось въ жизни, потому что она обладала рѣдкой даже у великихъ людей волей, никогда не теряла власти надъ собою и потому приобрѣла громадную власть надъ людьми.

Ея сына даже его поклонники, напримѣръ Лагарпъ и Ростопчинъ, считали несчастнымъ, и онъ не могъ быть, какъ государь, счастливымъ, потому что вслѣдствіе неправильнаго строенія головы былъ надѣленъ слабой волей. Ему ничего не удавалось, онъ ничего полезнаго не совершилъ и, получивъ безъ всякаго съ его стороны усилія абсолютно неограниченную власть, не могъ удержать ее, хотя дѣлалъ все возможное, чтобы сохранить эту власть.

Благодаря слабой волѣ Павелъ не могъ осуществить ни одной изъ намѣченныхъ цѣлей; онъ внушалъ страхъ чисто физическими мѣрами, т.-е. наказаніями, но никого не могъ заставить себѣ подчиняться. Даже приближенные или обманывали его, или подчиняли себѣ. Партія императрицы и Нелидовой стремились сдѣлать Павла I орудіемъ своихъ цѣлей и интересовъ; долго имъ это удавалось, и первая половина царствованія Павла I, въ сущности, была періодомъ управленія этой партіи. Когда члены ея были вытѣснены другими лицами, они обсуждали, если вѣрять Bernhardi, планъ о передачѣ власти Маріи Ѳеодоровнѣ ¹⁾. Въ слѣдующій періодъ царствованія Павла I его окружали или абсолютныя ничтожества, какъ-то: Обольяниновъ, Котлубицкій и Кутайсовъ, или безпринципные карьеристы, мечтавшіе управлять безвольнымъ государемъ (Ростопчинъ), или, наконецъ, лица, рѣшившіяся погубить его (Паленъ).

Воля Павла I была такъ слаба, что никого и ничего подчинять себѣ не могла; въ самомъ дѣлѣ о какомъ подчиненіи можно говорить, если «къ нему приближались со страхомъ, соединеннымъ съ призрѣніемъ» ²⁾.

Даже въ мелочахъ Павелъ обнаруживалъ слабую волю, и потому не могъ быть послѣдовательнымъ. Его крайняя гордость подсказала ему чудовищную, можно сказать, бредовую идею: онъ можетъ водворить въ Россіи справедливость; онъ не подумалъ, что такая задача не по силамъ даже гениальному государю, а онъ—этого онъ не могъ не знать—не изучалъ законовъ, не

¹⁾ Op. cit., s. 425, 426.

²⁾ Записки Дашковой. 1907, стр. 261.

изучаль Россіи, не имѣль достаточно времени и, наконецъ, не обладалъ терпѣніемъ. Эту чудовищную мысль Павелъ I надѣялся осуществить самымъ простымъ способомъ: во дворцѣ было устроено обширное окно, въ которое всякій имѣль право опустить свое прошеніе на имя императора ¹⁾.

Такъ какъ такая мысль могла созрѣть въ головѣ лица, одареннаго слабымъ вниманіемъ, или говоря иначе слабою волею, то, конечно, никакой пользы изъ этого ужъ очень наивнаго способа водворить справедливость не вышло. Павлу I скоро надобло разбирать жалобы и просьбы; также онъ не могъ съ должнымъ спокойствіемъ относиться къ карриатурамъ и пасквилямъ, которыя бросались въ этотъ ящикъ. Этотъ ящикъ былъ уничтоженъ и справедливость водворялась еще болѣе простыми средствами: случайными, но жестокими наказаніями случайно обиженныхъ или даже заподозрѣнныхъ въ несправедливости лицъ.

Къ сожалѣнію, историки совершенно не объяснили намъ, почему слабой волѣ Павла I удалось повліять на армію; почему его царствованіе оставило столь прочныя слѣды на всей нашей арміи. Несомнѣнно, что Павлу I удалось привить нашей арміи многое, несвойственное нашему національному характеру; несомнѣнно, что и послѣ его смерти многіе долго дѣйствовали въ его духъ; если я не ошибаюсь, Россія страшно дорого заплатила за несвойственныя ей національному духу порядки въ арміи, введенныя Павломъ I. Весьма сожалѣю, что не обладаю достаточными познаніями для объясненія этого явленія.

Нѣтъ основанія сомнѣваться, что Павелъ I желалъ свое царствованіе прославить хорошими дѣлами; несомнѣнно онъ желалъ для себя всего наилучшаго. *Quae sit natura voluntatis humanae, quae nempe est velle universum suam beatitudinem, atque et hic necessaria voluntate prosile in omnes particulares actus liberos* ²⁾. Слѣдовательно, все царствованіе Павла I доказываетъ крайнюю слабость его воли, такъ какъ, находясь въ наилучшихъ условіяхъ, онъ постоянно вредилъ ебѣ и покрывалъ безславіемъ свое царствованіе. Конечно, онъ желалъ славы, всеобщаго уваженія, похвалы исторіи, и главное, продолжительнаго и благополучнаго царствованія; намъ вполнѣ ясно, ему было очень легко

¹⁾ Записки Саблукова, стр. 28.

²⁾ Bossuet. Schola in tuto, quae. 2; art. 4.

царствовать вполне благополучно; трудно себя представить больше нечеловеческие поступки, чем те, которые постоянно совершал Павел I. Когда он рассуждал спокойно, он понимал, что действует нечеловечески; например, он заинтересовался, почему в Москве к нему относятся с симпатией, а в Петербурге больше, чем холодно, но он не мог заставить себя понравиться петербуржцам, как его великая мать заставила себя полюбить в Москве. Как известно, он сделал все, чтобы его еще больше возненавидели в Петербурге. Одним словом, Павел I проявлял свою слабую волю тем, что постоянно увеличивал несчастье и свое собственное, и всей России, и последовательно подготавливал свою гибель. Если Боссюэт прав, то очевидно, что Павел I постоянно, как в важных, так и мелких делах, проявлял слабость воли, так как отдалял от себя счастье и подготавливал свою гибель. Конечно, и человек надменный сильною волею, может совершить поступок, влекущий за собою несчастье, но Павел I в сущности ничего не сделал, чтобы отстранить от себя несчастье, хотя не находился в таких условиях, в которых неизбежны роковые ошибки.

Так как в настоящее время все учение о воле находится в периоде переработки и нет в нем общепризнанных теорий, я должен ограничиться лишь немногими разъяснениями относительно наиболее установленных проявлений воли, по возможности избегая спорного и неясного в современном учении о воле. Безспорно, что вышеприведенное определение Боссюэта так широко, справедливость его так очевидна, что необходимо разсматривать деятельность Павла I, именно исходя из этого определения; также очевидно, что государь, подготавливший собственную гибель, ничего хорошего или полезного не совершивший, не осуществивший того, что он полагал необходимым, был надменен слабой волей. Как ни старался Павел I отменить законы и распоряжения своей великой матери, созданное ею живет и до настоящего времени; все мероприятия Павла I просуществовали очень короткое время, и о них мы вспоминаем, в лучшем случае, как об анекдотах.

У Павла I, вследствие преобладания катаболических процессов и недоразвития или слабости задерживающих центров, все психические процессы протекали крайне быстро; также бы-

стро у него созрѣвали рѣшенія; также всѣ его движенія были быстры и порывисты. Поверхностнымъ наблюдателямъ онъ могъ казаться энергическимъ дѣятелемъ, постоянно занятымъ проведеніемъ своихъ идей въ жизнь. Дѣйствительно, у него всегда крайне быстро возникали разнообразныя хотѣнія, которыя онъ и приводилъ въ исполненіе, когда не встрѣчалъ препятствій. Эта суетливая дѣятельность однако не была результатомъ сильной воли и потому вмѣсто систематической работы для достиженія ясно намѣченныхъ цѣлей, его поступки почти всегда были мотивированы наиболѣе сильнымъ въ данное время чувствованіемъ, вслѣдствіе чего были непослѣдовательны и безсвязны. Это именно была суетливая, беспорядочная дѣятельность, обусловленная случайными обстоятельствами. Совершенно случайное обстоятельство—интрига или, вѣрнѣе сказать, грубый обманъ графа Литты, устроившаго избраніе, впрочемъ неправильное, Павла I гротмейстеромъ Мальтійскаго ордена, опредѣляло внѣшнюю политику этого государя. Онъ воюетъ съ Франціей; Наполеонъ возвращаетъ плѣнныхъ русскихъ воиновъ, снабдивъ ихъ форменнымъ платьемъ, и съ Франціей завязываются дружескія отношенія. Для Наполеона было выгодно отвлечь на Россію силы Англіи, и Павелъ I объявляетъ войну Англіи, хотя этой войны не желаетъ ни Россія, ни Англія. Слѣдовательно, даже въ самыхъ важныхъ дѣлахъ—а въ то время внѣшнія сношенія считались самымъ важнымъ дѣломъ—все зависѣло отъ случайныхъ обстоятельствъ, опредѣлявшихъ дѣятельность Павла I. Онъ также горячо готовился къ войнѣ съ Англіей, какъ два года тому назадъ горячо желалъ сокрушить главнаго врага Англіи. Подъ воздѣйствіемъ такихъ же случайныхъ обстоятельствъ, въ сущности безразличныхъ для Россіи, горячая дружба къ Пруссіи смѣнилась враждой. Подъ влияніемъ ненависти къ матери, Павелъ I настолько благоволилъ къ Пруссіи, что первымъ его политическимъ актомъ было сообщеніе Фридриху II конфиденціального разговора съ шведскимъ королемъ; послѣднимъ распоряженіемъ въ сферѣ внѣшней политики Павла I было приказаніе нашему посланнику прекратить сношенія съ прусскимъ правительствомъ.

Постоянно озабоченный, постоянно занятый, крайне подвижный Павелъ I производилъ много дѣйствій, если можно такъ выразиться, но это еще не доказываетъ, что онъ былъ надѣленъ сильной волей; эти дѣйствія не достигали и не могли достигать

тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремился государь. Его суетливая, беспорядочная дѣятельность была главнымъ образомъ обусловлена повышеніемъ катаболическихъ процессовъ или, говоря иначе, была обусловлена чисто органическими причинами. Такихъ лицъ, при поверхностномъ наблюденіи, принимаютъ за дѣятельныхъ и энергическихъ; дѣйствительно они всегда чѣмъ-либо заняты, всегда суетятся, рѣдко отдыхаютъ; очень рѣдко такіа лица ничѣмъ не заняты. Однако, причины такой суетливой дѣятельности чисто органическія и потому дѣятельность ихъ беспорядочна и безрезультатна. Постоянное возбужденіе или, по крайней мѣрѣ, безпокойство такихъ лицъ не обусловлено какими-либо психологическими мотивами: при всякой обстановкѣ и при всякихъ условіяхъ они постоянно суетятся и заняты какими-либо мелкими дѣлами. Когда у нихъ нѣтъ никакого мелкаго дѣла,—а къ серьезному преслѣдованію отдаленныхъ цѣлей они не способны—они скучаютъ и тяготятся бездѣятельностью. Павелъ Петровичъ тоже тяготился бездѣятельностью пока не завелъ гатчинскую армію; этою арміею онъ занимался съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и государственными дѣлами. Чисто органическая подкладка такой дѣятельности доказывается и тѣмъ, что она имѣла характеръ импульсивности. Dallemagne ¹⁾ вполне вѣрно опредѣляетъ импульсивныя дѣйствія такъ: они отличаются своею быстротою, отсутствіемъ обсуждения, колебаний, нервный токъ проходитъ черезъ центры ассоціаціи безъ сопротивленія по кратчайшимъ путямъ; мы обсуждаемъ наши импульсивныя поступки послѣ ихъ совершенія. Именно такой характеръ носили поступки Павла I.

Несомнѣнно, что Павелъ I, какъ почти всѣ лица, надѣленные слабою волею, хотя неясно, сознавалъ свой недостатокъ; онъ постоянно боялся попасть подъ вліяніе приближенныхъ. Весьма характерно для лицъ, надѣленныхъ слабою волею, что они постоянно боятся вліянія на нихъ ихъ друзей, расходятся съ людьми, которые оказываютъ на нихъ вліяніе, ищутъ друзей, на которыхъ могли бы вліять. Конечно, такіа опасенія у этихъ слабовольныхъ субъектовъ весьма основательны: они въ глубинѣ души сознаютъ вліяніе на себя окружающихъ; вслѣдствіе слабости воли не могутъ освободиться отъ такого вліянія иначе, какъ чисто внѣшнимъ способомъ: поссориться съ другомъ, вліяніе

¹⁾ Pathologie de la volonté p. p. 68, 69.

котораго на себѣ чувствуютъ. Лица съ очень слабою волей ссорятся или расходятся съ друзьями только для того, чтобы освободиться отъ чужого вліянія.

Павель I постоянно находился подъ чьимъ-либо вліяніемъ, сознавалъ это, желалъ освободиться и не умѣлъ сдѣлать; вліяніе одного лица смѣнялось вліяніемъ другого. «Полномочнѣйшій властелинъ величайшей державы въ свѣтѣ» постоянно тяготился своею подчиненностью, постоянно стремился къ самостоятельности. Онъ даже не умѣлъ скрывать, что тяготится своею несамоустоятельностью, и хитрый лакей настолько зналъ своего господина, что сумѣлъ самымъ грубымъ способомъ поспорить государя съ его супругой и лучшимъ другомъ, т.-е. Нелидовой.

Баронъ Гейкингъ ¹⁾ подробно рассказываетъ, какъ Кутайсовъ окончательно поспорилъ Павла I съ Маріей Ѳедоровной и Нелидовой. Такъ какъ этотъ несчастный государь не умѣлъ скрывать своихъ тайнъ, мы можемъ съ довѣріемъ отнестись къ разсказу Гейкинга. Павель I спросилъ Кутайсова: «почему его такъ восторженно встрѣчаютъ въ Москвѣ и такъ холодны къ нему въ Петербургѣ». Кутайсовъ, «взявъ съ государя обѣщаніе не передавать этого ни императрицѣ, ни фрейлинѣ Нелидовой», сказалъ слѣдующее: «Государь, дѣло въ томъ, что здѣсь васъ видятъ таковымъ, каковы вы въ дѣйствительности—добрымъ, великодушнымъ и чувствительнымъ, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ, если вы оказываете какую-либо милость, то говорятъ, что у васъ ее выпросили или императрица, или фрейлина Нелидова, или же Куракины. Такимъ образомъ оказывается, что когда вы дѣлаете добро, то его дѣлаютъ онѣ, если же вы караете, то это исходитъ отъ васъ». «Но ты правъ... стало быть говорятъ, что я даю управлять собою этимъ двумъ женщинамъ». «Такъ точно, государь». «Ну, мои дамы, я покажу вамъ, какъ мною управлять» ²⁾.

Если этотъ разсказъ въ общемъ вѣренъ, то оказывается, что Павель I и сознавалъ, что онъ находится подъ вліяніемъ Маріи Ѳедоровны и Нелидовой, зналъ, что объ этомъ вліяніи настолько извѣстно, что позволилъ говорить съ собою преданному ему лакею. Если бы самый преданный слуга рѣшился что-либо подобное сказать лицу, надѣленному волею, дѣло кончилось бы или приказаніемъ молчать, или смѣхомъ. Павель I имѣлъ даже

¹⁾ Aus den Tagen Kaiser Paul, S. 114—116.

²⁾ Пользуюсь переводомъ Шильдера. Op. cit., стр. 385.

преувеличенное мнѣніе о своемъ могуществѣ, о безграничности своей власти, уважалъ въ лицѣ своей супруги императрицу, былъ привязанъ къ Нелидовой, и все же позволилъ своему лакею вмѣшиваться въ такія отношенія, которыя, даже для самыхъ не скромныхъ людей, составляютъ святая святыхъ. Но этотъ несчастный государь, благодаря слабой волѣ, боялся посторонняго на себя вліянія и настолько желалъ отъ него освободиться, что не постыдился о своихъ отношеніяхъ къ супругѣ и лучшему другу говорить съ лакеемъ. Само собою разумѣется, что всѣ старанія Павла I, такъ же какъ и вообще лицъ, надѣленныхъ слабою волею, освободиться отъ чужого вліянія оставались безъ успѣха.

Павелъ I постоянно тяготился тѣмъ, что его воля была крайне слаба; онъ постоянно боялся, что ему не оказываютъ должнаго уваженія, что его приказанія не исполняются, что ему плохо повинуются. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не странно, что «полномочнѣйшій властелинъ величайшей державы на свѣтѣ» допускалъ сознательное ослушаніе своему приказанію со стороны оберъ-офицера, напимѣръ, Милюкова. Конечно, только государю, постоянно тяготящемуся своею слабою волею, могла притти въ голову мысль, что даже оберъ-офицеръ противится его волѣ, т.-е. сознательно не исполняетъ его приказаній. Несмотря на то, что всѣ и всегда исполняли приказанія Павла I или, по крайней мѣрѣ, дѣлали видъ, что исполняютъ, никто не оказывалъ ему явнаго противоѣйствія, онъ, сознавая, что надѣленъ слабою волею, всюду видѣлъ неповиновеніе, боялся сопротивленія, рѣдко былъ доволенъ своими приближенными. Сознаніе собственного безсилія было у него такъ велико и такъ постоянно, что, несмотря на всю свою громадную власть, онъ не проявлялъ ея съ достоинствомъ, подобающимъ монарху великой державы. Сознаніе собственного безсилія, конечно, въ значительной степени обусловливало раздражительность и мелочность; все царствованіе было наполнено мелочною борьбою за власть, на которую никто не покушался, но которая ускользала изъ рукъ государя, лишеннаго воли. Даже все вліяніе власти, созданное всею нашею исторіей, доведенное до апогея могучей волею Екатерины II, не могло придать стойкости правленію этого государя, потому что собственная его воля была очень слаба.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

В. Ф. Чижъ.

Теорія еволюціи и философія исторіи Гердера.

Около половины XVIII вѣка въ различныхъ областяхъ европейской мысли стали появляться теоріи, указывавшія на единство основного принципа, проникающаго все мірозданіе, на отсутствіе рѣзкихъ границъ между отдѣльными образованіями и на послѣдовательность переходовъ низшихъ формъ въ высшія. Декартовское противоположеніе души и тѣла, какъ двухъ различныхъ субстанцій, и вольфовское разграниченіе высшей (разума) и низшей (чувства) душевныхъ способностей, какъ двухъ различныхъ источниковъ познанія, въ XVIII вѣкѣ и даже значительно ранѣе стало съ разныхъ сторонъ вызывать возраженія. Въ философіи, психологіи, естественныхъ наукахъ и даже въ изящной литературѣ въ противоположность вольфовскому и декартовскому дуализму стало утверждаться единство разума и чувства, души и тѣла, духа и матеріи. Уже Спиноза высказалъ мысль о единствѣ природы (протяженія) и духа (мысленія) въ Богѣ. Лейбницъ проблему объ отношеніи души къ тѣлу разрѣшилъ теоріей предустановленной гармоніи тольکو для непосвященныхъ; для посвященныхъ у него было другое, эзотерическое ученіе (изложенное въ вышедшемъ въ свѣтъ только послѣ его смерти (въ 1765 г.) сочиненіи: *Nouveaux essais sur l'entendement humain*). По этому ученію человѣческой организмъ является сложнымъ комплексомъ многихъ, объединенныхъ однимъ принципомъ монадъ, отличающихся одна отъ другой только различной степенью ясности своихъ представленій; душа есть только высшая изъ этихъ монадъ, объединяющая ихъ и господствующая надъ ними, какъ надъ своимъ владѣніемъ. Руссо (въ «Новой Элоизѣ») и Гете (въ «Страданіяхъ молодого Вертера») одушевляли природу, представляли ее себѣ наполненной той же са-

мой духовной силой, живущей тѣми же чувствами, что и человѣческой организмъ, и этимъ натуралистическимъ сентиментализмомъ устраняли рѣзкое различіе между физическими процессами въ природѣ и психическими въ человѣкѣ, сближали міръ матеріальный съ міромъ духовнымъ. Но наиболѣе убѣдительные доводы въ пользу теоріи монизма дали фізіологи и психологи. Знаменитый фізіологъ Галлеръ своими работами надъ психологіей чувствъ доказалъ громадное значеніе низшихъ ступеней душевной дѣятельности и указалъ на ихъ тѣсную связь съ высшими. Психологъ Steuz, чтобы сближить душу и тѣло, выставилъ въ 1754 г. гипотезу о существованіи «среднихъ существъ» (Mitteldinge) между ними. Фізіологъ Tetens доказалъ, что способность воспринимать ощущенія и реагировать на нихъ присуща всѣмъ животнымъ, что человѣкъ отличается отъ другихъ животныхъ только болѣе сильной впечатлительностью и болѣе активной душевной дѣятельностью и въ этомъ отношеніи является не господиномъ, а только вѣнцомъ творенія.

Наконецъ, психологъ Sulzer распространилъ аналогію съ человекомъ и на неорганической міръ и усматривалъ дѣйствіе одной и той же духовной силы и въ мертвыхъ камняхъ, и въ строеніи растений и животныхъ, и въ умѣ генія. Даже и географы не остались чужды этимъ монистическимъ стремленіямъ. Они искали одинаго, всеобъединяющаго начала, лежащаго въ основѣ всѣхъ природныхъ явленій, и приписывали географіи задачу—доказать органическую связность всѣхъ явленій земной жизни; они разсматривали землю, какъ продуктъ стремленія естественныхъ силъ вылиться въ органическое цѣлое, объединенное однимъ принципомъ, духовнымъ по своей природѣ.

Въ основѣ всѣхъ этихъ теченій лежала космическо-монистическая точка зрѣнія. Сущность ея заключалась въ слѣдующемъ: одна и та же сила наполняетъ собою весь космосъ, проявляясь только въ различныхъ формахъ, и одинъ законъ управляетъ всѣмъ мірозданіемъ. Эту космическо-монистическую точку зрѣнія Гердеръ примѣнилъ къ философіи исторіи. Его задачей было доказать, что и человѣчество представляетъ собой продуктъ тѣхъ же силъ, которыя образовали универсъ, землю и всѣ земныя образованія. Онъ отодвинулъ поэтому первый моментъ человѣческой исторіи ко времени возникновенія міра и началъ свою философію исторіи человѣчества «съ неба». «Такъ какъ наше

мѣстожителство, земля, сама по себѣ есть ничто, — говоритъ онъ, — но получаетъ свои особенности и видъ, свою способность къ организаціи и сохраненію твореній отъ небесныхъ, распространяющихся по всей вселенной силъ, то ее надо разсматривать прежде всего не изолированной и уединенной, но въ хорѣ другихъ міровъ (1, 1)». Земля есть только пылинка, затерянная среди множества громадныхъ міровыхъ тѣлъ; но эта пылинка включена въ систему цѣлаго и ея движеніе, положеніе и величину опредѣляютъ тѣ же самые законы, которые дѣйствуютъ въ безконечномъ. Природа всюду открываетъ себя въ «нераздѣльной полнотѣ своего могущества, мудрости и благодати»; «одна только сила сотворила блестящее солнце и прикрѣпила къ нему мою пылинку, — заставила двигаться млечный путь солнцъ вокругъ Сиріуса, и въ законахъ тяготѣнія дѣйствуетъ на мое земное тѣло («Идеи, 1, 1)». Въ единствѣ міровыхъ законовъ заключено великое утѣшеніе для всѣхъ тѣхъ, которыхъ мучитъ ничтожество ихъ личнаго существованія: вѣдь ихъ ничтожное бытіе находится въ связи съ вѣчными, неизмѣнными и неизсякаемыми силами, управляющими солнцами и звѣздами. «Строеніе мірового зданія обезпечиваетъ вѣчное существованіе зародыша моего существованія, мою внутреннюю жизнь. Гдѣ бы и чѣмъ бы я ни былъ, я буду тѣмъ, чѣмъ я являюсь теперь, — силой въ системѣ всѣхъ силъ, существомъ, включеннымъ въ необозримую гармонию божьяго міра (1, 1)».

Образованіе отдѣльныхъ земныхъ организацій Гердеръ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: изъ библейскаго хаоса — зерна всего существующаго — постепенно стали выдѣляться сначала отдѣльныя стихіи — земля, огонь, вода, воздухъ, затѣмъ, послѣ тысячелѣтій стихійной жизни природы, начали появляться отдѣльныя земныя образованія, — сперва неорганическія, потомъ органическія. Порядокъ, въ которомъ возникали творенія земли, былъ порядкомъ возрастающей сложности ихъ организацій. Сначала появились самыя простыя организаціи, затѣмъ, «переходя отъ камня къ кристаллу, отъ кристалла къ металлу, отъ металла къ растеніямъ, отъ растеній къ животнымъ и отъ животныхъ къ человѣку», организаціи постепенно осложнялись, пока въ чело-вѣкѣ не достигли своей вершины. «Отъ простыхъ законовъ, отъ грубыхъ образовъ природа идетъ къ болѣе сложному, искусственному, тонкому; и если бы мы имѣли чувство, посредствомъ

котораго мы могли бы видѣть прообразы (Urgestalten) и первые зародыши вещей, то, быть можетъ, въ мельчайшей точкѣ мы увидали бы прогрессію всего творенія» (II, 1). Вся природа представляетъ изъ себя непрерывный рядъ постепенно осложняющихся организаций, связанныхъ между собою послѣдовательностью переходовъ; при этомъ возникновеніе болѣе простыхъ организаций хронологически предшествовало возникновенію болѣе сложныхъ.

Гердеръ объясняетъ постепенное усложненіе всѣхъ земныхъ организаций нарастаніемъ первичной, лежащей въ основѣ всѣхъ вещей духовной энергіи. Онъ становится на точку зрѣнія панпсихизма и говоритъ: «только одинъ принципъ жизни царствуетъ въ природѣ: это — эфирный и электрическій токъ (Strom), который перерабатывается во все болѣе тонкія формы въ стволахъ растенія, въ жилахъ и мускулахъ животнаго, наконецъ въ нервной системѣ и въ концѣ-концовъ воспламеняетъ всѣ тѣ чудесныя стремленія и душевныя силы, дѣйствию которыхъ мы удивляемся у животныхъ и людей» (III, 1). Этотъ токъ, который Гердеръ въ другихъ мѣстахъ называетъ «свѣтомъ», «эфиромъ», «небеснымъ потокомъ огня», «невидимымъ небеснымъ духомъ» (V, 2), никогда не находится въ покоѣ, вѣчно течетъ и въ своемъ теченіи разлагается на рядъ стоящихъ одна надъ другою въ іерархическомъ порядкѣ органическихъ силъ, единыхъ въ своей сущности, постепенно превращающихся другъ въ друга и разнящихся одна отъ другой только по степени развитія, на которой они стоятъ, а не по природѣ. Органическія силы не возникаютъ и не уничтожаются въ противоположность внѣшнимъ формамъ, матеріальнымъ органамъ, которые гибнутъ всякій разъ послѣ того, какъ ихъ покидаютъ организовавшія и оживившія ихъ силы. Органическія силы существуютъ вѣчно, но ни въ одинъ моментъ своего существованія онѣ не равны сами себѣ: раньше возникновенія той внѣшней формы, въ которой находится въ данное время какая-либо органическая сила, послѣдняя уже существовала, но только въ болѣе низкой степени своего развитія; она будетъ существовать и послѣ гибели этой внѣшней формы, только тогда она перейдетъ въ болѣе высокое состояніе. «Внѣшній покровъ отпадаетъ, — говоритъ Гердеръ, — но остается сила, которая существовала ранѣе этого покрова, хотя и въ низшемъ органическомъ состояніи. Если ей было возможно перейти изъ преж-

няго въ теперешнее состояніе, то послѣ уничтоженія настоящаго внѣшняго покрова ей возможенъ и новый переходъ» (V, 2, 3).

При каждомъ своемъ переходѣ органическая сила организуетъ изъ мертвой матеріи подходящую форму для своего внѣшняго проявленія. Образование всѣхъ организмовъ «есть дѣйствіе внутреннихъ силъ; природа приготовила для послѣднихъ матерію, которую онѣ претворяютъ (Sich zubilden), въ которой онѣ должны проявиться во внѣ (Sichtbar machen)» (V, 2). Органическія силы могутъ существовать только во внѣшнихъ органахъ, и обратно,—ни одинъ органъ не возможенъ безъ оживляющей его силы. Матеріальный органъ «тѣсно и гармонично» соединенъ съ образующей его органической силой. Матерія существовала и раньше своего соединенія съ органическими силами; но «она была безжизненной и безформенной прежде, чѣмъ онѣ ее организовали и не оживили» (V, 2).

Вслѣдствіе тѣсной связи внѣшнихъ органовъ съ одушевляющими ихъ внутренними силами прогрессивному развитію послѣднихъ соотвѣтствуетъ прогрессивное осложненіе первыхъ. Но Гердеръ не признаетъ возможнымъ допустить трансформацию внѣшнихъ организацій, переходъ однихъ формъ въ другія. Подлежатъ развитію только органическія силы, а не внѣшнія организаціи, ими образованныя. Пути, по которымъ идетъ развитіе органическихъ силъ, неизмѣнны, постоянны и точно опредѣлены; всѣ тѣ внѣшнія организаціи, которыя могли быть образованы органическими силами при ихъ эволюціи, уже были образованы въ первый моментъ творенія, и природѣ больше нечего творить. Создавъ человѣка, природа не можетъ идти дальше, не можетъ вызвать къ жизни новыя формы кромѣ тѣхъ, которыя уже существуютъ. Она покончила съ дѣломъ творенія, Богъ почилъ отъ дѣлъ своихъ:—такъ понимаетъ Гердеръ библейскій текстъ. Поэтому, хотя всѣ земныя творенія и стоятъ одно надъ другимъ въ порядкѣ возрастающей сложности ихъ организацій, но каждое изъ нихъ должно вѣчно оставаться на своемъ, раз навсегда опредѣленномъ ему мѣстѣ, быть вѣчно вѣрнымъ своей не подлежащей измѣненію организаціи. Поэтому организаціи всѣхъ земныхъ твореній неизмѣнны и неподвижны; теперь они имѣютъ тотъ самый видъ, который дала имъ образующая природа тысячи вѣковъ назадъ... «Каждое твореніе можетъ и должно быть

организовано только твореніями того же рода. Мать-природа въ своей любви къ прочному порядку точно опредѣлила пути, на которыхъ органическая сила въ роли властителя или слуги... должна достигнуть видимой дѣятельности, и ничто не можетъ уклониться отъ разъ навсегда опредѣленныхъ формъ» (V, 3).

Такимъ образомъ, въ противоположность вѣчно текущимъ, вѣчно развивающимся органическимъ силамъ внѣшнія организациі у Гердера являются застывшими и окаменѣвшими; онѣ не способны къ развитію и, будучи разъ созданы, становятся только «проводниками» органическихъ силъ на ихъ путяхъ къ высшимъ формамъ существованія: онѣ стоятъ въ такомъ порядкѣ, что органическая сила, послѣдовательно проходя черезъ нихъ, на каждой ступени своего развитія находитъ подходящіе органы для своего проявленія во внѣ.—Изъ этого видно, насколько неосновательно Bärenbach ¹⁾ увидалъ въ Гердерѣ предшественника Дарвина: отдѣльныя земныя творенія у Гердера не связаны генетически: они не могутъ перерождаться другъ въ друга, и высшія организациі не возникали изъ низшихъ. Каждое «созданіе земли» обязано своимъ существованіемъ только органическимъ силамъ, дѣйствующимъ изнутри. Невидимая органическая сила, творя и образуя внѣшнія формы, какъ бы раскрываетъ свою внутреннюю природу. «Von innen aus wirkt sie ganz allgemein in die Wirklichkeit». Новое твореніе «есть ничто иное, какъ реализировавшаяся идея творящей природы, которая мысля создаетъ (nur thätig denkt)» (VII, 4). Создавъ организмъ, органическая сила становится принципомъ его дальнѣйшаго образованія и развитія: только благодаря этой силѣ работа всѣхъ органовъ идетъ гармонично и направлена къ одной цѣли—сохраненію и поддержанію всего организма. Органическая сила «прирождена намъ, органична, генетична ²⁾ (angeboren, organisch, genetisch); она есть основаніе моихъ природныхъ силъ, внутренній геній моего существованія». Отсюда у Гердера гипостазированіе: «Thiereigenschaften» онъ производитъ изъ «Thiersein», функціи человѣческихъ органовъ изъ жизненной силы человѣка и т. п.

Все это настолько отдаляетъ Гердера отъ Дарвина, что о пре-

¹⁾ Bärenbach. Herder, als Vorgänger Darwins.

²⁾ Съ точки зрѣнія Гердера неорганическихъ гѣлъ нѣтъ, такъ какъ органическія, образующія къ связному единству силы, присущи всему существующему.

емственности ихъ возрѣній не можетъ быть и рѣчи: одного понятія внутренняго, имманентнаго развитія и указанія на возникновеніе земныхъ созданій въ порядкѣ возрастающей сложности ихъ организацій, при отрицаніи трансформации, недостаточно для того, чтобы получить званіе предшественника Дарвина.

Наверху всѣхъ твореній у Гердера стоитъ человѣкъ—послѣднее звено въ цѣпи земныхъ созданій, высшая изъ возможныхъ на землѣ организацій, далѣе которой не могутъ идти творческія силы природы. Онъ вѣнецъ творенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и его центръ. Онъ стоитъ выше всѣхъ другихъ созданій земли, но въ то же время занимаетъ центральное мѣсто между ними, является «созданіемъ середины» (Mittegeschöpf). Все существующее природа организовала, какъ бы имѣя въ виду только одинъ образецъ, и этимъ образцомъ избрала человѣка.

«Человѣкъ... является самой широкой (ausgebreitete) формой, въ которой собраны черты всѣхъ породъ въ тончайшей совокупности (im feinsten Inbegriff)» (II, 4). Человѣческая организація у Гердера господствуетъ надъ всѣми остальными организаціями, и человѣкъ является цѣлью, къ которой тянутся всѣ земныя творенія, хотя ни одно изъ нихъ не можетъ достигнуть до той высоты, на которой онъ стоитъ. Гердеръ называетъ человѣка «священнымъ средоточіемъ» земли, вокругъ котораго («въ величайшемъ разнообразіи свойствъ и организацій» тысячами цвѣтовъ отлиываетъ творческая мощь природы, и патетически обращается къ нему: «радуйся своему состоянію, человѣкъ, и изучай себя, благородное созданіе середины, во всемъ, что живетъ вокругъ тебя» (II, 4).

Признавая человѣческую организацію высшей цѣлью для всѣхъ земныхъ организацій, Гердеръ становился на антропоцентрическую точку зрѣнія, вносилъ въ свои разсужденія принципъ цѣлесообразности; но его телеологія была имманентна въ томъ смыслѣ, что въ человѣкѣ онъ видѣлъ полное раскрытіе того, что въ низшихъ организаціяхъ находится только въ эмбріональномъ состояніи; въ человѣческой организаціи, по Гердеру, только реализуется то, что на самой низшей ступени существуетъ въ качествѣ способной къ развитію потенціальной силы: тонкій разумъ человѣка это только высшій продуктъ «темнаго влеченія» неорганическихъ предметовъ. Своей телеологіей Гердеръ не нарушаетъ внутренней связи въ процессѣ развитія органическихъ

силъ, а только указываетъ на общую тенденцію этого процесса— стремленіе всѣхъ земныхъ созданій гуманизироваться. Употребляя терминологию Паульсена ¹⁾, мы сказали бы, что Гердеръ признаетъ только *Zielstrebigkeit*, а не *Absichtlichkeit* въ процессѣ развитія.

* * *

Такимъ образомъ Гердеръ связалъ всѣ земныя творенія принципомъ имманентнаго развитія одушевляющихъ ихъ органическихъ силъ. Прежде онъ находился здѣсь подъ обаяніемъ открытій въ области естествознанія. Открытія физики и химіи, указывавшія на единство основныхъ началъ всего реального міра, анатоміи и физиологіи, открывавшія аналогіи въ строеніи чѣловѣка, животныхъ и даже растений и доказывавшія отсутствіе рѣзкихъ различій между отдѣльными царствами природы,—все это внушало Гердеру мысль о близкомъ сходствѣ между отдѣльными земными организаціями. Въ философскомъ обоснованіи этого сходства Гердеръ больше всего подвергся вліянію Спинозы, Лейбница и Шефстбѣри. Со Спинозой Гердеръ сходился въ томъ, что признавалъ единый принципъ всего существующаго. Но у Спинозы его единое начало поглощало все индивидуальное; отдѣльные предметы были для Спинозы только призраками, а множественность отдѣльныхъ вещей—обманомъ и заблужденіемъ. Гердеръ, относившійся всегда съ живымъ интересомъ ко всему индивидуальному, не могъ съ этимъ примириться, и у него единое начало Спинозы разложилось на множество органическихъ силъ, связанныхъ между собою принципомъ развитія; эти силы не были первичнаго происхожденія (какъ монады Лейбница), но не были также только преходящими формами неизмѣнной субстанціи (какъ все индивидуальное у Спинозы): онѣ были бессмертны, неразрушимы и являлись вполнѣ реальными частями первичной духовной силы (*Urkraft*).

Спиноза, жившій въ вѣкъ математическихъ и механическихъ открытій, опредѣлилъ матеріальный міръ съ его формальной, а не реальной стороны, счелъ его основнымъ признакомъ протяженіе. Во время Гердера матеріальные предметы были ближе изслѣдованы съ ихъ физической и химической стороны, были открыты силы, которыя можно было разсматривать, какъ орга-

¹⁾ Paulsen. Einleitung in die Philosophie.

низующія матерію, и потому понятіе органической силы, какъ дѣйствительной основы всѣхъ природныхъ явленій, замѣнило у Гердера спинозовское понятіе протяженія, какъ основного признака матеріальнаго міра.

Отъ Лейбница Гердеръ взялъ принципъ имманентнаго развитія и мысль о томъ, что все въ природѣ организовано и нѣтъ мертвой матеріи. Но у Лейбница развитіе было ограничено только жизнью отдѣльныхъ монадъ, между же самыми монадами у него не было эволюціонной связи; Гердеръ, въ противоположность этому, связалъ всѣ свои органическія силы понятіемъ развитія, объединилъ ихъ всѣ въ одномъ началѣ и различіе между ними видѣлъ въ степени ихъ развитія, а не въ ихъ природѣ, которая у всѣхъ ихъ одна и та же.

Болѣе всего общаго у Гердера съ Шефтсбери: оба они разсматривали міръ, какъ связную систему силъ, объединенныхъ въ одной первичной силѣ (Urkraft). и у обоихъ эта первичная сила не поглощала индивидуальнаго своеобразія явленій; наоборотъ, соединеніе единства съ множественностью имъ казалось необходимымъ естественнымъ закономъ ¹⁾.

Въ одной изъ своихъ статей, появившейся въ 1787 г., тотчасъ же по окончаніи третьей части «Идей», подъ страннымъ заглавіемъ «Богъ. Нѣсколько діалоговъ, написанныхъ І. Г. Гердеромъ»— Гердеръ попытался примирить Спинозу и Лейбница. Гердеръ хотѣлъ дать въ этой статьѣ безпристрастное изложеніе философіи Спинозы и сравнить послѣдняго съ Лейбницемъ, но сдѣлалъ это такимъ образомъ, что, по справедливому замѣчанію Гайма, Спиноза у него сталъ похожъ на Лейбница, а Лейбницъ на Спинозу. Онъ согласенъ со Спинозой, что Богъ—*causa immanens* вселенной; но понятіе атрибутовъ у Спинозы онъ подмѣняетъ понятіемъ органическихъ силъ, а лейбниціанскую предустановленную гармонию между монадами—гармоніей между живыми, вѣчно находящимися въ дѣятельности силами. Въ результатѣ вмѣсто спинозовскаго Бога съ двумя атрибутами у него получается Богъ, открывающій себя безконечнымъ образомъ въ безконечномъ рядѣ органическихъ силъ, а вмѣсто лейбницев-

¹⁾ Въ „Богъ“ Гердеръ писалъ, что „всѣ цвѣтки лейбницевской философіи распустились въ сочиненіяхъ Шефтсбери безъ ея смѣлыхъ гипотезъ во всей своей свѣжей красотѣ“.

скаго личного Бога—всеобъемлящее начало, заключающее въ себѣ все разнообразіе явленій, но не уничтожающее ихъ индивидуальной своеобразности, а сохраняющее ее. Гердеръ не хочетъ знать въ этой статьѣ ни Бога, существующаго внѣ вселенной, ни Бога въ человѣческомъ образѣ, и не безъ основаній упрекаетъ Лейбница въ антропоморфическомъ представленіи Божества. Гердеровскій Богъ сливается съ природой, всякій предметъ у Гердера является «видоизмѣненнымъ проявленіемъ божественной силы», открывающей себя въ безконечномъ рядѣ нисходящихъ ступеней. Такимъ образомъ, въ «Богѣ» Гердеръ открыто становится на пантеистическую точку зрѣнія, которую въ «Идеяхъ» онъ старался замаскировать тѣмъ, что вмѣсто слова «Богъ» употреблялъ слово «природа» и «первичная сила», и тѣмъ, что говорилъ о божественномъ руководствѣ Творца тамъ, гдѣ, оставаясь послѣдовательнымъ, долженъ былъ говорить только о законахъ природы. Теперь онъ прямо упрекаетъ Лейбница за то, что тотъ отдѣлялъ Бога отъ природы и искалъ въ природѣ цѣлей Бога вмѣсто того, чтобы указывать на вѣчные, неизмѣнные законы ея развитія. Но Богъ Гердера въ то же время не математическо-метафизическое неподвижное начало Спинозы: Онъ полонъ субъективной жизни и «наслаждается самъ собой во всѣхъ людяхъ, во всѣхъ своихъ созданіяхъ и въ тысячѣ миллионъ организмовъ, точно такъ же, какъ мы имъ наслаждаемся въ то время, какъ онъ пребываетъ въ насъ. Онъ стоитъ выше всякихъ идей, склонностей, стремленій, но всѣ ихъ заключаетъ въ себѣ, понимаетъ ихъ, любитъ ихъ и все-таки покоится въ самомъ себѣ, какъ въ единствѣ всѣхъ вѣчныхъ временъ, всѣхъ силъ и всѣхъ пространствъ».

* * *

Совокупность всѣхъ духовныхъ преимуществъ человѣка Гердеръ выражаетъ въ одномъ словѣ «гуманность». Гуманность, какъ показываетъ самое слово, есть не что иное, какъ то, что означаетъ сущность человѣческой природы. «Человѣкъ не имѣетъ болѣе благороднаго слова для своего опредѣленія, чѣмъ онъ самъ,—онъ, въ которомъ отразился образъ Творца нашей земли... Чтобы выяснитъ самыя благородныя его обязанности, надо указать только на его природный образъ (IV, 6)». Человѣкъ поступаетъ хорошо, когда онъ слѣдуетъ своей природѣ; онъ посту-

пасть дурно, когда идетъ вопреки ей. Слѣдовательно, человѣкъ самъ въ себѣ носить принципъ своего нравственнаго назначенія: послѣднее совпадаетъ съ его природой. Гердеръ такимъ образомъ не отдѣлялъ бытія отъ долженствованія, того, что есть, отъ того, что должно быть, и въ этомъ сходился съ Руссо, но совершенно расходился съ Кантомъ: для Канта нравственное поведеніе вытекало не изъ природы человѣка, какъ для Гердера и Руссо, а изъ безусловнаго предписанія категорическаго императива, обязательное значеніе котораго не зависитъ отъ природныхъ склонностей людей, отъ того, чувствуютъ ли люди природное влеченіе къ его исполненію или нѣтъ, даже отъ того, исполнялся ли онъ когда-либо и кѣмъ-либо въ мірѣ. То, что должно быть по Канту, не стоитъ ни въ какой связи съ тѣмъ, что есть; представленіе о долгѣ, которое *должно* опредѣлять волю, не имѣетъ никакого отношенія къ склонностямъ, которыя *могутъ* и часто дѣйствительно ее опредѣляютъ. У Гердера, въ противоположность этому, его моральный принципъ (гуманность) не былъ грознымъ и часто даже нелюбимымъ повелителемъ, какъ у Канта, а естественнымъ закономъ, заставляющимъ слѣдовать только тому, что согласно съ природными склонностями и влеченіями; исполненіе требованій гуманности, по Гердеру, заключаетъ въ себѣ нѣчто само по себѣ привлекательное, является причиною счастья, источникомъ нравственныхъ наслажденій.

Сущность гуманности Гердеръ сводилъ къ одному самому основному признаку человѣческой природы, заключающемуся въ разумѣ ¹⁾. Разумъ есть то, что мы цѣнимъ во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, поскольку они являются дѣйствительно человѣческими. Нужно замѣтить, что подъ разумностью Гердеръ понимаетъ не только интеллектуальное, но и нравственное состояніе. Разумъ у него имѣетъ теоретическую и практическую сторону. Первую онъ обозначаетъ просто словомъ «Vernunft», вторую—словами «Billigkeit» или «Güte» ²⁾. Идеаломъ разумности (и, слѣд., гуманности) у него является тонкій умъ, соединенный съ совершенной добротой, ясная мысль и чистое сердце. Степень разумности, до которой въ состояніи подняться человѣкъ, бываетъ различна у

¹⁾ См. XV, 5, 3: „Характеръ гуманности зовется разумомъ“.

²⁾ См. XV, 5, 4: „Правило справедливости... есть не что иное, какъ практической разумъ“.

людей различнаго моральнаго и интеллектуальнаго развитія, но чѣмъ выше люди, тѣмъ болѣе сходно понимаютъ они идеалъ истинной разумности. «На счетъ того, что такое чистый разумъ и справедливая мораль, согласны Сократъ и Конфуцій, Зороастръ, Платонъ и Цицеронъ... Какъ для странника — самое отрадное удовольствіе, если онъ повсюду, даже и тамъ, гдѣ онъ не предполагалъ, находить слѣды подобнаго ему, мыслящаго, чувствующаго генія,—также и насъ восхищаетъ въ исторіи чело-вѣческаго рода эхо всѣхъ временъ и народовъ, которое въ благороднѣйшихъ душахъ звучитъ, какъ чело-вѣческая доброта и истина» (XV, 3).

Гердеровское опредѣленіе гуманности заключало въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Если требованія морали согласны съ естественными склонностями людей, если то, что должно быть (нравственный постулатъ) существуетъ уже, какъ психологическій фактъ или какъ способная въ него перейти потенція, то чему же приписать дурныя качества чело-вѣка, присутствія которыхъ въ чело-вѣческой душѣ Гердеръ не отрицалъ? Извращеніямъ дѣйствительной сущности чело-вѣческой природы? Но если эти извращенія естественнымъ путемъ вытекаютъ изъ чело-вѣческой природы, значить невѣрно то, что она сама по себѣ благородна; если они не вытекаютъ изъ нея, то для ихъ объясненія надо допустить какое-либо постороннее чело-вѣческой природѣ злое начало, произвольно вмѣшивающееся въ естественное теченіе психическихъ процессовъ въ душѣ чело-вѣка, нарушающее причинную связь между ними. Но Гердеръ не хотѣлъ отказаться ни отъ мысли, что чело-вѣкъ хорошъ по своей природѣ, ни отъ принципа причинности въ его примѣненіи къ душевной жизни чело-вѣка, и указанное противорѣчіе у него осталось неразрѣшеннымъ.

Гердеръ не хотѣлъ вѣрить, что на чело-вѣкѣ оканчивается великая градація живыхъ существъ. Если творческія силы земной природы не могутъ создать ничего выше чело-вѣка, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ другихъ мірахъ не были возможны болѣе высокія организаци, чѣмъ чело-вѣческая. Наоборотъ, вся аналогія природы, въ которой мы видимъ постоянный переходъ отъ низшаго къ высшему, убѣждаетъ насъ, что на земной организаціи чело-вѣка не можетъ остановиться развитіе одушевляющихъ его органическихъ силъ, и что высшій продуктъ своихъ духовныхъ

силъ—гуманность—человѣкъ послѣ смерти долженъ передать въ другой міръ для воплощенія въ болѣе тонкой организаціи, для дальнѣйшаго усовершенствованія и развитія. Наша гуманность есть «только почка для будущаго цвѣтка», и человѣкъ—последнее звено въ цѣпи земныхъ организацій, — явится въ другомъ ряду твореній его низшимъ членомъ. Поэтому человѣкъ есть «связующій членъ двухъ міровъ», а наша земля—не «веселый замокъ постоянного жительства», не «садъ вѣчныхъ растеній», а только гостиница для вѣчно мѣняющихся проѣзжихъ. Гердеръ не былъ согласенъ съ Лессингомъ, который предполагалъ, что душа умершаго можетъ возродиться въ другомъ позднѣе родившемся человѣкѣ и представлялъ себѣ безсмертіе, какъ странствованіе души по вѣкамъ и эпохамъ, но только въ предѣлахъ человѣческаго земного существованія. Для Гердера смерть была переходомъ изъ болѣе грубой въ болѣе тонкую организацію, изъ низшаго состоянія въ высшее. Къ уходящему изъ земной жизни человѣку онъ обращается съ такими словами: «Ты наслаждался многимъ хорошимъ на землѣ. Ты достигъ на ней организаціи, въ которой ты научился смотрѣть вокругъ себя и надъ собой, какъ сынъ неба. Старайся же оставить ее съ чувствомъ удовлетворенія и благослови ее, какъ долину, въ которой ты игралъ, какъ дитя безсмертія, и какъ школу, въ которой ты черезъ страданія и радости достигъ возраста мужчины. Ты не имѣешь болѣе никакого права на нее, она—никакого права на тебя. Увѣнчанный короной свободы и обвитый небеснымъ поясомъ радостно направь свой странническій посохъ далѣе» (V, 6).

* * *

Гуманность является у Гердера моральнымъ назначеніемъ не только отдѣльныхъ людей, но и всего человѣчества. Она—конечная цѣль не только индивидуальнаго, но и всемірно-историческаго развитія. Развитіе человѣчества подчинено у Гердера тому же принципу имманентной телеологіи, какъ и развитіе индивида. Цѣль всякаго дѣла должна лежать въ немъ самомъ; поэтому и цѣль исторіи человѣчества должна заключаться въ томъ, чтобы основная сущность человѣческой природы, — гуманность—получила осуществленіе въ каждой изъ тѣхъ единицъ, совокупность которыхъ составляетъ все человѣчество. Если бы цѣль историческаго развитія человѣчества лежала внѣ его, а не въ

немъ самомъ, то люди были бы просто безсознательными игрушками въ рукахъ божества, заставляющаго ихъ добиваться того, чего имъ не нужно, что для нихъ безразлично. Гердеровскую философію исторіи можно разсматривать еще какъ теодицею, потому что въ путяхъ исторіи онъ видитъ божественные пути, а въ гуманности—не только человѣческое, но и божественное начало, «образъ Божества въ душахъ людей» (XV, 5), съ полнымъ осуществленіемъ котораго достигнуть будетъ «божественный порядокъ» въ исторіи; но пути Божества у Гердера совпадаютъ съ естественными законами человѣческаго развитія, а божественный порядокъ въ историческихъ судьбахъ человѣчества осуществляется не по данному извнѣ плану, а только вслѣдствіе постепеннаго раскрытія основной сущности человѣческой природы. Гердеръ допускаетъ только *присутствіе* Бога въ исторіи, но отрицаетъ возможность произвольнаго вмѣшательства Божества въ ходъ исторіи. «Богъ, — говоритъ онъ, — котораго я ищу въ исторіи, долженъ быть тѣмъ же самымъ Богомъ, который присутствуетъ въ природѣ, потому что человѣкъ есть только маленькая часть цѣлаго, и его исторія, какъ исторія червя, тѣсно переплетена съ той тканью, въ которой онъ живетъ. Также и въ ней должны имѣть силу тѣ естественные законы, которые лежатъ въ сущности вещей, и надъ которыми божество не можетъ подняться, потому что именно въ этихъ законахъ, которые оно само основало, оно открывается во всемъ своемъ могуществѣ съ неизмѣнной, мудрой и благостной (*gütigen*) красотой. Все, что можетъ произойти на землѣ, то и должно произойти, если только оно происходитъ по законамъ, носящихъ въ себѣ самихъ свое совершенство» (XV, 5).

Гердеръ не сомнѣвался въ томъ, что человѣчество постепенно прогрессируетъ, и что въ концѣ-концовъ идеаль гуманныости осуществится. Въ общемъ его философія исторіи проникнута глубокимъ оптимизмомъ (хотя въ отдѣльныхъ мѣстахъ у него можно найти и пессимистическія мысли). «Въ цѣломъ человѣческаго рода, — говоритъ онъ, —человѣчскій разумъ идетъ впередъ; онъ изобрѣтаетъ, хотя еще не можетъ примѣнять; онъ открываетъ, хотя злыя руки долгое время злоупотребляютъ его открытіями. Но злоупотребленіе само навлечетъ на себя наказаніе, и безпорядокъ съ теченіемъ времени станетъ порядкомъ, благодаря неутомимому усердію непрестанно возрастающаго разума. Поко-

ря страсти, разумъ укрѣпляетъ и очищаетъ самого себя. Угнетенный здѣсь, онъ идетъ въ другое мѣсто и расширяетъ кругъ своего господства надъ землей. Не мечта и не бредъ—надѣяться, что всюду, гдѣ живутъ люди, будутъ жить нѣкогда разумные, справедливые и счастливые люди» (XV, 5). Путь, которымъ идетъ человѣчество, не сплошь усыпанъ розами; но въ концѣ-концовъ «во всеобщей исторіи, какъ и въ жизни самыхъ безчестныхъ отдѣльныхъ людей—человѣческіе глупости и пороки исчерпаютъ сами себя, и люди окажутся вынужденными научиться разуму и справедливости (Vernunft und Billigkeit) (XV, 5). И далѣе: «отдѣльные роды вымираютъ, но бессмертное цѣлое переживаетъ мучительныя страданія своихъ погибающихъ составныхъ частей и даже изъ зла извлекаетъ полезныя указанія».

Выставляя гуманность, какъ конечную цѣль историческаго процесса, Гердеръ видѣлъ прогрессъ только въ индивидуальномъ, а не въ социальномъ и политическомъ развитіи. Идеальное состояніе, по его мнѣнію, наступитъ не тогда, когда будетъ достигнуто наилучшій общественный и политическій порядокъ, а тогда, когда каждая отдѣльная личность, сумма которыхъ составляетъ все человѣчество, осуществитъ въ себѣ путемъ внутренняго совершенствованія идеальную гуманность. Гердеръ цѣнилъ общественность, стремленіе къ ней считалъ однимъ изъ существеннѣйшихъ признаковъ гуманности, называлъ даже общественное состояніе «естественнымъ состояніемъ человѣческаго рода» (IX, 4). Но это естественное состояніе Гердеръ понималъ въ смыслѣ такого состоянія, при которомъ связь между отдѣльными членами общества основывается не на внѣшнемъ порядкѣ, устанавливаемомъ обязательными отношеніями между ними, а на дѣйствительной любви и уваженіи ихъ другъ къ другу, на живомъ чувствѣ взаимной близости. Когда это чувство ослабѣваетъ и для поддержки связи между членами общества становится нужнымъ принудительный внѣшній порядокъ, общественное состояніе перестаетъ быть естественнымъ и дѣлается искусственнымъ. Всякій внѣшній порядокъ ограничиваетъ индивидуальную свободу, *принуждаетъ* людей къ извѣстнымъ отношеніямъ другъ къ другу, и, поэтому, Гердеръ не находить возможнымъ оправдывать его даже и въ томъ случаѣ, когда онъ имѣетъ въ виду общее благо. Личность, а не химера общаго блага, говоритъ Гердеръ, должна служить для насъ цѣлью во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ. Индивидуализму

Гердера было противно подчиненіе личныхъ интересовъ соображеніямъ общаго блага.

Въ этомъ отношеніи интересно сравнить его съ Кантомъ. Кантъ въ одно время съ Гердеромъ заинтересовался философско-историческими вопросами, и въ 1784 году вышла въ свѣтъ его статья: «Idee zur einer allgemeinen Geschichte inweltbürgerlicher Absicht». Исходная мысль Канта въ этой статьѣ сходна съ одной изъ основныхъ мыслей Гердера въ «Идеяхъ». Кантъ говоритъ, что всѣмъ существамъ ихъ способности даны затѣмъ, чтобы когда-нибудь онѣ достигли совершеннаго развитія. Человѣкъ отъ природы существо разумное, и потому цѣль его существованія заключается въ совершенномъ развитіи его разума. Поэтому въ исторіи человѣчества все существуетъ для разума,—въ этомъ заключается тотъ планъ, который вложенъ природой въ исторію ¹⁾). Но человѣкъ существуетъ не изолированно, а въ обществѣ другихъ же людей, «которыхъ онъ не можетъ терпѣть, но безъ которыхъ онъ не можетъ обойтись», его воля приходитъ въ конфликтъ съ ихъ волями, и отсюда возникаетъ борьба и соперничество между отдѣльными индивидами. Чтобы поставить эту борьбу въ должныя границы, чтобы превратить ее изъ разрушающей силы въ факторъ прогресса, необходимо установленіе такого общественнаго порядка, при которомъ свобода каждаго отдѣльнаго индивида ограничивалась бы свободой всѣхъ другихъ, эгоизмъ частныхъ стремленій былъ бы подчиненъ соображеніямъ общаго блага и сила цѣлаго была бы соединена со свободой каждаго отдѣльнаго лица. Въ этомъ порядкѣ и только въ немъ способности человѣка могутъ безпрепятственно достигнуть своего высшаго развитія, и потому цѣлью историческаго развитія должно явиться созданіе разумныхъ гражданскихъ учрежденій, обеспечивающихъ такой порядокъ,—порядокъ, распространяющійся на весь міръ, соединяющій всѣ отдѣльныя государства въ одинъ всенародный союзъ.

¹⁾ Въ постепенномъ осуществленіи разума въ исторіи Кантъ хотѣлъ видѣть логическую послѣдовательность отдѣльныхъ моментовъ, а потому находилъ возможнымъ конструировать историческій процессъ априорно, по законамъ логики, при чемъ несоотвѣтствіе эмпирическаго содержанія исторіи съ этимъ априорнымъ конструированіемъ, по мнѣнію Канта, еще не доказывало невѣрности послѣдняго. Гердеръ, который въ исторіи никогда не искалъ логики, въ этомъ отношеніи выгодно отличался отъ своего стараго учителя.

Такимъ образомъ, по Канту, человѣкъ можетъ исполнить свое назначеніе только въ общественной организаціи, притомъ только въ одной изъ ея формъ—государствѣ, такъ какъ никакой другой общественной организаціи, кромѣ государственной, Кантъ не зналъ.

Когда Гердеръ писалъ вторую часть своихъ «Идей», онъ уже былъ знакомъ съ этой статьей Канта, и нѣкоторыя мѣста въ восьмой книгѣ «Идей» прямо направлены противъ нея. Гердеръ не хочетъ согласиться съ мыслью Канта, что счастье человѣка проистекаетъ изъ государственнаго устройства, и доходитъ даже до прямого отрицанія государства. Народы, живущіе внѣ государства, говоритъ онъ, часто бываютъ счастливѣе культурныхъ народовъ. Особенно нападаетъ Гердеръ на большія монархіи. «Въ большихъ государствахъ сотни должны голодать, чтобы одинъ расточитель жилъ въ роскоши; десятки тысячъ угнетаются и доводятся до смерти, чтобы одинъ коронованный глупецъ или мудрецъ могъ привести въ исполненіе свои фантазіи. Такъ какъ, наконецъ, какъ говорятъ всѣ государствовѣды (Staatslehrer), всякое благоустроенное государство должно быть машиной, которой управляетъ мысль только одного, то развѣ можетъ оно доставить большее счастье кому-либо, какъ только служить безсознательной составной частью въ этой машинѣ?» (VIII, 5). И далѣе: «отецъ и мать, мужъ и жена, ребенокъ и братъ, другъ и человѣкъ—все это естественныя отношенія, благодаря которымъ мы дѣлаемся счастливыми, государство же можетъ дать намъ только искусственныя орудія (Kunstwerkzeuge), но, къ сожалѣнію, можетъ похитить у насъ гораздо болѣе существенное, насъ самихъ» (VIII, 5), т.-е. лишить насъ свободы. Протестъ противъ государства принимаетъ у Гердера враждебный культурѣ характеръ и доводитъ его до идеализаціи дикаря. «Дикарь, который съ спокойной радостью любитъ себя, свою жену и своего ребенка и въ ограниченномъ кругѣ дѣятельности горитъ любовью къ своему племени, какъ къ своей жизни,—болѣе похожъ на настоящаго человѣка, кажется мнѣ, чѣмъ та ученая тѣнь, которая пылаетъ любовью къ химерѣ цѣлаго человѣческаго рода, т.-е. къ одному только имени. Въ своей бѣдной хижинѣ дикарь найдетъ мѣсто для всякаго чужеземца, котораго онъ приметъ съ тѣмъ же радушіемъ, какъ и своего брата, и ни разу не спроситъ, откуда онъ пришелъ. Въ широкомъ же сердцѣ досузаго

(*müssigen*) космополита ни для кого нѣтъ пріюта» (VIII, 5). Въ этомъ нападеніи на космополитизмъ Гердеръ имѣлъ въ виду тотъ всемірный союзъ народовъ, которымъ, по мнѣнію Канта, должна была завершиться исторія человѣчества.

Кантовское мнѣніе, что только въ совершенномъ государственномъ устройствѣ человѣчество можетъ осуществить свое назначеніе, было неприятно Гердеру еще и потому, что, согласно съ нимъ, весь историческій процессъ разсматривался, какъ совершающій въ пользу «имѣющихъ притти послѣдними», а всѣ люди, живущіе ранѣе достиженія идеальнаго порядка, являлись только «удобрителями почвы», на которой «въ концѣ временъ» построится благополучіе немногихъ счастливецъ. Но тотъ же самый упрекъ можно было бы сдѣлать и самому Гердеру. И онъ ставитъ исторіи конечную цѣль — распространеніе гуманности по всему земному шару, — а признаніе конечной цѣли историческаго развитія, какова бы ни была эта цѣль, ставить въ логическую необходимость смотрѣть на всѣхъ, жившихъ ранѣе достиженія этой цѣли, какъ на существующихъ не самихъ ради себя, а ради тѣхъ немногихъ, которые въ концѣ-концовъ достигнутъ ея.

Съ точки зрѣнія теоріи конечныхъ цѣлей самостоятельное значеніе можетъ имѣть только финальный періодъ человѣческой исторіи, всѣмъ же низшимъ ступенямъ культуры должно быть приписано значеніе только подготовительное. Кромѣ того, для теоретика конечныхъ цѣлей вся исторія должна представляться въ видѣ однообразной дороги, различные этапы которой разнятся между собой только степенью приближенія къ ея конечному пункту, только количественно, а не качественно; по теоріи конечныхъ цѣлей могутъ существовать только высшія и низшія *ступени* культуры, а не качественно отличныя другъ отъ друга *формы* культуры, каждая изъ которыхъ окрашена въ своеобразный, только ей свойственный колоритъ мѣста и времени.

Сдѣлать эти выводы изъ принципа конечной цѣли историческаго развитія, т. е. признать за низшими состояніями культуры только подготовительное значеніе и приписать ея различнымъ ступенямъ только количественныя, а не качественные отличія другъ отъ друга, — было не въ духѣ Гердера, всегда глубоко интересовавшагося низшими ступенями культуры, всюду искавшаго индивидуальныхъ отличій, своеобразныхъ признаковъ и отрицавшаго возможность примѣненія одного масштаба къ оцѣн-

къ всѣхъ явленій прошлаго. Поэтому во второй части «Идей» онъ предпочелъ отказаться отъ понятія гуманности, какъ конечной цѣли историческаго развитія,—понятія, которое имѣетъ постоянное для всѣхъ людей и для всѣхъ эпохъ общее содержаніе и характеризуется неизмѣнными признаками (Vernunft und Güte) и вмѣсто гуманности назначеніе человѣческаго рода увидаль въ счастьѣ (Glückseligkeit), которое по своей природѣ субъективно, доступно всякому народу, возможно на всякой ступени развитія. Съ точки зрѣнія «счастья», какъ критерія оцѣнки историческихъ явленій, всѣ эпохи и народы являются равноцѣнными, имѣютъ одинаковое право на самостоятельное значеніе въ исторіи человѣчества, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждая эпоха и каждый народъ получаетъ своеобразный отпечатокъ, такъ какъ способъ наслажденія жизнью безконечно разнообразится сообразно съ обстоятельствами. Человѣкъ есть «сынъ счастья, которое бросило его въ то или иное мѣсто и опредѣлило способъ его наслажденій, родъ и мѣру его радостей и страданій сообразно со страной, временемъ, организаціей, обстоятельствами, въ которыхъ онъ живетъ. Безумно гордымъ было бы притязаніе, чтобы обитатели всѣхъ частей свѣта были европейцами, чтобы жить счастливо: развѣ мы сами были бы тѣмъ, что мы есть, внѣ Европы? Тотъ, кто помѣстилъ насъ сюда, помѣстилъ другихъ въ иномъ мѣстѣ и далъ имъ то же право на наслажденіе земной жизнью. Счастье есть внутреннее состояніе, мѣра и опредѣленіе котораго лежитъ не внѣ, но въ груди каждаго отдѣльнаго существа; другой не имѣетъ права принуждать меня къ своему чувству (Gefühl), какъ онъ не имѣетъ силы передать мнѣ свой способъ чувствованія (Empfindungsart) и обратить мое существованіе въ свое», (VIII 5). Счастье не зависитъ отъ культуры, высокая культура даже мѣшаетъ ему: «Переполненная знаніями голова, хотя бы это были и золотыя знанія, удручаетъ тѣло, стѣсняетъ грудь, затемняетъ взглядъ и дѣлается болѣзненнымъ бременемъ для того, кто ее носитъ». (VIII, 5). И далѣе: «наше счастье есть болѣе тихое чувство, чѣмъ блестящая мысль; чувствованія сердца гораздо болѣе, чѣмъ глубокомысленная работа разума, награждаютъ насъ любовью и радостью въ жизни» (VIII, 5).

Но если въ счастьѣ заключается назначеніе человѣчества, то изъ этого слѣдуетъ, что въ исторіи нѣтъ прогресса (т.-е. пере-

хода отъ состояній низшаго счастья къ состояніямъ большаго счастья): на низшихъ ступеняхъ культуры люди живутъ даже счастливѣе, чѣмъ на высшихъ: «Народы ¹⁾, о которыхъ мы думаемъ, что природа была для нихъ мачехой, были, можетъ быть, ея любимыми дѣтьми, потому что, если она лишила ихъ пиршества изъ сладкихъ ядовъ, зато суровыми руками труда она вручила имъ сосудъ здоровья и оживляющей ихъ изнутри жизненной теплоты (Lebenswärme)... Веселость, не сопровождаемая никакими мыслями, внутреннее ощущеніе блаженства является для нихъ счастіемъ, назначеніемъ и наслажденіемъ жизни; можетъ ли быть другое болѣе тонкое и болѣе прочное наслажденіе?» (VIII, 5). Нѣтъ также въ исторіи и конечной цѣли, потому что счастье доступно всѣмъ, всегда и всюду и поэтому не можетъ служить цѣлью для историческаго развитія; все же остальное, кромѣ счастья, лишено дѣйствительной цѣнности. «Философія конечныхъ цѣлей,—говоритъ Гердеръ въ третьей части «Идей»,— «не принесла для естественной исторіи никакой пользы; она удовлетворяла своихъ послѣдователей не научными изслѣдованіями, а иллюзіями; тѣмъ меньшую пользу могла она принести для человѣческой исторіи, цѣли которой расходятся въ тысячи различныхъ сторонъ» (XIV, 6).

Поэтому Гердеръ отказывается смотрѣть на историческія явленія и какъ на средства для достиженія какихъ-либо цѣлей и даже какъ на ступени въ постепенномъ развитіи. Единственный вопросъ, который надо ставить при разсмѣтрѣніи историческихъ явленій, это—вопросъ «почему?». «Почему появились на свѣтъ просвѣщенные греки?—Потому что они появились и при данныхъ условіяхъ не могли быть иными, какъ просвѣщенными. Почему Александръ двинулся въ Индію?—Потому что онъ былъ сынъ Филиппа, потому что его наводили на такой смѣлый замыселъ введенныя его отцомъ учрежденія, геройскій духъ его націи, его собственный возрастъ и его характеръ, его увлеченіе произведеніями Гомера и т. д. При этихъ условіяхъ онъ не могъ придумать ничего лучшаго». (XIII, 7). Римляне не образовали въ цѣпи культуры болѣе совершеннаго звена, чѣмъ ранѣе ихъ жившіе греки, и ихъ исторію надо разсматривать какъ и «всякое другое естественное явленіе, причины котораго мы

¹⁾ Гердеръ имѣетъ въ виду жителей Востока.

хотимъ свободно изслѣдовать, не пододвигая подъ нее никакого плана (*ohne untergeschobenen Plan*). Римляне были и стали тѣмъ, чѣмъ они могли стать; у нихъ погибло или удержалось все, что могло погибнуть или удержаться. Времена идутъ и вмѣстѣ съ ними дитя временъ—многообразное человѣчество. На землѣ цвѣло все, что могло цвѣсти,—все въ свое время и въ своемъ кругу; оно отцвѣтаетъ и опять будетъ цвѣсти, если придетъ его время» (XIV, 6).

Такимъ образомъ, въ разныхъ частяхъ своего сочиненія Гердеръ пришелъ къ совершенно противоположнымъ взглядамъ на исторію. Въ первой и нѣкоторыхъ мѣстахъ третьей части (XV, 4, 5) онъ защищалъ прогрессъ и конечную цѣль въ исторіи, но при этомъ долженъ былъ лишить самостоятельнаго значенія и своеобразности частныя исторіи отдѣльныхъ народовъ и отдѣльные историческіе періоды. Во второй и другихъ мѣстахъ третьей части (XIII, 7 и XIV, 6) ему удалось отстоять самостоятельность и своеобразность частныхъ исторій и отдѣльныхъ періодовъ, но это привело его къ отрицанію въ исторіи прогресса и конечной цѣли, т.-е. заставило впасть въ противорѣчіе съ самимъ собой. На это противорѣчіе не упустилъ случая указать Кантъ въ рецензій на вторую часть «Идей». Кантъ доказывалъ, что, если признать индивидуальное счастье за назначеніе человѣческой жизни, то будетъ упущено изъ виду единство человеческого рода и послѣдній разобьется на множество самостоятельныхъ, самихъ себѣ довлѣющихъ личностей. Между тѣмъ человѣчскій родъ есть реальное цѣлое и, хотя и состоитъ изъ безконечнаго ряда существъ, но назначеніе свое можетъ имѣть только въ самомъ себѣ, какъ въ цѣломъ. Потому, цѣлью исторіи не можетъ служить только то, что касается отдѣльныхъ индивидовъ, ею должно быть то, что обнимаетъ общія условія существованія всѣхъ людей; а такимъ можетъ быть только государственное устройство, распространившееся на все человѣчество, соединяющее всѣ народы въ одинъ всемірный союзъ. Счастье не можетъ быть назначеніемъ человѣчества; оно показываетъ только то, что чувствуютъ отдѣльные лица. Но для культуры важно не то, что они чувствуютъ, а то, какія культурныя пріобрѣтенія они дѣлаютъ, насколько они способствуютъ прогрессу человеческого разума. И такъ какъ высшая степень культуры можетъ быть продуктомъ только государственнаго

устройства, дѣлающаго изъ антагонизма частныхъ стремленій могущественное средство развитія человѣческаго разума, то внѣ государства не можетъ быть прогресса.

Въ рецензїи на десятую книгу «Идей» (второй части) Кантъ доказывалъ, что счастье индивида потому не можетъ служить цѣлью исторїи, что первый шагъ къ прогрессу былъ потерей для индивида, которому пришлось поплатиться за него свободой природнаго состоянія, и выигрышемъ для рода. вмѣсто привольной жизни дикаря наступило время жестокой борьбы, но эта борьба была благотѣтельна, потому что въ концѣ-концовъ она должна была приучить людей къ совмѣстной дѣятельности, т.-е. содѣйствовать развитію общественности и гражданскаго порядка. То, что являлось зломъ для индивида, то для общества явилось необходимымъ средствомъ прогресса. Когда поймутъ это, то исчезнутъ мечты о возобновленіи золотого вѣка, всеобщаго счастья, падающаго на доисторическое время, и въ жизни стануть цѣнить не наслажденія, а только «дѣйствія», ведущія къ прогрессу.

Противоположное пониманіе Гердеромъ историческаго процесса зависѣло отъ того, что его философія исторїи вырабатывалась подъ двумя вліяніями—съ одной стороны подъ вліяніемъ просвѣтительной философіи XVIII вѣка, привыкшей все нивелировать, относиться съ презрѣніемъ къ разнообразію и своеобразію прошедшей жизни народовъ и цѣнить только послѣднее слово историческаго развитія, а съ другой,—нарождавшейся реакціи противъ просвѣтительной философіи,—реакціи, примыкавшей отчасти къ литературной дѣятельности нѣмецкихъ «бурныхъ геніевъ», отчасти къ туманной миѣической философіи Якоба, Лафатера и «сѣвернаго чародѣя» Гаманна. Съ этой реакціей его сближало стремленіе къ реабилитаціи чувства и глубокой интересъ ко всему своеобразному и индивидуальному. Одно время Гердера даже считали главой «бурныхъ геніевъ», хотя врожденный литературный тактъ никогда не позволялъ ему вдаваться въ крайности и эксцессы послѣднихъ. По своему характеру, крайне неустойчивому и въ то же время крайне воспримчивому ко всякаго рода направленіямъ и вѣяніямъ, Гердеръ долгое время находился подъ двоякимъ вліяніемъ, какъ романтической «философіи чувства», такъ и просвѣтительной «философіи разума», и, несмотря на свою рано опредѣлившуюся и сильно выразившуюся антипатію къ просвѣтителямъ, въ

нѣкоторыхъ отношеніяхъ находился въ идейной зависимости отъ нихъ почти до конца своей жизни. Эта-то воспріимчивость къ прямо противоположнымъ вліяніямъ и заставляла Гердера постоянно колебаться между теоріей конечныхъ цѣлей, побуждавшей его цѣнить только послѣдніе моменты всемірной исторіи и находившейся въ идейномъ родствѣ съ философіей XVIII вѣка, и теоріей счастья, какъ главной цѣли человѣческаго существованія, идеализировавшей золотое время «дѣтства народовъ» и непосредственно примыкавшей къ раннему романтизму. Противорѣчивость своей философско-исторической теоріи Гердеръ ясно сознавалъ, и нѣкоторыя главы (главнымъ образомъ третья) XV книги «Идей» представляютъ собою попытку примирить два противоположные взгляда на исторію, высказанные Гердеромъ раньше, но эта попытка не можетъ быть названа удачной. Въ этихъ главахъ, не отказываясь отъ понятія гуманности, Гердеръ лишаетъ его общихъ, обнимающихъ всѣ національныя различія, признаковъ (*Vernunft und Güte*), и придаетъ гуманности характеръ чего-то измѣняющагося, различнаго для каждаго народа и каждой эпохи. Каждый народъ, говоритъ Гердеръ, стремится достигнуть своей, только ему свойственной формы гуманности, характеръ которой опредѣляется своеобразными особенностями духовной фізіономіи народа. Гуманность, такимъ образомъ, перестаетъ здѣсь быть единой для всѣхъ, теряетъ свой общій характеръ и получаетъ различныя національныя выраженія; она является цѣлью уже не всемірно-историческаго, а только національнаго развитія. Гуманность каждаго народа состоитъ въ гармоничной соразмѣрности его силъ, которую Гердеръ называетъ *maximum*'омъ національнаго развитія. *Maximum*'ы приведенныхъ въ гармонію жизненныхъ силъ отдѣльныхъ народовъ (т.-е. свойственныя народамъ формы гуманности) не только различны у различныхъ народовъ, но и несравнимы (*unvergleichbar*) между собой и даже могутъ исключать другъ друга. Для китайцевъ такимъ *maximum*'омъ является «политическая мораль», для финикійцевъ имъ былъ «духъ мореплаванія и торговаго усердія», для грековъ—«чувственно-прекрасное въ жизни, искусствахъ, наукахъ и политическихъ учрежденіяхъ», для римлянъ—«добродѣтель патріотизма» и т. п. По свойственному Гердеру стремленію отождествлять законы, которымъ подчиняется исторія чело- вѣчества, съ законами природы, онъ и свою теорію о *maximum*'ахъ

жизненныхъ силъ народа хотѣлъ обосновать натуралистически. Сущность гуманности, говоритъ онъ, объясняется самыми общими законами всякаго бытія. «Въ математическихъ, естественныхъ наукахъ доказано ¹⁾, что для устойчиваго существованія вещи (Zum Beharrungszustande) необходимъ нѣкоторый родъ совершенства, maximum или minimum, который вытекаетъ изъ образа дѣйствія силъ этой вещи. По этому прекрасному естественному закону всякое существо носить въ себѣ свою физическую истинность, доброту (Güte) и необходимость, какъ зерно своего существованія. Равнымъ образомъ доказано, что всякое совершенство и красота составныхъ ограниченныхъ вещей (Zusammengesetzter eingeschränkter Dinge) или ихъ системы основываются на такомъ maximum'ѣ. Также доказано, что если существо или система существъ будутъ выведены изъ этого устойчиваго состоянія (Beharrungszustande) своей истинности, доброты и красоты, то работой внутренней силы они... опять приблизятся къ нему, потому что внѣ этого состоянія они не имѣютъ прочнаго существованія» (XV, III). Подобно этому и для отдѣльныхъ народовъ, каждый изъ которыхъ представляетъ естественную систему самыхъ разнообразныхъ силъ, должны существовать такіе maximum'ы совмѣстно дѣйствующихъ силъ (Zusammenwirkender Kräfte); каждый народъ «носить мѣру своего совершенства, несравнимую съ другими, въ себѣ». Жизненные силы народа безпорядочно путаются между собой и враждебно сталкиваются, «пока по непреложнымъ законамъ природы противорѣчивые принципы не ограничатъ другъ друга и въ движеніи не установится равновѣсіе и гармонія» (XV, 3). Тогда народомъ будетъ достигнутъ maximum его силъ, который и явится свойственной этому народу формой гуманности. У одного и того же народа maximum'ы могутъ быть различны въ различныхъ областяхъ жизни. «Нѣкоторые изъ нихъ исключаютъ или ограничиваютъ другъ друга, пока, наконецъ, не установится равновѣсіе въ цѣломъ, такъ что было бы въ высшей степени ложнымъ заключеніемъ, если бы мы изъ одного совершенства какой-либо націи вывели бы всѣ другія ея совершенства. Если, напр., Аѳины имѣли хорошихъ ораторовъ, то они не должны были благодаря этому имѣть хорошую форму правленія, и если въ Китаѣ превосходно

¹⁾ Ламбертомъ; но Гердеръ не называетъ здѣсь Ламберта по имени.

морализировали, то китайское государственное устройство еще не образец государственных устройств. Образъ правленія основывается на совѣмъ иномъ *taxiutum*'ѣ, чѣмъ хорошее нравственное изреченіе или патетическая рѣчь, хотя, въ концѣ-концовъ, у одной и той же націи всѣ области, хотя и ограничивая и исключая одна другую, находятся въ связи» (XV, 3).

Такимъ образомъ, Гердеръ здѣсь вмѣсто различныхъ *степеней* гуманности, различающихся между собой только по степени, сталъ говорить о различныхъ *формахъ* гуманности, различающихся качественно, несравнимыхъ одна съ другой. Понятіе гуманности, вслѣдствіе этого, лишалось всякаго реального содержанія, потому что, что общаго было по содержанію между «политической моралью» китайцевъ и «чувственно-прекраснымъ» грековъ? Но если между національными формами гуманности не было ничего общаго по содержанію, то что же заставляло Гердера давать всѣмъ этимъ формамъ одно и то же названіе гуманности? Только то, что каждая изъ нихъ являлась *taxiutum*'омъ взаимно сдерживающихъ одна другую жизненныхъ силъ народа,—безразлично, каковы бы ни были эти силы сами по себѣ. Такимъ образомъ, не *Vernunft* и *Güte*, какъ реальныя силы человѣческой души, являлись теперь существенными признаками гуманности, а чисто формальный принципъ—гармонія и соразмѣрность между жизненными силами націи. Этимъ спасалось своеобразіе и самостоятельность частныхъ исторій, потому что каждый народъ получалъ въ самомъ себѣ свое назначеніе, послѣднее не выходило за предѣлы національной исторіи, но зато опять терялось изъ виду единство всемірной исторіи, направленной къ одной цѣли, и непрерывная цѣль культуры порывалась на множество самостоятельныхъ, одна отъ другой независимыхъ, частей. Въ этомъ заключается основное различіе между историко-философскими взглядами Канта и Гердера. По Канту существовала объективная цѣль всемірно-историческаго развитія—совершенное государственное устройство,—и вся исторія представлялась ему только переходомъ отъ менѣ развитого государственнаго устройства къ болѣе развитому, а Гердеру его стремленіе отстоять своеобразие и самостоятельность индивидуальныхъ жизней (во второй части, противъ философско-историческихъ взглядовъ, которой Кантъ только и возражалъ) или національныхъ формъ развитія (третья глава XV книги, которая вышла въ свѣтъ послѣ напеча-

танія кантовскихъ рецензій), всегда мѣшало твердо установить и точно опредѣлить единую цѣль всемірной исторіи. Поэтому Кантъ придавалъ большее значеніе объективнымъ признакамъ культурности, внѣшнимъ дѣяніямъ, реальнымъ приобрѣтеніямъ разума, а Гердеръ тому, что народъ чувствуетъ и какъ онъ мыслить, т.-е. интимнымъ, субъективнымъ сторонамъ національной жизни, въ которыхъ своеобразныя особенности духовной фізіономіи лучше всего выражаются. У Канта больше послѣдовательности въ историческомъ развитіи, есть переходъ отъ низшаго къ высшему; зато у Гердера болѣе приняты во вниманіе индивидуальныя особенности націи, болѣе отмѣченъ принципъ національности. О различіи Канта и Гердера очень хорошо говоритъ Гаймъ: «У Канта чистота рисунка соединяется съ однообразіемъ внѣшнихъ очертаній, а у Гердера красота картины, обнимающая всю ширину человѣческаго существованія, соединяется съ неопредѣленностью очертаній» («Гердеръ», т. II, стр. 277).

Итакъ, теорія всемірно-историческаго прогресса не совмѣщалась у Гердера съ понятіями самостоятельности и своеобразности частныхъ исторій и, признавъ послѣднія, онъ долженъ былъ отказаться отъ первой.

Но не будучи въ силахъ выйти изъ этого противорѣчія, Гердеръ все же не отказывался отъ *вѣры* во всемірно-историческій прогрессъ; онъ высказывалъ увѣренность, что, подобно тому, какъ наша походка, несмотря на постоянныя отклоненія вправо и влево, въ общемъ ведетъ насъ все-таки впередъ, такъ и цѣль культуры, пробѣгая чрезъ исторіи всѣхъ народовъ, изъ всѣхъ національныхъ формъ гуманности выберетъ лучшее, отброситъ противорѣчивое и соединитъ оставшееся въ гармоничное цѣлое, которое образуетъ «золотое зерно» истиннаго разума и истинной доброты. Какъ это произойдетъ, Гердеръ не показалъ и не могъ показать, но онъ глубоко вѣрилъ въ это. Хотя только гѣнь разума и справедливости, говорилъ онъ, должна существовать во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, во всѣхъ національныхъ формахъ гуманности и, постепенно приближаясь къ вѣчному, единому для всѣхъ идеалу гуманности, она ведетъ за собой человечество впередъ. Съ каждымъ новымъ шагомъ человечества «вливается свѣтъ въ души людей, доброта—въ ихъ сердце, совершенство—въ ихъ государство, счастье—въ ихъ жизнь. Въ

какіе бы уголки ни уклонялся и какъ бы ни изгибался потокъ человѣческаго разума,—онъ вышелъ изъ вѣчнаго источника истины и въ силу своей природы никогда не можетъ потеряться. Кто пьетъ изъ него, тотъ пьетъ силу (Dauer) и жизнь» (XV, 3).

* *
*

Попытка представить историческое развитіе, какъ процессъ, направленный къ единой цѣли, окончилась, такимъ образомъ, у Гердера неудачей. Но разорванное единство всемірной исторіи Гердеръ снова восстанавливаетъ, принимая принципъ не телеологическій, а причинной зависимости отдѣльныхъ историческихъ моментовъ другъ отъ друга. Эта зависимость, по Гердеру, вытекаетъ изъ того, что существуетъ духовное вліяніе однихъ людей на другихъ, для котораго нѣтъ хронологическихъ и пространственныхъ преградъ, воспитаніе явившихся позднѣе явившимися ранѣе, иначе говоря, традиція. Признаніе традиціи даетъ въ руки Гердера тѣ доказательства реального единства человѣческаго рода, которыхъ не могли ему дать его телеологическіе взгляды. «Если бы человѣкъ,—говоритъ Гердеръ,—все воспринималъ изъ самого себя и развивалъ независимо отъ внѣшнихъ предметовъ, то была бы возможна только исторія человѣка, но не людей, не цѣлаго человѣческаго рода» (XV, 1). Человѣческій родъ, конечно, не реальная величина,—продолжаетъ онъ, намекая на мысль Канта,—что человѣчество въ цѣломъ должно быть объектомъ историческаго изученія; реальны только единицы его составляющія; но зато каждая изъ этихъ единицъ воспринимаетъ путемъ подражанія и въ силу наслѣдственности опытъ всѣхъ людей, жившихъ ранѣе ея. Человѣкъ «воспитанникъ разума другихъ», коллективное произведеніе вѣковъ (IX, 1).

Воспитаніе посредствомъ традиціи являлось у Гердера не только механическимъ услоеніемъ, но и творческимъ актомъ. Человѣкъ не только воспринимаетъ, но и перерабатываетъ сообразно съ своей природой воспринятое. Поэтому вторымъ факторомъ историческаго развитія (послѣ традиціи) являются органическія силы людей, ихъ природныя способности, заставляющія отталкивать то, что противно человѣческой природѣ вообще и индивидуальнымъ особенностямъ каждаго отдѣльнаго человѣка въ частности, и усваивать только то, въ чемъ люди чувствуютъ нѣчто родственное своей природѣ и себѣ. И въ этомъ свойствѣ жизнен-

ныхъ силъ человѣка Гердеръ, по своей обычной манерѣ «натурализировать» все человѣческое, видитъ всеобщій естественный законъ природы,—законъ самосохраненія, заключающійся въ присутствіи всѣмъ земнымъ созданіямъ стремленіи остаться самими собой, сохранить свою индивидуальную сущность.

Третьимъ факторомъ исторіи у Гердера является внѣшняя природа. Во взглядахъ Гердера на вліяніе географическихъ условій на историческое развитіе такъ много новаго, сравнительно съ его предшественниками, и значительнаго, что мы остановимся на нихъ подробнѣе.

Всю совокупность внѣшнихъ вліяній на человѣчество, исходящихъ отъ природы, Гердеръ обозначаетъ однимъ словомъ: климатъ. Но подъ словомъ «климатъ» Гердеръ понимаетъ не то, что теперь понимаемъ подъ нимъ мы; въ понятіе «климатъ» у него включаются не одни только температурныя отношенія, степень влажности или сухости окружающаго землю воздуха, но и «высота и глубина земного пояса (т.-е. вертикальныя и горизонтальныя соотношенія на землѣ), его особенности и особенности его продуктовъ, кушанья и напитки, которые употребляетъ человѣкъ, образъ жизни, который онъ ведетъ, одежда, привычныя состоянія (Stellungen), удовольствія и искусства, съ цѣлымъ рядомъ другихъ обстоятельствъ» (VII, 3); т.-е., насколько можно понять, климатъ у Гердера—это вся внѣшняя природа и обусловленные ея вліяніемъ наиболѣе общіе обычаи людей, настолько глубоко въ нихъ вкоренившіеся, что образовали какъ бы вторую природу людей. Эта вторая, «климатическая» природа человѣка, какъ обусловленная внѣшними вліяніями, у Гердера отличается отъ первичной природы, которая образовалась «генетически» ¹⁾, выросла изъ внутреннихъ задатковъ человѣческаго организма. Что касается отношенія вліяній внѣшней природы къ другимъ факторамъ человѣческаго развитія, у Гердера нѣтъ разработанной теоріи, и его взгляды на значеніе «климата» для человѣчества часто мѣняются, смотря по тому, въ какой связи онъ ихъ излагаетъ,—въ однихъ мѣстахъ онъ приписываетъ климату большее значеніе, въ другихъ—меньшее. Вообще говоря, значеніе

¹⁾ Слово «genetisch» Гердеръ, по толкованію Лампрехта, производитъ не отъ γένεσις, а отъ γένεσις, т.-е. понимаетъ его въ смыслѣ «развиившагося изъ природныхъ задатковъ».

климата у Гердера велико, хотя онъ нигдѣ не доходитъ до отрицанія другихъ факторовъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ восклицаетъ: «Если бы горы и рѣки были расположены иначе, а море имѣло иные берега, какъ бесконечно инымъ образомъ рассыпались бы люди на этой аренѣ націй». Въ виду многообразныхъ вліяній климата на человѣка—Гердеръ называетъ врачей и философовъ, наблюдающихъ эти вліянія, не только «учениками природы», но и «учителями философовъ». Земля для Гердера является громаднымъ «воспитательнымъ домомъ человечества», хотя со многими отдѣленіями, классами и комнатами, но съ однимъ типомъ обученія» (IX, 1). Вліяніе климата «гораздо болѣе распространяется на массы существъ, чѣмъ на индивидуы, но на первыя только чрезъ послѣднихъ»; оно незамѣтно чрезъ краткіе промежутки времени, «но господствуетъ на большихъ хронологическихъ пространствахъ, гдѣ оно открывається поздно, да и тогда, можетъ быть, въ ничтожныхъ обстоятельствахъ. Наконецъ, климатъ не принуждаетъ, а склоняетъ; онъ даетъ незамѣтную диспозицію, которую хотя и можно замѣтить у туземныхъ народовъ (bei eingewurzelten Völkern) въ цѣлой картинѣ нравовъ и образа жизни, но очень трудно описать, особенно отдѣльно» (VII, 3). Совершенно въ духѣ Риттера—Гердеръ вноситъ въ антропогеографію историческій элементъ, когда говоритъ, что нельзя приписывать природѣ одинаковое вліяніе на развитіе человечества во всѣ времена его существованія и что по мѣрѣ развитія разума люди освобождаются отъ подчиненія климату, становятся все болѣе самоопредѣляющимися существами и даже начинаютъ сами подчинять себѣ природу (VII, 3).

Особенно оригинальны мысли Гердера относительно вліянія климата на духовную природу человѣка. Слѣдуя за Гиппократомъ¹⁾, котораго, какъ врача, особенно занималъ вопросъ о вліяніи климата на темпераменты народовъ, Гердеръ пояснимъ положеніемъ объяснялъ характеръ жителей различныхъ климатовъ. На югѣ, по мнѣнію Гердера, гдѣ природа даетъ всѣ средства для удовлетворенія необходимыхъ потребностей, не могло появиться народовъ съ сильнымъ и бодрымъ характеромъ; тамъ,

1) Къ Гиппократу Гердеръ относился съ большимъ уваженіемъ и очень хвалилъ его осмотрительность при выводѣ общихъ заключеній. Но въ частностяхъ, какъ увидимъ, онъ расходился съ Гиппократомъ.

гдѣ естественные плоды земли достаются въ руки людей безъ всякаго труда съ ихъ стороны, — можетъ развиваться только лѣнность и ограниченность. Счастливая и пріятная лѣнь, прерывающаяся иногда бурными вспышками чувственности, — обычное состояніе жителей Юга (VIII, 3). Также и холодный климатъ не благопріятствуетъ развитію энергіи и предприимчивости. У обитателей холодныхъ странъ кровь течетъ вяло и медленно, возбудимость слаба; ихъ главная добродѣтель — безстрастіе и спокойная, мягкая любовь. Они не стремятся улучшить свое положеніе, если не умираютъ съ голода. Они примиряются съ недостатками и относятся съ пренебреженіемъ ко всему, что не является безусловно необходимымъ (VI, I и VIII, 3). Здѣсь Гердеръ расходится съ Монтескье, который доказывалъ, что жители сѣверныхъ странъ — наиболѣе мужественные, и что мужество и бодрость уменьшаются по мѣрѣ приближенія къ югу. Гердеръ приписывалъ жителямъ не холоднаго, а умѣреннаго, мягкаго климата наибольшую душевную бодрость и наибольшее мужество (въ противоположность Гиппократу, думавшему, что мягкость климата содѣйствуетъ лѣности и слабости). Только тамъ, гдѣ времена года правильно мѣняются, гдѣ нѣтъ рѣзкихъ климатическихъ переходовъ, — только тамъ возможна та умѣренность душевныхъ движеній и та эластичность духа, при которой жизнь правильно распредѣляется между тихимъ удовольствіемъ и спокойной дѣятельностью. Только въ умѣренномъ климатѣ, поэтому, возможна высокая культура. Въ южныхъ странахъ люди не сдѣлали ни одного шага къ культурѣ, такъ какъ природа къ нимъ слишкомъ щедра: здѣсь не было надобности даже въ одеждѣ, огнѣ и жилищѣ. На Сѣверѣ культура не пошла далѣе грубыхъ задатковъ, здѣсь были сдѣланы изобрѣтенія, рассчитанныя только на самыя простыя и необходимыя потребности: лукъ, стрѣлы, лодки, огонь, платье, жилище и т. п. Въ одномъ умѣренномъ климатѣ культура сдѣлала не только первые, робкіе шаги, но и высоко поднялась, далеко двинулась впередъ.

Соціально-политическое значеніе природныхъ вліяній Гердера интересовало очень мало. Онъ не шелъ дальше общихъ утвержденій, что почва и естественное положеніе страны въ нѣкоторой степени вліяютъ на образъ правленія и общественный строй, въ частности указывая только на одинъ случай такого вліянія.

Именно онъ указывалъ, что на большихъ пространствахъ, котрымъ самой природой поставлены естественныя границы въ видѣ рѣкъ, горъ, морей или пустынь, облегчается образованіе крупныхъ монархическихъ государствъ (Испанія, Франція, Южная Азія); напротивъ, на лишенныхъ естественныхъ границъ (Сѣверная Азія) или чрезмѣрно ими раздѣленныхъ пространствахъ (Италія) образованіе большихъ государствъ затрудняется (XVIII, 1, 3; 1, 6; XIV, 1). (И Риттеръ существованіемъ естественныхъ границъ объяснялъ возникновеніе въ Европѣ многихъ государствъ въ противоположность Африкѣ и Сѣверной Азіи.) Соціальный строй, формы государственнаго правленія вообще занимали Гердера довольно слабо и притомъ занимали лишь постольку, поскольку онъ видалъ въ нихъ эволюцію, движеніе. Въ этомъ онъ представлялъ полную противоположность Монтеस्कье. Монтеस्कье гораздо обстоятельнѣе Гердера изслѣдовалъ соціально-политическое значеніе географическихъ условій; но, поставивъ соціально-политическія формы въ зависимость отъ слабо измѣняющаго фактора — внѣшней природы, — Монтеस्कье и самымъ этимъ формамъ приписалъ слабую способность къ измѣненіямъ. Онѣ являлись у него неизмѣнными, разъ навсегда опредѣлившимися. Гердеръ въ соціально-политической исторіи, какъ и всюду, искалъ движенія и потому у него общественный (въ широкомъ смыслѣ) строй соответствовалъ въ гораздо большей степени возрасту народа, чѣмъ природѣ страны, въ которой онъ сформировался. По мнѣнію Гердера, надо было искать не классификаціи правительственныхъ формъ, какъ чего-то вполне опредѣлившася, застывшаго на вѣчныя времена, а открывать вѣчные законы ихъ развитія.

Совсѣмъ другую роль играютъ у Гердера природныя условія въ первоначальномъ зарожденіи культуры, въ первоначальномъ расселеніи народовъ, въ распространеніи культуры, въ торговыхъ сношеніяхъ, въ выработкѣ религіозныхъ представленій. Первые шаги челоуѣческой культуры, когда высшія способности челоуѣка еще не окрѣпли, а традиція еще не успѣла пріобрѣсти авторитета древности, Гердеръ ставитъ въ почти исключительную зависимость отъ природныхъ вліяній. Въ указаніи значенія послѣднихъ для историческаго развитія и заключается главная заслуга Гердера передъ антропогеографіей. И до него Гаттереръ

(Gatterer) и Кантъ ¹⁾ указывали на связь географіи съ исторіей; но они ограничились только общими указаніями, не попытавшись разсмотрѣть въ частностяхъ, въ чемъ состоитъ эта связь. Гердеръ впервые примѣнилъ ихъ общія положенія къ фактическому изученію географическихъ и историческихъ данныхъ, и не только указалъ на связь исторіи съ географіей, но и доказалъ ее на многихъ примѣрахъ. Онъ не представилъ систематическаго изложенія своихъ мыслей на этъ счетъ, а разбросалъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія. Тѣмъ не менѣе ему удалось указать, какъ на главные факторы историческаго движенія, — на тѣ самыя природныя условія, которымъ позднѣе и Карлъ Риттеръ сталъ придавать главное значеніе, — именно, на поясное положеніе, отношеніе суши къ водному пространству, краевое или срединное положеніе страны на материкѣ, островное положеніе, количество и величину морей, рѣкъ, степей, пустынь, изрѣзанность береговъ ²⁾.

1) Кантъ въ *Physische Geographie* писалъ: *Die Geschichte desjenigen, was zwischen verschiedenen Zeiten geschiet und bloss die eigentliche Historie ist nichts anderes als eine kontinuerliche Geographie. Die Historie ist also von der Geographie nur in Ansehung des Raumes und der Zeit unterschieden.*

2) Укажемъ на нѣкоторыя изъ антропогеографическихъ замѣчаній Гердера. Положеніе „на краю свѣта“ обыкновенно вызываетъ культурный застой (Китай). На восточномъ концѣ Азіи, говоритъ Гердеръ, не могла появиться Греція (XI, 1; XI, 5). Но Португалію, Англію, Испанію, Нидерланды и Францію Гердеръ, несмотря на ихъ краевое положеніе на материкѣ, не считалъ лежащими „на краю свѣта“; онѣ лежатъ только на краю Старога Свѣта, и, такъ какъ благодаря ихъ близости къ морю онѣ являются отправными пунктами для путешествій въ Новый Свѣтъ, ихъ положеніе можно назвать даже благопріятнымъ для нихъ (XX, 5). Небольшія страны, лежащія на путяхъ, по которымъ движутся народы во время переселеній, не долго бываютъ въ однихъ рукахъ. Такъ Арменія постоянно переходила изъ рукъ въ руки (XVII, 2). Но если „срединный“ народъ сумѣетъ сохранить свою самостоятельность, то его срединное положеніе будетъ содѣйствовать его торговому значенію. „Срединное“ положеніе, давая легкій доступъ къ окружающимъ странамъ, можетъ также внушить страсть къ завоеваніямъ (Аравія). Пустыни Гердеръ не считалъ серьезными препятствіями между народами: въ Африкѣ народы мало отличаются другъ отъ друга, потому что они отдѣлены не морями, заливами и горами другъ отъ друга, а пустынями. Наоборотъ, народы, населяющіе Америку, значительно разнятся между собою, потому что Америка изрѣзана рѣками, озерами и горами. Такимъ образомъ въ Америкѣ рѣки и озера являются у Гердера не путями, облегчающими сношенія, но границами, ставящими преграды между народами. Въ противоположность

Антропогеографіческіе взгляды Гердера представляють большой прогрессъ по отношенію къ взглядамъ предшествовавшихъ антропогеографовъ. Онъ собралъ всѣ частныя замѣчанія относительно вліянія природы на человѣка, которыя попадались ему при чтеніи описаній путешествій, и въ значительной мѣрѣ углубилъ ихъ, возвелъ отдѣльныя наблюденія на степень общихъ положеній. Онъ не только поставилъ требованіе—разсматривать землю, какъ воспитательный домъ человеческого рода, но и на примѣрѣ показалъ, какую школу проходить въ этомъ домѣ человечество, какъ оно воспитывается, и первые шаги человеческой исторіи объяснилъ вполне естественно вліяніемъ географическаго фактора. По систематичности изложенія онъ далеко уступалъ Монтескье, но зато онъ болѣе многосторонне освѣтилъ связь между природой и человѣкомъ, показалъ больше осмотрительности при выводѣ общихъ заключеній, и его антропогеографическія замѣчанія не такъ легко могутъ быть опровергнуты, какъ многія слишкомъ смѣлыя обобщенія Монтескье. Поэтому среди предшественниковъ К. Риттера ему должно по праву принадлежать первое мѣсто.

* * *

Въ заключеніе постараемся отвѣтить на общій вопросъ: на чемъ основывалось значеніе Гердера для литературы, философіи и науки конца XVIII и начала XIX вѣка. Громадность этого значенія является въ большей или меньшей степени общепризнаннымъ фактомъ. Геттнеръ въ своей «Исторіи литературы XVIII вѣка» называетъ Гердера «однимъ изъ важнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ героевъ духа». «Онъ такъ глубоко,—говоритъ Геттнеръ,—вліялъ на свое время, что великая поэзія Гете и Шиллера, такъ называемая романтическая школа въ Германіи, философія Шеллинга и Гегеля не были бы мыслимы безъ него». Сочиненія Гердера продолжали сохранять свою вліятельность и служить возбужденіемъ къ новымъ работамъ, «воспламенять умы» (по выраженію одного изъ критиковъ Гердера) въ теченіе всего XIX вѣка. «И попытка Алек. Гумбольта,—говоритъ Гаймъ,—

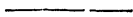

этому въ Европѣ водныя пространства—заливы и глубоко вдающіяся внутрь материка моря—дали возможность обитателямъ различныхъ странъ вступить въ связь другъ съ другомъ, образовавъ какъ бы „ферейнъ націй“.

описать всю систему мірозданія, и остроумныя, многостороннія изслѣдованія К. Е. Бера и стараніе К. Риттера объяснить исторію человѣчества свойствами того поприща, на которомъ развивалась его дѣятельность,—все это прямо указываетъ на вліяніе гердеровскихъ «Идей», которое сознавали и названные писатели. Именно эта способность «воспламенять умы», возбуждать къ дѣятельной работѣ и придаетъ дѣятельности Гердера ея главную цѣнность. Самъ Гердеръ мало создалъ положительнаго, но за нимъ остается слава великаго учителя и наставника другихъ. Всюду, гдѣ Гердеръ выступалъ, онъ являлся смѣлымъ новаторомъ, гениальнымъ провозвѣстникомъ новыхъ точекъ зрѣнія, но не терпѣливымъ работникомъ, оставляющимъ послѣ себя прочно обоснованные и хорошо доказанные выводы. По духу Гердеръ болѣе всего близокъ къ Лейбницу. Онъ былъ такимъ же универсалистомъ и по содержанію и по цѣлямъ своей литературной дѣятельности. Онъ постоянно стремился захватить всѣ области знанія и поставить отдѣльные выводы специальныхъ дисциплинъ въ отношеніе къ высшимъ и послѣднимъ точкамъ зрѣнія. Для него не было ничего необъяснимаго, ничего недоступнаго для разума. Онъ начиналъ съ идей легче всего поддающихся доказательству и затѣмъ постепенно переходилъ къ все болѣе отвлеченнымъ вопросамъ о связи души и тѣла, духа и природы, наконецъ, міра и Бога. Въ концѣ-концовъ онъ всю вселенную сталъ разсматривать, какъ нѣчто единое, органически цѣльное, проникнутое однимъ божественнымъ принципомъ; у него возобновлялся гармонизмъ лейбниціанской философіи, только въ болѣе поэтической формѣ. Въ универсализмѣ Гердера, многосторонности его интересовъ и въ воспріимчивости ко всякимъ вліяніямъ лежитъ глубокій интересъ его изученія. Но именно этотъ универсализмъ помѣшалъ Гердеру оставить положительные слѣды послѣ себя. Онъ слишкомъ широко захватывалъ, слишкомъ рано стремился къ окончательнымъ выводамъ и съ слишкомъ большою поспѣшностью старался использовать чуть не всякое новое открытіе въ научной области съ цѣлью построенія самыхъ широкихъ обобщеній. Гердеръ самъ не былъ способенъ къ тщательной провѣркѣ фактовъ и къ строго логическимъ приемамъ доказательствъ. За недостаткомъ послѣднихъ онъ часто прибѣгалъ къ риторическимъ приемамъ убѣжденія, и часто бурное

краснорѣчіе замѣняло у него логическіе выводы и лишало ясности трактуемые вопросы. Поэтому его гениальныя догадки нуждались въ болѣе тщательной разработкѣ другими, болѣе усидчивыми и осторожными, хотя и менѣе талантливыми учеными, и съ его именемъ не связалось воспоминаніе о какомъ-либо прочномъ культурномъ приобрѣтеніи, которое бы дѣлало это имя памятнымъ для всѣхъ.

Вл. Перцевъ.

Законъ жизненнаго ряда.

Первый томъ «Критики чистаго опыта», главнѣйшаго философскаго труда Рихарда Авенаріуса, вышелъ вторымъ изданіемъ ¹⁾. Этотъ томъ посвященъ отвлеченному описанію своеобразной жизни мозга, именно—обоснованію и развитію той теоріи мозговой жизни, которая опирается на устанавливаемый Авенаріусомъ законъ жизненнаго ряда. Здѣсь Авенаріусъ выступаетъ скорѣе въ роли біолога, чѣмъ философа. Выводы, къ которымъ онъ приходитъ, могли бы найти себѣ сторонниковъ среди біологовъ. Изъ числа писателей, вполнѣ или отчасти примыкающихъ въ этомъ отношеніи къ Авенаріусу, слѣдуетъ указать между прочимъ на такихъ біологовъ, какъ *Iensen* въ Бреславлѣ, *Wagner* въ Иннсбрукѣ, *Gaule* въ Цюрихѣ. Впрочемъ, число ихъ весьма незначительно. Хотя со времени перваго появленія «Критики» прошло около двадцати лѣтъ, однако, по справедливому замѣчанію редактора новаго изданія, Петцольдта, трудъ Авенаріуса можно и теперь считать новой книгой. Въ настоящей замѣткѣ дѣлается попытка познакомить, въ общихъ чертахъ, съ содержаніемъ перваго тома «Критики».

1. Эмпиіокритическая субституція.

На практическихъ занятіяхъ со своими слушателями по общей теоріи знанія Авенаріусъ вносилъ нѣкоторыя поправки въ текстъ «Критики», собранныя и опубликованныя затѣмъ однимъ изъ участниковъ этихъ занятій ²⁾. Вносившіяся имъ поправки были

¹⁾ *Richard Avenarius. Kritik der reinen Erfahrung. I. B. Zweite, namentlich nach hinterlassenen Aufzeichnungen des Verfassers verbesserte Auflage. Lpzg, 1907.*

²⁾ *Avenarius' Berichtigungen zur Kritik d. r. Erfahrung, V. f. w. Phil, B. 20.*

большою частью маловажны; онѣ могутъ дать представление о точности, къ которой стремился Авенаріусъ въ своемъ изложеніи, но для пониманія текста онѣ даютъ сравнительно мало новаго. Заслуживаетъ, впрочемъ, вниманія слѣдующій предложенный Авенаріусомъ вариантъ: слова—«движенія индивидуума»—были замѣнены въ исправленной редакціи фразой—«измѣненія центрального нервнаго органа, разряжающія движеніе» ¹⁾). Произведенная въ этомъ частномъ случаѣ подстановка центрального органа нервной системы на мѣсто индивидуума есть приемъ, который послѣдовательно проводится въ теоріи знанія Авенаріуса и съ которымъ Авенаріусъ совершенно освоился. «Я, или центральный органъ моей нервной системы» ²⁾), говоритъ, напр., Авенаріусъ. «Для человѣческаго индивидуума, слѣдовательно,—поясняетъ Авенаріусъ,—для центрального органа нервной системы» ³⁾). Сколько индивидуумовъ, столько и нервныхъ системъ: «два индивидуума, слѣдовательно,—соображаетъ Авенаріусъ,—два центральныхъ органа нервной системы» ⁴⁾).

Разлагая человѣческаго индивидуума на его составныя части, Авенаріусъ выдѣляетъ изъ состава цѣлаго индивидуума центральный органъ нервной системы, какъ часть наиболѣе важную для его теоріи знанія ⁵⁾), и считаетъ нужнымъ закрѣпить эту подстановку терминологически: «неизбѣжное при указанныхъ обстоятельствахъ (тѣхъ самыхъ, при которыхъ разсматривается «познаніе» въ «Критикѣ») замѣстительство индивидуума центральнымъ органомъ нервной системы назовемъ *эмпириокритической субституціей*, а каждое опредѣленное измѣненіе центрального нервнаго органа—*эмпириокритическимъ субститутомъ*» ⁶⁾).

Эмпириокритическая подстановка вводитъ въ теорію знанія Авенаріуса центральный органъ нервной системы или, употребляя символъ, которымъ у него обозначается этотъ органъ, *систему С*. Описанію своеобразной жизни системы С посвященъ весь первый томъ «Критики». Авенаріусъ подробно изслѣдуетъ планъ ея устройства, анализируетъ процессы, которые вытекаютъ изъ

1) Kritik, II., S. 229.

2) Ib. II, S. 425.

3) Ib. I, S. 44, 199. и д.

4) Id. I, S. 155.

5) Ib. I. S. 34—36.

6) Der menschliche Weltbegriff, S. 87.

этого плана, которые лежатъ въ основѣ ея дѣятельности и въ которыхъ протекаетъ ея развитіе. Этой своей теоріи мозговой жизни, или механикѣ человѣческой жизни, или «біомеханикѣ» Авенариусъ придавалъ первостепенное значеніе, и наша задача будетъ состоять въ томъ, чтобы выяснитъ составъ біомеханики и общій характеръ ея, отмѣтитъ руководящіе принципы и нѣкоторыя основныя понятія ея, указать положеніе, занимаемое ею въ теоріи знанія Авенариуса.

2. Составъ біомеханики.

Въ составъ біомеханики входятъ:

- а) теорія жизнесохраненія и развитія системы С;
- б) опредѣленіе нѣкоторыхъ понятій, которыми приходится пользоваться при описаніи ея отправленій;
- в) классификація нѣкоторыхъ отправленій системы С и нѣкоторыхъ отношеній ея къ средѣ.

а) Главное мѣсто занимаетъ въ біомеханикѣ теорія жизнесохраненія системы С, опирающаяся на законъ жизненнаго ряда, законъ уравненія работы и питанія. Открытый имъ законъ Авенариусъ считалъ возможнымъ выразить въ простой математической формулѣ и думалъ, что путемъ анализа добытой имъ формулы можно установить условія самоутвержденія системы С и предсказать всякіе случаи ея самоутвержденія. Содержаніе своей біомеханики, въ важнѣйшей его части, Авенариусъ думалъ получить такимъ именно путемъ, путемъ развитія одной основной формулы, чѣмъ въ значительной степени опредѣляется пріемъ его построеній и самый характеръ его теоріи. Руководясь добытой имъ формулой, можно предвидѣть многочисленныя и самыя разнообразныя комбинаціи; привлекаемые имъ въ его теоріи частныя виды самоутвержденія системы С представляютъ собою частичныя, только незначительныя выемки изъ числа возможныхъ дедукцій. Не привлекая какихъ-нибудь конкретныхъ анатомическихъ и физиологическихъ данныхъ и ограничиваясь простымъ анализомъ своей основной формулы, Авенариусъ такимъ формальнымъ и аналитическимъ способомъ построитъ теорію мозговой жизни. Эта послѣдняя получается раскрытіемъ одной «общей мысли» и приводитъ къ «мыслимымъ случаямъ», быть можетъ, никогда и никѣмъ не наблюдавшимся въ настоящей

жизни настоящего мозга. Отсюда вытекает формальный характер биомеханики, котораго не слѣдуетъ упускать изъ виду при оцѣнкѣ теоріи Авенаріуса и къ болѣе подробному разсмотрѣнію котораго мы теперь и обратимся.

б) При описаніи отправленій системы С Авенаріусу приходилось пользоваться понятіями, заимствованными изъ физиологии и анатоміи нервной системы. Но такъ какъ онъ долженъ былъ воспользоваться ими въ иныхъ, не физиологическихъ и анатомическихъ цѣляхъ, то для него возникла задача приспособительно къ своимъ особымъ цѣлямъ опредѣлить эти понятія. При выполненіи этой задачи Авенаріусъ обнаруживаетъ большое умѣнье точно, по возможности безъ предвзятыхъ теорій устанавливать руководящія въ дѣлѣ описанія жизненныхъ явленій начала. Таково, напр., даваемое имъ опредѣленіе того, что называется въ физиологии раздраженіемъ. Раздраженіе опредѣляется въ теоріи Авенаріуса, какъ дополнительное условіе душевнаго переживанія въ противоположность непосредственнымъ условіямъ его, выражаемымъ въ понятіи центральнаго органа нервной системы. Въ этомъ формальномъ опредѣленіи искусно обходится, какъ можно видѣть, вопросъ о «воздѣйствіи» раздраженія на нервную систему, обходится та схема причиннаго отношенія, которая порождаетъ рядъ проблемъ философскаго характера. Къ подобному формальному выраженію физиологическихъ и анатомическихъ понятій Авенаріусъ вездѣ стремился въ своихъ опредѣленіяхъ и высказывалъ пожеланіе, чтобы «нѣкоторыя матеріальныя выраженія», сохранившіяся въ его теоріи, благодаря удобству ихъ употребленія, были замѣнены со временемъ, при дальнѣйшей переработкѣ его теоріи, другими, «чисто «формальными»¹⁾.

Собственными многочисленными заявленіями Авенаріуса свидѣтельствуется формальный характеръ его физиологическихъ анализовъ. Онъ желаетъ оставаться всецѣло «въ этой формальной сферѣ, держаться отъ формальнаго способа разсмотрѣнія». Свою биомеханику онъ называетъ «чисто формальнымъ разсмотрѣніемъ измѣненій нервнаго центральнаго органа» (I, XVIII—IX). Всякое душевное переживаніе предполагаетъ въ качествѣ своего логическаго условія какое-нибудь «формально опредѣленное измѣненіе системы С», и каждое изъ этихъ измѣненій разсматривается «по опредѣленной формѣ ихъ» (II, 445).

¹⁾ Kritik. I, S. XV.

Поэтому, хотя биомеханика Авенариуса имѣетъ дѣло съ той же группой явленій, которыя подлежатъ вѣдѣнію анатома и физиолога, а также біолога, и хотя она примѣняетъ, повидимому, тѣ же понятія, которыя примѣняются въ анатоміи, физиологіи и т. д., однако она не совпадаетъ съ этими дисциплинами.

Одно изъ средствъ, чтобы осуществить такую сравнительную независимость своей биомеханики Авенариусъ видитъ въ томъ, чтобы изъ даваемыхъ физиологіей фактовъ и соображеній выбирать лишь «наиболѣе общія предположенія»; не опираясь въ своемъ анализѣ на какія-либо болѣе спеціальныя предположенія физиологическихъ частныхъ (I, XVІІІ), Авенариусъ старается *обойти конкретныя физиологическія условія, въ которыя поставлена жизнь организма* (II, 476). Авенариусъ думаетъ сдѣлать свою биомеханику тѣмъ самымъ болѣе независимой отъ временнаго состоянія физиологическихъ знаній и болѣе устойчивой въ ея основахъ, такъ какъ, по сравненію съ физиологическими частностями, эти общія предположенія сами отличаются большей устойчивостью. Физиологическія частности онъ старается обойти и тамъ, гдѣ онъ имѣлъ бы, повидимому, возможность воспользоваться выводами физиологіи, не рискуя сдѣлаться невольной жертвой какого-нибудь физиологическаго предрасудка. И въ такихъ случаяхъ Авенариусъ выбираетъ окольный путь своего формальнаго анализа, и лишь косвеннымъ образомъ приходится догадываться о соответствующихъ физиологическихъ фактахъ. Этимъ порождается ощутительный недостатокъ въ «ясныхъ наглядныхъ созерцаніяхъ», которыя соответствовали бы понятіямъ биомеханики, недостатокъ—сознаваемый самимъ авторомъ, чувствительный для читателя, отмѣченный нѣкоторыми критиками ¹⁾.

Такимъ путемъ можетъ достигаться, конечно, сравнительная независимость дедукцій биомеханики отъ временнаго состоянія нашихъ познаній по анатоміи и физиологіи мозга, но имъ угрожаетъ въ силу этого другая опасность. Оторванность отъ соответствующей научной почвы легко можетъ вести къ безсодержательности и нѣкоторой бесплодности основныхъ понятій, вводимыхъ биомеханикой. Авенариусъ предвидитъ возможность этого возраженія и допускаетъ отчасти его справедливость; онъ признаетъ, что открытый имъ съ помощью формальнаго анализа методъ оты-

¹⁾ Barth.—Kr. d. r. Erf. Philosophische Monatshefte, 28, 1892, S. 448.

сканія и подраздѣленія всѣхъ мыслимыхъ случаевъ самоутвержденія системы C «могъ бы стать дѣйствительно плодотворнымъ, только опираясь на ту научную основу, которую предстоитъ еще найти», которой еще нѣтъ, но отсюда, думаетъ онъ, не слѣдуетъ, чтобы «общая мысль» найденнаго имъ метода оставалась совершенно неиспользованной (I, 87—8). Авенариусъ предвидитъ, другими словами, одно изъ послѣдствій, къ которымъ можетъ приводить формальный анализъ въ этой области, но не останавливается и передъ этими послѣдствіями.

Авенариусъ вводитъ, далѣе, въ свою біомеханику нѣкоторыя понятія, которыя не могутъ быть реализованы, которымъ не соотвѣтствуютъ никакія реальныя отношенія. Онъ считаетъ возможнымъ, на примѣръ, ввести понятіе «идеальной среды», т.-е. такой среды, которая не содержитъ никакихъ моментовъ, неблагоприятныхъ въ томъ или иномъ отношеніи для поддержанія системы C (I, 62), и дополняетъ его предположеніемъ «идеальной системы C' », которая полнымъ, *простѣйшимъ* и самымъ устойчивымъ образомъ отражаетъ всякія покушенія на ея цѣлость (I, 83). Оба эти допущенія имѣютъ значеніе фикцій, нужныхъ исключительно для того, чтобы пустить въ ходъ «формальный анализъ», и ошибочно было бы придавать имъ значеніе біологическихъ или анатомическихъ реальностей¹⁾.

b) Кромѣ опредѣленій Авенариусъ даетъ еще тщательно раз-

1) Многія изъ положеній біомеханики имѣютъ форму аналитическихъ сужденій и приближаются по своему характеру къ самоочевиднымъ тавтологіямъ. Если эти тавтологическія утвержденія толковать въ смыслѣ сужденій, устанавливающихъ реальныя отношенія, то можно притти къ глубоко ошибочнымъ выводамъ. Въ качествѣ подходящаго примѣра можно воспользоваться слѣдующимъ положеніемъ: «если принимается въ извѣстный моментъ мыслимо бѣльшая величина жизнесохраненія системы C , то тѣмъ самымъ допускается абсолютное сохраненіе всѣхъ ея частей». Это положеніе можетъ быть понимаемо и понималось въ томъ смыслѣ, что Авенариусъ признаетъ абсолютное самоутвержденіе нервной системы, или что онъ допускаетъ абсолютную величину жизнесохраненія, или что онъ является сторонникомъ статическаго пониманія жизни. Однако въ дѣйствительности приведенное положеніе есть исключительно аналитическое сужденіе и выражаетъ ту очевидную тавтологію, что максимумъ общаго жизнесохраненія системы C долженъ равняться максимальному жизнесохраненію отдѣльныхъ частей ея (I, 66). При этомъ вопросъ, достижимъ ли въ реальныхъ условіяхъ мыслимый максимумъ жизнесохраненія, остается совершенно открытымъ и не затрагивается приведеннымъ положеніемъ.

работанныя классификаціи нѣкоторыхъ отправленій центральнаго органа нервной системы въ его внутренней жизни и въ его отношеніяхъ къ средѣ. Такова, напримѣръ, весьма цѣнная классификація подготовительныхъ измѣненій нервной системы ¹⁾, или классификація способовъ возстановленія равновѣсія въ жизни системы С черезъ посредство измѣненія отношеній ея къ средѣ ²⁾ и т. п.

3. Система С.

Когда заходитъ рѣчь о нервной системѣ, языкъ писателей, причисляющихъ себя къ эмпириокритической школѣ, приобретаетъ лирической характеръ: мозгъ, этотъ величайшій шедевръ природы! что значать волны океана по сравнению съ волненіемъ океана человѣческихъ мозговъ? (Петцольдтъ).

На первыхъ двухстахъ страницахъ «Критики» по приближительному подсчету, сдѣланному нами, до пятисотъ разъ встрѣчается «система С». Съ ней Авенаріусъ, можно сказать, сжился, и какъ вещь чрезвычайно близкая и привычная для него, она мѣстами персонифицируется у него. И какъ въ другихъ философскихъ школахъ «Я» противопоставляется «Не-Я», такъ у Авенаріуса «С» противопоставляется «Не-С» ³⁾. Постепенно Авенаріусъ выработалъ себѣ свой особый эмпириокритическій способъ чтенія. Съ эмпириокритической точки зрѣнія, подставляя мысленно центральный органъ нервной системы, онъ читалъ разные роды литературы, въ различныхъ житейскихъ положеніяхъ: программу концерта, газетное объявленіе, «Библію», «Fliegende Blätter», «Юлія Цезаря» и «Евгенія Онѣгина».

Двойкій смыслъ связывается съ этимъ основнымъ для всего ученія эмпириокритицизма понятіемъ: это есть, во-первыхъ, совокупность условій, которыми опредѣляются измѣненія нервной системы, т.-е. понятіе чисто формальное, и, во-вторыхъ, система С есть «тѣлесный органъ», т.-е. она приближается къ понятію эмпирической центральной нервной системы ⁴⁾. Преимущественно

¹⁾ Ib. I. S. 48—57.

²⁾ Ib. I. S. 117—118.

³⁾ Kritik: I. S. 157.

⁴⁾ Не въ „Критикѣ“, а въ послѣдней написанной Авенаріусомъ статьѣ о предметѣ психологіи отчетливо проводится указанное различіе, причемъ вводятся и новыя обозначенія: „поскольку та или иная часть центрального

въ первомъ, формальномъ смыслѣ употребляется понятие системы *C* въ биомеханикѣ, именно какъ совокупность прямыхъ и непосредственныхъ условий, логически и закономерно опредѣляющихъ составъ и теченіе такъ называемыхъ душевныхъ переживаній во всемъ ихъ разнообразіи и во всѣхъ ихъ различіяхъ. Индивидуальныя различія въ душевныхъ переживаніяхъ, соотвѣтствующихъ одному и тому же раздраженію, не обусловливаются, какъ извѣстно, всецѣло природою раздраженія, и зотъ въ противоположность этимъ косвеннымъ и дополнительнымъ условіямъ въ понятіи системы *C* обнимаются прямыя, непосредственныя, предварительныя, системныя условія, съ отпаденіемъ которыхъ должно отпадать и соотвѣтствующее «душевное переживание». Терминъ «система» имѣетъ здѣсь скорѣе логическое, чѣмъ анатомическое значеніе, т.-е. означаетъ сумму переменныхъ, связанныхъ закономерною своихъ измѣненій, и это можно видѣть, между прочимъ, изъ того, что кромѣ индивидуальной системы *C*, Авенаріусъ вводитъ еще понятіе собирательныхъ, конгрегальныхъ системъ *C*, которыя служатъ субститутомъ человѣческихъ обществъ. Всякое человѣческое общество представляетъ собою, съ точки зрѣнія биомеханики, такую систему высшаго порядка, но въ примѣненіи къ ней можно было бы лишь въ переносномъ смыслѣ говорить о собирательномъ, коллективномъ гигантскомъ мозгѣ, анатомически сращивающемъ человѣчество. Конгрегальная система *C* образуется суммою индивидуальныхъ системъ, лишь благодаря тому, что «измѣненія ихъ находятся во взаимной зависимости» ¹⁾).

Но и въ смыслѣ «тѣлеснаго органа» система *C* не отождествляется ни съ одной изъ извѣстныхъ въ анатоміи частей нервной системы. Ближе всего она подходит по своему значенію къ головному мозгу, или къ высшему уровню нервной системы, къ корѣ головного мозга. Однако, съ одной стороны она отграничивается «въ понятіи» и отъ «системы центральныхъ органовъ» ²⁾,

органа нервной системы принимается въ соображеніе въ качествѣ *тѣлеснаго органа*, слѣдуетъ употреблять выраженіе „система *C*“; а поскольку та или иная часть центрального органа нервной системы предполагается какъ *понятіе совокупныхъ системныхъ предварительныхъ условий* измѣненій тѣлеснаго органа, для обозначенія ея слѣдуетъ употреблять просто символъ „*C*“. *Bemerkungen zum Begriff des Gegenstandes der Psychologie V. f. wiss. Phil. B. 18. S. 418. Anm. 1.*

¹⁾ Kritik. I. S. 158.

²⁾ Ib. I. S. 36.

съ другой стороны она намѣренно не отграничивается и отъ спинного мозга ¹⁾. Какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и въ данномъ случаѣ Авенаріусъ оставляетъ вопросъ о ближайшемъ анатомическомъ и физиологическомъ опредѣленіи вводимаго имъ біомеханическаго начала открытымъ.

4. Законъ жизненнаго ряда.

Въ началѣ 1889 года была опубликована знаменитымъ физиологомъ Герингомъ рѣчь о «процессахъ, происходящихъ въ живой субстанціи», которая до опубликованія была произнесена имъ въ одномъ ученоемъ обществѣ. Рѣчь эта посвящена доказательству химической теоріи нервныхъ процессовъ, шедшей въ разрѣзъ съ почти исключительно физическимъ представленіемъ о нихъ Дюбуа-Реймона. Жизненный процессъ разсматривается въ теоріи Геринга какъ автономное стремленіе къ равновѣсію двухъ сторонъ обмѣна веществъ, ассимиляціи и диссимиляціи. Въ 1888 г. вышелъ первый томъ «Критики», содержащей, какъ мы знаемъ, общую механику жизненныхъ процессовъ, построенную на психофизическомъ законѣ жизненнаго ряда. Общая теорія процессовъ, происходящихъ въ живой субстанціи, предложенная Герингомъ, и психофизическій законъ Авенаріуса съ построенной на немъ общей механикой жизненныхъ процессовъ оказываются, при ближайшемъ сличеніи ихъ, весьма похожими другъ на друга. Совпаденія между ними многочисленны: общность принциповъ и деталей, хода мыслей и отдѣльныхъ выраженій, посылокъ и выводовъ, формулъ и ихъ примѣненій. Взгляды Геринга и Авенаріуса почти тождественны, и такъ какъ возможность взаимнаго вліянія совершенно исключается въ данномъ случаѣ, то совпаденіе ихъ теорій приходится объяснять иными причинами. По словамъ Геринга, выставленныя имъ теоретическія положенія коренятся и въ экспериментахъ надъ нервами, мускулами, и въ «очень различныхъ областяхъ біологіи, а въ особенности физиологіи органовъ чувствъ и общей физиологіи обмѣна веществъ» ²⁾. Матеріалъ, бывший въ распоряженіи Авенаріуса, менѣе обширенъ, какъ можно заключать на основаніи нѣкоторыхъ соображеній,

¹⁾ Ib. I. S. 203.

²⁾ Ewald Hering.—Vorgänge in der lebendigen substanz. Zeitschrift Lotos. Prag. 1889. V. IX. P. 59.

однако и Авенаріусъ воспринялъ, по его словамъ, вмѣстѣ съ предпосылками своего закона то, что стало «общимъ научнымъ достояніемъ», и пользовался тѣми же экспериментами (Пфлюгера, Гольца, Ауэрбаха, заимствовалъ ихъ у Шиффа, Вундта) ¹⁾. Научныя соображенія, руководившія Герингомъ и Авенаріусомъ, были очевидно сходны, и общностью научныхъ предпосылокъ, отъ которыхъ оба они отправлялись, объясняется общность и близость построенныхъ ими теорій. Объ этихъ научныхъ предпосылкахъ, общихъ теоріи Геринга и закону Авенаріуса, говоритъ одинъ изъ учениковъ послѣдняго, Карль Гауптманъ (братъ драматурга Гергардта Гауптмана и самъ поэтъ) въ своей превосходной критической монографіи—«*Die Metaphysik in der modernen Physiologie*» ²⁾).

«Въ мірѣ живыхъ существъ, какъ всѣмъ извѣстно, все пребываетъ въ болѣе или менѣе оживленной дѣятельности. При этомъ среди окружающихъ насъ и извѣстныхъ намъ живыхъ существъ господствуетъ значительное различіе въ формахъ энергіи, порождаемой ими или отдѣльными системами, входящими въ составъ ихъ. Всѣ эти продукты энергіи не соотвѣтствуютъ ни въ качественномъ, ни въ количественномъ отношеніи идущимъ извнѣ побудительнымъ вліяніямъ. Характерная черта, свойственная обыкновенно всѣмъ видамъ дѣятельности живыхъ тѣлъ, состоитъ именно въ томъ, что количество и форма порождаемой ими энергіи опредѣляются непосредственно лишь формальнымъ порядкомъ, качествомъ и количествомъ вызванныхъ въ организмѣ процессовъ, а не природой внѣшнихъ соотвѣтствующихъ имъ раздражителей. Другими словами, *активность* есть отличительный признакъ жизнѣдѣтельныхъ существъ по сравненію ихъ съ мертвыми тѣлами. Далѣе, органическія отправленія, протекая въ предѣлахъ болѣе или менѣе длинныхъ промежутковъ времени непрерывно или же періодически повторяясь, *не мѣняютъ однако же своей смѣной вліяніяю, видимою общаю облика живыхъ существъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ давно признано, что системы, въ которыхъ происходятъ постоянно или же въ предѣлахъ извѣстныхъ условій и промежутковъ времени химическія превращенія и которыя

¹⁾ См. „примѣчаніе о лягушкѣ“, Kritik, I. S. 202—207.

²⁾ Carl Hauptmann.—Beiträge zu einer dynamischen Theorie der Lebewesen. I. Die Metaphysik in der modernen Physiologie. Dresden. 1893.

отдають энергіи окружающей ихъ средѣ, могутъ *сохраняться лишь въ томъ случаѣ*, если онѣ служатъ *внѣшнимъ видимымъ выраженіемъ равновѣсія тѣхъ или иныхъ процессовъ*. Поэтому, въ противоположность неорганическимъ тѣламъ, живыя существа можно характеризовать самымъ общимъ образомъ, какъ такія системы, въ которыхъ взаимно уравниваютъ другъ друга не простыя частицы массы, а различные процессы и поэтому отъ кристаллизованныхъ аноргоновъ, какъ *статическихъ системъ*, можно отличать *живыя существа*, какъ *динамическія системы*. Процессы, образующіе динамическія системы, давно уже сводились въ принципѣ къ двоякаго рода процессамъ: процессу органически-созидательному и процессу разложенія. Уже Кл. Бернаръ, примыкая къ де-Блэнвиллю, Кювье и Флурансу, указывалъ на эти два вида процессовъ, какъ на *основныя функціи* живыхъ существъ, и согласно съ этимъ сложилось представленіе, что самое общее условіе для простаго сохраненія динамической системы состоитъ въ слѣдующемъ: между этими двумя видами функцій въ данной системѣ должно быть осуществлено такое отношеніе, чтобы органической созидательный процессъ уравнивалъ и покрывалъ то, что разрушается процессомъ работы. Обѣ эти функціи зависятъ отъ внѣшнихъ дополнительныхъ условій. Какъ бы ни сложна была данная система, все же игра всѣхъ протекающихъ въ ней процессовъ, *поскольку она сохраняется*, должна корениться, въ конечномъ итогѣ, въ веществахъ и энергіяхъ окружающаго міра. Поэтому обѣ основныя функціи жизни справедливо характеризовались, какъ зависящія отъ свойствъ окружающей среды» ¹⁾.

Эти указанія, даваемыя Гауптманомъ, проливаютъ свѣтъ на тотъ ходъ мыслей, который привелъ Авенаріуса къ устанавливаемому имъ закону и который мы воспроизведемъ теперь вкратцѣ.

Изъ понятія системы С, какъ органа *центрального*, который принимаетъ идущія отъ периферіи измѣненія и распредѣляетъ измѣненія, идущія къ периферіи, слѣдуетъ, что цѣлость и сохранность животнаго индивидуума, со всѣми его отправленіями,

¹⁾ См. указанное сочиненіе S. 330—332. Цитировано съ нѣкоторыми незначительными сокращеніями и измѣненіями.

обусловливаются цѣлостью и сохранностью его центрального нервнаго органа. Съ этой точки зрѣнія понятно значеніе этого послѣдняго для поддержанія семьи, общины, государства, общества и для установленія отношеній человѣка къ окружающей его средѣ, къ міру вообще какъ въ практическомъ, такъ и въ теоретическомъ отношеніи. Отсюда возникаетъ безгранично широкая, по словамъ Авенаріуса, задача опредѣлить значеніе системы C въ указанныхъ отношеніяхъ, но для того чтобы приблизиться къ ея выполненію, нужно сначала опредѣлить условія жизнесохраненія самой системы C . Ихъ слѣдуетъ искать въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя вызываются въ центральномъ нервномъ органѣ элементами среды, которые въ свою очередь могутъ служить основаніемъ этихъ измѣненій въ двухъ смыслахъ: 1) элементы среды могутъ производить дѣйствіе упражненія (обозначаются въ этомъ смыслѣ у Авенаріуса символомъ R) и 2) они могутъ давать матеріаль для питанія нервной системы (обозначаются символомъ S). Процессы упражненія, протекающіе въ системѣ C можно считать слѣдовательно функціей R [аналитическое выраженіе этихъ процессовъ упражненія $= f^1$ (R)], а процессы питанія, или обмѣна веществъ суть функціи $S = f$ (S). Извѣстно жизнесохраняющее значеніе работы, или упражненія: органы неупражняемые мало-по-малу атрофируются. Но недостатокъ упражненія самъ по себѣ, какъ величина отрицательная, не можетъ быть положительнымъ основаніемъ для вырожденія органа, имѣющаго въ такихъ случаяхъ мѣсто; положительное основаніе для подобнаго вырожденія остается искать въ процессахъ питанія. Равнымъ образомъ извѣстно и жизнесохраняющее значеніе питанія: органы, лишеныя питанія, также мало-по-малу атрофируются. Но и въ этихъ случаяхъ недостатокъ питанія самъ по себѣ не можетъ быть положительнымъ основаніемъ для вырожденія, которое (т.-е. положительное основаніе) остается искать въ такихъ случаяхъ, въ процессахъ упражненія. Отсюда вытекаетъ рядъ слѣдствій. Во-первыхъ, ни упражненіе само по себѣ, т.-е., употребляя символъ, предлагаемый Авенаріусомъ для обозначенія процессовъ упражненія $f(R)$, ни питаніе само по себѣ, т.-е. $f(S)$, не могутъ составлять каждое, взятое въ отдѣльности, достаточнаго условія для сохраненія

1) Функція.

системы С: при недостаткѣ упражненія процессы питанія сами по себѣ привели бы ее къ гибели; а при недостаткѣ питанія къ тому же результату привели бы процессы упражненія. Во вторыхъ, процессы упражненія, т.-е. $f(R)$, и питанія, т.-е. $f(S)$, можно разсматривать, какъ величины противоположныя. Если $f(R)$ имѣетъ знакъ $+$, то $f(S)$ имѣетъ знакъ $-$, или наоборотъ; работа поглощаетъ то, что даетъ питаніе; а питаніе возстановляетъ то, что расходуется работой. И, наконецъ, въ-третьихъ, лишь гармоническимъ соотношеніемъ, или соотвѣтствіемъ этихъ двухъ противоположныхъ факторовъ выражается полнота условій для сохраненія системы С. Максимальное жизнесохраненіе нервнаго элемента достигается лишь при равенствѣ этихъ противоположныхъ факторовъ. Когда величина работы равна величинѣ питанія, когда для даннаго нервнаго элемента имѣетъ силу равенство

$$f(R) = -f(S)$$

или, что то же самое, когда

$$f(R) + f(S) = 0,$$

данный нервный элементъ стоитъ на высшей точкѣ жизнесохраненія. Напротивъ, когда равенство работы и питанія нарушается всякій разъ, какъ равенство

$$f(R) + f(S) = 0$$

переходитъ въ неравенство

$$f(R) + f(S) > 0,$$

нервный элементъ отклоняется отъ максимальнаго жизнесохраненія, и если организмъ выживаетъ и сохраняется въ жизненной борьбѣ, то это значить, что всѣ подобныя уклоненія такъ или иначе устраняются, а утраченное максимальное жизнесохраненіе возстановляется. И каждое отдѣльное измѣненіе нервной системы занимаетъ то или иное, опредѣленное положеніе въ этихъ процессахъ постоянно повторяющагося нарушенія и возстановленія максимальнаго жизнесохраненія ея. Если условиться называть состояніемъ *покоя* то состояніе нервной системы, при которомъ для каждаго ея элемента имѣетъ силу равенство

$$f(R) + f(S) = 0,$$

состояніе, въ которомъ, слѣдовательно, одновременно протекаютъ въ каждомъ элементѣ два противоположныхъ, но, благодаря

своему равенству, взаимно уравнивающихъ другъ друга процесса, то всякое измѣненіе нервной системы, по отношенію къ этому состоянію покоя, получаетъ значеніе *колебанія*: оно или отклоняетъ систему *C* отъ состоянія покоя, или приближаетъ къ нему. Рядъ измѣненій, начинающійся отклоненіемъ системы *C* отъ состоянія покоя и заканчивающійся новымъ возвращеніемъ ея къ этому состоянію, представляетъ собою одну полную волну колебанія, или описываетъ дугу сполна протекающаго колебанія, на смѣну которой идетъ новая волна и т. д. Такой рядъ и есть *жизненный рядъ* («независимый»—въ отличіе отъ тѣхъ душевныхъ переживаній, субститутомъ которыхъ онъ служитъ, и которыя образуютъ «зависимый» жизненный рядъ). Жизненный рядъ образуется процессами, которые размѣщаются между двумя послѣдовательными моментами максимальнаго жизнесохраненія системы *C*, или которыми устанавливается смежность состояній покоя, такъ какъ они переводятъ систему *C* отъ наличнаго состоянія покоя къ непосредственно слѣдующему за нимъ. «Жизненнымъ» такой рядъ называется по той причинѣ, что въ немъ осуществляется всякій разъ самоутвержденіе системы *C*, и пока она сохраняется, вся своеобразная жизнь ея должна протекать въ формѣ такихъ жизненныхъ рядовъ.

Дуга, описываемая всякимъ сполна протекающимъ колебаніемъ, должна имѣть не менѣе трехъ отрѣзковъ: первый отрѣзокъ ея выходитъ своимъ начальнымъ концомъ изъ наличнаго, но ускользящаго состоянія покоя системы *C*, послѣдній находитъ своимъ концомъ на новое состояніе покоя, а средній или промежуточный—соединяетъ эти концы. Сообразно съ этимъ и каждый жизненный рядъ долженъ состоять изъ трехъ отрѣзковъ: начальнаго, который совпадаетъ съ моментомъ нарушенія равновѣсія работы и питанія; средняго, образуемаго измѣненіями, которыя должны устранять начавшееся нарушеніе, и заключительнаго, который совпадаетъ съ моментомъ устраненія колебанія. Но это не значитъ, чтобы жизненный рядъ долженъ былъ состоять всегда только изъ трехъ членовъ или звеньевъ. Не исключается возможность того, чтобы отдѣльный отрѣзокъ былъ представленъ не однимъ только, а многими членами или звеньями. Не всякое звено, напр., относящееся къ среднему отрѣзку, можетъ сразу остановить начавшееся колебаніе, и поэтому въ составъ средняго отрѣзка будутъ вводиться все новые и новые

члены, пока система С не перейдетъ къ такому измѣненію, которое направитъ ее къ остановкѣ начавшагося колебанія. Въ зависимости отъ случайнаго состава среды и индивидуальныхъ различій, въ зависимости отъ условій соотношенія работы и питанія, благодаря взаимному столкновенію жизненныхъ рядовъ, составъ и теченіе ихъ могутъ невообразимо разнообразиться. Жизненные ряды могутъ образовать системы системъ; по своей сложности они могутъ быть разнаго порядка, отъ перваго до п'аго. Простѣйшіе ряды Авенариусъ оставляетъ безъ подробнаго разсмотрѣнія по той причинѣ, что при изслѣдованіи процессовъ познанія, предполагающихъ болѣе сложныя измѣненія, эти элементарные ряды не представляютъ особаго интереса; а что касается рядовъ болѣе высокихъ, то признаки, отличающіе всякій жизненный рядъ и хорошо замѣтные при сравнительно простыхъ условіяхъ, становятся трудно узнаваемыми въ отношеніяхъ слишкомъ сложныхъ. Въ своемъ очеркѣ жизненнаго ряда Авенариусъ старается дать упрощенную и схематизированную картину только нѣкоторыхъ типичныхъ отгѣнковъ и расчлененій. Въ качествѣ отправнаго пункта Авенариусъ выбираетъ наиболѣе часто наблюдаемая осложненія простѣйшаго жизненнаго ряда. Въ правильной смѣнѣ органическихъ отправленій вырабатываются привычныя соотношенія питанія и работы, и на этой основѣ, путемъ упражненія, складываются простѣйшіе, единообразно протекающіе жизненные ряды. Но единообразное теченіе ихъ нарушается въ тѣхъ случаяхъ, когда въ силу какихъ-либо причинъ привычная работа, извѣстный пріобрѣтенный навыкъ уклоняется отъ своей обычной формы и своего обычного вида. Непосредственное уравненіе питанія и упражненія становится, благодаря такому осложненію, невозможно, и въ теченіе жизненнаго ряда перваго порядка вводится новый жизненный рядъ, заканчивающійся тѣмъ, что измѣненіе привычной работы, съ котораго онъ начинается, устраняется, нарушенное соответствіе снова восстанавливается такимъ образомъ, и прерванный жизненный рядъ перваго порядка можетъ направиться къ своему заключительному звену. Главнымъ образомъ Авенариусъ интересуется при этомъ тѣми способами, какими располагаетъ система С для устраненія начавшагося измѣненія привычной работы, изслѣдуетъ, другими словами, главнымъ образомъ средней отгѣзкой жизненнаго ряда, опредѣляя тѣ условія, которымъ должны

удовлетворяють состоянія системы С, чтобы устранять такія измѣненія, и стараясь свести эти способы къ нѣкоторымъ типичнымъ случаямъ. Затѣмъ слѣдуетъ обзоръ заключительныхъ состояній, совпадающихъ съ моментомъ вновь достигнутаго состоянія покоя. Послѣ краткой вводной главы, посвященной жизненному ряду въ области собирательныхъ, конгрегальныхъ системъ С, въ заключеніе разсматриваются тѣ измѣненія, которыя происходятъ въ жизненномъ рядѣ, благодаря процессамъ развитія системы С, или, что то же самое, благодаря продленію упражненія.

5. Упражненіе.

Уже въ «Пролегоменахъ къ Критикѣ чистаго опыта» привлекалась при разсмотрѣніи процессовъ пониманія «привычка», причемъ Авенариусъ руководился въ то время указаніями Фриза въ его «Новой или антропологической критикѣ разума» ¹⁾. Уже въ «Пролегоменахъ» терминъ этотъ употреблялся у него для обозначенія тѣхъ процессовъ, «которые общи душѣ и тѣлесному организму» и которые опредѣляются «болѣе физиологически». И какъ масштабъ пониманія, привычка касается его «физиологической стороны» ²⁾. Но этому физиологическому, традиціонному, неподвижному пониманію Авенариусъ противопоставлялъ тогда пониманіе психологическое, научное, для котораго «привычка перестаетъ быть мѣриломъ правомѣрности понятій». Теперь, въ «Критикѣ», подъ «упражненіемъ» Авенариусъ разумѣетъ исключительно тѣ «физиологическія измѣненія, которыя происходятъ въ теченіе всей жизни» ³⁾ организма и къ которымъ сводятся всѣ процессы, происходящіе въ системѣ С.

Вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствующія «физиологическія измѣненія» становятся и единственнымъ субститутомъ всѣхъ процессовъ познанія. Въ этомъ отчасти и состоялъ переходъ отъ психологической точки зрѣнія «Пролегомень» къ новой точкѣ зрѣнія «Критики».

Упражненіе есть «основное условіе сохраненія» ⁴⁾, и это біологическое значеніе его, независимо отъ тѣхъ или иныхъ эмпи-

1) Prolegomena. S. 71.

2) Ib. S. 34.

3) Kritik. I. S. 49.

4) Ib. I. S. 67.

рическихъ подтвержденій, вытекаетъ уже изъ самаго понятія упражненія. Упражненіе предполагаетъ извѣстное постоянство среды въ тѣхъ ея частяхъ, которыми производится дѣйствіе упражненія. Но если постоянныя составныя части среды должны производить свое дѣйствіе упражненія, иными словами—повторяться съ нѣкоторымъ постоянствомъ въ качествѣ условій, воздѣйствующихъ на нервную систему и соотвѣтственнымъ образомъ видоизмѣняющихъ ее, то необходимо предположить, что при этихъ условіяхъ возможно самоутвержденіе системы *C* и что эти условія не могутъ не быть согласны съ требованіями ея самосохраненія. «Привычки работы и питанія системы *C* суть также и тѣ виды измѣненій ея, при которыхъ она обыкновенно сохраняется,—и онѣ не могли бы по ихъ условію стать привычками работы и питанія, если бы онѣ стояли къ системѣ *C* и другъ къ другу въ такомъ отношеніи, при которомъ онѣ не имѣли бы для *C* значенія ея самоутвержденія» ¹⁾. Мѣста охоты и поля осѣдлыхъ племенъ, палатка кочевника, самая охота, земледѣліе и скотоводство, мясо извѣстныхъ дикихъ и молоко домашнихъ животныхъ, мать, семейство, община, племя,—всѣ эти части среды, будучи орудіями упражненія, служатъ и условіями сохраненія.

Подъ влияніемъ упражненія система *C* расчленяется на системы болѣе мелкія, частныя; упражненіемъ вырабатываются формы и функціи такихъ частныхъ системъ, а величиной упражненія опредѣляется сравнительное значеніе отдѣльныхъ частей: системы главныя и второстепенныя суть системы большаго и меньшаго упражненія. Измѣненія, вызываемыя въ нервной системѣ иными путями, напр., отравленіемъ, гипнотическимъ внушеніемъ и т. п., представляютъ собою *имитацию* измѣненій, непосредственно зависящихъ отъ упражненія. Зависимость ихъ отъ какихъ-либо иныхъ условій есть лишь кажущаяся ²⁾.

Примѣненіе упражненія въ качествѣ такого универсальнаго начала связано, между прочимъ, съ тою трудностью, что очевидному однообразію этого принципа противостоитъ необозримое многообразіе тѣхъ переживаній, которыя должны быть приурочены къ нему. Но Авенариусъ пытается установить и различ-

¹⁾ П. С. 46.

²⁾ Ib. П. С. 441.

ные виды упражненія, стараясь уловить не всегда уловимые и, по мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, мнимые оттѣнки упражненія. Онъ различаетъ форму упражненія, положительное и отрицательное уклоненіе отъ направленія упражненія, данную величину упражненія, упражненіе «вообще» и «просто» упражненіе, переходъ отъ неизмѣннаго къ измѣненному упражненію, противоположность въ упражненіи ¹⁾.

Продленіе упражненія кладетъ начало процессамъ развитія, съ тѣми измѣненіями, какія они порождаютъ, и со всѣми результатами, къ которымъ они приводятъ. Явленіе, первый разъ встрѣчающееся, способно бываетъ оставить дѣйствительный слѣдъ въ нервной системѣ лишь въ той мѣрѣ, поскольку оно родственно ранѣ бывшимъ и поскольку оно повторяетъ ихъ. Поскольку всякое состояніе нервной системы зависитъ отъ упражненія, оно не можетъ быть «абсолютно новымъ», а должно быть или чистымъ повтореніемъ, или же видоизмѣненіемъ прошлаго ²⁾. Такъ и всякое научное, философское или религіозное міровоззрѣніе можно разсматривать «какъ чистое или видоизмѣненное повтореніе уже ранѣ бывшаго» ³⁾, какъ вариантъ прошлаго.

То же самое справедливо и въ примѣненіи ко всякому отдѣльному душевному переживанію. На принципѣ упражненія Авенаріусъ предполагалъ обосновать «варіаціонную» психологію въ точномъ смыслѣ этого слова, противопоставляя этой психологіи то воззрѣніе, которое разсматриваетъ душевныя переживанія какъ «устойчивыя въ ихъ своеобразіи сущности, по аналогіи съ атомами», которое «атомистически индивидуализируетъ ощущенія», согласно которому опытъ является, слѣдовательно, «своего рода калейдоскопомъ такихъ мозаическихъ кусочковъ ощущеній». Напротивъ, въ психологіи «варіаціонной» душевныя состоянія могутъ дѣйствительно развиваться другъ изъ друга, переходить другъ въ друга, такъ что «въ концѣ-концовъ всѣ различныя ощущенія могли бы возникнуть изъ одного первоначальнаго однороднаго ощущенія путемъ самодифференціаціи» ⁴⁾. Мыслью о подобной «варіаціонной» психологіи заканчивались «Пролегомены». Нѣкоторыя теченія въ современной психологіи

¹⁾ *Ib.* S. 75—78.

²⁾ *Ib.* I. S. 148.

³⁾ *Ib.* II. S. 387.

⁴⁾ *Prolegomena.* S. 69—70.

могли бы привести, по мнѣнію Авенаріуса, къ такому «высокомонистическому взгляду». «Начавшаяся въ новое время реакція противъ принципа специфическихъ энергій въ его застывшей неподвижности могла бы получить значеніе, лежащее въ указанномъ направленіи» ¹⁾, и получила его въ «Критикѣ».

Реакція противъ закона специфическихъ энергій, о которой идетъ рѣчь здѣсь, нашла себѣ опредѣленное выраженіе въ «физиологической психологіи» Вундта, и черезъ ея посредство биомеханика Авенаріуса, съ ея широкимъ примѣненіемъ начала упражненія, тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ ученію Вундта о законахъ отправленій центральной нервной системы, къ его механикѣ центральной иннерваціи. Законъ специфическихъ энергій Вундтъ беретъ въ совершенно строгомъ смыслѣ. Если по смыслу этого закона несводимымъ другъ къ другу качествамъ ощущенія должны соответствовать столь же различныя и неизмѣнныя энергій, которыми заряжены отдѣльныя части нервной системы, то признаніе этого закона обязываетъ, по мнѣнію Вундта, къ предположенію, будто бы всякій нервный элементъ, взятый въ отдѣльности, выполняетъ съ самага начала, независимо отъ исторіи его развитія, характера и продолжительности его дѣятельности, лишь свои опредѣленныя и неизмѣнныя функціи. При такомъ своемъ пониманіи разсматриваемаго закона, въ этомъ его предположеніи Вундтъ справедливо видитъ пережитокъ прежняго нативизма и въ результатѣ своей критики приходитъ къ выводу, что законъ специфическихъ энергій не можетъ быть долѣе удержанъ, хотя и даетъ удобныя объясненія отдѣльныхъ явленій ²⁾. Въ противоположность указанному предположенію, Вундтъ выставляетъ въ своей механикѣ центральной иннерваціи «принципъ безразличія функцій». Согласно этому принципу «ни одинъ элементъ не выполняетъ специфическихъ отправленій» ³⁾, напротивъ, всякій нервный элементъ можетъ совершать безразлично всякія отправленія. Не только отдѣльные элементы, но и цѣлые органы могутъ замѣщать другъ друга, что и наблюдается, по мнѣнію Вундта, въ случаяхъ частичныхъ поврежденій

¹⁾ Ib. S. 84.

²⁾ См. предисловіе къ первому изданію „Grundzüge der physiologischen Psychologie“.

³⁾ W. Wundt.—Grundzüge der physiologischen Psychologie. Lpzg. 1893. 4 I. S. 235.

мозга, при удаленіи отдѣльныхъ частей его. Вундтъ не хочетъ отрицать локализациі отправленій, извѣстнаго раздѣленія труда между нервными элементами, но онъ противится, во-первыхъ, тому, чтобы сложныя отправленія относились къ простымъ нервнымъ элементамъ въ ихъ отдѣльности, и, во-вторыхъ, не признаетъ того, чтобы локализациа была незыблемой и неизмѣнной. Что касается перваго изъ этихъ пунктовъ, то способность къ специфическимъ отправленіямъ нервныя элементы, оставаясь сами по себѣ безразличными въ отношеніи къ тѣмъ или инымъ функціямъ, получаютъ, думаетъ Вундтъ, лишь вступая въ связи и различныя отношенія съ другими элементами. При этомъ нервная система расчленяется, и происходитъ разъединеніе органовъ; получается извѣстная локализациа отправленій, но удерживается она только при извѣстныхъ условіяхъ. «Функциональное разъединеніе органовъ» совмѣщается такимъ образомъ съ «положеніемъ о функциональномъ безразличіи элементарныхъ частей», и для соглашенія этихъ двухъ положеній Вундтъ привлекаетъ «принципъ упражненія: всякій элементъ становится тѣмъ болѣе приспособленнымъ къ опредѣленной функціи, чѣмъ чаще внѣшнія условія даютъ ему поводъ къ ней». Упражненіемъ создаются связи и отношенія между элементами, и въ этихъ связяхъ и отношеніяхъ элементы, сами по себѣ безразличныя, образуютъ разъединенныя органы, способныя къ специфическимъ отправленіямъ, а съ измѣненіемъ упражненія происходитъ и новое распредѣленіе функцій. Въ своей критикѣ закона специфическихъ энергій Вундтъ, выдвигая значеніе раздраженія и периферіи, допускаетъ, какъ ясно изъ сказаннаго, возможность функциональнаго приспособленія въ самыхъ широкихъ предѣлахъ и болѣе значительную роль отводитъ индивидуальному навыку и развитію.

Ранѣе Авенаріуса одинъ изъ сотрудниковъ «Трехмѣсячника научной философіи», Риль, пользовался критикой Вундта для пѣлей теоріи знанія, найдя въ ней подтвержденіе своего реализма ¹⁾, что едва ли могло быть неизвѣстно автору «Критики чистаго опыта». Перехода отъ психологической точки зрѣнія «Пролегоменъ» къ новой точкѣ зрѣнія «Критики», Авенаріусъ не могъ сдѣлать ранѣе того, чѣмъ онъ «тѣснѣе примкнулъ»

1) Riehl.—D. philosophische Criticismus. II. B. I Th. Lpzg. 1879. S. 50—65.

къ физиологической психологіи Вундта въ этой части ея. «Другіе авторы, помимо тѣхъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ уже «Прологомены», не оказали на меня собственно какого-либо опредѣляющаго воздѣйствія, если мнѣ не измѣняетъ память,—предупреждаетъ Авенаріусъ въ предисловіи къ «Критикѣ»,—я примкнулъ только тѣснѣе къ В. Вундту (спеціально къ его высоко плодотворному, какъ мнѣ кажется, соглашенію «опытовъ относительно функціональнаго разъединенія органовъ съ положеніемъ о функціональномъ безразличіи элементарныхъ частей») ¹⁾. Впрочемъ, вслѣдъ за этимъ Авенаріусъ поправляетъ свою память указаніемъ на высоко ободряющее дѣйствіе, какое оказали на него также сочиненія Эрнста Маха.

6. Питаніе.

По сравненію съ упражненіемъ, факторъ питанія занимаетъ въ теоріи Авенаріуса второстепенное и подчиненное положеніе.

Въ тѣхъ жизненныхъ рядахъ, которые выдѣляются имъ изъ числа другихъ для цѣлей теоріи знанія, измѣненія, ихъ начинающія, касаются упражненія, работы; факторъ питанія не принимается при этомъ въ соображеніе, такъ какъ предполагается, что величина его, при нормальныхъ условіяхъ, остается болѣе или менѣе постоянной и не вліяетъ на теченіе и составъ жизненнаго ряда. Кромѣ того, факторъ упражненія, въ дальнѣйшей разработкѣ жизненнаго ряда, оказывается факторомъ основнымъ и признается даже «условіемъ самого жизненнаго ряда» ²⁾.

Поэтому, не столько питаніе само по себѣ, сколько постоянныя «навыки» питанія или же измѣненія, происходящія въ «привычномъ» питаніи, могутъ представлять интересъ для теоріи человѣческой дѣятельности.

7. О формулѣ біомеханическаго закона.

Основной біомеханической законъ, устанавливаемый Авенаріусомъ, резюмируется въ слѣдующемъ краткомъ положеніи:

Система *S*, переходя отъ состоянія, въ которомъ

$$f(R) + f(S) = 0,$$

¹⁾ Kritik. I. S. XIII.

²⁾ Ib. I. S. 168.

къ такому состоянію, въ которомъ

$$f(R) + f(S) > 0,$$

отклоняется отъ максимальнаго жизнесохраненія, но затѣмъ переходитъ отъ состоянія, въ которомъ

$$f(R) + f(S) > 0,$$

къ такому состоянію, въ которомъ снова

$$f(R) + f(S) = 0.$$

Сомнительно, чтобы приведенныя сейчасъ формулы могли имѣть значеніе математическихъ формулъ въ строгомъ смыслѣ. Именно, нѣкоторыя сомнѣнія возникаютъ по поводу суммы $f(R) + f(S)$, которая постоянно встрѣчается въ этихъ переходахъ отъ равенства къ неравенству и затѣмъ къ новому равенству. Съ одной стороны, она не подходитъ подъ понятіе суммы арифметической: въ арифметикѣ допускается сложеніе лишь положительныхъ величинъ, и сумма арифметическая не могла бы поэтому равняться нулю, какъ это должно быть при равенствѣ питанія и работы. Но съ другой стороны, она не подойдетъ и подъ понятіе суммы алгебраической. Будь это сумма алгебраическая, она могла бы быть и меньше нуля, т.-е. могла бы быть отрицательной величиной; но возможность этого послѣдняго случая исключается, что можно видѣть, во-первыхъ, изъ одной полемики, возникшей по поводу формулировки біомеханическаго закона, а, во-вторыхъ, о томъ же можно заключать и на основаніи собственныхъ словъ Авенариуса.

Годъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ перваго тома «Критики», появилась въ журналѣ *Das Magazin für die Litteratur des In-und-Auslandes von Potonié* первая небольшая статья, посвященная новому философскому произведенію, принадлежавшая перу извѣстнаго уже намъ ученика Авенариуса, Петцольдта ¹⁾.

Передавая въ своемъ изложеніи приведенныя выше формулы, Петцольдтъ формулировалъ случаи неравенства работы и питанія такъ, какъ если бы имѣлъ дѣло съ алгебраической суммой въ точномъ смыслѣ этого слова, именно такъ, какъ если бы она могла быть и больше и меньше нуля, т.-е.—

$$f(R) + f(S) \geq 0.$$

¹⁾ Petzoldt.— Kritik der reiner Erfahrung. Das Magazin für die Litteratur des In-und-Auslandes von Potonié. 1889. N. 58.

Однако, вскорѣ же послѣ того въ «Трехмѣсячникѣ научной философіи» появилась, конечно, не безъ вѣдома редактора, замѣтка, въ которой статья Петпольдта подвергалась въ этой ея части критикѣ ¹⁾. Авторъ замѣтки указывалъ, что сумма питанія и работы никогда не можетъ быть меньше нуля, и что въ неравенствѣ питанія и работы можетъ быть всегда одинъ лишь знакъ:

$$f(R) + f(S) > 0.$$

И такъ училъ самъ Авенаріусъ. Разность питанія и работы, или, что то же самое (такъ какъ это величины противоположныя), сумма ихъ не можетъ, говоритъ онъ, «мыслиться меньше нуля» ²⁾. Сумма питанія и работы, равная нулю, потому и служитъ мѣриломъ максимальнаго жизнесохраненія, что разности меньшей нуля уже не можетъ быть. Поэтому сумма ихъ не соотвѣтствуетъ и тому, что называется алгебраической суммой.

Слѣдовательно, сумма питанія и работы, если бы даже это были однородныя величины, поддающіяся сложению, вообще не есть сумма въ строгомъ математическомъ смыслѣ.

8. Механическій способъ разсмотрѣнія.

Въ первомъ томѣ «Критики» послѣдовательно проводится требованіе представлять себѣ людей, какъ «чистые механизмы (безъ мысли и безъ чувства)», а человеческое общество, какъ «систему чистыхъ механизмовъ» ³⁾. Изъ трехъ возможныхъ предположеній: «цѣлесообразныя» движенія человеческого индивидуума происходятъ изъ сознанія, или они совершаются съ сознаніемъ, или же они протекаютъ безъ сознанія,—въ качествѣ руководящаго начала Авенаріусъ выбираетъ послѣднее, т.-е. предлагаетъ исходить изъ предположенія, что они протекаютъ совсѣмъ безъ сознанія. Обладателемъ центральнаго органа нервной системы со всѣми жизненными рядами, въ которыхъ осуществляется самоутвержденіе системы *S*, человеческій индивидуумъ могъ бы быть прежде, чѣмъ творецъ вдунулъ въ него живую душу. Система *S* не отграничивается, какъ мы видѣли, отъ спинного мозга именно для

¹⁾ R. Henke. — Bemerkung zu Richard Avenarius' Kr. d. r. Erf. V. f. w. Phil. 1889. 13.

²⁾ Kritik. I. S. 71.

³⁾ Der menschliche Weltbegriff. S. 8, а также прим. 4-е на стр. 116.

того, чтобы показать, что всякое, и даже логическое отграниченіе въ общей нервной системѣ частей, одаренныхъ сознаниемъ, отъ частей, лишенныхъ «функций сознанія», всегда будетъ оказываться болѣе или менѣе произвольнымъ ¹⁾. Послѣ того, какъ была высказана извѣстная мысль о «психологіи безъ души», должна была тѣмъ болѣе зародиться мысль построить теорію мозговой жизни не только безъ привлеченія тѣхъ или иныхъ духовъ, но и безъ духа вообще. Если явленія сознанія разсматриваются при случаѣ въ отвлеченіи отъ ихъ «матеріальнаго носителя», то равнымъ образомъ измѣненія этого послѣдняго могутъ разсматриваться въ отвлеченіи отъ возможныхъ психическихъ спутниковъ. Въ первомъ томѣ «Критики» разсматривается только «независимый» жизненный рядъ и нигдѣ не привлекается при этомъ его «психическое выраженіе», или «сторона сознанія»; напротивъ, вездѣ предполагается, что движенія людей имѣютъ исключительно механическое значеніе. Описанныя и систематически классифицированныя движенія человѣческаго индивидуума требуется свести къ измѣненіямъ центральнаго нервнаго органа, обладаніе которымъ, какъ предполагается, независимо отъ сознанія; требуется изобразить, какъ они должны вытекать изъ общаго плана строенія системы С, «чисто и только изъ измѣненій центральнаго нервнаго органа», изъ «нервной системы, какъ таковой: безъ сознанія».

Вмѣстѣ съ тѣмъ къ читателю предъявляется требованіе научить себя, путемъ упражненія, понимать всѣ движенія живого организма, и простѣйшія, и самыя сложныя, въ высокой мѣрѣ цѣлесообразныя отправленія человѣческаго индивидуума, напр., рѣчь и т. п., совершенно механически, подобно тому какъ намъ понятна механическая точка зрѣнія въ приложеніи къ «цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ», совершаемымъ во время эпилептического припадка, въ извѣстныхъ состояніяхъ гипноза, при травматическихъ поврежденіяхъ мозга; подобно тому, далѣе, какъ мы научились понимать механически «чудесное строеніе» растительнаго и животнаго организмовъ, возникновеніе и ростъ ихъ, окраску и питаніе ихъ, заживаніе ранъ и исцѣленіе отъ болѣзней, приспособленіе ихъ къ средѣ. Функции мозга гениальнаго мыслителя, напр., Канта, когда онъ, въ стремленіи своемъ «спасти свободу»,

¹⁾ Kritik I. S. 203—204.

переходить постепенно отъ простѣйшаго хода мыслей къ болѣе и болѣе сложнымъ умственнымъ построениямъ, и «цѣлесообразный» переходъ отъ реакцій простѣйшихъ къ болѣе сложнымъ, наблюдаемый у обезглавленной лягушки, покоятся, согласно законамъ біомеханики, на одномъ и томъ же принципѣ жизненнаго ряда. Подобный единообразный способъ разсмотрѣнія всѣхъ дѣйствій человѣка безъ изъятія былъ бы, думаетъ теперь Авенариусъ, болѣе согласенъ и съ принципомъ наименьшей мѣры силъ и съ требованіями цѣлесообразности. Если бы міроуправляющій и цѣлеполагающій разумъ могъ достигать такого всеобъемлющаго результата съ помощью одного простѣйшаго начала, то это было бы и болѣе чудесно, и болѣе разумно ¹⁾.

Съ этой точки зрѣнія задача, которую ставитъ теперь себѣ Авенариусъ, обратна той, которая ставилась имъ въ «Пролегоменахъ». Тамъ Авенариусъ сводилъ механической принципъ умственной дѣятельности, или психическую механику къ телеологическому принципу цѣлесообразныхъ отправленій; здѣсь онъ предлагаетъ психологамъ, которые привыкли объяснять явленія сознанія механическими принципами, распространить «механической способъ разсмотрѣнія» и на такъ называемыя цѣлесообразныя отправленія организма. Для «дѣйственности» механическихъ принциповъ должно быть совершенно безразлично, по его словамъ, къ чему они примѣняются, — къ «нервному форменному элементу» или же къ «сознательному представленію». При пользованіи механическимъ способомъ разсмотрѣнія суть дѣла заключается не въ томъ, что измѣняется, а лишь въ измѣненіяхъ ²⁾.

Лекціи физиолога Людвигъ, которыя Авенариусъ слушалъ, по свидѣтельству его біографа ³⁾, широко распространенная въ психологіи теорія автоматизма, а главнымъ образомъ «Этика» Спинозы могли подсказать Авенариусу тотъ ходъ мыслей, по слѣдамъ котораго онъ идетъ здѣсь.

О близкомъ знакомствѣ Авенариуса съ спинозизмомъ, о спеціальномъ изученіи «Этики» Спинозы свидѣтельствуетъ историческое изслѣдованіе о пантеизмѣ Спинозы ⁴⁾, которымъ Авенариусъ началъ свою литературную дѣятельность, которое и было

¹⁾ Kritik. II. S. 486.

²⁾ Ib. I. S. 203.

³⁾ Carstanjen.—Richard Avenarius. V. f. w. Phil. B. XX.

⁴⁾ Ueber die beiden ersten Phasen des Spinozischen Pantheismus. Lpzg. 1868.

его докторской диссертацией. Нѣкоторыя опредѣленія, встречающіяся въ первомъ томѣ «Критики», приводятъ на память сходныя мѣста «Этики». Руководящая идея, положенная Авенариусомъ въ основу теоріи мозговой жизни, идея самоутвержденія системы *C*, безспорно родственна понятію *conatus*'а у Спинозы. Подобно субстанціи Спинозы, и система *C in suo esse perseverare conatur*. Одно изъ преимуществъ своей біомеханики Авенариусъ видитъ въ томъ, что она указываетъ «единственно нейтральную почву, на которой вопросы, столь способные возбуждать въ субъективныхъ своихъ формахъ наши страсти, могутъ быть пока́ обсуждаемы совершенно безстрастно». Какъ Спиноза, Авенариусъ думаетъ, что въ дедукціяхъ его біомеханики нѣтъ мѣста «субъективнымъ оцѣнкамъ», нѣтъ опасности со стороны «враждебныхъ разуму аффектовъ»¹⁾. Изложеніе законовъ біомеханики Авенариусъ заканчиваетъ напоминаніемъ Спинозы, что до сихъ поръ никому еще не удалось съ точностью опредѣлить, *quid corpus ex solis legibus naturae, quatenus corporea tantum consideratur, possit agere*²⁾. И приблизиться къ рѣшенію этой задачи составляетъ теперь цѣль стремленій Авенариуса.

Но механическій способъ разсмотрѣнія есть только требованіе научной методологіи. Систематическій вопросъ о физическомъ и психическомъ, о чужомъ одушевленіи, о признакахъ душевнаго не только не предрѣшается этимъ требованіемъ, но и не затрагивается имъ. Нельзя доказать, чтобы цѣлесообразныя движенія человѣческаго индивидуума совершались «дѣйствительно» безъ сознанія, какъ нельзя бываетъ доказать и обратнаго. Однако для цѣлей біомеханическаго изслѣдованія и не требуется такого доказательства; оно должно показать только, какъ «можно мыслить» ихъ совершающимися механически. Требуемое здѣсь отвлеченіе отъ сознанія имѣетъ «только методологическій» смыслъ³⁾. Въ научномъ разсмотрѣніи удобно бываетъ изъять всякій смыслъ изъ человѣческихъ дѣйствій, но въ дѣйствительности предположеніе объ исключительно механическомъ значеніи ихъ было бы бесплодно и послѣдовательное проведеніе его было бы сопряжено, быть можетъ, съ непреодолимыми затрудненіями⁴⁾.

1) Kritik. I. S. XVIII—XIX.

2) Ib. I. S. 217.

3) Ib. S. 202.

4) D. menschliche Weltbegriff. S. 8.

Система С, вводимая эмпириокритической подстановкой, можетъ служить даже опытнымъ признакомъ душевнаго.

9. Признакъ душевнаго.

Найдутся психологи, для которыхъ вопросъ о возможности душевной жизни у растений рѣшался бы, въ ту или другую сторону, въ зависимости отъ того, можно ли было бы съ положительностью установить существованіе у растений чего-либо подобнаго нервной системѣ животныхъ организмовъ. Съ положительнымъ рѣшеніемъ этого послѣдняго вопроса положительнымъ образомъ рѣшался бы для такихъ психологовъ и вопросъ о возможности психологіи растений. Сходственнымъ образомъ обуславливалась для Авенариуса наличность познанія и опыта наличностью центральнаго органа нервной системы. Нервная система есть внѣшній и опытный признакъ душевнаго; присутствіе ея служить такимъ объективнымъ критеріемъ, руководясь которымъ мы имѣемъ право заключать о возможности присутствія психическаго міра. На этой точкѣ зрѣнія стоялъ Авенариусъ. Относящіяся сюда мысли его связаны со взглядами его на предметъ психологіи и на природу ея объектовъ. Здѣсь мы ограничимся не многими соображеніями, поскольку это нужно для того, чтобы сдѣлать правдоподобной необходимость эмпириокритической субституціи, т.-е. необходимость замѣщенія индивидуума центральнымъ органомъ нервной системы.

Обычно признаваемые въ психологіи отличительные признаки душевныхъ явленій по сравненію ихъ съ физическими Авенариусъ отвергаетъ. Они утратили, по его мнѣнію, свое прежнее значеніе. Терминъ «психическій» утратилъ опредѣленный смыслъ. Нельзя отличать душевныя явленія, какъ внутреннія, отъ физическихъ, какъ внѣшнихъ или какъ опытъ непосредственный отъ опыта опосредствованнаго. За вычетомъ признанныхъ отличій остается, по мнѣнію Авенариуса, нервная система въ качествѣ объективнаго и болѣе или менѣе безспорнаго критерія психическаго. Нервною системою отличается одушевленное существо отъ неодушевленной составной части среды. Это различіе не безусловно, а лишь относительно, потому что въ конечномъ своемъ составѣ нервная система содержитъ въ себѣ тѣ же элементы среды. И булавка можетъ ощущать, если ей дана будетъ нервная

система. Какъ скоро составная часть среды приобретаетъ значеніе нервной системы, приурочиваемые къ ней элементы получаютъ значеніе психическихъ величинъ. Въ этой своей зависимости они составляютъ объектъ психологіи. Представленіе о душевныхъ явленіяхъ, не приуроченныхъ ни къ какой нервной системѣ, не менѣе фантастично, чѣмъ было бы представленіе о томъ, что существо смертное можетъ видѣть безъ глазъ и двигаться безъ мускуловъ ¹⁾).

Эмпиріокритическая субституція должна такимъ образомъ передавать этотъ опытный признакъ психическаго; она служитъ выраженіемъ объективнаго критерія душевныхъ переживаній.

10. Экспериментъ въ психологіи.

Точкой приложенія эксперимента въ психологіи служитъ воздѣйствіе раздраженія на нервную систему, что даетъ возможность подойти къ такъ называемымъ внутреннимъ состояніямъ съ внѣшней стороны и въ извѣстныхъ предѣлахъ направлять теченіе ихъ. Воздѣйствуя черезъ посредство раздраженія на нервную систему, экспериментаторъ видоизмѣняетъ составъ душевнаго процесса и происшедшее измѣненіе старается отмѣтить и закрѣпить. Согласно этой извѣстной схемѣ психофизическаго эксперимента, изслѣдованіе должно итти отъ раздраженія сначала къ процессу въ нервной системѣ и затѣмъ уже къ душевному переживанію. Нервный процессъ, какъ среднее звено, есть неустраняемая составная часть психическаго эксперимента. Этимъ среднимъ звеномъ можетъ опредѣляться выборъ того или иного способа экспериментации, дѣйствіе его можетъ сказываться въ результатахъ эксперимента и даже самое толкованіе полученныхъ результатовъ будетъ зависѣть отчасти отъ того, какъ мы будемъ представлять себѣ природу промежуточнаго фізіологическаго звена. Извѣстно, напр., какое значеніе имѣетъ это звено въ психофізикѣ, при повѣркѣ закона Вебера-Фехнера, а также въ его обнаруженіяхъ и возможныхъ толкованіяхъ его. Поскольку эта схема неизбѣжна, экспериментальная психологія

---

¹⁾ Намѣченный ходъ мыслей развивается въ статьѣ „Ueber den Gegenstand der Psychologie“.

въ послѣднемъ своемъ основаніи не можетъ не быть физиологической.

И вотъ, физиологическій способъ разсмотрѣнія, который вводится эмпириокритической субституціей, утвердился въ теоріи познанія Авенаріуса въ подражаніе приемамъ экспериментальной психологіи. Авенаріусъ хочетъ перенести рѣшеніе вопросовъ теоріи знанія въ обстановку психологическихъ лабораторій, намѣренъ разсматривать познаніе въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ факты воспріятія, различенія, вниманія и т. п. изслѣдуются въ психологическихъ институтахъ. Поэтому онъ отправляется отъ взаимоотношенія среды и центрального органа нервной системы, и прежде чѣмъ обратиться къ зависимымъ «явленіямъ сознанія», считаетъ необходимымъ прослѣдить предварительно тѣ измѣненія, которыя производитъ раздраженіе въ центральномъ органѣ нервной системы. «Перескакивать» черезъ это промежуточное звено не рекомендовалось бы, говоритъ онъ, гносеологамъ ¹⁾.

Выраженіемъ его является, согласно этому толкованію, эмпириокритическая субституція.

Эмпириокритическая субституція была полезнымъ воспитательнымъ средствомъ для Авенаріуса: она должна была обострять его психологическое чутье, повышать его психологическую наблюдательность. Заходя, такъ сказать, съ чернаго крыльца, со стороны нервной системы, подобно экспериментатору, легче было высмотрѣть всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ сложные процессы познанія соприкасаются съ простѣйшими душевными отправленіями, скорѣе можно было уловить черты сходства, сближающія высшія умственныя дѣятельности съ низшими ощущеніями и воспріятіями. Помня, какъ съ физиологической точки зрѣнія объясняется образованіе вторичныхъ автоматическихъ дѣйствій — выпаденіемъ ненужныхъ, побочныхъ, отжившихъ и ветхихъ движеній, Авенаріусъ подошелъ съ той же точки зрѣнія и къ подобнымъ сужденіямъ: «это — предразсудокъ», «это — устарѣлая теорія». Помня, какъ съ физиологической точки зрѣнія разсматривается отношеніе воспріятія, послѣдовательнаго образа и образа воспоминанія, Авенаріусъ подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія смотрѣлъ и на сужденія о томъ, что есть «вещь» и что есть

¹⁾ Kritik. I. S. IX.

«мысль». Многочисленныя сближенія и сопоставленія, которыми изобилуетъ характеристика зависимаго жизненнаго ряда во второмъ томѣ «Критики», правдоподобны и убѣдительно, цѣнны, пріемлемы и для того, кто пренебрегъ бы фізіологическими субститутами, руководясь которыми, попалъ на нихъ Авенаріусъ. Они свидѣтельствуютъ объ изощренности наблюденія, развивавшейся благодаря систематическому обращенію вниманія въ сторону зависимости душевныхъ переживаній отъ нервной системы.

Давидъ Викторовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

Э. Васманнъ. S. I. Итоги сравнительной психологіи. Ч. I. Инстинкты и разумность въ царствѣ животныхъ. Ч. II. Сравнительныя изслѣдованія душевной жизни муравьевъ и вышихъ животныхъ. Переводъ съ нѣм. В. А. Караваева съ дополненіемъ переводчика „Зоопсихологическіе взгляды В. Вагнера“. Кіевъ. Стр. 524. Цѣна 3 р. 50 к.

Переведенная В. А. Караваевымъ книга Э. Васманна принадлежитъ къ выдающимся явленіямъ зоопсихологической литературы. Авторъ ея—превосходный изслѣдователь, обладающій недюжиннымъ психологическимъ чутьемъ, что—въ соединеніи съ присущей ему философской широтой—дѣлаетъ его книгу высоко интересной не только для специалистовъ-психологовъ, но и вообще для всѣхъ, занимающихся философіей. Э. Васманнъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ зоопсихологовъ, которые вполне ориентировались въ вопросахъ общей психологіи,—и въ силу этого разработка затронутыхъ имъ зоопсихологическихъ темъ выходитъ далеко за предѣлы изучаемой имъ области. Переводчикъ далъ очень удачное заглавіе двумъ статьямъ, входящимъ въ составъ книги—«Итоги сравнительной психологіи». Дѣйствительно, передъ нами не только удачный сводъ основного матеріала, но и серьезная попытка понять проблемы зоопсихологіи съ точки зрѣнія *систематической* психологіи. Въ этомъ отношеніи появленіе книги Васманна слѣдуетъ считать весьма цѣннымъ вкладомъ въ общую психологію. Чрезвычайно цѣннымъ—въ силу особенностей психологіи, какъ науки—является и то, что въ книгѣ Васманна нашла свое мѣсто главная зоопсихоло-

гическая литература. Въ естествознаніи знакомство съ литературой имѣетъ скорѣе вспомогательное значеніе, но въ психологіи, для которой правильная постановка проблемы такъ важна и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ трудна, знакомство съ литературой имѣетъ первостепенное значеніе. Нельзя, однако, тутъ же не отмѣтить того общаго недостатка книги, который уже былъ указанъ въ литературѣ¹⁾, что Васманнъ ставитъ свои психологическіе выводы въ слишкомъ тѣсную связь съ схоластической философійю. Стоя почти всюду на высотѣ научной психологіи, онъ и въ терминологіи и въ психологическихъ конструкціяхъ примыкаетъ къ Томѣ Аквинскому и черезъ него къ Аристотелю; къ сожалѣнію, онъ не даетъ себѣ труда выяснитъ пріемлемость основныхъ психологическихъ положеній своихъ учителей съ точки зрѣнія современной психологіи. Все это часто понижаетъ цѣнность работы Васманна, тѣмъ болѣе, что современная психологія, хотя бы въ лицѣ Вундта, согласіе съ которымъ (съ 2-мъ и 3-мъ изданіемъ «Чтеній о душѣ человѣка и животныхъ») подчеркиваетъ и самъ Васманнъ, даетъ достаточно данныхъ для обоснованія его предпосылокъ. Между тѣмъ, стремленіе представить свои мысли въ терминахъ схоластической философійи нерѣдко заставляетъ Васманна высказывать рискованныя психологическія положенія.

Главная тема Васманна—логико-психологическая: онъ ставитъ себѣ цѣлью «подвергнуть тщательной критикѣ примѣненіе современной зоопсихологіей понятій—инстинктъ и разумность». Разложивъ основной вопросъ на рядъ болѣе частныхъ, Васманнъ удачно освѣщаетъ ихъ какъ обще-психологическими соображеніями, такъ и зоопсихологическими данными. Рѣзко критикуя обычную манеру зоопсихологовъ—очеловѣчивать душевную жизнь животныхъ,—Васманнъ противопоставляетъ имъ свой критическій методъ, который онъ формулируетъ въ словахъ: «Мы не имѣемъ права приписывать животнымъ никакихъ высшихъ психическихъ функций, какъ только тѣ, какія они видимо обнаруживаютъ». Это положеніе Васманнъ называетъ «фундаментальнымъ закономъ сравнительной психологіи», и надо отдать ему справедливость, что онъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ критикуетъ «ходячую психологію» различныхъ изслѣдователей душевной

---

1) M. Ettliger. Untersuchungen über die Bedeutung der Deszendenztheorie für die Psychologie. S. 59. Anm. I.

жизни животныхъ. Онъ справедливо упрекаетъ современныхъ зоопсихологовъ *въ отсутствіи у нихъ психологической школы*,—и самъ даетъ прекрасные образцы настоящаго психологическаго анализа. Нельзя, однако, не отмѣтить, что въ книгѣ Васманна мало отразились различныя направленія общей психологіи. Понятіе «критической психологіи», къ которому постоянно обращается Васманнъ, въ дѣйствительности имѣетъ различное содержаніе у психологовъ различныхъ школъ. И съ этими направленіями въ общей психологіи Васманнъ совсѣмъ почти не считается, не забывая, однако, коснуться малѣйшихъ отгѣнковъ зоопсихологической литературы. Для примѣра укажемъ, что по вопросу о способности абстракціи Васманнъ критикуетъ лишь зоопсихолога Эмери, совершенно не касаясь, напр., чисто психологической работы Рибо «Эволюція общихъ идей», въ которой взгляды, защищаемые Эмери, представлены въ болѣе систематической и психологически обоснованной формѣ. Укажемъ еще на одинъ примѣръ: разбирая вопросъ о «возможности сравнительной психологіи», Васманнъ полемизируетъ съ зоопсихологами Икскульемъ, Бете и др., проходя мимо очень серьезной скептической работы Науртманна: «Die Metaphysik in der modernen Physiologie». Въ этой книгѣ послѣ критическаго разбора работъ по физиологіи мозга развивается, въ связи съ эмпириокритической теоріей познанія, которой придерживается Науртманн, «динамическая теорія жизни», дающая, по мнѣнію автора, возможность истолковать явленія животной жизни безъ всякихъ «аналогическихъ» заключеній. Вообще, съ точки зрѣнія общей психологіи, книга Васманна, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ и крупныхъ достоинствахъ, нуждается въ большомъ обще-психологическомъ дополненіи. Этого, конечно, мы не можемъ ставить въ упрекъ Васманну, который прекрасно выполнилъ свою задачу—критически провѣрить примѣненіе понятій инстинкта и разумности въ зоопсихологіи,—но не можемъ не отмѣтить того, чему явно симпатизируетъ и самъ авторъ,—что проблемы зоопсихологіи не могутъ быть изучаемы изолированно отъ общей психологіи. Выводы, вытекающіе изъ зоопсихологическаго матеріала, должны быть провѣрены и сведены воедино съ точки зрѣнія общей психологіи. И если самъ авторъ этого не продѣлалъ, то потому, что онъ примыкаетъ къ схоластической философіи, общіе психологическіе принципы которой онъ раздѣляетъ. Между тѣмъ

для современнаго психолога какъ разъ и является спорнымъ многое изъ того, что было безспорнымъ для средневѣковой философіи. Повторяемъ, однако, что, несмотря на все это, цѣнность книги Васманна очень высока.

Перейдемъ теперь къ болѣе подробному анализу содержанія книги Васманна. Въ цѣляхъ логической стройности мы не будемъ держаться порядка изложенія у Васманна и сгруппируемъ его мысли нѣсколько иначе, чѣмъ у него.

Возможна ли сравнительная психологія? Существуютъ ли объективныя основанія, могущія оправдать психологическія изслѣдованія душевной жизни животныхъ? Одинъ изъ современныхъ зоопсихологовъ формулировалъ свой отвѣтъ на это сомнѣніе, раздѣляемое многими, въ слѣдующихъ рѣзкихъ словахъ: «Вопросъ о душѣ животныхъ совершенно не входитъ въ область точной науки, такъ какъ въ этомъ отношеніи можно только вѣрить, но ничего нельзя знать навѣрное». Противъ этихъ сомнѣній Васманнъ, ссылаясь на общій принципъ психологическихъ изслѣдованій, указываетъ, что, допуская по аналогіи душевную жизнь у другихъ людей, мы логически должны допустить ее и у животныхъ, разъ для такого вывода по аналогіи есть достаточныя основанія. Скептицизмъ по отношенію къ возможности сравнительной психологіи послѣдовательно долженъ перейти въ скептическое отношеніе вообще къ психологіи: тотъ фактъ, что мы непосредственно знаемъ только свою душевную жизнь, или совсѣмъ исключаетъ возможность эмпирической психологіи, или же вовсе не посягаетъ на возможность ея. Въ логическомъ отношеніи отрицаніе сравнительной психологіи рядомъ съ признаніемъ психологіи человѣка является противорѣчіемъ. Кромѣ этой *чисто логической* критики Васманнъ указываетъ, что источникъ сомнѣній въ возможности сравнительной психологіи лежитъ въ томъ, что большинство изслѣдователей придерживается параллелистической теоріи, т. е. признаетъ замкнутую цѣпь матеріальныхъ процессовъ. Съ точки зрѣнія эмпирическаго параллелизма, психологическое изученіе человѣка намъ, такъ сказать, навязано, а при изученіи животныхъ проблема жизни вполне разрѣшима и безъ допущенія психики. Васманнъ критикуетъ поэтому теорію параллелизма (примыкая въ очень многомъ къ Штумпфу—къ его знаменитой рѣчи на Мюнхенскомъ съѣздѣ психологовъ); показавъ непріемлемость параллелизма, Васманнъ подчеркиваетъ, что

съ его паденіемъ исчезаетъ всякое основаніе сомнѣваться въ научности сравнительно психологическихъ изслѣдованій. Покончивъ съ этимъ вопросомъ, Васманнъ останавливается на условіяхъ примѣненія аналогическаго метода, лежащаго въ основаніи сравнительной психологіи. Проблема здѣсь заключается въ томъ, насколько позволительно пользоваться при изученіи психической жизни низшихъ животныхъ тѣми психологическими понятіями, составъ которыхъ опредѣляется данными общей психологіи? Здѣсь подъ сомнѣніе ставится тотъ основной принципъ критической психологіи, который Васманнъ формулируетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Для научнаго пониманія душевной жизни животныхъ ключомъ должно служить сравненіе съ человѣческой душевной жизнью». Этотъ принципъ дѣлаетъ необходимымъ вкладывать въ зоопсихологическія понятія точное и опредѣленное содержаніе, подсказываемое общей психологіей. Вотъ типичное возраженіе противъ этого: «Муравьи по своей организаціи, въ особенности же по строенію нервной системы, настолько отличны отъ высшихъ млекопитающихъ и человѣка, что ихъ душевная жизнь не можетъ выдержать никакого сравненія съ душевной жизнью послѣднихъ». Васманнъ прежде всего возражаетъ противъ психо-фізіологической стороны этого сомнѣнія. Подробная сравнительно анатомическая и фізіологическая характеристика органовъ чувствъ и центральной нервной системы приводитъ его къ выводу, что есть полное основаніе приложить *однородный масштабъ* къ способностямъ членистоногихъ животныхъ такъ же, какъ и позвоночныхъ. Но, помимо этого, психологическая сторона приведеннаго сомнѣнія, по мнѣнію Васманна, тоже не выдерживаетъ критики. «Вопросъ о томъ, обладаютъ ли муравьи разумностью въ настоящемъ смыслѣ слова или нѣтъ, есть и остается въ послѣдней инстанціи психологическимъ, а не анатомическимъ вопросомъ». «Совершенно неосновательно,—полемизируетъ Васманнъ съ нѣкоторыми зоопсихологами,—исходя изъ однихъ только анатомическихъ соображеній, одно и то же дѣйствіе обозначать у обезьянъ какъ разумное, а у муравьевъ какъ инстинктивное. Или же и муравьи и обезьяны поступаютъ только инстинктивно, или же тѣ и другіе только разумно. Средняго пути не существуетъ». «Конечно,—говоритъ Васманнъ,—мы никоимъ образомъ не требуемъ отъ муравьевъ разсудка, стоящаго по своей степени на одномъ уровнѣ съ человѣческой разумностью

и никогда не требовали такового отъ муравьевъ; но *существенными* признаками разумности должна обладать и разумность муравьевъ; въ противномъ случаѣ *это вовсе не разумность*».

Въяснивъ логическія условія зоопсихологическаго анализа, Васманнъ переходитъ къ трудному вопросу о природѣ нѣкоторыхъ инстинктивныхъ дѣйствій—въ связи съ механическимъ объясненіемъ ихъ, выдвинутымъ Лебомъ, Бете и др.,—въ ихъ извѣстной теоріи тропизмовъ. Слѣдствіемъ этой механической теоріи является то, что психическія способности мы должны принимать только тамъ, гдѣ животное способно *видоизмѣнять* свои наслѣдственныя дѣятельности на основаніи индивидуальнаго опыта. Такимъ образомъ, по словамъ Васманна, изъ области психической жизни животныхъ приходится вычеркнуть всю область простыхъ ощущеній и чувственного воспріятія и отнести ее, какъ простой рефлекторный механизмъ, къ области нервной физиологии. Васманнъ отдѣльно критикуетъ какъ основную мысль, такъ и выводы приведенной механической теоріи, указывая, что обладаніе органами чувствъ представляетъ надежный критерій для чувственной жизни животнаго. Примыкая къ Бине, подробно выяснившему въ своей работѣ «*La vie psychique des Microorganismes*» всю психологическую неудовлетворительность теоріи тропизмовъ, Васманнъ отвергаетъ эту теорію, признавая необходимымъ ввести въ объясненіе жизни микроорганизмовъ то понятіе инстинктивнаго выбора, которое онъ устанавливаетъ и для другихъ животныхъ.

Вопросъ о роли индивидуальнаго опыта въ психической жизни животныхъ, о способности на основаніи чувственного опыта *видоизмѣнять* свои наслѣдственныя дѣятельности, приобретаетъ особенное значеніе въ связи съ проблемой инстинкта. По общепринятому опредѣленію инстинктивная сфера характеризуется наслѣдственностью психическихъ моментовъ; вліяніе личнаго опыта относится уже къ сферѣ разумности. Такъ, Циглеръ признаетъ, что «тѣ ассоціаціи, которыя образуются въ теченіе индивидуальной жизни животныхъ путемъ усвоенія чувственныхъ впечатлѣній, основываются на разсудкѣ; тѣ же, которыя образуются независимо отъ внѣшняго опыта, инстинктивны». Также и Роменсъ обозначаетъ подъ именемъ инстинктивныхъ только тѣ цѣлесообразныя дѣятельности, которыя независимы отъ индивидуальнаго опыта. Васманнъ соглашается съ тѣмъ, что

слѣдуетъ проводить разницу между дѣйствіями, вытекающими непосредственно изъ унаслѣдованной основы чувственного познанія и влеченія, и тѣми, которыя вытекають изъ той же основы черезъ посредство чувственного опыта животнаго (первыя Васманнъ считаетъ инстинктивными въ узкомъ смыслѣ, вторыя—интенсивными въ широкомъ смыслѣ). Но провести рѣзкую границу между этими двумя категоріями дѣйствій невозможно. Такъ какъ, съ точки зрѣнія современной психологіи, нельзя признать, что наслѣдственно передаются готовые представленія, и приходится признать наслѣдованіе лишь психическихъ способностей или предрасположеній нервной системы,—то невозможно провести глубокое различіе между наслѣдственной способностью и активнымъ ея осуществленіемъ. Для активнаго же осуществленія какого угодно «инстинкта», иначе для активнаго осуществленія инстинктивной ассоціаціи—необходимо участіе чувственного воспріятія, какъ начальнаго члена инстинктивной ассоціаціи. Если мы теперь перейдемъ къ случаю, когда опытно образовавшаяся ассоціація опредѣляетъ наступленіе тѣхъ или иныхъ дѣятельностей, то ясно, что въ этомъ случаѣ психологическая природа обоихъ ассоціативныхъ процессовъ, опирающихся на унаслѣдованную основу чувственного познанія и влеченія,—одна и та же ¹⁾. Будетъ ли начальнымъ членомъ ассоціаціи чувственное воспріятіе или воспоминаніе,—это не мѣняетъ природы процесса—въ обоихъ случаяхъ ассоціативнаго. Поэтому *наличность чувственной памяти* еще не выводитъ насъ за предѣлы инстинктивной жизни. Конечно, еще остается подъ вопросомъ, всѣ ли дѣятельности животныхъ могутъ быть объяснены съ помощью законовъ ассоціаціи, но поскольку дѣло идетъ объ ассоціативной психической жизни, мы должны признать ее въ существѣ не выходящей за предѣлы той же сферы, куда мы относимъ активное осуществленіе наслѣдственно заложенныхъ ассоціацій. Животныя способны къ опыту—этотъ фактъ, поскольку его мы можемъ вмѣстить въ предѣлы дѣйствія законовъ ассоціаціи, не выводитъ насъ за предѣлы сферы инстинкта. Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему анализу, мы должны нѣсколько остановиться на анализѣ понятія разумности.

---

¹⁾ Подробности психологическаго анализа мы опускаемъ, такъ какъ читателю не будетъ трудно реконструировать его самому.

Разумность обнимаетъ у Васманна сферу психической дѣятельности, несводимой къ законамъ ассоціаціи. Сюда прежде всего относится по Васманну способность абстракціи, обуславливающая такія психическія образованія, какъ *понятія*. Этимъ создается возможность познавать взаимныя отношенія понятій и выводить отсюда заключенія; изъ этого послѣдняго объясняются и факты цѣлесознанія, — т.-е. способности проникать въ отношенія между цѣлью и средствомъ. Отсюда слѣдуетъ, что факты сознательной цѣлесообразности мы должны относить въ сферу разумности. Чтобы истолковать факты бессознательной цѣлесообразности, мы должны предположить наслѣдственно закрѣпленную связь чувственного влеченія и познанія. Объективно полезное познается чувственнымъ познаніемъ, какъ пріятное; чувственное познаніе здѣсь функционируетъ какъ оцѣнивающая способность (*vis aestimativa*) — представляющая у животныхъ, по мнѣнію Васманна, *analogum rationis*. Выполняемый ею цѣлесообразный контроль конечно вовсе не предполагаетъ проникновенія въ отношенія вещей, ея психологическая структура не обнаруживаетъ никакихъ слѣдовъ разумности; ее мы можемъ объяснить лишь изъ признанія наслѣдственной цѣлесообразной основы способности чувственного познанія и влеченія. Такимъ образомъ инстинктъ прежде всего по Васманну обозначаетъ чувственное влеченіе, побуждающее къ дѣятельностямъ, цѣлесообразность которыхъ лежитъ внѣ познавательной области даннаго субъекта; затѣмъ въ инстинктивную сферу входитъ и дѣятельность чувственного познанія, направляющаго эти влеченія. «Инстинктъ, — пишетъ Васманнъ, — *слыш* только постольку, поскольку инстинктивныя дѣйствія не управляются разумнымъ разсужденіемъ животнаго, *не слыш* же постольку, поскольку эта дѣятельность опредѣляется и направляется внѣшнимъ и внутреннимъ познаніемъ животнаго».

Соотвѣтственно связи чувственного познанія и влеченія, въ сферѣ разумности мы находимъ связь духовной познавательной способности и свободной воли. Такимъ образомъ высшая психическая жизнь человѣка должна быть понята изъ взаимодѣйствія двухъ различныхъ сферъ: инстинкта и разумности. Эти двѣ сферы не переходятъ постепенно одна въ другую, — такъ какъ въ инстинктивной сферѣ дѣйствуютъ законы ассоціаціи, не могущіе объяснить характерныя стороны разумности. Фактиче-

ская связь двухъ сферъ не устраняетъ ихъ различія, которое должно быть признано глубокимъ, качественнымъ различіемъ.

Установивъ эти психологическія положенія, Васманнъ переходитъ къ вопросу о томъ, какъ мы должны объяснять психическую жизнь животныхъ. Есть ли въ ней признаки разумности или же она не выходитъ за предѣлы инстинктивной жизни (въ широкомъ смыслѣ)?

Одинъ изъ критиковъ Васманна (Эмери) указывалъ, что общія понятія функционируютъ какъ таковыя и у животныхъ, но они мало оплодотворяютъ умственную жизнь животныхъ въ силу того, что понятія у нихъ не выражаются словами. Съ другой стороны, — въ познавательномъ процессѣ человѣка сложныя чувственные представленія и отвлеченныя абстракціи переходятъ другъ въ друга безъ рѣзкой границы; слѣдовательно, если мы признаемъ сложныя чувственные представленія и у животныхъ, то мы должны признать у нихъ и отвлеченныя абстракціи. Вообще, продолжаетъ Эмери, сложныя чувственные представленія и абстракціи — существенно одно и то же; это лишь различныя ступени абстрагирующей дѣятельности.

Васманнъ прежде всего критикуетъ *методологическую* сторону этого возраженія. Тотъ фактъ, что у человѣка ассоціативная жизнь тѣсно сплелась съ высшей психической жизнью, не даетъ никакого основанія для вывода, что гдѣ есть первая, тамъ есть и вторая. Конечно, если намъ не удастся объяснить психическую жизнь животныхъ изъ законовъ ассоціаціи, то мы будемъ должны приписать имъ и разумность, — но изъ методологическихъ основаній сдѣлать этого мы не можемъ. Переходя къ критикѣ психологической стороны возраженія Эмери, Васманнъ, слѣдуя за современной психологіей, указываетъ, что мы не можемъ принять существованія низшихъ абстрактовъ — «генетическихъ образовъ», чисто механически подготавливающихъ высшіе абстракты-понятія. Такъ называемые «родовые образы» фактически всегда конкретны, индивидуальны, хотя и неопредѣленны. Эту неопредѣленность ихъ нельзя назвать общностью; поэтому способность абстракціи невыводима изъ законовъ ассоціаціи. И поскольку мы не можемъ принять общихъ чувственныхъ образовъ, поскольку у насъ нѣтъ основаній при объясненіи психической жизни животныхъ выходить за предѣлы законовъ ассоціаціи, — мы не можемъ говорить о наличности у животныхъ «абстракціи перваго рода».

Перейдемъ теперь къ вопросу о роли рѣчи въ развитіи разумности. Если мы признаемъ, что основнымъ условіемъ, опредѣляющимъ развитіе общихъ понятій и способности умозаключенія является рѣчь, то очевидно между инстинктивной и разумной сферой приходится проводить чисто внѣшнюю границу,—а о принципиальномъ различіи конечно нечего говорить. Вопросъ, подлежащій здѣсь обсужденію, можетъ быть поставленъ такъ: развитіе ли разумности обуславливаетъ развитіе рѣчи или наоборотъ? Приведа рядъ психологическихъ данныхъ, Васманнъ приходитъ къ выводу, что «невѣрно, будто общія понятія разсудка становятся абстракціями *только* черезъ словесное выраженіе». «Безъ разумности нѣтъ ни логической возможности, ни психологической потребности въ рѣчи». Отсюда по Васманну слѣдуетъ выводъ, что изъ отсутствія языка мы можемъ заключить объ отсутствіи разумности; способность различныхъ животныхъ производить звуки легко могла бы развиться въ языкъ, если бы къ этому присоединилась наличность разумной жизни. Правда, у различныхъ животныхъ есть аналогъ человѣческой рѣчи,—но именно ихъ языкъ не основанъ на сознательномъ разумномъ соединеніи опредѣленныхъ звуковъ съ общими понятіями. Тѣ знаки, какіе умѣютъ давать животныя другимъ, не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ разумнымъ назначеніемъ, какое человѣкъ даетъ своей рѣчи.

Перейдемъ теперь къ вопросу о способности производить умозаключенія. Остроумный разборъ различныхъ случаевъ, обнаруживающихъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, способность къ умозаключеніямъ, приводитъ Васманна къ выводу, что на самомъ дѣлѣ всѣ эти случаи прекрасно объясняются ассоціаціями. Для уясненія вопроса Васманнъ напоминаетъ схоластическое различіе между формальными и матеріальными умозаключеніями. Первые—это настоящія умозаключенія; вторыя—обнимаютъ тѣ случаи, когда или непосредственно изъ прирожденныхъ инстинктивныхъ влеченій или въ связи съ чувственнымъ опытомъ животныя производятъ дѣйствія, которыя могутъ быть поняты и какъ осуществленіе выводовъ изъ настоящихъ («формальныхъ») умозаключеній. Васманнъ пишетъ: «глубочайшее основаніе, почему матеріальныя заключенія способности чувственнаго представленія является возможнымъ разложить на формальныя умозаключенія, состоитъ въ томъ, что они заключаютъ въ себѣ

объективную законосообразность, которая можетъ быть воспринята человѣческимъ умомъ и выражена въ формѣ силлогизма». Ясно, что, приписывая животнымъ матеріальныя умозаключенія (или какъ ихъ называетъ Форель «инстинктивныя заключенія по аналогіи»), мы не выходимъ за предѣлы инстинктивной жизни.

Мы не изложили еще очень интереснаго содержанія главъ «о различныхъ формахъ ученія» и «образцы разумности нѣкоторыхъ высшихъ животныхъ»,—но въ виду все же нѣкоторой ихъ спеціальности мы ограничиваемся тѣмъ, что изложили до сихъ поръ.

Общій выводъ, къ которому приходитъ Васманнъ—тотъ, что «духовная жизнь (разумность) начинается лишь съ человѣка, хотя и въ тѣснѣйшей связи съ чувственной жизнью, которую онъ раздѣляетъ съ высшими позвоночными, но тѣмъ не менѣе существенно отличается отъ послѣдней и далеко простирается за предѣлы послѣдней». Въ дальнѣйшемъ авторъ приводитъ въ связь этотъ выводъ съ своимъ религіознымъ міровоззрѣніемъ.

Мы не будемъ входить въ подробный критическій анализъ основныхъ идей Васманна и укажемъ только одно: работа Васманна превосходно показываетъ, въ какой тѣсной связи съ общей психологіей находится зоопсихологія. Въ зависимости отъ общихъ принциповъ психологіи, конструкція матеріала будетъ мѣняться,—и тамъ, гдѣ Васманнъ ставитъ точку, другой психологъ увидитъ лишь проблему. Какъ бы ни глубоко было различіе между ассоціативной и высшей психической жизнью, но можно ли его углублять такъ, какъ это дѣлаетъ Васманнъ, слѣдуетъ ли отказаться отъ разрѣшенія проблемы развитія высшей психической жизни изъ низшей, все это не можетъ быть рѣшено на основаніи однихъ только «фактовъ». Все это есть вопросы *систематической психологіи*, и какъ ни далеки мы еще отъ системы психологіи, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и въ психологіи, какъ въ естествознаніи, не одни «факты» опредѣляютъ систему тѣхъ предпосылокъ, которыя лежатъ въ основаніи науки. Конечно, сопоставленіе фактовъ, ихъ критическій сводъ вносятъ свои коррективы въ эти предпосылки,—но послѣднія предположенія науки подлежатъ лишь суду философіи. И если мы припомнимъ, что гносеологическая пропасть

между позитивизмомъ и всякаго рода идеализмомъ проходитъ черезъ всю исторію философіи,—то будетъ ясно, что въ конечной инстанціи проблема, затронутая Васманномъ, допускаетъ два абсолютно противоположныхъ рѣшенія, одинаково пригодныхъ для сведенія воедино фактовъ, но можетъ быть неодинаково цѣнныхъ съ точки зрѣнія общаго міровоззрѣнія. Въ этомъ мы и видимъ крупную заслугу Васманна, что онъ сумѣлъ поставить разрѣшеніе трактуемой имъ проблемы въ связь съ общими вопросами психологіи и философіи. Правда, его утвержденія часто болѣе категоричны, чѣмъ то допускаетъ современное состояніе науки. Но тотъ критическій духъ, который проникаетъ всю книгу, та безупречность и ясность метода, которая отличаетъ ее, дѣлають работу Васманна очень цѣнной.

Къ книгѣ Васманна приложено дополненіе переводчика В. А. Караваева—«Зоопсихологическіе взгляды В. Вагнера». Эта статья дополняетъ изложеніе зоопсихологической литературы у Васманна и даетъ критическое освѣщеніе выводовъ Вагнера.

В. В. Зѣньковскій.

А. Д. Гуляевъ. Этическое ученіе въ «Мысляхъ» Паскаля.

Сочиненіе А. Д. Гуляева представляетъ хорошее и дѣльное изслѣдованіе по нравственной философіи Паскаля, имѣющее тѣмъ болѣе интересъ и значеніе, что въ русской философской литературѣ эта тема еще не служила предметомъ самостоятельной разработки. Указавъ въ началѣ своего труда задачу и общій планъ своего изслѣдованія (стр. 3—6), авторъ переходитъ къ краткимъ замѣчаніямъ о сочиненіяхъ Паскаля (стр. 7—13), перечисляетъ ихъ, устанавливаетъ ихъ хронологическій порядокъ, разсматриваетъ вопросъ объ ихъ подлинности, въ особенности внимательно останавливается на происхожденіи и составѣ «Мыслей» Паскаля, характеризуетъ полныя собранія сочиненій Паскаля. Далѣе авторъ переходитъ къ вопросу о планѣ изложенія ученія Паскаля (стр. 14—22) и настаиваетъ, что первоначальный планъ «Мыслей», изложенный въ «Предисловіи» Е. Перье, былъ значительно измѣненъ и углубленъ Паскалемъ, при подробномъ развитіи избранной имъ темы.

Послѣ этого авторъ дѣлаетъ переходъ къ подробному, живому, по большей части состоящему изъ искусно подобранныхъ цитатъ изложенію взглядовъ Паскаля. Причисляя Паскаля къ

числу философъ-антропологистовъ, видящихъ въ человѣкѣ самый важный предметъ познанія, онъ уясняетъ значеніе понятія о высшемъ благѣ для Паскаля, а также задачу его описанія человѣка: она заключается въ томъ, чтобы показать *двойственность* этической природы человѣка, противоположность основныхъ человѣческихъ стремленій, противорѣчіе между назначеніемъ человѣка и его дѣйствительнымъ состояніемъ (стр. 25—32). Онъ передаетъ ученіе Паскаля о человѣческомъ величій, выражающемся въ стремленіи къ Божественному, въ неутомимомъ исканіи истины, въ любви къ красотѣ, въ невольномъ уваженіи къ человѣческой душѣ въ себѣ и въ другихъ, и о ничтожествѣ человѣка: въ человѣкѣ, рядомъ съ высшими свойствами его природы, дано себялюбіе, отвращающее его отъ универсальнаго существа, заставляющее его сдѣлать себя центромъ всего бытія и представляющее источникъ всѣхъ человѣческихъ золъ; по Паскалю, изъ эгоизма въ людяхъ рождается ихъ лживость, ихъ ненависть къ истинѣ, ихъ взаимная вражда, ихъ склонность къ насиліямъ, ихъ самодовольное невѣжество, рождается, наконецъ, вся неправда общественного строя. Авторъ показываетъ далѣе, какъ съ точки зрѣнія Паскаля, изъ смѣшенія и борьбы истинныхъ и ложныхъ стремленій и идей слагается вся человѣческая дѣйствительность, и какимъ несчастнымъ для него является общее состояніе человѣка (стр. 32—65).

Во II главѣ авторъ излагаетъ Паскалеву критику различныхъ попытокъ рѣшенія проблемы блага, главнымъ образомъ ученій стоическаго догматизма и эпикурейскаго скептицизма (стр. 66—80). Затѣмъ въ III главѣ онъ переходитъ къ собственному рѣшенію этой проблемы Паскалемъ, особенно выдвигая значеніе въ главахъ Паскаля невольныхъ антиномій нравственнаго сознанія, какъ неустранимыхъ мотивовъ для моральной вѣры въ основныя истины христіанства (стр. 80—102). Наконецъ, въ IV главѣ авторъ излагаетъ гносеологическія ученія Паскаля, его скептическую оцѣнку рациональнаго знанія, его ученіе о сердцѣ, какъ источникѣ непосредственнаго знанія первоначальныхъ истинъ и въ частности знанія о Божествѣ и, отрицая характеристику Паскаля, какъ абсолютнаго скептика, признаетъ его только сторонникомъ относительности человѣческаго познанія (стр. 102—140),

Этимъ оканчивается первая часть книги г. Гуляева. Вторая посвящена критическому изслѣдованію этическаго ученія

Паскаля. Онъ подробно разсматриваетъ вопросъ: насколько учене Паскаля было подготовлено предшествующею исторіей философской мысли и что есть въ немъ новаго и оригинальнаго? Авторъ указываетъ цѣлый рядъ предшественниковъ Паскаля въ важнѣйшихъ положеніяхъ его моральной философіи, къ которымъ онъ относитъ Сократа, Платона, Аристотеля, стоиковъ, эпикурейцевъ, Плотина и другихъ неоплатониковъ, Лактанція, блаж. Августина, Абеяра, Тому Аквинскаго, Дунса Скотта, Оккама, Монтэня, Шаррона, Бэкона, Декарта и т. д. Попутно онъ даетъ ясное и живое изложеніе отдѣльныхъ ученій этихъ предшественниковъ и подвергаетъ ихъ основательной критикѣ, всѣмъ этимъ доказывая свою обширную философскую начитанность. Въ окончательномъ результатѣ, авторъ приходитъ къ такой общей оцѣнкѣ философскихъ воззрѣній Паскаля: оригинальность Паскаля не въ отдѣльныхъ частностяхъ его описанія человѣческой природы, которыя возникли раньше его (стр. 175), и не въ отдѣльныхъ философскихъ мнѣніяхъ, въ которыхъ онъ по большей части имѣетъ опредѣленныхъ предшественниковъ (особенно Монтэня и бл. Августина); своеобразность Паскаля заключается въ методѣ его этического изслѣдованія (стр. 202). По мнѣнію г. Гуляева, главная заслуга Паскаля состоитъ въ томъ, что онъ внесъ индуктивно-научный методъ въ нравственную философію (стр. 203). Этимъ онъ критически разграничилъ область науки отъ области морально-религіозной вѣры (стр. 202). Религіозные догматы, полагаемые Паскалемъ въ основу его нравственнаго міросозерцанія, напр. о грѣхопаденіи человѣка, разсматриваются авторомъ какъ неизбѣжныя гипотезы, объясняющія установленныя Паскалемъ противорѣчія человѣческой природы—и въ связи съ этимъ методъ Паскаля характеризуется, какъ строго-научный индуктивно-гипотетическій методъ (стр. 205). Въ построеніи своихъ выводовъ Паскаль показываетъ себя «великимъ мастеромъ научной методологіи»; онъ только слишкомъ быстро вложилъ въ свои моральные постулаты еврейско-христіанскій смыслъ (стр. 247). Точно также въ ученіи о познаніи Паскаль является не догматикомъ и не скептикомъ, а критикомъ. По мнѣнію автора, критическое направленіе въ ученіи о знаніи безспорная заслуга Паскаля (стр. 221). Паскалева критика направлена противъ метафизики, но обосновываетъ она не пирронизмъ, а *позитивизмъ* (стр. 231). Вторая часть книги

г. Гуляева заканчивается дополнительными замѣчаніями по поводу ученія Паскаля, основанными на имѣющихся о немъ біографическихъ данныхъ (стр. 257—275).

Серьезный недостатокъ разсматриваемаго труда заключается въ его общемъ методѣ: въ монографическихъ работахъ подобнаго рода, въ особенности когда онѣ посвящены лишь одному какому-нибудь сочиненію изучаемаго философа, прежде всего невольно поднимается вопросъ о личности этого философа, о его судьбѣ, о пережитой имъ внутренней эволюціи и о стремленіяхъ и настроеніяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось данное произведеніе. Тѣмъ болѣе долженъ возникать подобный вопросъ, когда дѣло идетъ о такомъ субъективномъ, во многихъ отношеніяхъ чисто-лирическомъ произведеніи, какимъ являются «Мысли» Паскаля. Въ нихъ едва ли можно видѣть спокойное изложеніе одного неизмѣннаго міросозерцанія, прошедшаго черезъ всю жизнь философа. Короткая жизнь Паскаля представляла глубокою душевную трагедію; написанію «Мыслей» предшествовалъ огромный внутренній переворотъ, въ результатъ котораго гениальный ученый и свѣтскій человѣкъ обратился въ суроваго, доходившаго до самоистязаній отшельника, разочарованнаго въ жизни, разочарованнаго въ знаніи, разочарованнаго въ умственныхъ и моральныхъ силахъ человѣка, видящаго въ человѣческой участи только мучительный кошмаръ горя, тоски и непрерывнаго нравственнаго паденія, безъ просвѣта и надежды на что-нибудь, кромѣ чуда спасающей благодати Божіей. Вотъ какое настроеніе съ захватывающею силою и искренностью вылилось въ «Мысляхъ» Паскаля. Сами собой являются вопросы: всегда ли и обо всемъ ли думалъ Паскаль такъ, какъ онъ думалъ въ послѣдній періодъ своей жизни? Какія перемѣны произошли въ его теоретическомъ міросозерцаніи въ соотвѣтствіи съ перемѣной его настроенія и всего его нравственнаго существа? На эти вопросы мы не находимъ въ работѣ г. Гуляева яснаго отвѣта. Правда, въ концѣ своего сочиненія онъ вводитъ біографію Паскаля и пытается охарактеризовать вліяніе перемѣнъ въ его жизни на ходъ его мысли; но эта часть его труда слишкомъ коротка и слишкомъ мало связана съ предшествующими главами его изслѣдованія. Напротивъ, въ другихъ частяхъ книги указанные вопросы какъ-то совсѣмъ не задѣваются. Ученіе Паскаля въ «Мысляхъ» разсматривается авторомъ какъ что-

то самодовлѣющее внѣ всякаго біографическаго или культурно-историческаго фона. Очень нерѣдко, излагая тотъ или другой взглядъ Паскаля, авторъ рядомъ съ цитатами изъ «Мыслей» безразлично приводитъ цитаты изъ другихъ сочиненій Паскаля болѣе ранняго періода. Едва ли нужно настаивать, какъ рискованъ этотъ приѣмъ, если предварительно не установленъ путь развитія идей изучаемаго мыслителя.

Мнѣ кажется, что, главнымъ образомъ, отъ этихъ недостатковъ въ приѣмахъ изслѣдованія автора зависитъ нѣкоторая предвзятость и натянутость въ его окончательной опѣнкѣ значенія этическихъ взглядовъ Паскаля по его «Мыслямъ». Отодвигая на второй планъ столь существенныя для «Мыслей» индивидуальныя и субъективныя моменты, онъ пытается охарактеризовать это произведеніе, какъ строго научный трудъ, преслѣдующій чисто теоретическую задачу индуктивнаго изученія человѣческой природы (стр. 202, 203, 205). Въ его глазахъ Паскаль является какъ бы предвосхитителемъ Канта и не только въ морали, но и въ теоріи познанія. Даже моральную вѣру въ грѣхопаденіе человѣка, въ которой Паскаль видѣлъ единственный выходъ изъ гнетущаго сознанія противорѣчій нашей природы, авторъ рассматриваетъ, какъ правомѣрную индуктивно-научную гипотезу, такъ какъ она даетъ цѣлесообразное объясненіе человѣческимъ свойствамъ. Едва ли авторъ возвеличилъ Паскаля, давая его дѣлу столь чуждое и мало подходящее освѣщеніе. Я понимаю, что можно говорить о тонкости и строгости діалектическихъ приѣмовъ Паскаля при его обоснованіи необходимости моральной вѣры въ основныя истины христіанства. Но какъ же все-таки эти истины отождествлять съ научными гипотезами? Если первоначальная чистота человѣка, грѣхопаденіе, наслѣдственность грѣха, бытіе Божіе—научно-индуктивныя гипотезы, то не придется ли всякія вообще религіозныя и философскія догмы признать за научно правомѣрныя индуктивныя гипотезы? Вѣдь всѣ онѣ такъ или иначе продиктованы сознаніемъ глубокихъ практическихъ и теоретическихъ противорѣчій въ насъ и кругомъ насъ.

Мой дальнѣйшій упрекъ будетъ касаться отношенія автора къ предшественникамъ Паскаля. Съ одной стороны, вопросъ о предшественникахъ Паскаля разработанъ у г. Гуляева очень обдуманно и подробно, и онъ ясно показываетъ, что у Паскаля

не оказывается почти ни одной мысли, которая не была бы в той или другой формѣ высказана раньше его. Но, съ другой стороны, въ рѣшеніи этого вопроса у автора какъ бы не хватаетъ перспективы. Онъ самъ очень убѣдительно доказываетъ, что Паскаль не былъ особенно начитанъ въ предшествующей философской литературѣ, что даже объ отдѣльныхъ ученіяхъ Платона онъ знаетъ, повидимому, только по бл. Августину, что наконецъ и собственныя сочиненія этого послѣдняго онъ изучалъ не очень внимательно. Казалось бы, что всѣмъ этимъ ставится требованіе по возможности опредѣленно различать тѣхъ философовъ, которые оказали на Паскаля прямое вліяніе, отъ тѣхъ, которые воздѣйствовали на него только косвенно или даже только совпадали съ нимъ въ своихъ идеяхъ: вѣдь ясно, что приходится мѣрить разную мѣркою вліяніе на Паскаля, напр., Монтэня или Платона и Порфирія. Въ особенности, казалось бы, слѣдовало выдѣлить вліяніе на Паскаля его современниковъ отъ представителей далекой старины. Между современниками Паскаля былъ одинъ, отношеніе къ которому изучаемаго мыслителя освѣщено у г. Гуляева неожиданно скупо и тускло. Я разумѣю въ этомъ случаѣ Декарта. Г. Гуляевъ выдвигаетъ только отрицательное отношеніе Паскаля къ абсолютному рационализму Декарта. Правильнъ ли такой пріемъ? Вѣдь Декартъ и Паскаль были близки и по складу своего научнаго генія, и по той умственной атмосферѣ, въ которой они оба жили. Наконецъ, Декартъ первый далъ поразительно ясную и строгую формулу тому новому философскому міросозерцанію, которое сложилось подъ воздѣйствіемъ великихъ научныхъ открытій, знаменующихъ начало новой исторіи. Система Декарта по содержанию своихъ основныхъ понятій могла ли остаться безъ положительнаго вліянія на «Мысли» Паскаля? О прямо противоположномъ говоритъ очень многое: и взглядъ Паскаля на душу, какъ на существо только мыслящее, но не имѣющее никакихъ мѣстныхъ или вообще внѣшнихъ опредѣленій, и чисто механическое понятіе о веществѣ, выключавшее изъ элементовъ матеріи какія бы то ни было идеальныя побужденія и двигатели, и очень подчеркнутое ученіе о непредѣльности матеріальнаго бытія какъ въ цѣломъ, такъ и въ мельчайшихъ его частяхъ. Вспомнимъ тотъ ужасъ, который внушали Паскалю необъятныя, молчалия пространства вселенной. Если всѣ эти идеи навѣяны не картезіанскимъ міро-

воззрѣніемъ, то откуда онѣ возникли у Паскаля? И могли ли онѣ остаться безслѣдными для его жизненнаго пониманія? Не приходится ли, наоборотъ, думать, что именно въ мертвенности автоматическаго механизма матеріальной природы, въ ея жуткой и холодной безконечности, въ беспомощной затерянности среди нея человѣческой личности, въ отдаленности отъ человѣческой души абстрактнаго и непонятнаго Бога, который создалъ такой огромный и такой безжизненный міръ,—во всѣхъ этихъ картезіанскихъ концепціяхъ, столь новыхъ и столь чуждыхъ и Платону, и Августину, и всѣмъ другимъ идеалистамъ прошлаго, заключается наиболѣе могущественный мотивъ, побудившій Паскаля искать настоящей истины не въ отчетливыхъ выводахъ разума, а въ темныхъ откровеніяхъ инстинкта и сердца.

Сейчасъ указанные недочеты въ книгѣ А. Д. Гуляева нисколько не уменьшаютъ ея крупныхъ и важныхъ достоинствъ; она во всякомъ случаѣ представляетъ серьезный вкладъ въ русскую философскую литературу нашего времени, представляющій глубокий интересъ не только для специалистовъ, но и для обыкновеннаго читателя, какъ вѣрная, живая, обдуманно набросанная картина интимнаго міросозерцанія одного изъ лучшихъ представителей XVII вѣка.

Л. Лопатинъ.

Новыя книги и брошюры, полученные въ редакціи.

Атлантикусъ. Марксизмъ или теорія наивысшей производительности? Перев. съ нѣм. рукописи Я. Э. Либермана. Библиотека Общественной пользы. Спб., 1907. Ст. 105. Ц. 30 к.

Бланъ Луи. Исторія революціи 1848 г. Перев. С. Ч. съ критическимъ очеркомъ Е. Колбасина о Луиблановскомъ социализмѣ. Библиотека «Общественной пользы». Спб., 1907. Ст. CXXXVI+674. Ц. 3 р.

Богомоловъ, С. А. Современные воззрѣнія на аксіомы и методы геометріи. Спб., 1907. Ст. 58.

Дицгенъ, Иосифъ. Завоеванія (Аквизитъ) философіи и письмо о логикѣ. Перев. съ нѣм. П. Дауге и А. Орлова. Съ предисл. къ русск. перев. Евг. Дицгена. Съ портретомъ автора. Спб., 1906. Ст. XII+210. Ц. 1 р. Изд. П. Г. Дауге.

Его же. Мелкія философскія статьи. Перев. съ нѣм. Г. Рус-
Вопросы философіи, кн. 89.

соти. Подъ ред. и съ вступ. статьей «Философія и тактика» П. Дауге. Спб., 1907. Ст. XVII+150. Ц. 80 к.

Его же. Сущность головной работы человѣка. Перев. съ нѣм. Б. С. Вейнберга. Москва, 1907. Ст. XXVII+124. Ц. 80 к.

Его же. Экскурсія социалиста въ область познанія. Съ приложеніемъ статьи Евг. Дицгена, Максъ Штирнеръ и Иосифъ Дицгенъ. Перев. съ нѣм. Б. С. Вейнберга, подъ ред. П. Дауге. Спб., 1907. Ст. 179. Ц. 50 к.

Judd Charles Hubbard. Psychology general introduction. New-York, 1907. P. XII+389.

Кажановъ, Н. Соціально-хозяйственная эволюція и смѣна цивилизацій. Съ предисловіемъ проф. А. И. Скворцова. Спб., 1907. Ст. VIII+130. Ц. 55 к.

Котикъ, Н. Г., д-ръ. Эманация психофизической энергіи. Москва, 1907. Ст. 78. Ц. 60 к.

Лосский, Н. Сборникъ элементарныхъ упражненій по логикѣ. Спб., 1908. Ст. VII—206. Ц. 70 к.

Мастрюновъ, А. Мы живемъ въ атомѣ. Москва, 1907. Ст. 16. Ц. 10 к.

Марковъ, Веніаминъ. Личность въ правѣ. Спб., 1907. Ст. 60. Ц. 25 к.

Мартесонъ-Гнидкинъ, Александръ. Государствовѣдное опроверженіе лжеученій объ обычномъ правѣ и правовомъ отношеніи въ доказательство ненаучности такъ называемаго обществовѣдѣнія и трехъ его общепризнанныхъ отдѣловъ: право-нраво-и хозяйствовѣдѣнія. Москва, 1906. Ст. 376. Ц. 2 р. 50 к.

Николаевъ, Юрій. Запросы мысли. Спб., 1906. Ст. 254. Ц. 1 р. 50 к.

Отчетъ Пензенской Общественной библіотеки имени М. Ю. Лермонтова, съ 1 октября 1905 по 1 октября 1906 г. Пенза, 1907. Ст. 75.

Первовъ, Д. П. Педагогическая хрестоматія. Каменскій, Локкъ, Руссо, Песталоцци, Ушинскій, Пироговъ. Москва, 1907. Ст. VII+441. Ц. 1 р. 50 к.

Письма І. Ф. Бенкера, І. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. къ Ф. А. Зорге и др. Перев. съ нѣм. Политикуса. Съ письмами и біографіей Ф. А. Зорге, Евг. Дицгена. Съ предисл. Н. Ленина. Съ портретомъ Ф. А. Зорге. Изд. П. Г. Дауге. Спб., 1907. Ст. XXVI+478. Ц. 2 р. 25 к.

Руссо, Ж. Ж. О причинахъ неравенства. Спб., 1907. Ст. XXIV+166. Ц. 75 к. Библ. «Свѣточъ». Подъ ред. С. А. Венгерова.

Его же. Общественномъ договорѣ. Перев. Л. Неманова. Подъ ред. Д. Е. Жуковскаго. Спб., 1907. Ст. II+247. Ц. 75 к.

Роландъ-Гольстъ Генриетта. Этюды о социалистической эстетикѣ. Перев. съ нѣм. Гермера. Ц. 20 к. Ст. Москва, 1907. Изд. П. Дауге.

Румянцевъ, Н. Е. Лабораторія экспериментальной педагогической психологіи. Спб., 1907. Ст. 47. Ц. 25 к.

Его же. Экспериментальное изслѣдованіе личности. Спб., 1907. Ст. 36. Ц. 25 к.

Sidis, Boris. Studies in Psychopatology. Boston, 1907. P. 73.

Симонъ Теоодоръ. Психологія апостола Павла. Перев. съ нѣм. епископа Георгія. Москва, 1907. Ст. VII+115. Ц. 90 к.

Сомовъ, С. Гр. Физиологическія основы общественной психологіи. Саратовъ, 1907. Ст. IV+31. Ц. 20 к.

Сокальскій, Л. Ростъ средняго сословія въ Россіи какъ слѣдствіе остановки въ ростѣ государственной территоріи. Одесса, 1907. Ст. V+16. Ц. 15 к.

Его же. Земельная реформа. Одесса, 1907. Ст. 38. Ц. 30 к.

Его же. Вопросы дня. Одесса, 1907. Ст. 29. Ц. 15 к.

Соціальное движеніе въ современной Франціи. Сборникъ статей Э. Берта, Г. Лагорделя, Э. Пуже, Ж. Сореля и Г. Эрве. Перев. съ рукоп., подъ ред. и предисл. Л. Козловскаго. Москва, 1908. Ст. XXXII+274. Ц. 1 р.

Spaldaŷ, P. A. Slověk a zvíř. Прага, 1907. Ст. 154. Ц. 1 Кг. 60 Н.

Стеван I. Радосављевић Бдин. Размишљанья. Къивига прва и друга. Београд, 1907. Ст. 148 и 293. Ц. I кн. динаръ и по, II кн. 2 динара, круне.

Степнякъ-Кравчинскій, С. М. Собраніе сочиненій. Часть II. Подпольная Россія. Спб., 1907. 262. Ц. 1 р. Библ. «Свѣточъ». Подъ ред. С. А. Венгерова.

Его же. Собраніе сочиненій. Часть III. Домикъ на Волгѣ. Новообращенный. Сказка о копейкѣ. Спб. 1907. Ст. IV+241. Ц. 1 р. Библ. «Свѣточъ». Подъ ред. С. А. Венгерова

Тормазовъ, С. Генезисъ смѣха и рѣчи. Спб., 1907. Ст. 48. Ц. 30 к.

Труды перваго всероссійскаго съѣзда спиритуалистовъ и лицъ, интересующихся вопросами психизма и медиумизма въ Москвѣ съ 20 по 27 октября 1906 г. Москва, 1907. Ст. 342. Ц. 3 р.

Унтерманъ Эрнестъ. Антоніо Лабріола и Іосифъ Дишгенъ. Опытъ сравненія историческаго и монистическаго матеріализма. Перев. съ нѣм. И. Наумова. Спб., 1907. Ст. XIII+47. Ц. 25 к. Изд. П. Дауге.

Его же. Діалектическіе этюды. Популярныя лекціи изъ области пролетарскаго монизма. Перев. съ нѣм. И. Наумова. Москва, 1907. Ст. 147. Ц. 60 к. Изд. П. Дауге.

Штирнеръ, Максъ. Единственный и его собственность. Часть I. Спб., 1907. Ц. 1 р. Ст. IV+265. Библ. «Свѣточъ». Подъ ред. С. А. Венгерова.

Обзоръ журналовъ.

Archiv fur Geschichte der Philosophie. Neunzehnter Band. Neue Folge. XII Band. Heft I. 1905—1906 г.

Karl Weidel.—*Механизмъ и телеологія въ философіи Лотце. I.*

Въ своей статьѣ авторъ прежде всего излагаетъ въ общихъ чертахъ философію Лотце, а затѣмъ высказываетъ нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу основныхъ пунктовъ изложеннаго имъ ученія. Этими основными пунктами въ философіи Лотце являются механизмъ и телеологія. Сущность его механическаго воззрѣнія состоитъ въ слѣдующемъ: все въ мірѣ подчинено законамъ строгой необходимости, распространяющимся не только на неорганическія, но и на органическія сущности. Такъ какъ тѣ и другія во всемъ своемъ разнообразіи составляютъ единый міръ, то управляющіе ими законы должны съ одинаковой необходимостью выводиться изъ одного законодательнаго принципа, имѣющаго необходимое значеніе для всего существующаго. Эта всеобщая закономерность обуславливаетъ собою возможность познанія нами окружающаго насъ міра явленій, подчиненнаго тѣмъ же самымъ законамъ, какъ и наше мышленіе, но не можетъ быть выведена изъ опыта, такъ какъ сама его обуславливаетъ и является апіорной увѣренностью, заложенной въ насъ прежде всякаго опыта. Главнѣйшіе законы, связывающіе нашу мысль съ міромъ окружающей насъ дѣйствительности, суть законы причинности и особенно тождества. Оригинальность воззрѣній Лотце особенно выразилась въ распространеніи имъ механической точки зрѣнія на органическую природу, отличіе которой отъ неорганической онъ полагаетъ не въ принципѣ, а въ иномъ распредѣленіи вещественныхъ элементовъ. По его опредѣленію организмъ есть опредѣленное, отвѣчающее природнымъ

цѣлямъ направленіе и комбинація чисто механическихъ процессовъ. Онъ рѣшительно отвергаетъ теорію о присущей будто бы каждому организму особой жизненной силы, указывая на то, что эта теорія не только не находитъ себѣ подтвержденія въ дѣйствительномъ опытѣ, но является несостоятельной сама въ себѣ, такъ какъ основывается на смѣшеніи понятій цѣли и причины. Этотъ пунктъ взаимоотношенія механизма и телеологіи чрезвычайно важенъ для философіи Лотце. Понятія цѣли и причины глубоко различны по самому своему существу и по отношенію къ дѣйствительности. Цѣль, какъ таковая, не есть нѣчто реальное, но или долженствующая быть (пока она не достигнута), или просто извѣстное отношеніе—дѣйствіе или страданіе предметовъ (когда она уже достигнута). Въ силу этого цѣль, въ противоположность причинѣ, никогда не можетъ обуславливать дѣйствительное, но является только какъ бы формой нѣкотораго велѣнія, сообразно которому происходитъ устройство дѣйствительности уже по законамъ причинности. Причина имѣетъ мѣсто въ механической области міровыхъ явленій, содѣйствуя ихъ объясненію, а цѣль—въ телеологической, опредѣляя значеніе явленій и тѣмъ указывая на то, что въ основѣ всѣхъ міровыхъ процессовъ лежитъ не слѣпая, но разумная сила. Механизмъ имѣетъ мѣсто не только во внѣшней, органической, но и во внутренней, психической жизни, опредѣляя ея форму, но не порождая ея элементовъ, которые всѣ являются продуктами высшей дѣятельности челоуѣческаго духа. Кромѣ физическаго и психическаго механизма, Лотце, исходя изъ понятія инстинкта, который онъ не рѣшается отнести ни къ той, ни къ другой области, допускаетъ еще психофизическій, имѣющій мѣсто въ ощущеніяхъ и движеніи. Въ своей системѣ Лотце строго разграничиваетъ всѣ эти области, утверждая, что между ними не можетъ быть непосредственнаго общенія, вслѣдствіе чего необходимо допустить существованіе какой-то посредствующей связи, опредѣляемой Лотце, какъ высшая сила. Отсюда ясно, что нельзя ограничиться однимъ механическимъ объясненіемъ существующаго порядка міровыхъ явленій, но необходимо допустить въ основѣ его высшую разумную силу, силу Абсолюта, предписывающаго конечныя міровыя цѣли. Такимъ образомъ въ міровомъ цѣломъ намѣчаются три элемента: 1) Царство всеобщихъ необходимыхъ законовъ,

2) совокупность всѣхъ реальностей и 3) планъ, къ осуществленію котораго стремится все сущее по волѣ Абсолюта. Эта абсолютная идея мыслится Лотце не только какъ идея или міровая сущность, но какъ личный Богъ, и наиболѣе интересный вопросъ въ проблемѣ представляетъ отношеніе Бога къ механизму міра, для разрѣшенія котораго онъ пользуется метафизическими предпосылками. Такой же характеръ носитъ и его разсужденіе о свободѣ воли. Въ своей критикѣ этой попытки Лотце, на основахъ механизма построить телеологическо-религіозное міровоззрѣніе, авторъ настоящей статьи останавливается главнымъ образомъ на тѣхъ пунктахъ системы, гдѣ особенно рельефно выступаютъ на видъ неизбѣжныя при такой двойственности исходной точки зрѣнія противорѣчія. Такая двойственность объясняется рецензентомъ психологическимъ путемъ, на основаніи личности самого Лотце, одинаково горячо преданнаго какъ естественно-научнымъ, такъ и религіознымъ интересамъ. Искренно желая примиренія этихъ разнородныхъ и въ большинствѣ случаевъ прямо противоположныхъ другъ другу интересовъ, онъ допустилъ въ своей системѣ нѣкоторые компромиссы, не замѣтивъ при этомъ крупныхъ логическихъ противорѣчій.

R. Salinger.—*Антиноміи Канта и доказательства Зенона противъ движенія. II.*

Слово «антиномія», объясняемое въ этимологическомъ свесемъ происхожденіи какъ «противоположеніе», послѣ Канта имѣетъ прочно установившееся значеніе неразрѣшимаго противорѣчія, въ которое впадаетъ нашъ разумъ въ своемъ стремленіи къ разрѣшенію вопросовъ о сущности міра, его предѣлахъ и составныхъ частяхъ. Въ своей «Критикѣ чистаго разума» Кантъ указалъ четыре вида антиномій, относя двѣ изъ нихъ къ разряду динамическихъ, а двѣ другія къ разряду математическихъ. Авторъ настоящей статьи разбираетъ только двѣ послѣднія, въ которыхъ дѣло идетъ о пространствѣ и времени. I—Тезисъ—«Міръ имѣетъ начало во времени и пространствѣ». Антитезисъ—«Міръ во времени и пространствѣ безконеченъ». II—Тезисъ—«Все въ мірѣ состоитъ изъ простаго (недѣлимаго)». Антитезисъ—«Нѣтъ ничего простаго, а все сложно». Вопросъ о степени правильности Кантовской формулировки и объясненія этихъ антиномій занималъ многихъ философовъ, занимавшихся изученіемъ «Критики чистаго разума», и почти всѣ они, не исключая горячихъ при-

верженцевъ Канта, признавали ученіе объ антиноміяхъ далеко несовершеннымъ. Доказательства Канта въ математическихъ антиноміяхъ страдаютъ, по мнѣнію автора настоящей статьи, логической ошибкой *quaternio terminorum*, такъ какъ въ тезисахъ онъ беретъ понятіе безконечности актуальной, мыслимой въ законченномъ видѣ, а въ антитезисахъ у него является потенциальная безконечность, понимаемая въ смыслѣ неограниченной возможности измѣненія въ конечномъ.

Вторымъ пробѣломъ въ его разсужденіяхъ является невыясненность понятій постоянства и непрерывности въ отношеніи къ пространству и времени, составляющихъ основу всего ученія. Въ своей системѣ Кантъ совершенно упустилъ изъ виду значеніе анализа этихъ понятій для разрѣшенія проблемы антиномій, который помогъ бы объяснить основное неразрѣшимое противорѣчіе, и это тѣмъ болѣе странно, что уже въ глубокой древности была сдѣлана подобная попытка однимъ изъ представителей Елейской школы—Зенономъ. Въ своихъ доказательствахъ противъ движенія, приводящихъ къ явно абсурднымъ утвержденіямъ, онъ ясно показалъ тѣ метафизическія трудности, съ которыми встрѣчается нашъ разумъ въ вопросахъ о безконечной дѣлимости пространства и времени, о ихъ постоянствѣ и непрерывности. Изъ этихъ доказательствъ, тщательно анализируемыхъ авторомъ настоящей статьи, ясно видно, что постоянство и безконечность суть только возможные, но не дѣйствительныя понятія. Оба они не могутъ быть объектами опыта и суть только постулаты формального, но не эмпирическаго мышленія. Наше сознаніе можетъ только представить различныя величины, но не ихъ происхожденіе, и въ этой ограниченности его лежитъ неразрѣшимая антиномія проблемъ пространства и времени, которую Кантъ тщетно старался разрѣшить въ своемъ трансцендентальномъ идеализмѣ.

2. Heft.—Ferdinand Tönnies.—*Hobbes Analekten*. III.

Авторъ цитируетъ и комментируетъ два латинскихъ и одно французское письмо Гоббеса къ Мерсенну, бывшему какъ бы посредникомъ въ сношеніяхъ англійскаго философа съ Декартомъ. Эти письма касаются полемики, бывшей между Гоббесомъ и Декартомъ по поводу нѣкоторыхъ сочиненій послѣдняго и небезинтересны съ точки зрѣнія выясненія личныхъ отношеній обоихъ философовъ.

Romaine Newbold.—*Филолай*. IV.

Хотя, по словамъ автора этой статьи, монографіи Бека о Филолаѣ отличаются большой точностью и полнотой, тѣмъ не менѣе толкованіе имъ нѣкоторыхъ отрывковъ, имѣющихъ очень большое значеніе для пониманія всей философіи Филолая, настолько неясно, что необходимо новое изслѣдованіе въ этой области. Задачей своей статьи авторъ ставитъ разсмотрѣніе двухъ изъ такихъ отрывковъ. Первый изъ нихъ касается функций разума въ отношеніи къ числовымъ величинамъ, второй—природы принциповъ безпредѣльнаго и предѣла, по Филолаю—*περάνυα* и *ἀπειρα*. Онъ цитируетъ эти отрывки въ подлинникѣ, попутно съ переводомъ, давая въ то же время самыя подробныя комментаріи наиболѣе важныхъ, по его мнѣнію, мѣстъ, касающихся роли и значенія чиселъ въ мірозданіи. Числовыя значенія Филолая, выраженные въ точныхъ математическихъ формулахъ, даютъ возможность многое разъяснить въ его философіи, особенно же въ космологіи, а также являются въ высшей степени важными для развитія философіи вообще. Зачатки Пифагорейской теоріи чиселъ авторъ указываетъ еще въ древнемъ Египтѣ.

Dr. Wilh. M. Frankl.—*Къ пониманію Этики Спинозы*. V.

Въ основѣ Этики Спинозы авторъ намѣчаетъ два основные принципа, прямо противоположные другъ другу, чѣмъ и объясняются, по его мнѣнію, многія неясности въ его системѣ. 1) Принципъ полной дивергенціи мыслимаго и дѣйствительно существующаго и 2) принципъ Панинтеллектуализма полного соотвѣтствія мыслимаго и существующаго. Въ своихъ разсужденіяхъ авторъ исходитъ изъ понятія атрибута, въ основѣ котораго лежитъ множественность. Связь же его съ субстанціей, въ основѣ которой лежитъ единство, указываетъ на то, что множественное для разума въ существѣ едино. Онъ подтверждаетъ свои выводы многочисленными выдержками изъ сочиненій Спинозы, въ которыхъ ясно видно это противорѣчіе основныхъ принциповъ.

3. Heft.—**Lewis Robinson.**—*Изслѣдованіе о метафизикѣ Спинозы*. 3 и 4 Heft. VI.

Въ основу своего изслѣдованія авторъ кладетъ два произведенія Спинозы—«Трактатъ» и «Этику» и ставитъ своей задачей прослѣдить, какъ понимается въ нихъ существо Бога. Тщательно проанализировавъ всѣ доказательства бытія Божія какъ въ пер-

вомъ, такъ и во второмъ сочиненіи, предварительно раздѣливъ ихъ на апіорныя и апостеріорныя, онъ находитъ какъ бы нѣкоторую двойственность во взглядѣ Спинозы на Божественную сущность. Въ «Трактатѣ» Богъ отождествляется съ природой, которая есть не единое, но совокупность многихъ самостоятельныхъ субстанцій—слѣдовательно въ немъ подчеркивается множественность Божественнаго начала—его атрибуты. Въ «Этикѣ» же на первый планъ выступаетъ монистическая тенденція—принципъ единства, вѣчности, субстанціональности. Такая двойственность въ опредѣленіи природы Бога объясняется авторомъ не сбивчивостью и неясностью метафизическихъ воззрѣній самого Спинозы, но спеціальными цѣлями, которыя преслѣдовались имъ въ обоихъ сочиненіяхъ. По мнѣнію автора Спиноза намѣренно умалчиваетъ въ «Трактатѣ» о монистическомъ началѣ, желая избѣжать путаницы въ терминологіи, такъ какъ въ этомъ сочиненіи все вниманіе сосредоточено на атрибутахъ. Но это умалчиваніе не есть отрицаніе. Въ свою очередь принципъ единства «Этики» нисколько не отрицаетъ множественности основного начала, такъ какъ оно разсматривается Спинозой какъ единая сущность, состоящая изъ безконечнаго числа атрибутовъ.

W. A. Heidel. — *Качественныя измѣненія въ до-Сократовской философіи.* VII.

Настоящій очеркъ посвященъ выясненію понятія качественного измѣненія въ древне-греческой философской литературѣ. Важнѣйшими и наиболѣе употребительными терминами для этого понятія авторъ считаетъ *ἀλλοίωσις* или *ἐτέροίωσις*, относя послѣдній изъ нихъ къ болѣе раннему періоду. Опредѣливъ точное значеніе этихъ терминовъ, въ существѣ однородныхъ, онъ переходитъ къ разсмотрѣнію всѣхъ важнѣйшихъ философскихъ системъ древней Греціи съ цѣлью выяснить, въ какомъ смыслѣ въ каждой изъ нихъ употребляется это понятіе качественного измѣненія, и не находитъ въ этомъ употребленіи достаточно крупныхъ разногласій.

Arthur Lovejoy. — *О возраженіи Канта Юма.* VIII.

Въ своемъ изслѣдованіи авторъ задается цѣлью прослѣдить—дѣйствительно ли своимъ ученіемъ о принципѣ причинности Кантъ опровергнулъ Юма и привнесъ въ этотъ вопросъ много новаго сравнительно со своими предшественниками—Лейбницемъ и Вольфомъ. Съ этою цѣлью онъ подробно разсматриваетъ уче-

нія о принципѣ причинности въ системахъ всѣхъ этихъ философовъ и приходитъ къ заключенію, что заслуги Канта въ этой области сильно преувеличены историками его философіи. Въ своихъ основныхъ разсужденіяхъ объ этомъ принципѣ Кантъ, нисколько не опровергая Юма, только повторяетъ аргументы, задолго до него уже высказанные Вольфомъ и Лейбницемъ, при чемъ такъ запутываетъ ихъ своими собственными добавленіями, что почти невозможно понять основной ходъ его разсужденій. Въ то же время эти добавленія также не представляютъ собою и чего-нибудь новаго или особенно важнаго для пониманія принципа причинности, такъ какъ въ нихъ Кантъ сплошь и рядомъ противорѣчитъ самъ себѣ. Напримѣръ — законъ всеобщей причинности онъ объявляетъ сужденіемъ апіорнымъ синтетическимъ, между тѣмъ изъ всѣхъ его разсужденій выходитъ—что особенно замѣтно во второй аналогіи опыта,—что этотъ законъ долженъ быть необходимо отнесенъ къ типу сужденій, опредѣляемыхъ имъ какъ аналитическія.

Heft 4. M. Clodius Piat.—*Бытіе и добро по Платону. IX.*

Въ своей статьѣ авторъ стремится: 1) показать какъ Платонъ строить свое понятіе бытія, 2) опредѣлить соотношеніе этого понятія съ идеей добра. Въ основѣ всѣхъ философскихъ системъ до Платона лежало понятіе о бытіи, или какъ о возникновеніи единаго изъ многаго, или многаго изъ единаго. Но какъ то, такъ и другое изъ этихъ пониманій нисколько не исчерпывало вопроса о сущности бытія и не разрѣшало его. Разрѣшеніе же вопроса можетъ быть только въ единеніи этихъ двухъ принципозъ, что и дѣлаетъ Платонъ въ своемъ ученіи объ идеяхъ, мысля ихъ въ одно и то же время какъ многое и вмѣстѣ съ тѣмъ объединенное высшимъ единымъ принципомъ. Этотъ единый всенаполняющій принципъ есть высшая форма бытія—идея добра. Содержаніе понятія добра у Платона видоизмѣняется сообразно съ ходомъ развитія его идеологіи, но въ общемъ вся его философія неизмѣнно носитъ верховно-моральный характеръ, что рѣзко отличаетъ ее отъ философіи Аристотеля, въ которой въ высшій принципъ возведено начало интеллектуальное.

Albert Leclère.—*Эскизъ всеобщей и сравнительной исторіи средне-вѣковыхъ философскихъ системъ François Picavet. X.*

Авторъ считаетъ Picavet однимъ изъ наиболѣе выдающихся

современныхъ историковъ философіи и посвящаетъ свой очеркъ разсмотрѣнію его «Эскиза», который представляетъ собою какъ бы предварительное изслѣдованіе къ его «Исторіи». Это наиболѣе полное и разработанное сочиненіе по затронутымъ въ немъ вопросамъ, настолько же разнообразнымъ и глубоко-интереснымъ, насколько разнообразна и полна сама жизнь средне-вѣковья, соединяющая въ себѣ остатки древней и зачатки новой культуры — періодъ, составляющій одно изъ самыхъ важныхъ и необходимыхъ звеньевъ въ эволюціи человѣческаго духа. Наиболѣе характерной чертой философіи среднихъ вѣковъ по Ricasvet является перевѣсъ религиозныхъ, чисто богословскихъ интересовъ надъ натурализмомъ античнаго міра, съ которымъ однако же вполне средне-вѣковая мысль не порываетъ. Ricasvet въ своемъ эскизѣ слѣдитъ за малѣйшими изгибами этой мысли во всѣхъ областяхъ философскаго знанія, особенно останавливаясь на противопоставленіи міровъ божескаго—высшаго, и человѣческаго,—низшаго, и отысканія связи и общенія между этими мірами, откуда проистекаетъ измышленіе разнообразныхъ посредствующихъ ступеней, въ различныхъ проявленіяхъ жизни средне-вѣковья принимающее специальную форму. Эта эпоха оставила намъ въ наслѣдіе глубокой идеаль человѣчности. Этотъ идеализмъ, постепенно развиваясь и реализуясь, въ будущемъ сольется съ выводами научнаго мышленія, какъ въ древнемъ мірѣ онъ реализировался и сливался съ греческой натурфилософіей.

Andreas Freiherrn Di Pauli.—*Quadratus Martyr, der Skoteinologie.* XI.

Авторъ пытается найти слѣды вліянія Гераклитизма въ Аста Quadrati, сравнивая ихъ текстъ съ текстомъ Аста Apolloni, въ которомъ это вліяніе уже доказано. Изъ этого сравненія явствуетъ несомнѣнное сходство этихъ отрывковъ и по формѣ и по содержанію, откуда авторъ дѣлаетъ заключеніе о значеніи Гераклитизма для апологетики первыхъ вѣковъ христіанства.

James Lindsay.—*Платонъ и Аристотель въ проблемахъ о дѣйствующихъ причинахъ.* XII.

Во взглядахъ Платона и Аристотеля на природу и сущность причинъ дѣйствующихъ, авторъ констатируетъ коренное различіе, обусловливаемое, по его мнѣнію, отчасти различнымъ пониманіемъ ими бытія, сущность котораго Аристотель видитъ въ энергіи, а Платонъ въ разумѣ, отчасти же личнымъ складомъ

обоихъ философовъ. Платонъ болѣе интересуется моральной, метафизической стороною принципа причинности, чѣмъ логической, и потому въ его системѣ нельзя замѣтить строгаго и точнаго разграниченія причинъ дѣйствующихъ и конечныхъ. Аристотель въ этомъ отношеніи стоитъ на болѣе правильной, научной точкѣ зрѣнія, хотя его нельзя считать вполнѣ свободнымъ отъ вліянія Платона въ настоящемъ вопросѣ.

Jahresbericht über sämtliche Erscheinungen auf dem Gebiete der Geschichte der Philosophie.

Heft I.—Heinrich von Struve.—*Польская философія послѣднихъ десятилѣтій (1894—1904). I.*

Послѣдняя часть сочиненія Струве, автора настоящаго обзора «Критическое введеніе въ философію», первыя части котораго были изложены въ предыдущемъ обзорѣ, содержитъ изслѣдованіе о философскомъ духѣ, который съ одной стороны понимается авторомъ индивидуально, какъ философскія способности отдѣльныхъ лицъ, а съ другой стороны въ общемъ какъ развитіе философіи въ исторіи отдѣльныхъ народовъ и всего челоувѣчества. Прежде всего авторъ анализируетъ различные типы философской одаренности, которые онъ сводитъ къ тремъ: 1) діалектической, 2) критической и 3) конструктивной. Первый характеризуется, главнымъ образомъ, образованіемъ абстрактныхъ отдѣльныхъ понятій, критической типъ обладаетъ замѣчательною способностью анализа, уже данныхъ понятій и системъ, составляя необходимый элементъ для продуктивной дѣятельности философіи, но являясь разрушительною силою; конструктивный же имѣетъ въ виду главнымъ образомъ построенія цѣльнаго философскаго міровоззрѣнія, пользуясь результатами работы первыхъ двухъ типовъ, какъ необходимымъ матеріаломъ. Эту классификацію типовъ авторъ кладетъ и въ основу своего изслѣдованія историческаго развитія философскаго духа, стараясь на основаніи ея установить законъ этого развитія. Діалектическая стадія, согласно этому подраздѣленію, охватываетъ собою періодъ греческой и средневѣковой философіи до Бэкона и Декарта. Ими начинается критическій періодъ, наиболѣе яркими представителями котораго авторъ считаетъ Юма и Канта. Однако этотъ періодъ и до сихъ поръ не нашелъ своего завершенія, какъ показываютъ новѣйшія работы въ области критицизма, и хотя теперь и появляются отдѣльныя попытки конструктивнаго

характера, но полного расцвѣта это направленіе достигнетъ только тогда, когда критическое и діалектическое скажутъ свое послѣднее слово. Къ каждому отдѣлу своего сочиненія авторъ указываетъ соотвѣтствующую литературу, въ концѣ же приложень словарь философскихъ терминовъ и списокъ цитируемыхъ иностранныхъ и польскихъ авторовъ. Въ послѣднее время Struve кромѣ названной работы напечаталъ еще рядъ небольшихъ сочиненій по различнымъ областямъ философіи — метафизикѣ, исторіи философіи вообще и польской въ частности, важнѣйшія изъ которыхъ авторъ называетъ въ своемъ обзорѣ. Особенно онъ останавливается на Кантѣ, стараясь опредѣлить его значеніе для развитія философіи (статья въ «Biblioteka Worzawska» о Гербертѣ Спенсерѣ и Кантѣ 1904 г.). Подъ его же редакціей издано много польскихъ переводовъ разныхъ философскихъ сочиненій. Что касается другихъ работъ по философіи, то всѣ важнѣйшія направленія за послѣднее время, до Ницше включительно, находятъ своихъ представителей среди варшавскихъ ученыхъ, но большинство носитъ очень популярный характеръ. Однако среди нихъ встрѣчаются и строго-научные труды. Изъ нихъ, въ области эмпириокритицизма, рецензентъ называетъ два: Joseph Kodis и Erdmann. Первый изъ называемыхъ авторовъ останавливается въ своихъ работахъ на природѣ чувствованій и анализѣ апперцепціи, второй же занимается разработкой теоріи выраженій и понятій съ точки зрѣнія пазиграфіи. Въ области материализма первое мѣсто принадлежитъ Абрамовскому, который въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ старается психологически и гносеологически обосновать социологическія воззрѣнія Маркса. Въ основу своего изслѣдованія онъ кладетъ субъективный феноменализмъ. Соціальную жизнь онъ приводитъ къ индивидуальнымъ элементамъ и утверждаетъ, что помимо индивидуума она не существуетъ. Къ социологамъ варшавской же школы авторъ причисляетъ Kaz Kelles-Krauz, хотя онъ въ настоящее время работаетъ въ Брюсселѣ. Въ своихъ сочиненіяхъ названный авторъ исходитъ изъ основныхъ положеній марксизма и старается развить ихъ далѣе при помощи новыхъ идей, хотя свои социологическія воззрѣнія онъ до сихъ поръ еще не обосновалъ философски. Изъ другихъ авторовъ рецензентъ останавливается еще на Бржозовскомъ, который въ своемъ міровоззрѣніи соединяетъ неокантіанство съ ницшеанскимъ идеализмомъ. По

его мнѣнію философія въ исторіи развитія человѣческаго духа занимаетъ мѣсто между религіей и наукой. Задача ея состоитъ въ томъ, чтобы помочь человѣчеству осуществить высшую цѣль, которая состоитъ въ удовлетвореніи индивидуальныхъ чувствованій и стремленій. Изъ представителей теологическаго направленія авторъ называетъ W. M. Debiski, задачей котораго служить критика модныхъ философскихъ теченій, которыя неизбежно приводятъ какъ къ интеллектуальному, такъ и къ этическому скепсису и этимъ уничтожаютъ сами себя. Въ этомъ смыслѣ написано имъ интересное сочиненіе «Der grosse intellektuelle Bankrott». Остановить разрушительную работу этого скепсиса можетъ только возвращеніе къ научно обоснованной религіозной вѣрѣ. Въ другихъ своихъ сочиненіяхъ: «Philosophie des Nichts» и «Religionsphilosophischen Studien und Skizzen», авторъ говоритъ о вредныхъ послѣдствіяхъ пессимистическаго направленія въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи. Новѣйшая философія, особенно изслѣдованія въ области теоріи познанія и психологіи, нашли себѣ широкое примѣненіе въ работахъ варшавскихъ врачей и математиковъ. Переходя къ обзору этихъ трудовъ, авторъ прежде всего останавливается на работахъ извѣстнаго гистолога Ноуегъа, написавшаго «Критику Дарвинизма», «О методѣ научнаго изслѣдованія» и еще цѣлый рядъ болѣе мелкихъ работъ, посвященныхъ анализу естественно-научныхъ основныхъ понятій въ родѣ: субъектъ и объектъ, законмѣрность и случайность, фактъ и гипотеза, причина и дѣйствіе и т. д., употребляемыхъ всѣми всегда, но въ сущности имѣющихъ довольно неясное и неопредѣленное значеніе. Особенно интересенъ его анализъ понятія причинности, которое вполне опредѣленное значеніе имѣетъ, по его мнѣнію, только въ физикѣ. Въ другихъ же наукахъ, особенно въ области практической дѣятельности, это значеніе далеко не важно и понятіе причины часто сводится къ понятію цѣли. Въ области теоріи познанія и логики заслуживаютъ вниманія работы врачей Bieganski и Bierpaski. Изъ сочиненій Bieganski особенно интересно «Проблема къ теоріи медицинскихъ знаній», въ первой части котораго авторъ говоритъ о методологическихъ основаніяхъ, а вторую посвящаетъ біологическимъ вопросамъ. Въ своей теоріи познанія онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія критическаго эмпиризма и высказываетъ мнѣніе, что въ естественныхъ наукахъ такъ же, какъ и въ ме-

дицинѣ долженъ быть примѣняемъ механической методъ. Однако онъ не можетъ быть исключительнымъ, такъ какъ приводитъ только къ относительнымъ, а не къ абсолютнымъ результатамъ. Идеализму также предоставляется мѣсто, но только ради точнаго опредѣленія границъ механизма. Психологическій методъ познанія природы авторъ совсѣмъ исключаетъ, такъ какъ онъ сводитъ принципъ причинности на простыя отношенія между представленіями, откуда возникаютъ неизбежныя противорѣчія. Во второй части авторъ предпринимаетъ біологическія изслѣдованія, придерживаясь въ нихъ монистическаго принципа. Что касается другого его сочиненія «Grundlagen der allgemeinen Logik», то оно кромѣ Введенія, имѣетъ три главныя части: 1) Ученіе о понятіяхъ, 2) О сужденіяхъ и 3) Объ умозаключеніяхъ. Авторъ опредѣляетъ логику какъ науку о нормахъ истиннаго познанія, при чемъ истинное знаніе понимается имъ какъ согласіе продуктовъ нашей мысли съ дѣйствительностью. Съ этой точки зрѣнія онъ и рассматриваетъ три главнѣйшія функции логической мысли. При этомъ авторъ пользуется какъ древней, такъ и новой логической литературой, стараясь критически провѣрить и обосновать свои выводы. Хотя съ своей точки зрѣнія Bieganski старается совершенно отдѣлить логику отъ философіи, тѣмъ не менѣе трудъ его заслуживаетъ большого вниманія и долженъ быть поставленъ въ ряду наиболѣе интересныхъ и вполне научныхъ философскихъ работъ польской литературы послѣдняго десятилѣтія. Другой изъ названныхъ авторовъ — Biernacki, занимается главнымъ образомъ основоположеніями медицины и написалъ по этому вопросу много специальныхъ работъ, имѣющихъ въ виду представить «синтезъ медицины». Въ нихъ авторъ предлагаетъ методологическія основанія медицинскихъ наукъ, не касаясь, какъ онъ говоритъ, «метафизическихъ ихъ изслѣдованій». Но все-таки одну изъ главъ своего сочиненія «Grundlagen der medizinischen Erkenntnis» онъ посвящаетъ анализу понятія причины, устанавливая различіе рачіональной и эмпирической причинности и понимая самую причину съ одной стороны какъ активную силу, а съ другой—какъ пассивный объектъ причиннаго дѣйствія. Въ общемъ это сочиненіе носитъ довольно элементарный характеръ, и изложеніе отличается большой доступностью. Таковы же сочиненія Zlotnicki, основной точкой зрѣнія котораго является біологическій натурализмъ. Кромѣ этихъ рецензентъ останавли-

вается еще на разборѣ работъ Dickstein'a и Gosiewsk'аго, первый изъ которыхъ особенно прославился своей монографіей польскаго математика и философа Ноене-Wróński, установивъ интересную связь его философскихъ принциповъ съ математической формулировкой его «высшаго закона». Gosiewski особенно обращаетъ вниманіе своимъ сочиненіемъ «Grundriss einer der Theorie mathematischen Monadologie», которое интересно особенно въ сравненіи съ «Монадологіей» Лейбница. Gosiewski, какъ и Лейбницъ, приписываетъ монадамъ самобытность и сознаніе, но въ то время какъ Лейбницевскія монады находятся въ зависимости отъ высшаго начала—Бога, Gosiewski признаетъ между всѣми ими совершенно равное коллегіальное отношеніе, безъ всякаго принципа господства. Стремленіе или воля одной монады реализуется въ волѣ другой, такъ что ихъ совмѣстное бытіе напоминаетъ республиканское устройство. Въ концѣ своего обзора авторъ называетъ цѣлый рядъ энциклопедическихъ трудовъ варшавскихъ ученыхъ, заключающихъ въ себѣ статьи по различнымъ отраслямъ философіи: теории познанія, метафизикѣ, этикѣ, эстетикѣ и натурфилософіи, заявляя при этомъ, что его обзоръ далеко не можетъ считаться полнымъ, такъ какъ назвать всѣ работы польскихъ ученыхъ въ области философіи, появившіяся за послѣднее десятилѣтіе, очень трудно, вслѣдствіе ихъ большой численности, а потому онъ поставилъ себѣ задачей рецензировать только важнѣйшія и наиболѣе интересныя изъ нихъ.

Gomperz.—*Нѣмецкая литература о Сократовской, Платоновской и Аристотелевской философіи за 1901—1904 года. Heft 2, 3 и 4. II.*

Въ своемъ обзорѣ авторъ даетъ краткія рецензіи всѣхъ нѣмецкихъ сочиненій за 1901—1904 года, касающихся философіи Сократа, Платона и Аристотеля, останавливаясь особенно на слѣдующихъ: 1) Karl Vorländer: «Geschichte der Philosophie», I т.—очень основательное, но довольно субъективное сочиненіе. Авторъ неокантіанецъ. Затѣмъ 2) Adolf Mannheimer: «Geschichte der Philosophie in übersichtlicher Darstellung»—интересная по задачѣ, но совершенно не научная работа. Изложеніе полно противорѣчій и натяжекъ. 3) A. Kalthoff: «Die Philosophie der Griechen auf kulturgeschichtlicher Grundlage dargestellt»—бѣглый, но достаточно основательный и интересный обзоръ греческой философіи. Въ особенности заслуживаютъ вниманія отдѣлы о Платонѣ

и Аристотелъ, хотя рецензентъ и не раздѣляетъ нѣкоторыхъ его выводовъ. 4) Heinrich Gomperz: «Die Lebensauffassung der griechischen Philosophen und das Ideal der inneren Freiheit».—Въ своей книгѣ авторъ высказываетъ мысль, что греческая философская этика, въ противоположность народной, есть этика внутренней свободы, затѣмъ разбираетъ, какія формы принимаетъ она у каждаго отдѣльнаго философа въ зависимости отъ ихъ психологическихъ и личныхъ особенностей. 5) Otto Apelt: «Die Ansichten der griechischen Philosophen über den Anfang der Kultur».—Въ своей книгѣ Apelt выясняетъ значеніе Платона, Аристотеля, Зенона, Эпикура и др. для развитія культуры вообще, намѣчая главнѣйшіе фазисы этого развитія. Книга вполне научная и заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Но болѣе всего Гомперцъ въ своемъ разборѣ останавливается на сочиненіи 6) Karl Joel: «Der echte und der Xenophontische Sokrates», II т. и 7) Hubert Röck: «Der unverfälschte Sokrates, der Ateist und Sophist, und das Wesen aller Philosophie und Religion gemeinfachlich dargestellt». Первое изъ названныхъ сочиненій представляетъ собою чрезвычайное богатство матеріала въ видѣ разнаго рода догадокъ, разсужденій, интересныхъ изслѣдованій и сопоставленій, но собранныхъ безъ всякаго порядка и внутренней связи. Приведенный въ порядокъ матеріалъ этотъ далъ бы массу драгоценныхъ свѣдѣній въ области исторіи древней философіи. Первый томъ этого сочиненія, разобранный раньше Целлеромъ, посвященъ разбору вопроса о томъ, насколько Ксенофоновскій Сократъ соотвѣтствуетъ дѣйствительному историческому Сократу. При изученіи съ этою цѣлью *Memorabilia*, Joel наталкивается на зависимость Ксенофонта въ настоящемъ вопросѣ отъ Антисфена, и съ цѣлью выяснить эту зависимость, во второмъ томѣ своего сочиненія, уже оставивъ личность Сократа, переходитъ къ представителямъ цинической школы. Объ этой зависимости Ксенофонта отъ циниковъ авторъ высказываетъ много цѣнныхъ мыслей, хотя много и фантазируетъ. Объ историческомъ Сократѣ собственно Joel даетъ сравнительно немного положительныхъ свѣдѣній, но это немногое очень цѣнно и глубоко справедливо. По Joel'ю Сократъ никоимъ образомъ не догматикъ, но глубокой индивидуалистъ, идеалистъ и методологъ и въ этомъ его огромное историческое значеніе. Что же касается книги Hubert'a Röck'a, также посвященной Сократу, то въ ней съ перваго

взгляда поражаетъ оригинальная точка зрѣнія автора на личность и значеніе Сократа. Будучи по своимъ личнымъ воззрѣніямъ атеистомъ, матеріалистомъ и утилитаристомъ, Rock старается подмѣтить основныя черты этихъ ученій и у Сократа, утверждая: 1) что Сократъ былъ атеистъ; 2) подъ Daimonion онъ разумѣлъ не божественный голосъ, но проявленіе того или иного настроенія; 3) онъ никогда не отождествлялъ добродѣтель съ знаніемъ, но понималъ ее какъ совмѣстную дѣятельность знанія съ природженными чертами характера; 4) Сократъ никогда не былъ отвлеченнымъ мыслителемъ, т.-е. подъ его понятіями красоты, добродѣтели и т. д. нельзя разумѣть какихъ бы то ни было отвлеченныхъ формъ. Въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи Гомперцъ подробно останавливается на критикѣ всѣхъ этихъ положеній и, на основаніи свидѣтельствъ Платона и Аристотеля о Сократѣ, считаетъ ихъ всѣ несостоятельными и недоказанными. Но относясь такъ критически къ исходной точкѣ зрѣнія автора, рецензентъ вмѣстѣ съ тѣмъ отдастъ должное его основательному знанію древней и новой философіи и тщательной и умѣлой разработкѣ матеріала. 9) D. C. Piat: «Sokrates. Seine Lehre und Bedeutung für die Geistesgeschichte und die christliche Philosophie». Въ своей работѣ авторъ ставитъ себѣ очень серьезную задачу—прослѣдить и опредѣлить значеніе Сократа для исторіи развитія человѣческаго духа вообще и христіанской философіи въ частности, но выполненіе этой задачи не можетъ считаться удачнымъ ни со стороны содержанія, ни со стороны формы изложенія. 10) Hermann Nohl: «Sokrates und die Ethik».—Исходная точка зрѣнія автора на Сократа, какъ моралиста, совершенно правильная, но доказательства не отличаются достаточной повѣренностью и обоснованностью. 11) Adolf Menzel: «Untersuchungen zum Sokrates Prozesse». Самымъ неудачнымъ изъ всѣхъ отдѣловъ этого обширнаго сочиненія, трактующаго объ обвинительномъ процессѣ Сократа, Гомперцъ считаетъ первый—о критикѣ источниковъ. Вообще, этотъ вопросъ въ сочиненіи разработанъ слабо. Главный недостатокъ автора въ томъ, что онъ предъявляетъ къ литературнымъ произведеніямъ, большею частью философскаго содержанія, исключительно критико-юридическую мѣрку. Самыми важными и интересными рецензентъ считаетъ VI, VII и VIII главы сочиненія, трактующія объ основаніяхъ обвиненія Сократа, о личностяхъ обвинителей и объ отношеніи

обвиненія къ закону объ амнистіи. Въ нихъ авторъ рѣшительно опровергаетъ господствующее мнѣніе о политическихъ мотивахъ обвиненія Сократа, но доказываетъ свое положеніе довольно слабо. Тѣмъ не менѣе соображенія его во многомъ очень интересны. 12) Lincke: «Xenophonts persische Politie». Гомперцъ считаетъ выводы автора настоящей книги относительно сочиненій Ксенофонта и степени отраженія въ нихъ персидской жизни достаточно произвольными и довольно слабо обоснованными. 13) Moriz Guggenheim: 1) «Antisthenes in Platons Politeia». 2) «Studien zu Platons Idealstaat». Въ обоихъ сочиненіяхъ авторъ высказываетъ мысль о вліяніи Антисѳена на философію Платона и придаетъ этому вліянію очень большое значеніе. Не опровергая прямо этого утвержденія, рецензентъ считаетъ его все-таки достаточно произвольнымъ, такъ какъ всѣ выдержки изъ сочиненій Платона, приводимыя авторомъ въ пользу своего мнѣнія, могутъ быть истолкованы и иначе, съ гораздо большимъ основаніемъ. Такъ же относится Гомперцъ и къ книгѣ 14) Sigmar Knosp: «Aristipps Erkenntnistheorie im Platonischen Theaetet», гдѣ дѣло идетъ о вліяніи Аристиппа и другихъ киренцевъ на Платона, которое авторъ замѣчаетъ въ его діалогѣ «Теэтетъ». 15) Georg Epstein: «Studien zur Geschichte und Kritik der Sokratic». Исходя изъ педагогическихъ основаній, авторъ этой книги тщательно разбираетъ характеръ собесѣдованій Сократа и приходитъ къ заключенію, что методъ Сократа никоимъ образомъ не можетъ быть названъ меевтическимъ, какъ это дѣлаетъ Платонъ, но чисто догматическимъ, такъ какъ Сократъ во всѣхъ извѣстныхъ намъ бесѣдахъ нисколько не наводитъ своихъ слушателей и не старается имъ помочь дѣлать тѣ или другіе выводы, но просто навязываетъ имъ свои собственные, позволяя говорить только «да» или «нѣтъ». Въ доказательство своего мнѣнія онъ разбираетъ діалогъ «Менонъ». Рецензентъ не раздѣляетъ его мнѣнія и считаетъ его недостаточно обоснованнымъ. 16) Walter Pater: «Plato und der Platonismus». Настоящая книга представляетъ собою переводъ съ англійскаго, вслѣдствіе чего рецензентъ останавливается главнымъ образомъ на оригиналѣ. Книга написана вполне научно, живо, увлекательно, но не даетъ въ общемъ ничего новаго ни въ разработкѣ вопроса, ни въ освѣщеніи. Главный недостатокъ тотъ, что при оцѣнкѣ личности самого Платона и его ученія объ идеяхъ авторъ стоитъ

болѣе на эстетической, чѣмъ на научно-философской точкѣ зрѣнія. Особенно заслуживаютъ вниманія тѣ отдѣлы, гдѣ авторъ говоритъ 1) о Платоновскомъ геніи и 2) о характерѣ и строѣ Спартанской жизни. Переводъ очень уступаетъ оригиналу и въ живости и въ изяществѣ изложенія. 17) Изъ другихъ сочиненій Гомперцъ особенно останавливается на работахъ Rolfes'a: 1) «Neue Untersuchung über die Platonischen Ideen» и 2) «Die Unsterblichkeit der Seele nach der Beweisführung bei Plato und Aristoteles». Разборъ второй изъ названныхъ работъ авторъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ, отсылая къ своей рецензійной книгѣ того же автора «Понятіе Бога у Θомы Аквинскаго и Аристотеля», помѣщенной въ XVI томѣ настоящаго журнала. Что же касается первой работы, которая ставитъ свою цѣлью доказать, что Платонъ разумѣлъ подъ своими идеями Божественныя мысли, то рецензентъ относится къ ней очень критически. По его мнѣнію много говоритъ противъ автора уже то, что въ этомъ вопросѣ онъ совершенно расходится съ Аристотелемъ. 18) Robert Hermann Woltjer: «De Platone praesocraticorum philosophorum existimatore et iudice». Къ числу достоинствъ автора настоящаго сочиненія Гомперцъ относитъ—всестороннее знаніе предмета, основательность и прилежаніе. Но въ то же время онъ обладаетъ и довольно крупнымъ недостаткомъ—слишкомъ много времени и мѣста тратитъ на совершенно лишнія и безплодныя разсужденія, только затемняющія основную мысль, которая состоитъ въ слѣдующемъ: считалъ ли самъ Платонъ отрывки изъ произведеній Орфея, приводимые имъ въ діалогахъ, за дѣйствительныя произведенія самого Орфея, или же эти цитаты употреблялись имъ просто какъ извѣстный литературный пріемъ. Въ своемъ очеркѣ авторъ высказываетъ сомнѣніе въ возможности перваго предположенія, но доказательства его въ пользу этого мнѣнія не отличаются особенной значительностью. 19) Friedrich Stählen: «Die Stellung der Poesie in der Platonischen Philosophie». Это основательное и вполне научное сочиненіе ставитъ свою цѣлью изученіе художественной стороны произведеній Платона. Рецензентъ вполне согласенъ съ выводами автора и о поэзіи вообще, и объ отношеніи къ ней Платона. 20) Friedrich Beyschlag: «Das 32 Kapitel der Platonischen Apologie». Считаю общіе выводы этого сочиненія не особенно цѣнными въ научномъ отношеніи, рецензентъ указываетъ на большое значеніе его

частностей, особенно останавливаясь на разборѣ діалога «Федонъ», гдѣ авторъ усматриваетъ вліяніе Ксенофонта. 21) Reinhold Biese: «Zu Platons «Protagoras». Коротенькая статейка, содержащая въ себѣ толкованіе діалога «Протагоръ», не заслуживающая особеннаго вниманія. 22) Ernst Horneffer: «Platon gegen Sokrates». На основаніи тщательнаго и тонкаго анализа трехъ діалоговъ Платона: «Гиппій младшій», «Хармидъ» и «Лахетъ» авторъ дѣлаетъ заключеніе, что въ этихъ діалогахъ Платонъ явно оспариваетъ мнѣніе Сократа о тождествѣ добродѣтели и знанія. Разбирая указанныя въ сочиненіи выдержки изъ названныхъ діалоговъ, рецензентъ, отдавая должное превосходному анализу Horneffer'а, однако не соглашается съ его окончательными выводами и утверждаетъ, что въ этихъ діалогахъ Платонъ еще вполне вѣренъ Сократу. Кажущіяся же противорѣчія можно объяснить желаніемъ его ярче формулировать трудныя доказательства Сократа, и посредствомъ тонкихъ діалектическихъ противорѣчій одного собесѣдника другому наглядно представить основное положеніе тождества знанія и добродѣтели. 23) Krockenberger: «Platonsbehandlung der Trauenfrage im Rahmen der Politeia». Особенно новыхъ и оригинальныхъ выводовъ книга не даетъ, но авторъ выполняетъ свою задачу въ высшей степени добросовѣстно и съ большимъ знаніемъ дѣла. Въ общемъ онъ отстаиваетъ мнѣніе о вліяніи въ этомъ вопросѣ на Платона Сократа. 24) Ferdinand Horn: «Platonstudien. Neue Folge—Kratylos, Parmenides, Theaetetos, Sophist». Въ своей статьѣ авторъ рассматриваетъ вышепоименованныя діалоги сперва съ точки зрѣнія ихъ содержанія, стараясь прослѣдить общій ходъ мыслей Платона, затѣмъ разбираетъ ихъ каждый въ отдѣльности, какъ самостоятельное и вполне законченное произведеніе, и, наконецъ, дѣлаетъ общую оцѣнку ихъ значенія для философіи Платона. Первая задача выполнена авторомъ превосходно. Что касается толкованія каждаго изъ этихъ діалоговъ въ отдѣльности, то они отличаются необыкновенной длиннотою, занимая почти половину всего сочиненія, но въ большинствѣ являясь простымъ повтореніемъ сказаннаго раньше о содержаніи. Наиболѣе интереснымъ рецензентъ считаетъ толкованіе Парменида, гдѣ авторъ высказываетъ много оригинальныхъ мыслей. 25) Konstantin Ritter: 1) «Platons dialoge», 2) «Timaies», 3) «Bemerkungen zum Philebos» и 4) «Die Sprachstatistik in Anwendung auf Platon unde Göthe».

Рецензентъ сразу разбираетъ всѣ четыре работы, первую изъ которыхъ онъ считаетъ однимъ изъ самыхъ точныхъ, серьезныхъ и добросовѣстныхъ изслѣдованій, наиболѣе цѣнныхъ для знакомства съ разбираемыми въ немъ діалогами Платона. Вторая и третья работы, представляющія собою комментаріи къ Тимею и Филебу, менѣе удовлетворительны, такъ какъ въ нихъ все вниманіе обращено главнымъ образомъ на детали, все же важное оставлено въ сторонѣ. Что касается четвертаго сочиненія, гдѣ авторъ указываетъ на громадное значеніе статистики словъ при изученіи твореній Платона, то рецензентъ находитъ его выводы, касающіеся этого вопроса, необычайно смѣлыми, рѣшительными и вмѣстѣ глубоко продуманными. Для оправданія своихъ предположеній о значеніи статистики словъ для изученія произведеній какого бы то ни было писателя, авторъ примѣняетъ свою теорію на сочиненіяхъ Гёте и приходитъ къ самымъ блестящимъ результатамъ. 26) Theodor Gomperz: «Platonische Aufsätze III». Composition der «Gesetze» и Friedrich Blass: «Über die Zeitfolge von Platons letzten Schriften». Въ первомъ изъ названныхъ сочиненій Theodor Gomperz, отецъ автора настоящаго обзора, изслѣдуетъ вопросъ о подлинности «Законовъ» Платона и на основаніи тщательнаго изслѣдованія какъ этого сочиненія, такъ и нѣкоторыхъ другихъ, болѣе или менѣе близкихъ по времени къ «Законамъ», настаиваетъ на мнѣніи, что это сочиненіе есть подлинное твореніе самого Платона, а не компилятивный трудъ многихъ лицъ, работавшихъ только подъ его редакціей, какъ думали нѣкоторые историки древней философіи. Этому же вопросу посвящено и сочиненіе Blass'a, который занялся изслѣдованіемъ подлинности позднѣйшихъ сочиненій Платона вообще, удѣливъ особенное вниманіе опять-таки «Законамъ», съ цѣлью поддержать точку зрѣнія Гомперца. 27) Walter Janell: «Über die Echtheit und Abfassungszeit des Theages». Рецензентъ считаетъ эту работу въ общемъ неудачной. Въ ней авторъ старается доказать тѣсную связь Платоновскаго Теага, считаемаго неподлиннымъ, съ другими его сочиненіями, съ цѣлью установить его подлинность. Гомперцъ считаетъ это утвержденіе совершенно ложнымъ, которое можетъ быть доказано только съ помощью богатой фантазіи автора, позволяющей ему дѣлать болѣе чѣмъ смѣлыя заключенія. 28) Walter Kaluscha: «Zur Chronologie der Platonischen Dialoge». Занимаясь хронологическимъ изслѣдова-

ніемъ сочиненій Платона, авторъ настоящаго сочиненія старается соединить ихъ въ отдѣльныя группы при помощи слѣдующаго приѣма: онъ устанавливаетъ особую метрическую формулу для послѣднихъ пяти слоговъ разныхъ сочиненій Платона и на основаніи этихъ подраздѣленій опредѣляетъ время ихъ написанія. Результаты въ общемъ согласуются съ другими подобными же изслѣдованіями, сдѣланными на основаніи статистики словъ и выраженій, употребляемыхъ въ тѣхъ или другихъ сочиненіяхъ. 29) Platons Gastmahl. Platons Phaedies: «Ins Deutsche übertragen von Rudolf Kassner».

Переводчикъ настоящихъ сочиненій Платона—большой художникъ, и нѣкоторыя мѣста его перевода производятъ сильное впечатлѣніе, благодаря образности и красотѣ языка, но ему недостаетъ строгой филологической школы, чѣмъ и объясняются многія ошибки въ переводѣ словъ и выраженій. 30) Ernst Hambruch: «Logische Regeln der Platonischen Schule in der Aristoteleschen Logik». На основаніи тщательнаго сравненія діалоговъ Платона съ нѣкоторыми сочиненіями первыхъ академиковъ и Аристотеля, авторъ этой работы дѣлаетъ заключеніе, что уже Платонъ различалъ два діалектическихъ метода и вообще намѣтилъ многое изъ логическихъ основаній, что потомъ было разработано Аристотелемъ. Рецензентъ привѣтствуетъ эту работу, которая, благодаря остротѣ ума и значительнымъ способностямъ ея автора къ разнаго рода комбинаціямъ, поможетъ установить новую точку зрѣнія на характеръ логическихъ знаній первыхъ академиковъ. 31) Heinrich Maier: «Die Sillogistik des Aristoteles. Zweiter Teil—Die logische Theorie des Sillogismus und die Entstehung der Aristotelischen Logik». Книга состоитъ изъ трехъ главъ. Первая—«Генезисъ силлогистики», вторая—«Основной законъ силлогистики» и третья «Заключительный принципъ силлогистики», въ свою очередь распадающаяся на болѣе мелкія главы. Авторъ начинаетъ свою работу такъ: Силлогизмъ есть продуктъ эристической эпохи», и первую часть своей главы посвящаетъ обзору мегарской и цинической эристики. Вторая часть главы о методологии Платона мало оригинальна, за то третья, трактующая о происхожденіи силлогизма, очень интересна. Четвертая часть посвящена разсмотрѣнію логическихъ методовъ Аристотеля. Что касается второй главы—объ основномъ законѣ силлогистики, то главнымъ недостаткомъ рецензентъ считаетъ отсутствіе внутрен-

ней связи между отдѣльными ея частями. Наиболѣе цѣнной изъ всего сочиненія онъ признаетъ третью главу, въ особенности же тотъ отдѣлъ, гдѣ говорится о категоріяхъ Аристотеля. Въ концѣ своей работы авторъ даетъ общій отзывъ о логикѣ Аристотеля, признавая ее насквозь силлогистичной, въ чемъ заключается ея слабость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сила. Слабость въ томъ, что она не признаетъ центрального значенія функцій разсудка и субъективнаго познанія (совершенно правильно по Гомперцу), а сила въ томъ, что этимъ логика освобождается отъ метафизики, въ особенности же отъ психологіи. Въ концѣ сочиненія находится краткій указатель къ тексту и литературѣ, что очень облегчаетъ пользованіе этимъ изслѣдованіемъ. 32) Hermann Dimler: «Aristotelische Metaphysik». Въ общемъ сочиненіе напоминаетъ работу Nohl'я о Сократѣ, разобранную ранѣе, съ тою только разницей, что авторъ настоящей работы проявляетъ гораздо большую критическую способность. Рецензентъ считаетъ тему, избранную авторомъ, слишкомъ узкой для какихъ бы то ни было цѣнныхъ выводовъ. Кромѣ того, восхваляя въ общемъ Аристотеля, авторъ въ деталяхъ такъ его критикуетъ, что это ослабляетъ впечатлѣніе общаго отзыва. 33) Emil Arleth: «Die metaphysischen grundlagen der Aristotelischen Ethik». По мнѣнію рецензента книга эта въ общемъ не заслуживаетъ особеннаго вниманія. Авторъ часто навязываетъ Аристотелю совершенно чуждыя ему мысли и кромѣ того основываетъ свои выводы на произвольныхъ предпосылкахъ, выхватывая отдѣльныя мысли изъ разныхъ мѣстъ сочиненія, что конечно лишаетъ его работу какой бы то ни было научной цѣнности. 34) Richard Loening: «Geschichte der strafrechtlichen Zurechnungslehre» и Alfred Kastil: «Zur Lehre von der Willenstreichheit in der Nikomachischen Ethik». О сочиненіи Kastil'я, какъ очень краткомъ, Гомперцъ даетъ также очень краткую рецензію. Указавъ на вѣрную мысль, высказанную авторомъ въ заключеніи, что Аристотель въ отношеніи къ проблемѣ свободы воли не долженъ быть понимаемъ въ новѣйшемъ смыслѣ ни какъ детерминистъ, ни какъ индетерминистъ, Гомперцъ говоритъ, что въ общемъ онъ можетъ повторить о его работѣ то же, что онъ сказалъ уже о его сочиненіи: «Вопросъ о познаніи добра у Аристотеля и Θомы Аквинскаго». Напротивъ сочиненіе Loening'a, имѣющее въ виду тѣ же вопросы, представляетъ собою очень интересное и цѣнное изслѣдованіе ученія о

вмѣненіи и вмѣстѣ оригинальную критику психологическихъ основоположеній Аристотелевской этики. 34) Jon Endt: «Die Quellen des Aristoteles in der Beschreibung der Tyrannen». Какъ собраніе матеріаловъ, эта работа превосходна, но обработка ихъ не можетъ считаться особенно удачной. 35) Gerhard Tischer: «Die Aristotelischen Musikprobleme», Alexis Kahl: «Die Philosophie der Musik nach Aristoteles». Оставляя въ сторонѣ музыкально-историческую оцѣнку этихъ сочиненій, которая должна быть предоставлена специалисту, рецензентъ обращаетъ вниманіе на ихъ философскую сторону и заявляетъ, что съ этой точки зрѣнія работа Tischer'a, представляющая собою только часть задуманнаго имъ большого изслѣдованія, производитъ впечатлѣніе основательной, вполне продуманной и написанной съ большимъ знаніемъ дѣла. Напротивъ, работа Каля, посвященная изслѣдованію того же самаго вопроса, полна противорѣчивыхъ выводовъ, что рецензентъ ставитъ въ связь съ невѣрнымъ толкованіемъ авторомъ многихъ словъ и выраженій Аристотеля, а также съ многими недостатками изложенія. Кромѣ того, авторъ погрѣшаетъ и противъ исторической истины, вкладывая въ уста Аристотеля современныя модныя мысли. Задача, поставленная Калемъ въ этомъ сочиненіи, именно изученіе мыслей Аристотеля о музыкѣ, высказанныхъ имъ въ VIII книгѣ «Политики», и сравненіе ихъ съ соотвѣтствующими мѣстами въ другихъ сочиненіяхъ, является очень благодарной. У Каля же она не нашла настоящаго разрѣшенія. Изъ другихъ сочиненій Гомперцъ останавливается еще на сочиненіяхъ Rolfes'a, касающихся метафизики Аристотеля, отзываясь съ похвалой о томъ знаніи дѣла, добросовѣстности и умѣніи останавливаться на самомъ главномъ, которая авторъ проявляетъ и въ этой своей работѣ, какъ и во всемъ вообще, что онъ пишетъ. Въ заключеніе своего обширнаго и подробнаго обзора нѣмецкой литературы по древней философіи, Гомперцъ называетъ нѣсколько работъ, извѣстныхъ ему только по именамъ ихъ авторовъ, а также и тѣ, которая касались изслѣдуемой имъ въ данномъ обзорѣ области и были помѣщены въ разныхъ выпускахъ настоящаго журнала.

III. Jahresbericht über Neuerscheinungen aus dem Bereiche der arabischen Philosophie von M. Horten. Heft. 2 и 3.

За послѣднее время въ философской литературѣ появилось очень много работъ по изслѣдованію арабской философіи, бла-

годаря которымъ удалось прослѣдить и установить въ ея развитіи важнѣйшія направленія. Однимъ изъ такихъ, въ высшей степени цѣнныхъ трудовъ, является между прочимъ библиографическій трудъ Брокельмана «Geschichte der Arabischen Literatur», дающій возможность прослѣдить развитіе арабской философіи на цѣлыхъ 1200 лѣтъ и намѣтить въ этомъ развитіи пять важнѣйшихъ періодовъ: 1) періодъ господства чисто догматическаго ученія Mutakallépen, 2) переводы и заимствованія изъ греческой философской литературы, 3) критическое отношеніе къ этимъ заимствованіямъ съ точки зрѣнія исламизма, 4) вліяніе Буддизма, 5) вліяніе новѣйшей Европейской философской мысли, которая находитъ своеобразное отраженіе въ современной магометанской философіи. Переходя къ обзору важнѣйшихъ трудовъ арабской философіи, авторъ прежде всего останавливается на слѣдующемъ сочиненіи: Miguel Asin Palacios, Presbitero. «Algasel, Dogmatica, Moral, Ascética con prólogo de Menéndez y Pelayo», I т. Этотъ томъ представляетъ собою первую часть серіи лекцій о Gasali. Второй томъ будетъ содержать его мистику, третій имѣетъ въ виду вліяніе его философіи на мусульманскую, а четвертый на христіанскую Испанію. Въ своей работѣ авторъ указываетъ на оригинальность воззрѣній Gasali сравнительно съ другими мусульманскими философами, находя у него точки соприкосновенія съ христіанствомъ и буддизмомъ. Введенію, которое содержитъ краткое обозрѣніе теологическихъ, философскихъ и мистическихъ воззрѣній Gasali предшествуетъ предисловіе, въ которомъ указывается, что ядро арабской философіи составляютъ мистическое и скептическое направленіе мысли, а не греческо-философское. Въ заключеніе рецензентъ говоритъ о недостаткахъ работы, къ наиболѣе крупнымъ изъ которыхъ онъ причисляетъ недостаточную ясность и краткость изложенія.

2) Avicenna: «Neun Abhandlungen über Philosophie und Naturwissenschaften, verfasst von Abû Alî el-Hosain» съ приложеніемъ «Исторіи» Salâmâns и Absâls, переводъ съ греческаго Honein bu Ishâg el-ibâdî. Это изслѣдованіе содержитъ въ себѣ девять сочиненій Avicenna, еще неизвѣстныхъ въ переводѣ: 1) «Физика»—вторая часть его основной проблемы философіи, 2) сочиненіе «О небесныхъ тѣлахъ», 3) «О физическихъ способностяхъ челоуѣка и ихъ познаніи», 4) «Опредѣленія», 5) «Подраздѣленіе абстрактныхъ наукъ», 6) «Разсужденія о пророче-

ствахъ, объясненіе ихъ символовъ и подобныхъ имъ явленій», 7) «Объясненіе начальныхъ буквъ Корана», 8) «О договорѣ Бога съ человѣкомъ», 9) «Этика». Къ переводу съ греческаго приложены комментаріи и толкованіе греческихъ словъ. 3) Ahmed ben Jahsa ben al Murtada al Mahdi lidin Allah: «Извлеченіе изъ его сочиненія о религіозныхъ обществахъ и сектахъ Mutaziliten». Издано Т. W. Arnold'омъ.

Murtada написалъ сочиненіе о религіозныхъ, догматическихъ и юридическихъ направленіяхъ современной ему мысли, носящее заглавіе «Переполненное море, соединяющее въ себѣ взгляды ученыхъ всѣхъ городовъ». Теологическое введеніе къ этому сочиненію обнимаетъ собою 11 книгъ, первая изъ которыхъ и есть названная работа «О религіозныхъ обществахъ и сектахъ». Къ этому введенію Murtada написалъ комментаріи съ цѣлью разъяснить основную задачу своего главнаго сочиненія. Настоящая работа есть извлеченіе изъ этихъ комментарій, сдѣланное однимъ изъ послѣдователей секты Mutaziliten, что очень интересно, такъ какъ до сихъ поръ большинство свѣдѣній объ этой сектѣ основывалось на свидѣтельствѣ ея противниковъ Ali ben Ahmed ben Hazm ez-Zahiri, Imân: «Das Buch über die Religionsparteien, Schulen und Sekten. Am Bande, Abu-l-Falh Mohammed ben Abdelkarém esSahragstâni: «Das Buch der Sekten und Religionsparteien». Развитие мусульманской теологіи находится въ тѣсной связи съ развитіемъ философіи, такъ какъ религіозныя воззрѣнія магометанъ являются въ сущности простымъ видоизмѣненіемъ тѣхъ же философскихъ ученій. Поэтому всѣ религіозныя секты и общества тщательно изучались мусульманскими философами, занимавшимися то чисто догматической, то исторической стороною ихъ ученій. Эту цѣль преслѣдуютъ и объ названныя работы, изъ которыхъ первая, въ противоположность второй, занимается болѣе разсмотрѣніемъ доктринерской, чѣмъ исторической стороны вопроса, что заставляетъ рецензента главнымъ образомъ остановиться на ея разборѣ. Ibn Hazm въ своей книгѣ даетъ полную систематическую разработку основныхъ положеній ученія каждой секты, останавливаясь какъ на философской, такъ и на политической ихъ сторонахъ. Это сочиненіе написано въ пяти томахъ, изъ которыхъ первые два имѣютъ въ виду немусульманскія секты, а остальные исключительно мусульманскія. Рецензентъ считаетъ эту работу въ высшей степени цѣнной въ научномъ отношеніи, такъ какъ она

даетъ возможность: 1) установить правильную точку зрѣнія на состояніе арабской философіи времяъ Avicennы, 2) опредѣлить, въ какой мѣрѣ къ этому времени въ мусульманскую теологію проникло греческое вліяніе. 5) Gazali: «Das des Kenntnis der Ueingeweihten zu Verbergende, die grosse und kleine Abhandlung». Эти сочиненія Gazali, написанныя имъ для чтенія въ самыхъ близкихъ, дружескихъ кружкахъ, касаются творческой природы Бога и толкованія Корана. Рецензентъ видитъ въ его идеяхъ сходство съ Авероистскимъ ученіемъ. 6) Gazali: «Der gebahnte Weg der Frommen». Эта книга трактуетъ о пути благочестія, который долженъ пройти каждый человѣкъ, чтобы достигнуть вѣчнаго блаженства и святости и устанавливаетъ для этой цѣли семь послѣдовательныхъ ступеней. Изложивъ содержаніе этой книги, авторъ обзора намѣчаетъ культурно-историческую задачу при ея изученіи—прослѣдить въ ученіи Gazali отголоски христіанской и буддійской мысли. 7) Gazali: «Die Vernichtung der Philosophie». Греческо-аристотелевское направленіе арабской мысли въ нѣкоторыя фазы своего господства характеризовалось открытой критикой догматическаго ученія Корана. Будучи горячимъ сторонникомъ этого ученія, Gazali выступилъ на защиту его противъ греконизированной философіи, сконцентрировавъ свои возраженія въ двадцати антиноміяхъ, касающихся природы, Бога и міра. Изложеніе и толкованіе этихъ антиномій и составляетъ содержаніе разбираемой книги. 8) Gazali: «Die Neubelebung der Religionswissenschaften». Богословскія воззрѣнія Gazali явились господствующими въ Исламѣ на протяженіи цѣлаго тысячелѣтія. Въ своемъ философскомъ развитіи онъ уже не удовлетворялся религиознымъ ученіемъ Mutacallimun и, хотя и оставался въ церкви, въ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ являлся открытымъ противникомъ Mutacallimun и сторонникомъ Mutaziliten. Это его направленіе и нашло себѣ выраженіе въ разбираемомъ сочиненіи, обработанномъ уже незадолго до его смерти. Впослѣдствіи его рукописи перепечатывались въ большомъ количествѣ экземпляровъ и въ Каирѣ, и во многихъ городахъ Европы, такъ что Gazali приобрѣлъ мировую извѣстность, какъ представитель новаго Исламизма, проникнутаго идеями греческой религиозной мысли, буддизма и христіанства. По мнѣнію автора настоящаго обзора, онъ особенно близокъ въ основныхъ пунктахъ своего мировоззрѣнія съ ученіемъ Тома Аквинскаго и

христіанскихъ мистиковъ, съ которыми онъ расходится только въ частностяхъ. 9) М. Horten: «Das Buch der Ringsteine Fârâbis mit dem Kommentar des Emir Jsmail el Hoseini el Fârâni».

Fârâbi имѣлъ обыкновеніе излагать свои мысли въ афоризмахъ. Систематическое объединеніе этихъ мыслей и составляетъ задачу «Ringsteine». Въ первый разъ это сочиненіе появилось въ изданіи Т. Dieterici въ арабскомъ текстѣ въ 1890 г., а въ переводѣ въ 1892 г. Настоящая книга представляетъ собою новый переводъ первоначальнаго текста. Сюда же приложены извлеченія изъ комментарій, сдѣланныхъ на это сочиненіе Fârâni.

Н. Аникіева.

П о л е м и к а.

Милостивый Государь
господинъ редакторъ!

Въ 87-ой книгѣ журнала «Вопросы философіи и психологіи» помѣщено письмо В. И. Герье по поводу одного мѣста моей статьи «Кризисъ современнаго правосознанія». Дѣло идетъ объ употребленномъ мною выраженіи *феодалный романтизмъ*. «Слово *феодалный*,—говоритъ почтенный историкъ,—имѣетъ опредѣленный историческій и техническій смыслъ и можетъ относиться лишь къ эпохѣ феодализма или къ ея пережиткамъ. Хотя я въ юности и наслаждался романомъ Вальтеръ Скотта—*Айвенго*, но я даже и тогда не имѣлъ желанія жить во времена Ричарда «Львиное Сердце», а тѣмъ менѣе способенъ мечтать о возвращеніи къ этой эпохѣ. При томъ въ осужденномъ моимъ критикомъ мѣстѣ рѣчь идетъ вовсе не о феодализмѣ, а о монархіи. Такъ неужели же П. И. Новгородцевъ считаетъ монархію *феодалнымъ* учрежденіемъ? При господствѣ феодализма въ средніе вѣка и монархія прониклась феодалнымъ характеромъ, но потомъ именно монархія начала борьбу съ феодализмомъ и создала современное *антифеодалное* государство». И дѣйствительно, при такомъ общемъ и отвлеченномъ противопоставленіи употребленное мною выраженіе кажется невѣроятнымъ терминологическимъ злоупотребленіемъ. Позволю себѣ, однако, высказать увѣренность, что не только моя статья, но и самая замѣтка В. И. Герье совершенно достаточно оправдываетъ мою терминологию.

Какъ справедливо замѣчаетъ В. И. Герье, слово феодалный относится не только къ эпохѣ феодализма, но и къ ея *пережиткамъ*. А такъ какъ пережитки старыхъ эпохъ даютъ себя знать иногда и много вѣковъ спустя, то вовсе не надо питать

пристрастіе ко временамъ Ричарда-Львиное Сердце, чтобы заслужить упрекъ въ феодальномъ романтизмѣ.

Справедливо также и то, что монархія начала борьбу съ феодализмомъ и что въ результатѣ послѣдовавшаго затѣмъ историческаго процесса создано современное антифеодальное государство. Вл. Ив. Герье забылъ только прибавить, что прежде чѣмъ создано современное антифеодальное государство, монархія перешла черезъ эпоху, въ которую, борясь съ феодализмомъ, она во многомъ носила на себѣ слѣды феодальныхъ возрѣній. Для того, чтобы признавать это, нисколько не нужно считать монархію феодальнымъ учрежденіемъ: нужно только допускать, что монархія можетъ проникаться феодальнымъ характеромъ. Вл. Ив. Герье и признаетъ эту возможность для монархіи среднихъ вѣковъ. Но какъ же можетъ онъ отрицать это для позднѣйшаго времени? Достаточно хорошо извѣстно, что и абсолютное государство новаго времени, какъ ни враждебно оно феодализму, не отказывается однако отъ многихъ элементовъ средневѣковыхъ представлений о власти. Такъ, непримѣръ, Людовикъ XIV разсматриваетъ все государство, какъ королевскую вотчину, а принадлежащую ему власть конструируетъ, какъ происшедшую отъ слиянія власти французскаго короля, бывшей до тѣхъ поръ только верховной сюзеренной властью, съ властью сенъеріальной, отнятой у ея первоначальныхъ носителей.

Я не имѣю здѣсь никакой необходимости останавливаться подробно на конструкціи монархической власти въ абсолютномъ государствѣ. Скажу только, что одной изъ особенностей этой конструкціи является признаніе монарха стоящимъ юридически внѣ государства и надъ нимъ, такъ что монархъ и государство не сливаются въ одно правовое единство, а берутся раздѣльно, дуалистически. Это возрѣніе несомнѣнно коренится въ средневѣковыхъ представленіяхъ о власти, какъ и другое возрѣніе, связывающее всякую власть съ властью монарха. *Tout fuit al compeusement in luy et vient de luy*—это вѣдь формула средневѣковаго юриста. Обратное съ этимъ теорія современнаго антифеодальнаго государства утверждаетъ, что монархъ можетъ быть понятъ только изъ существа государства и только какъ органъ его. Она стремится установить правовое единство власти и народа, монарха и государства и въ этомъ отношеніи она рѣшительно отличается отъ средневѣковаго дуалистическаго взгляда.

Въ утверждєніяхъ В. И. Герье я не могу найти слѣдовъ признанія этой современной юридической теоріи и, напротивъ, съ ясностью вижу признаки того направленія, которое я обозначилъ именемъ феодальнаго романтизма, понимая это выраженіе въ томъ широкомъ смыслѣ, который вытекаетъ изъ противопоставленія воззрѣній современнаго антифеодальнаго государства инымъ взглядамъ, не свободнымъ стѣ пережитковъ феодализма. Тотъ, кто возьметъ на себя трудъ перечесть 446—447 стр. моей статьи «Кризисъ современнаго правосознанія» (въ 87-ой книгѣ журнала «Вопросы философіи и психологіи»), пойметъ также и то, почему именно я говорю въ данномъ случаѣ о *романтизмѣ*.

В. И. Герье въ подкрѣпленіе своей точки зрѣнія ссылается на авторитетъ Мирабо, котораго, какъ онъ говоритъ «никто еще не выдавалъ за романтика». Онъ приводитъ при этомъ выдержку изъ извѣстной рѣчи Мирабо, произнесенной 16 іюня 1789 года и касающейся между прочимъ вопроса о королевской санкціи. Но для правильной оцѣнки взглядовъ Мирабо по этому вопросу гораздо большее значеніе имѣетъ его рѣчь 1 сентября того же года, въ которой онъ развиваетъ принципы «монархическаго управленія, установленнаго на основѣ народнаго суверенитета». Хотя Мирабо употребляетъ здѣсь въ примѣненіи къ монарху обозначеніе «le représentant perpétuel du peuple», но принятое имъ обоснованіе королевской санкціи и устанавливаемыя имъ существенныя границы для его примѣненія свидѣлствуютъ о томъ, что авторитетомъ великаго политика едва ли можно пользоваться для защиты тѣхъ взглядовъ, которые высказываетъ В. И. Герье.

Къ сказанному не могу не прибавить, что заключеніе замѣтки В. И. Герье,—касающееся вопроса о практическомъ осуществленіи идеи народовластія,—поскольку оно стоитъ въ связи съ моей статьёй, есть плодъ чистаго недоразумѣнія. Изучая вопросъ о кризисѣ идеи народнаго суверенитета, я конечно не могъ не знать, что практическое осуществленіе этой идеи есть «весьма сложная проблема». Еще менѣе того я могъ думать, что это осуществленіе облегчится помощью какихъ-либо предразсудковъ. Къ подобнымъ предположеніямъ моя статья не даетъ никакихъ поводовъ. И если В. И. Герье ихъ высказываетъ, то очевидно, въ связи съ какой-то другой полемикой, къ которой мое научное изслѣдованіе непричастно.

П. Новгородцевъ.

Философскія изслѣдованія, == == обозрѣнія и проч.,

издаваемые подъ редакціей проф. Г. Челпанова.

СО Д Е Р Ж А Н І Е .

- Т. I. Вып. 1-й. Шиманскій, А. Н. Ученіе Канта и Спенсера о пространствахъ.
Челпановъ, Г. И. Обь имманентной философіи.
Отчетъ о дѣятельности Псих. Семинаріи за 1897—1902 г.
- Т. I. Вып. 2-й. Щербина, А. М. Ученіе Канта о вещи въ себѣ.
Вайнштейнъ, А. Э. Ученіе о реальности по Шубертъ-Зольдерну.
Челпановъ, Г. И. Авенариусъ и его школа.
- Т. I. Вып. 3-й. Щербина, А. М. Ученіе Канта о вещи въ себѣ (окончаніе).
Зѣньковский, В. В. Современное состояніе психофизической проблемы.
Шпеттъ, Г. Г. Проблема причинности у Юма и Канта (Введеніе).
Челпановъ, Г. И. Априоризмъ и эмпиризмъ (отвѣтъ проф Гилярову).
- Т. I. Вып. 4-й. Шпеттъ, Г. Г. Проблема причинности у Юма и Канта.
Челпановъ, Г. И. Рецензія на соч. И. С. Продана „О памяти“.
Отчетъ о дѣятельности Псих. Семинаріи за 1902—1906 г.
- Т. II. Вып. 5-й. Блонскій. Ученіе Беркли о реальности.

Цѣна за каждый выпускъ 1 р.

Складъ изданія въ редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологии“ и въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Москва, Моховая, противъ Университета.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ТРУДЫ ПЕРВАГО ВЪ СЕРОССИЙСКАГО СЪѢЗДА СПИРИТУАЛИСТОВЪ

и лицъ, интересующихся вопросами психизма, медиумизма и мистическими учениями, бывшаго въ Москвѣ по случаю 25-тилѣтія журнала „Ребусъ“ (20—27 окт. 1906 г.).
Свыше 350 печатн. страницъ, со многими рисунками и чертежами.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Доклады: П. А. Чистяновъ. Современная наука и спиритуализмъ (Вступительная рѣчь, произнесенная Предсѣдателемъ Съѣзда). — фонъ-Менкѣ. Краткій историческій очеркъ современнаго спиритуализма. — П. Мельниковъ. П-покойный домъ въ Томской губерніи. — Б. Тайцъ. Случай непосредственнаго письма (съ рис.). — А. и Б. Два случая доказанной самоличности. — П. Чистяновъ. Безсмертіе по традиціямъ азиатскихъ Розенкрийперовъ. — Сербовъ. Очерки изъ исторіи русской мистики. — Ал. К. Никольскій. Религіозное движеніе алтайскихъ калмыковъ (съ рис.). П. Чистяновъ. О фотографіи невидимаго. — А. и Б. О психической трансцендентальной фотографіи (съ рис.). — Б. К. Армфельтъ. Астральная фотографія. — Кудрявцевъ. Излученія человѣческаго тѣла и примѣненіе ихъ къ лѣченію болѣзней (съ рис.). — П. Чистяновъ. Экстеріоризація нервной силы и опыты доктора Жуара (съ чертеж.). — Л. Оноре. Гипнотическая амбулаторія въ городѣ Барнаулѣ (съ рис.). — А. К. Теософія въ Германіи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка (рефератъ рѣчи д-ра Рудольфа Штейнера на Теософическомъ конгрессѣ въ Парижѣ 1906 г.). — В. Н. Запруга въ. Изложеніе ученія оккультистовъ объ астральномъ свѣтѣ. — П. Чистяновъ. О воспитаніи и культурѣ медиумовъ. — П. Чистяновъ. Радій и ясновидѣніе. (Опытъ физиологическаго истолкованія явленій ясновидѣнія). — II. Протоколы всѣхъ засѣданій съѣзда. — III. Отчетъ организаціоннаго бюро.

Цѣна **3 р.**: безъ пересылки; для подписчиковъ журнала „Ребусъ“ и членовъ Съѣзда — **2 р.**

Выписывать можно изъ редакціи журнала „Ребусъ“, Москва, Арбатъ, д. Нейдгардтъ, кв. № 12.